МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА
ОБЛАСТНОЙ ЦЕНТР НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ, МОЛОДЕЖИ, СПОРТА И ТУРИЗМА
АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОХОВЕЦКОГО РАЙОНА

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ГОРОХОВЕЦКОГО КРАЯ

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ, АРХИВНЫЕ, АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Научное издание

Том 1

МОСКВА
2004

ББК 82.3Р
Т 65

Издано по решению Редакционно-экспертного совета
Государственного республиканского центра русского фольклора

Автор проекта КАРГИН А.С.

Составители ДОБРОВОЛЬСКАЯ В.Е., КАРГИН А.С.

Редколлегия: Каргин А.С. (отв. редактор), Банин А.А., Добровольская В.Е., Жукова Э.Р., Иванов А.Н., Котельникова Н.Е., Кулешов А.Г., Посоха И.Е., Селиверстов В.П., Смолицкий В.Г., Хренов Н.А.

Т 65 Традиционная культура Гороховецкого края: В 2-х т. Т. 1. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2004. — 368 с., 24 с. илл.

Впервые широкому кругу читателей, научным и практическим работникам, педагогам школ, дошкольных учреждений и учреждений культуры, прежде всего Владимирской области, предлагается крупнейшее региональное собрание экспедиционных, архивных и аналитических материалов по традиционной культуре Гороховецкого района.

В первом томе издания авторы анализируют состояние и проблемы развития традиционных обрядов, песен, частушек, сказок, промыслов и ремесел, позволяющие оценить уникальность гороховецкой культурной традиции, важность ее сохранения для современного человека.

Т $\frac{470201015—045—4}{ЛР700132—2004}$ без объявления

ББК 82.3Р

ISBN 5—86132—045—4

© Государственный республиканский центр русского фольклора, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Каргин А.С., Смолицкий В.Г.

Проблемы изучения локальных фольклорных традиций 7

Добровольская В.Е.

Традиционная культура Гороховецкая края 19

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Добровольская В.Е., Киселева Ю.М.

Праздники 33

Добровольская В.Е.

Гадания 62

Фадеева Л.В.

Изготовление обрядовых предметов 70

Добровольская В.Е., Кулешов А.Г.

Обрядовое печенье и его художественные особенности 88

ТРАДИЦИОННЫЙ ДОСУГ

Посоха И. Е.

Гуляния и посиделки 101

Киселева Ю.М.

Игры 108

ОБРЯДЫ СЕМЕЙНОГО ЦИКЛА

Добровольская В.Е.

Родильно-крестильный обряд и обряды первого года жизни 115

Обряды совершеннолетия девушек 121

Посоха И.Е.

Проводы в армию 124

Свадебный обряд 133

Добровольская В.Е.

Похоронный обряд 155

Добровольская В.Е., Кулешов А.Г.

Кладбища в традиционной культуре Гороховецкого края 164

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Добровольская В.Е.

Магические запреты 177

Добровольская В.Е., Котельникова Н.Е.
Строительство и заселение в новый дом 186
Котельникова Н.Е.
Покупка скотины и уход за ней 191
Фадеева Л.В.
Стихийные бедствия и пожары 195

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ВЕРОВАНИЯ
Котельникова Н.Е.
Демонология 205
История края в фольклорной прозе 210
Киселева Ю.М.
Народная медицина 216

ТРАДИЦИОННЫЕ РЕМЕСЛА И ПРОМЫСЛЫ
Скворцов А.И.
Народное зодчество 223
Кулешов А.Г.
Мужские ремесла Гороховца 248
Федорова Г.А.
Браное ткачество и строчевышивальные промыслы Гороховецкого уезда и сопредельных территорий 264

ФОЛЬКЛОР И СОВРЕМЕННОСТЬ
Евтушенко Т.В.
Фольклор в деятельности учреждений культуры 295

ПРИЛОЖЕНИЕ
Федорова Г.А.
Из истории одежды жителей Гороховецкого уезда в контексте культуры России XVII — начала XX в. 305

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБИРАТЕЛЕЙ, ИСПОЛНИТЕЛЕЙ И МАСТЕРОВ 363

Государственный республиканский центр русского фольклора
выражает благодарность за помощь в подготовке
и финансовую поддержку издания
Комитету по культуре администрации Владимирской области
и лично председателю Комитета В.И. БАЛАХТИНУ;
администрации Гороховецкого района Владимирской области
и лично главе района Н.В. ТОКАРЕВОЙ;
Областному центру народного творчества
и лично директору Центра Е.Н. МАСЛОВОЙ;
Отделу культуры, молодежи, спорта и туризма
администрации Гороховецкого района
и лично заведующей Т.В. ЕВТУШЕНКО.
Особые слова признательности и уважения
В.Н. ИСКОВЯК — директору Центра традиционной
культуры села Фоминки
и А.И. ИСКОВЯКУ — художественному руководителю
Центра и фольклорного ансамбля «Селяночка»
за их подвижнический труд в сборе и сохранении
образцов фольклора своей малой Родины.
Низкий поклон жителям сел и деревень Гороховецкого района,
города Гороховца, а также работникам клубов, музеев,
библиотек области и района за помощь
в сборе материалов.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы изучения локальных фольклорных традиций

Одной из ярких примет социально-духовной жизни современной России стало осознание большей частью общественности, гуманитарной интеллигенции значимости фундаментальных национальных ценностей, в том числе ценностей традиционной художественной культуры. Об этом свидетельствуют, прежде всего, размах общероссийских и региональных художественно-творческих акций, проводимых с использованием образцов, идей, ценностей традиционной культуры: многочисленные и разноликие фестивали и праздники фольклора (в том числе пива, валенок, льна, плясунов, русской бани, русской гармошки и др.); повсеместно организуемые выставки и выставки-продажи образцов декоративно-прикладного искусства. Активную позицию занимают созданные в последние годы специализированные организации и учреждения: центры; студии; ансамбли; школы фольклора, ремесел, традиционной культуры; музеи наивного искусства и народного творчества, народной графики и др.

Следует отметить возросшие масштабы собирательской, архивной, научно-организационной работы в области традиционной культуры. Ее результаты находят отражение в изданной или издаваемой литературе по фольклору и фольклористике, ремеслам и промыслам, празднично-обрядовой культуре, краеведению.

Можно привести немало других примеров, свидетельствующих о резко возросшем интересе к традиционной культуре в целом, к проблемам ее сохранения, поддержки, развития, возрождения, включения отдельных образцов в контекст современной жизни[1].

Традиционная культура расценивается не только как явление художественно-историческое, как фактор, питающий национальное самосознание россиян, но, что сегодня особенно важно, как мощный ресурс наращивания культурного потенциала в целом, как духовно-нравственный источник национального возрождения России в

---

[1] Начиная с последней четверти XX в. мировое сообщество стало более решительно и целенаправленно принимать меры организационного и законодательного плана, направленные на поддержку культурно-этнической самобытности народов. Под эгидой ЮНЕСКО были созданы международные неправительственные организации по фольклору (СИОФФ, ИОФ), промыслам, наивному искусству (ИНСИТА) и др.; принято несколько важных документов ЮНЕСКО, в частности, «Рекомендации по сохранению фольклора» (1989), «О живом культурном наследии» (1993), «Провозглашение шедевров устного и нематериального наследия человечества» (1997) и др. Эти законы и документы имели непосредственное влияние на создание в последнем десятилетии XX в. новых и укрепление существующих в России фольклористических научных и научно-методических структур, в том числе Государственного республиканского центра русского фольклора (Москва, 1990), республиканских домов и центров фольклора.

начале XXI в. Способность традиционной культуры противостоять негативному влиянию урбанизационных процессов, выхолащиванию подлинно духовных основ жизни проверена новейшей историей и особенно ярко проявляется в моменты исторического слома в общественном устройстве, обновления государственности и связанной с ними трансформацией социальной инфраструктуры, то есть в такие исторические периоды, которые сегодня переживает Россия[2].

Важнейшей предпосылкой сохранения и поддержки жизнеспособных элементов традиционной культуры является ознакомление людей, и прежде всего детей, подростков, юношества, с подлинными образцами народного искусства, фольклора, традиций. Без их знания, без понимания их структуры и семантики не могут быть задействованы в полной мере механизмы включения традиционного слоя культуры в современный социокультурный контекст. Изучение фольклора лежит в основе этнокультурного образования и воспитания, формирования национального мировоззрения. При недооценке изучения культурного наследия, народных традиций воспитательные усилия оказываются малоэффективными и дают поверхностный результат, а фольклорная культура становится фоновым художественным явлением, утрачивает свое социальное звучание и предназначение. Без знания этой культуры говорить о ее сохранении и тем более о развитии можно весьма условно.

Необходимость восстановления жизнеспособности фольклорного слоя культуры диктует задачу всемерного развертывания работ по сохранению и сбору фольклорных текстов. Решение данной задачи кроется, прежде всего, в их профессиональной фиксации и обработке. Эта масштабная цель и определила как научно-исследовательский, так и научно-практический смысл данного издания, его концепцию, структуру и основные задачи. При этом авторский коллектив исходил, в частности, из того, что наибольшую практическую ценность имеют аутентичные тексты.

Фольклорная культура предназначалась не для сценического исполнения и демонстрации. Как показывает опыт Гороховецкого района, она полноценно живет в бытовой, повседневной форме, пронизывая жизнь, ее духовную и хозяйственную стороны, играет организующую, ревитализующую, социоэкологическую роль.

Однако современный фольклорный процесс обладает значительно более сложной структурой, чем в середине XX в. Он разноуровневый, разновекторный, имеет разные источники пополнения и формы развития. Непредвзятый подход к фольклорному процессу показывает, что его оценка и рассмотрение без учета влияния на него литературы разного толка (от классической до лубочной, от современного детектива до авторских песен, частушек и т.п.), церковной и массовой культуры, СМИ, Интернета дает искаженную картину. Реальностью становится новая концепция процесса поддержки, сохранения и передачи традиционной народной культуры, в основании которой лежит специально организованное изучение подлинного аутентичного текста, образца явления; что предполагает обработку, трансформацию, модернизацию этого текста, образца, и, наконец, развертывание фольклорного процесса вне классического понимания бытовых условий его функционирования, то есть с помощью и на базе специализированных фольклористических структур.

Фольклорный материал рассматривается в качестве основы и исходной предпосылки всей организационно-творческой деятельности по сохранению, развитию, модернизации традиций. Проведение народных праздников, обрядов, традиционных массовых гуляний, в том числе широко бытующих в Гороховецком районе (Ивана Купалы, Масленицы, Покрова, Троицы и др.), связано с решением непростых вопросов — отбором соответствующих текстов, которые позволили бы определить задачи художественно-исполнительского плана при одновременной популяризации са-

---

[2] См.: *Каргин А.С.*, *Хренов Н.А.* Фольклор и кризис общества. М., 1993.

мих текстов в разной по составу аудитории: от детского сада до клубного и внешкольного учреждения[3]. Текст выступает базисным элементом культуры, ее хранителем и защитником.

Именно поэтому в последние годы проблема наличия, степени и характера включения в культурный контекст разнообразных устно-поэтических и музыкальных текстов не снимается, а скорее наоборот, становится более актуальной, приобретая ярко выраженное практическое звучание, что и объясняет активизировавшуюся деятельность коллективов, учреждений и структур по собиранию, обработке и изданию фундаментальных сборников фольклорных текстов, основанных на местном материале[4]. Именно они становятся базисом если не всей, то очень значительной части массовой художественно-творческой и досуговой деятельности, отвечающей потребностям посетителей учреждений культуры.

Оценивая массив опубликованных на сегодня региональных фольклорных сборников, нужно отметить явную недостаточность подобных изданий (в последние годы необходимость в них резко увеличилась). Причина роста значения изданий такого рода очевидна, и связана она прежде всего со сломом старой системы культурно-досуговой деятельности в России, с кардинальным обновлением ее содержательных и формообразующих элементов.

Традиционная культура стала важнейшим элементом досуговой практики. В первую очередь, это обрядовые и праздничные традиции, фольклор, ремесла и промыслы. Интересы десятков тысяч российских досуговых учреждений и любительских объединений сосредоточены на освоении, сохранении и воспроизводстве региональных традиционных празднично-обрядовых комплексов.

Сборники по традиционной культуре оказались своеобразными методическими и практическими пособиями для работников культуры и образования, в первую очередь на селе. Тексты сборников используются для подготовки праздников, проведения культурно-массовых мероприятий, организации деятельности фольклорных студий, школ, мастерских, ансамблей, клубов. Таким образом, практическая значимость сборников приобрела не меньшее, а возможно, и большее значение, чем их научная составляющая. А это, в свою очередь, с одной стороны, изменило позицию органов культуры на местах (в регионах всех уровней — область, район, село), которые стали более активно выступать заказчиками проведения региональных исследований по традиционной культуре, видя в этом прежде всего профессиональный смысл; с другой стороны, внесло серьезные коррективы в исследовательские программы научных коллективов и групп, которые тоже больше развернулись в сторону практики и реальных запросов жизни (заказчик формирует — прямо или опосредованно — свой интерес в программе). Все это не могло не внести изменений в сам подход исследователей к проводимой научной и собирательской деятельности. С известной долей условности можно сказать, что подход к стоящим задачам меняется: от научно-абстрактного к научно-конкретному. Безусловно, понимание руководством Комитета по культуре администрации Владимирской области и Областного дома на-

---

[3] Понятие «фольклорный текст» включает в себя устно-поэтический и музыкальный тексты, обладающие всеми основными характеристиками, указывающими на его принадлежность к фольклору (вариативность, устность, анонимность, коллективность). Фольклорный текст обладает специфической информационной емкостью, сохраняя и передавая традиционные представления об основополагающих ценностях человеческой жизни.

[4] См.: Традиционная культура Псковской области. В 2-х томах / Сост. А. Мехнецов. СПб., 2002; Традиционная культура Урала. Этнографический словарь. Вып. 1—4. Екатеринбург, 2000; Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 1—2. Смоленск, 2002; Архангельские былины и исторические песни. В 3-х томах / Сост. А.Д. Григорьев. Архангельск, 2001 и др.

родного творчества непростой ситуации, связанной с недостаточностью изучения и собирания фольклора в области, лежит в основе их желания изменить ситуацию в лучшую сторону, восполнить брешь и вооружить работников культуры фольклорными материалами.

Совершенно очевидно, что гороховецкие фольклорные традиции имеют общенациональное значение, независимо от ареала их бытования, этнокультурных особенностей, исторического развития, полноты фиксации, их оценки как специалистами, так и самими носителями; обладают духовной, нравственно-эстетической неповторимостью и в полной мере могут рассматриваться в качестве самодостаточной системы культурного жизнеобеспечения человека в специфических условиях, существующих в этом районе. Локальная специфика придает гороховецкой фольклорной традиции уникальность, неповторимое своеобразие, которое проявляется в разнообразии жанров и форм бытования ритуально-обрядовой практики, богатства вариантов, способов и путей ее осуществления.

Но локальность не является самодовлеющей чертой. Она диалектически соподчинена с общенациональной — то есть русской, с субареальной — то есть мещерско-поволжской региональной фольклорной традицией. При этом локальная традиция самой малой градации интровертна по способу функционирования, обращена как бы внутрь себя, упорядочивая и организуя жизнь первичного сообщества (семьи — общины — деревни), демонстрируя бесконечные варианты. Локальные фольклорные традиции находятся в постоянном взаимодействии и соподчинении с региональными. Выявление их отличительных черт и характеристик, исследование и осмысление, сохранение и развитие предполагают знание образцов всего слоя культуры, в первую очередь, ближайших районов.

Тезаурус гороховецкой традиционной культуры представляет характерный срез ее общенационального содержания, событийной образности, глубинного и исторического смысла, художественных и нравственных ценностей. Воспринимаясь и функционируя вне рамок своей непосредственной среды бытования, фольклор принимает на себя приметы национальной соборности, *миссию по ее репрезентации*.

Все это тем более важно, что *Гороховецкий район (как и большая часть соседних территорий) может служить своего рода микромоделью великорусского этнокультурогенеза в целом*. Следуя этой концепции исторического развития фольклорного процесса, необходимо признать в то же время и то, что данный район относится к Центральной России, где интерес к фольклорной культуре сформировался намного позднее, чем к фольклору других регионов, в частности Русского Севера, Юга, Полесья, русско-белорусско-украинского пограничья и др.

На протяжении конца XIX и всего XX в. у специалистов сложилось устойчивое представление о некоторых регионах России — Русский Север (Мезень, Пинега и др.), Центральная Россия (Пошехонье, Ветлуга и др.), юг России (Белгородская, Воронежская, Курская области, Кубань) — как о регионах с наиболее интересной, мощной, развитой и сохранившейся фольклорной традицией. Этому есть объективные основания. Связаны они с фольклорно-этнографическими открытиями, сделанными в этих районах в начале и середине XX в.

Изучение и популяризация фольклорных традиций, формирование фольклорного престижа разных регионов России происходили неравномерно. Северная былинная традиция, открытая в начале прошлого века, на долгие годы определила интерес ученых к этому району и сформировала мощное научное направление. Сценичность и яркость музыкальных форм русского юга дополняли богатство представлений о фольклорном процессе в середине XX в. Центральная же часть России оказалась вне интересов фольклористов, прежде всего из Москвы и Санкт-Петербурга. Собственного научного потенциала для полномасштабного изучения локальных фольклорных традиций у региональных научных фольклорных центров оказалось недостаточ-

но. В результате сформировался явно неточный, односторонний, не отражающий всего богатства традиционной культуры имидж регионов.

Безусловно, эти регионы не только подвержены размыванию фольклорной традиции, деморализации и снижению ее жизнестойкости, но они были и менее изучены в фольклорном отношении; утраты здесь оказались наиболее впечатляющими. Возможно, в этом нужно искать объяснение продолжающей сохраняться весьма серьезной разницы в интересах ученых к разным областям: одни из них подвергаются постоянному массовому наплыву собирателей, другие остаются в тени, и практически каждое появление исследователя становится событием.

Владимирская область только в последнее десятилетие начинает открывать свои фольклорные кладовые. Сферой научных интересов Государственного республиканского центра русского фольклора она стала с конца XX в., то есть фактически с момента создания Центра. И этому есть свои объяснения.

Данный регион России мы рассматриваем как уникальный с точки зрения уровня развитости и художественной ценности фольклорной традиции.

Владимирская область (губерния) в целом и Гороховецкий район (край) в частности не могут быть отнесены к регионам с хорошо представленной фольклорной традицией даже в сопоставлении с рядом соседних областей — Костромской, Рязанской, Нижегородской.

Общенациональные классические фольклорные собрания XIX—XX вв. практически не включают текстов из Гороховецкого уезда (района). Небольшое количество фольклорно-этнографических материалов было опубликовано во Владимирских губернских ведомостях в XIX — начале XX в. и в ряде других более поздних периодических изданий.

П.В. Шейн в своем «Великорусе» опубликовал песню, перепечатанную из Владимирских губернских ведомостей. В них же в неофициальной части были опубликованы статьи И.А. Белина «Народные праздничные обычаи в городе Гороховце»[5], Я. Борисоглебского «Свадебные обряды в Гороховецком уезде»[6], К. Веселовского «Вьюнство в Мордвиновской волости»[7] и «Свадебные обряды в Мордвиновской волости»[8]. Еще одна статья, посвященная свадьбе, «Крестьянские юридические обычаи в восточной части Владимирской губернии (уезды Вязниковский, Гороховецкий, Шуйский, Ковровский)», принадлежала Н. Добротворскому и была напечатана в «Юридическом вестнике»[9].

Некоторые авторы включали в свои статьи гороховецкий материал наряду с материалами из других уездов. Так, Г.К. Завойко опубликовал в «Этнографическом обозрении» две статьи — «Верования, обряды и обычаи великорусов Владимирской губернии»[10] и «Гадания у крестьян Владимирской губернии»[11], в которых приводил описания гороховецких святочных гаданий, игрищ, гуляний на Пасху, Семик и Троицу, родильных обрядов, тексты рождественских колядок.

В Труды Владимирской ученой архивной комиссии (1914, № 16) А.Н. Соболев включил в статью «Детские игры и песни» и гороховецкий материал[12].

Единственным указанием на наличие в Гороховецком уезде сказочной традиции является работа Д.К. Зеленина «Описание рукописей Ученого архива Русского Гео-

---

[5] Владимирские губернские ведомости, 1881. № 43.

[6] Там же, 1854. № 16.

[7] Там же, 1863. № 41.

[8] Там же, 1865. № 1—2.

[9] Юридический вестник. Владимир, 1888. Т. XXVIII. № 6—7.

[10] Этнографическое обозрение. Санкт-Петербург, 1914. Кн. 103—104. № 3—4.

[11] Там же, 1915. Кн. 105—106. № 1—2.

[12] Труды Владимирской ученой архивной комиссии, 1914. № 16.

графического Общества» (вып. 1), в которой упоминается труд исправника Стенченко «Сказки, побасенки, песни, обычаи на свадьбах, приметы, загадки, суеверия, образцы наречия». В этой рукописи есть сказка «Кот и Баран пугают двенадцать волков, а потом всех зверей». Вероятно, сказка представляет собой вариант сюжета, известного в науке под названием «Кот и дикие животные» или «Зимовье животных». Кроме этой сказки упоминается также «побасенка»: «Муж по совету соседей опустил свою злую жену в колодец, уверив ее, что собирается лезть туда за сундуком с деньгами»[13]. В конце XIX в. этнографы И.В. Некрасов и Ф.М. Истомин объехали ряд губерний Центральной России, собирая народные песни. В 1895 г. они посетили Владимирскую губернию и позже опубликовали из своей коллекции две протяжные песни Гороховецкого уезда: одну — в 1901 г. и другую — в 1903 г.

В Гороховецком крае можно встретить пословицы и поговорки, связанные с определенными топонимами и местными обычаями. Можно указать на паремии о р. Лух и с. Мыте, а также на тему: «Хлебайте уху, а рыба в Луху». Ряд пословиц и поговорок в своей уже упоминавшейся работе «Крестьянские юридические обычаи...» приводит Н. Добротворский. Рисуя отношение крестьянина к дочерям, он ссылается на местные пословицы:

«*Девка не волк, а все в лес смотрит*».

«*Выкормишь конька, да не для своей полосы*».

Если отец и мать протестовали против выбранного девушкой парня, они могли заявить: «*Семерых роди, а за этого не выходи*».

Начиная с середины XX в. Гороховецкий район представлен небольшим количеством записей, некоторые из них даны в этом своде. Сотрудниками Московской консерватории им. П.И. Чайковского и Института этнографии РАН во Владимирской области было проведено несколько экспедиций.

Итак, Гороховецкий район в известном смысле проигрывает многим другим районам Владимирской области в количестве публикаций по фольклору, их обстоятельности и широте представляемого материала. Даже тот факт, что многие окраинные территории, некогда входившие в состав Гороховецкого уезда, являются теперь частью Муромского или Вязниковского районов Владимирской области и по ним имеются публикации фольклорных текстов, не имеет принципиального значения, хотя и расширяет наши представления об истории той или иной традиции[14], поскольку важно отметить то, что собранные сведения не были в полном объеме систематизированы и опубликованы.

Между тем на основании материалов, собранных в Гороховецком районе, можно говорить о существовании на этой территории богатой и разноплановой фольклорной культуры, причем не только в прошлом, но и на современном этапе. Другими словами, реальная фольклорная жизнь в районе несоизмеримо богаче, чем представление о ней по имеющимся литературным и музыкальным фольклорным изданиям, архивным хранилищам.

Таким образом, налицо историческая несправедливость: один из древнейших регионов российского государства не имеет отвечающих его статусу и значению фондов, архивов фольклорных материалов, соответствующим образом атрибутированных, систематизированных и введенных в научный и практический оборот.

---

[13] Ученый архив Русского Географического Общества. Вып. 1.

[14] См., например, запись, сделанную в 1988 г. от Я.Ф. Кувшинова, жителя д. Ольгино в прошлом Гороховецкого уезда, ныне Муромского района: Былины об Илье Муромце // *Гордиенко О.В.* Былинный напев, записанный на Владимирщине. — Русский фольклор. XXXI. Материалы и исследования. СПб., 2001. С. 230—237.

Предлагаемое издание не претендует на исчерпывающую полноту отражения гороховецкой фольклорной традиции, хотя авторский коллектив сделал все, чтобы издание стало масштабным. Богатство полученного материала обусловило увеличение объема данной работы практически в два раза по сравнению с запланированным первоначально.

В результате проведенной собирательской работы в фольклорном архиве Центра сформировали и систематизировали наиболее крупное в России собрание фольклорно-этнографических материалов по Гороховецкому району.

Гороховецкий район — пограничный район Владимирской области. Его современная территория значительно меньше той, что была в начале XX в. И это определило еще одну характерную особенность программы данного проекта. При знакомстве с гороховецкой традицией отчетливо проявляется тенденция взаимодействия разных субкультур, прежде всего Мещерской и Поволжской, а также иноэтничных культурных традиций; прежде всего русской и угрофинской. Такой материал не только интересен для исследования, но он весьма сложен для его включения в современный культурный контекст с учетом динамики изменения состава населения района, постоянного уменьшения доли сельского населения, миграции в район большого количества жителей из других районов России, бывшего СССР, среди которых немало лиц неславянского происхождения. Культура района поглощает, адаптирует традиции других народов, одновременно испытывая на себе влияние инокультурного окружения, а также влияние современной культурной ауры, реально существующей в бытовой сфере.

Гороховецкие традиции в последние годы стали предметом интересов прежде всего местных краеведов, историков, фольклористов, которые реставрируют памятники старины, собирают фольклор, ведут этнографические изыскания. Краеведы А. Абрамов, Н. Андреев, А. Бальзамов, В. Маштафаров, А. Скворцов, Н. Субботин многое сделали, чтобы прояснить страницы гороховецкой старины.

Собрание фольклорных материалов и информационная база об их носителях, созданные Александром Ивановичем и Верой Николаевной Исковяк, послужили основой для развертывания работы по изучению традиционной культуры Гороховецкого края сотрудниками Государственного центра русского фольклора. При планировании исследования мы исходили из того, что во Владимире работают специалисты по конкретным жанрам и видам традиционной культуры области, в том числе бытующим в Гороховецком районе (по деревянной и каменной резьбе — А. Скворцов, по русскому народному костюму — Г. Федорова, музыкальному фольклору — Н. Алехина), материалы которых представлены в издании.

В течение 2000—2002 гг. Центр провел девять фольклорных экспедиций, в ходе которых были исследованы населенные пункты всех сельсоветов района. Исходной научно-теоретической позицией в этой работе стал комплексный междисциплинарный подход к явлениям народной культуры, признание их целостности и взаимодополняемости в реальном времени при максимально полной фиксации фольклорных образцов.

Было задействовано несколько источников информации. Архивные сведения, в основном исторического, историко-административного и этнографического характера, были получены во Владимирском областном архиве и архиве Гороховецкого района, а также взяты из публикаций в периодической печати и работ исследователей XIX — начала XX в. Ряд нотных записей был представлен этномузыковедами города Владимира (К. Васин и др.). Определенный материал был получен из собраний различных музеев Москвы, Владимира, Гороховца и Вязников.

Фактологический материл в своде представлен разножанровыми образцами, отражающими специфику локальной фольклорной традиции, а в конечном счете, думается, степень сохранности традиционной ментальности местного населения. Публикуемый материал передает типологические черты, свойства, характеристики местной культурной традиции. При сравнительно-типологическом анализе имеющихся текстов можно говорить о различных историко-стадиальных, содержательно-смысловых, формообразующих и художественных напластованиях в фольклоре Гороховецкого края. Местная традиция представляет собой симбиоз региональных, этнических и общенациональных субстратов (например, большинство записанных народных песен, сказок, обрядовых текстов).

Весь полученный массив материалов подвергся тщательному анализу, отбору, обработке и систематизации. Собрание в настоящем виде представляет фундаментальную источниковедческую базу для исследования русской фольклорной традиции и позволяет значительно расширить, углубить и обогатить наши представления о традиционной культуре Владимирщины. Знание этих материалов, возможно, откроет новое прочтение отдельных страниц непростой истории края, который пережил политические и экономические потрясения, несколько раз менял свои административные очертания, утратил около сотни своих деревень и сел и сегодня, на пороге XXI в. ищет новые точки опоры в истории, культуре, людях.

Документальные, архивные, экспедиционные материалы по фольклору, народным промыслам и ремеслам, бытовому укладу становятся, таким образом, серьезной научной базой для понимания процессов этнического, культурного и исторического генезиса района. В то же время эти материалы служат средством сохранения и поддержки традиционной культуры. Именно такая задача сегодня должна рассматриваться как важнейшая, приоритетная в исследованиях фольклорной традиции любого типа. Не снимая самоценности научного исследования, особенно фундаментального историко-теоретического плана, нужно отметить, что «сверхзадача» связана с решением вопросов реальной практики фольклорной жизни.

Особой оценки специалистов требуют региональные фольклорные издания методического, сценарного, программного характера, нередко претендующие на научный статус. Для подобных работ непростительна «художественно-вольная» (считай — субъективная) трактовка принципиальных основополагающих фольклорных явлений и текстов. В отдельных случаях авторское творчество выдается за фольклор, а страстное желание собрать, зафиксировать местный материал приходит в противоречие с ограниченными научными возможностями и знаниями принципов полевой фольклористики. Следует отметить, что в последние годы число таких работ уменьшается. Связано это как с осознанием на местах всей сложности и ответственности собирательской, исследовательской работы, так и с привлечением в регионы ведущих ученых Москвы, Санкт-Петербурга, а также других научных центров. Специалисты стали возглавлять собирательскую работу и подготовку текстов на местах, что позволяет вводить эти тексты в научный оборот, а также использовать художественный потенциал при формировании репертуара самодеятельных коллективов.

Как показывает практика, к этому процессу фольклористы подходят по-разному. Большинство исследователей при непосредственной работе с носителями отбирают и записывают только то, что бесспорно отвечает известным признакам фольклорности. Все остальное, что активно исполняется в различных творческих формах или интересует человека на бытовом уровне, выводится за рамки народной культуры.

В книге «Традиционная культура Гороховецкого края» сделана реальная попытка зафиксировать весь пласт, весь состав народной культуры, бытующий сегодня в Гороховецком районе.

В последние годы все большее распространение получает практика записывания фольклорных текстов от организованных фольклорных ансамблей, что по-новому формирует представление о состоянии исполнительских традиций, месте бытования того или иного жанра или конкретного образца. Ансамбли нередко представляют самобытный, уникальный материал. Дело не только в региональной принадлежности их текстов. Знакомство с репертуаром ансамблей дает возможность представить полноту охвата традиции, понять глубину фольклорного сознания и взаимосвязь всех составных элементов традиционной культуры. Именно поэтому в сборнике продемонстрирована и специально организованная ветвь в изучении фольклорного процесса. Составители понимали всю неоднозначность этого шага, его противоречие сложившимся канонам фольклористической науки и тем не менее позволили себе отойти от канона и расширить обозрение современной фольклорной картины.

Гороховецкий район с точки зрения различных аспектов, формирующих современный фольклорный процесс, представляет собой пространство, в котором взаимодействуют, дополняя друг друга, разновекторные элементы и слои, разные по уровню сохранности традиции носители, что необходимо было отразить в сборнике. Этим, в частности, он отличается от других изданий, в которых присутствует нередко лишь архаическая крестьянская традиция вне какого-либо представления других ее составляющих.

Речь идет не только о понимании новой фольклорной ситуации, реально существующей в современной России, но и о фиксации текстов, отражающих эту ситуацию, то есть текстов, реально бытующих в организованных фольклористических структурах: ансамблях, хорах, школах, студиях и др. Представление вторичных форм фольклора правдивее отражает ситуацию в целом. Другое дело — научная и специальная оценка качества и характера этого процесса. Такой подход в нашем издании требует оговорки, ибо наука пока не имеет специальных методик фиксации, систематизации и оценки (художественной, эстетической, сакральной, социальной и прочее) материалов от организованных фольклорных носителей, объединенных в хорах или ансамблях, школах, студиях, мастерских и др. Именно в их творчестве в значительной степени отражаются тенденции и характер взаимодействия традиционных и современных форм культуры. Многое здесь воспринимается не только остро, критически, но и вне соотнесенности с реалиями современной фольклорной жизни.

Представленные материалы традиционной культуры Гороховецкого района дают возможность оценить неразрывность разностадиальных процессов не только с точки зрения самоценности их художественной составляющей. Они позволяют и воспринять их как фрагменты целостной системы жизнедеятельности. Включенные в ее контекст, они согласуют и гармонизируют все элементы жизни и предстают ее смыслообразующим ядром. Это относится к любому тексту фольклора, будь то песня, сказка, частушка, исполненные в быту или со сцены, с экрана телевизора, прослушанные по радио.

Фольклорные традиции Гороховецкого района отражают разнообразный спектр духовной и хозяйственной жизни на протяжении длительного исторического периода времени. Налицо постепенное историко-временное напластование традиций, их взаимопроникновение и дополнение. Мы можем говорить не только о состоянии различных фольклорных жанров, но и об отражении в них событий как местного, так и общегосударственного значения. Безусловно, эти явления имеют место быть в фольклоре с разной степенью выразительности.

Общий срез фольклорной традиции дает основание говорить о том, что она характеризуется прежде всего эклектичностью, сосуществованием в обыденном этнокультурном сознании и формах повседневного творчества самых разных художественных

явлений. Наряду с аутентичными фольклорными текстами активно бытуют массовые советские песни и песни местных композиторов на региональную тематику, современные игры и страшилки на злобу дня. Нужно также отметить, что многие события XX в., имеющие судьбоносное значение для страны, не нашли развернутого отражения в издании по причине ограниченного объема, например, такие некогда злободневные темы, как коллективизация, индустриализация, перестройка и др., хотя отдельные тексты и представлены. Это может навести на мысль об отсутствии фольклорных текстов, отражающих то или иное общенациональное значительное событие.

Объяснение этого феномена может быть двоякое: или фольклорная традиция уже «пережила» данное событие и оно утратило актуальность (ушло на периферию сознания народа, или же произошло его замещение более поздними событиями, согласно закономерности сохранения более яркого в творчестве в ущерб менее яркому); или же историческое сознание гороховчан переключилось на более высокий уровень сохранения памяти о данных событиях: они исполняют соответствующие песни, сказки, частушки, имеющие общерусское значение. В районе повсеместно исполняются песни кубанского казачества, военно-патриотические, советские, тематика которых на первый взгляд не несет региональной специфики. Эта примета в бытовании фольклора просматривается в абсолютном большинстве регионов не только Владимирской области, что говорит об определенных закономерностях в формировании, бытовании и развитии общерусской фольклорной традиции. Гороховецкий район представляет собой не исключение, а правило, поддерживая сосуществование разнородных явлений различных исторических фольклорных напластований.

Данное обстоятельство имеет важное значение в оценке и восприятии фольклорной традиции самими ее носителями — не как выделенного из повседневности искусства, а как формы естественного поведения: бытового, досугового, трудового, профессионального.

Сформированная изначально задача исследования — представить весь реально бытующий срез фольклорной традиции — постепенно распадалась на ряд составляющих, каждая из которых может ныне претендовать на самостоятельное направление. Среди важнейших, в частности, можно назвать отражение роли учреждений культуры, искусства, образования в поддержании и развитии фольклорных традиций. Эта тема при всей ее неоднозначности восприятия фольклористами сегодня занимает все более заметное место в самом фольклорном процессе.

Учреждения культуры, особенно на селе, становятся сегодня силой, способствующей регенерации фольклора. Они нередко определяют уровень, направленность, содержание и масштабы фольклористической деятельности, по крайней мере, в ее организованных формах. Средства массовой информации, телевидение, радио фиксируют и пропагандируют в абсолютном большинстве случаев именно организованные формы фольклорного процесса — фольклорные объединения[15]. Существование, сохранение и развитие многих форм и видов традиционной культуры (промыслов, ремесел, песен, танцев) сегодня невозможно представить вне деятельности подобных учреждений. Каждое из них имеет свою сферу приложения интересов, свой набор творческо-технологического и педагогического инструментария, определяет специфический набор организационных объединений.

В последние годы работу по приобщению детей к традиционной культуре развернули образовательные учреждения района: школы и гимназии, а также городские дошкольные (детские сады, ясли) и внешкольные учреждения: дома творчества детей и юношества.

---

[15] См.: Народное творчество, 2002. № 2; 1999. № 1, 5.

Наиболее системную и планомерную творческую работу с использованием образцов традиционной культуры ведут учреждения культурно-досугового типа. Костяк системы составляют сельские клубы, дома культуры, районные и сельские центры досуга, краеведческие музеи. На их базе создаются специализированные центры, студии, мастерские, дома народного быта, музеи народной культуры. Особенно выросла сеть подобных структур в сельской местности района.

С селом, с сельскими учреждениями культуры в последние годы связывают надежды на восстановление культуры и полноценного досуга в России. Этому есть свое объяснение: именно в деревне веками складывались народные традиции. Они сохранили только то, что способствовало нравственному, физическому, экономическому процветанию человека. Для того чтобы соответствующие элементы оказались отобраны и укоренены в традиции, должны были пройти века. Оставалось самое ценное. Но и оно находилось в постоянной «доводке», шла отделка. Таким образом, сам народ творил себя, свои лучшие качества, вырабатывая высочайшие критерии смысла жизни и ее мироустроения. Чтобы этот потенциал традиций и механизм саморегуляции народной жизни не только сохранить, поддержать, но и придать им новый импульс, нужно сделать эту работу целенаправленной, осознанной и методически подкрепленной.

Составители сборника сочли возможным представить в специальной статье оценку и анализ практической роли школьных, внешкольных и культурно-досуговых учреждений Гороховецкого района в поддержке, пропаганде ценностей традиционной культуры, а также в понимании проблемного поля, в котором им приходится это осуществлять.

Этот срез деятельности гороховецких учреждений культуры, безусловно, не может рассматриваться как отражающий картину их работы в целом. Для нас важнее представить именно их усилия по поддержке, сохранению и воспроизводству традиционной народной культуры, поскольку, как уже отмечалось, данное издание направлено на вооружение практиков полноценным текстовым материалом.

Использование образцов празднично-обрядовой традиционной культуры, фольклора в деятельности учреждений культуры опирается на определенные организационно-методические основы. Прежде всего, это опора на сложившиеся местные локальные традиции проведения народных праздников (например, Масленицы или Троицы), рассчитанных на зрителей конкретной деревни. В ходе подготовки праздников, как правило, совмещаются разные традиции их проведения, исходя из реальных материальных возможностей, профессионального уровня имеющихся творческих коллективов и исполнителей, потребностей участников праздников. При этом не ставится задача возвращения к некогда существовавшим, полнокровным и развернутым традиционным празднично-обрядовым комплексам. Проведение современных обрядов и праздников имеет чаще всего узкофункциональный и, в известном смысле, прагматический характер. Подобные мероприятия существуют в сжато-формульных временных рамках (2—4 часа); не отражают всей глубины содержательно-смыслового подтекста, присущего традиционному празднованию; тексты исполняются подготовленными людьми, чаще всего участниками любительских коллективов или самими работниками учреждений культуры и образования. Другими словами, речь идет не о возрождении традиционных форм досуга и культуры в полном формате (смысловом, содержательном, временном, структурном), а об использовании наиболее выигрышных в зрительском и эстетическом отношении элементов отдельных текстов, действий из соответствующих обрядов. Так, например, в праздновании Троицы акцент делается на эпизоды гадания с бросанием венков в воду; в Масленичных гуляниях — на катания на лошадях и угощения блинами, сжигания чучела

зимы; в Пасхальные гуляния — на катания яиц и др. Эти эпизоды в организованных праздниках оказываются самоценными.

В проведении современных праздников выявляется главное их отличие от традиционных. Стихийно существующий народный праздник ориентируется на ценности личностного плана: возможность повторения песни любым желающим, сплясать — кто как умеет и др. Подобное исполнение заключает в себе мировоззренческий, философский, сакральный смысл; служит сохранению и передаче текста. В этом огромная привлекательность проводимых в районе праздников деревни, семьи, рода, двора. Возрастает смыслообразующая суть праздника. Он становится бытовым, органически включается в жизнедеятельность и становится важным компонентом художественной жизни деревни, что, возможно, является одной из самых ярких черт в развитии фольклорной культуры, представляющихся или в форме произведений искусства различных жанров, или в форме различных праздничных мероприятий, или в форме фольклорных ансамблей и кружков.

Традиции не могут сохраняться, поддерживаться без практики культурного общения людей. Этому служат совместные праздники, помогающие людям творчески проявлять себя, передавать свой опыт, традиции.

Воссоздаваемые народные праздники в массовых мероприятиях способствуют продолжению живой традиции на уровне социума — в семье, в спонтанно возникающих коллективах, на бытовом и досуговом уровне.

Собранные и вошедшие в сборник празднично-обрядовые комплексы, безусловно, могут быть конструированы, и не только применительно к Гороховецкому, но и к другим районам области, к России в целом. Деятельность в этом направлении зависит от подготовки специалистов, понимания ими контекста традиционной культуры.

Особенность современного этапа развития традиционной культуры — умение оценивать весь комплекс явлений, ее составляющих. И сегодня для этого есть все условия, складывается уникальная ситуация, когда государство и общество определили свои официальные позиции по отношению к фольклору как к уникальной национальной и культурной ценности. Такая поддержка не может кардинально и быстро изменить процессы внутреннего саморазвития культуры, традиций, фольклора. Процессы саморазвития в первую очередь *реализуются на уровне частного повседневного поведения,* бытовой жизни, досуговых форм творчества. Это также важнейший исходный методологический принцип в сборе материала и его систематизации. Корпус текстов представляет фольклорную традицию с учетом ее полноты и сохранности, а также поэтической и художественной ценности.

Свод, безусловно, мог быть выполнен с иной программой по иному структурному принципу. Не все изложенное может быть воспринято однозначно с пониманием и тем более положительно. Перед авторами и составителями стояла конкретная научная и практическая программа, которая и была выполнена по мере возможности. Если научная и практическая ценность работы будет принята коллегами и работниками культуры Гороховецкого района, то авторы будут считать свою задачу выполненной.

Надеемся, что сборник станет вкладом в общее дело сохранения и возрождения традиционной культуры России в масштабе одного из интереснейших ее исторических районов.

А.С. КАРГИН,
В.Г. СМОЛИЦКИЙ

Традиционная культура Гороховецкого края

Состояние традиционной культуры Гороховецкого края в наши дни представляет собой сложную и неоднозначную картину, которая формировалась под влиянием целого ряда факторов.

Главная особенность региона связана с древнейшей историей края и условиями его заселения. Регион на протяжении многих веков являет собой место нераздельного проживания финноугорских и славянских племен. Пришедшие на эти земли начиная примерно с VI в. славяне ассимилировали местных финноугров (мурому)[1], но в тоже время заимствовали у них не только богатую номенклатуру гидронимов и (в меньшей степени) других топонимов, но и элементы традиционной культуры угрофиннов, сохранившиеся до наших дней, пусть и в рудиментарном виде, прежде всего в обрядовой практике.

Проникновение восточных славян в Верхнее и Среднее Поволжье и в ареал муромы шло в два этапа. На первом из них (окончательно представленном археологической наукой сравнительно недавно), в VI—VII вв. н.э., земли мери и муромы (как и соседние территории) были заселены очень ранней волной восточнославянских племен. Летописи не сохранили первоначального самоназвания этих племен, а архео-

---

[1] Ср.: Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987. С. 88 сл.; *Седов В.В.* Древнерусская народность. М., 1999. С. 236 сл., 251. Ср. так же: С. 221.

Вопрос о формировании населения Гороховецкого района достаточно сложен. В начале I тыс. до н.э., в раннежелезную эпоху, эта территория входила в ареал огромной и аморфной этноязыковой общности поволжских финнов, при распаде которой в течение того же I тыс. на два основных ареала — западный, «дьяковский» (предки мери и пр.), и восточный, «городецкий» (предки мордвы, марийцев, муромы и мещеры), — территория Гороховецкого района пришлась на пограничную, контактную зону между ними, оставаясь крайним северо-западным пределом зоны расселения «городецких» племен. В конце I тыс. до н.э. и около рубежа эр внутри ареала городецких племен сформировались отдельные племенные «стволы» и общности. В частности, обособился общий «ствол» предков мордвы и муромы (а возможно, и мещеры), в ареале которого уже в первых веках н.э. выделились отдельные «племена» (мордва, мурома), упоминавшиеся в текстах раннего Средневековья. Гороховецкий район принадлежал к крайней северо-западной периферии ареала муромы, где она уже граничила с территорией мери. Памятники р. Тезы свидетельствуют о том, что здесь сосуществовали и смешивались и мурома, и проникающая с запада меря.

Такова была ситуация к середине I тыс. н.э. С VI в. н.э. начинается процесс проникновения восточнославянских племен в местную финскую среду и ассимиляции аборигенов славянами. В бассейн Нижней Клязьмы — Нижней Оки славяне проникали с запада и северо-запада, от Верхней Клязьмы и Верхней Волги. При этом именно территория Гороховецкого края благодаря своему географическому положению оказывалась первой зоной контактов муромы с расселяющимися в описанном направлении восточнославянскими племенами.

логическим идентификатором расселения данных групп в бассейнах Клязьмы, Волги и Оки являются незамкнутые браслетообразные височные кольца. Пришельцы не нарушили территориально-племенного членения аборигенов, расселяясь среди них и тем самым включаясь в их территориально-потестарные общности. Постепенно именно привнесенные ими элементы начинали доминировать, обеспечивая славянизацию местного населения. В итоге летописные «меря» и «мурома» IX в., продолжая по названиям и территориально-политической традиции соответствующие финские общности, по культуре и языку были уже в значительной степени славянизированы архаической группой восточных славян. Представители других, более поздних восточнославянских пришельцев (кривичи и вятичи), как и летописная традиция, не отличали восточнославян от их финских симбиотных/субстратных элементов внутри соответствующих территориально-племенных общностей — «мери» и «муромы», именно поэтому первые восточнославянские колонисты и остаются для нас безымянными. Лингвистически они были носителями особого восточнославянского диалекта, развившегося позднее во владимиро-суздальский диалект древнерусского языка. В IX — начале X в., как сообщает «Повесть временных лет», «титульным» языком всей общности «муромы» всё еще был финский язык его аборигенного компонента.

Надо отметить, что указанная выше архаическая волна восточнославянских колонистов увлекла вместе с собой в Волго-Окское междуречье и часть восточных балтов, осевших, в частности, по р.Тезе — Нижней Клязьме — Нижней Оке (Холуйский, Кочкинский, Подболотьевский могильники), то есть как раз на территории Гороховецкого края[2].

Новый этап этногенетических процессов, затрагивающих территорию нынешнего Гороховецкого района, продолжается с X до XI — начала XII в. В это время исчезают сами группировки «муромы» и «мери», происходят их полная, окончательная славянизация, забвение самих названий и соответствующего членения, а также полное исчезновение особого финского языка «муромы», упоминаемого в «Повести временных лет», и замещение его древнерусским. Данный процесс, пик которого приходится на XI в., подробно исследован археологами. Основным фактором перемен является, по-видимому, рост старого восточнославянского компонента в составе «муромы» и «мери». К этому можно прибавить два внешних фактора. Первый из них — территориальный передел: территория «мери» и северной части «муромы», включая Гороховец, вошли интегрированно (без сохранения каких-либо внутренних границ между ними) в состав Ростовского княжения, а остальная часть «муромы» — в состав Черниговского княжения, а именно его рязанской части. Это и покончило со старым территориальным и этнокультурным членением на ареалы «муромы» и «мери». Второй фактор — растянувшееся на XI—XII вв. подселение с запада (от Верхней Волги и Верхней Клязьмы) кривичей[3]. В итоге в XI—XII вв. окончательно сложилась общность носителей владимиро-суздальского диалекта древнерусского языка, в ареал которой неразрывно входила и территория Гороховецкого края.

Можно заключить, что финские компоненты в народной культуре Гороховецкого района могут быть возведены к двум источникам: исходному финскому (муромскому и частично мерянскому) субстрату и контактам с удержавшими свой финский этнос

[2] Таким образом, во второй половине — конце I тыс. территория Гороховецкого района служила зоной интенсивных контактов пришлых архаических восточных славян, пришедших с ними балтов и местных финских аборигенов — муромы и мери.

[3] *Дубов И.В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья. Л., 1982. С. 44, 200.

мордвой и марийцами, продолжающимся вплоть до настоящего времени. Учитывая, что мурома и меря были славянизированы очень рано (уже во второй четверти I тыс. н.э.), основным источником финских элементов в гороховецком фольклоре надо считать именно позднейшее взаимодействие русского населения бассейна Клязьмы с соседними «инородцами», а не наследие древнейшего финского субстрата этого населения.

Второй особенностью региона является его местоположение на границе трех субареалов: двух русских, Поволжья и Мещеры, и одного угрофинского — мордовского, представители которого с давних времен селятся на территории края. Особенности, свойственные культуре русских ареалов, на территории Гороховецкого края создали специфическое единство, элементы которого указывают на влияние как Мещеры (что особенно ярко видно на примере специфики музыкальной традиции), так и традиции поволжской культурной зоны, которые наиболее ярко проявляются в духовных стихах и легендах. Результатом такого взаимовлияния является сочетание в гороховецком фольклоре особенностей владимирской и нижегородской традиций, как наиболее характерных для указанных двух зон.

Третья особенность народной культуры Гороховецкого района связана с его размещением на основных торговых путях Великороссии, приводившим наряду с другими факторами к появлению здесь выходцев из самых разных этнотерриториальных групп, вплоть до образования съезжих сел, которые являются одной из характерных примет края. Процесс этот, в сущности, не прерывался никогда — от появления здесь мигрантов с разоренного монголами юга, юго-востока и лесостепного рубежа Руси и до прихода немецких колонистов, потомки которых все еще живут на территории района.

Специфика традиции на современном этапе обусловлена и ориентацией на городской тип культуры. В силу особенностей географического положения городской тип культуры заимствован не у Владимира, а у более близкого Нижнего Новгорода. Таким образом, гороховецкая культура в значительной степени является соединением городского и сельского типов традиции, причем городской тип в значительной степени тяготееет к Поволжью, а сельский — к Мещере. Кроме того, необходимо отметить, что многие из опрошенных нами — дети квалифицированных рабочих, уходивших на промыслы в Москву, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Баку. Возвращаясь домой, они приносили в Гороховец наиболее близкие и понятные им элементы традиционной городской культуры, что также повлияло на специфику традиции Гороховецкого края.

Еще одной особенностью региона является постоянное изменение его административных границ, что привело к осознанию себя многими жителями исконно гороховецких земель нижегородцами или ивановцами, с одной стороны, и вязниковцами — с другой. Они считают, что традиции, известные им с детства, не совпадают с обычаями местности, где они проживают, хотя при детальном опросе выясняется принадлежность исполнителей к единой гороховецкой традиции со всеми присущими ей особенностями.

Необходимо также отметить, что на территории района соседствуют старообрядческая и православная конфессии. И хотя местные жители на настоящий момент довольно четко разделяют православных и староверов, нельзя не сказать о том, что элементы старообрядческой культуры мы наблюдаем, прежде всего, в ритуальной практике и духовных стихах, репертуар которых тяготеет к старообрядческим печатным стиховникам, а также в декоративно-прикладном искусстве (например, в бра-

ном ткачестве, поскольку именно в старообрядческой среде распространялись новые технические приемы, что способствовало выработке особой эстетики, связанной с предпочтением белого и бело-розового колорита).

Хотя данный сборник посвящен русской традиционной культуре региона, нельзя не отметить, что на Гороховецкой земле проживают также немцы, чуваши, марийцы, мордва. И поэтому мы не можем отрицать влияния на русскую фольклорную традицию культуры этих народов.

Таким образом, культурная традиция Гороховецкого края представляет собой сложное соединение разноэтнических, разнорегиональных, разноконфессиональных, экосистемно разнотипных элементов.

Традиционная культура и фольклор в Гороховецком крае на настоящий момент представляют собой неоднозначное явление, которое характеризуется затуханием и исчезновением одних жанров народной культуры, активным бытованием других, возникновением и формированием третьих.

В силу этого настоящее издание представляет собой сборник в двух томах. В первом томе даны описания наиболее значимых элементов традиционной культуры. Многие статьи являются попыткой реконструкции элементов традиционной культуры региона. Второй — это корпус фольклорных текстов, записанных как в XIX — начале XX в., так и в экспедициях конца XX — начала XXI в.

Первую часть книги открывает статья, посвященная календарным праздникам. Календарный цикл относится к древнейшему пласту народной культуры и тесно связан с архаическими формами мышления, бытового уклада и хозяйственной деятельности человека. К сожалению, жанры обрядовой поэзии практически полностью ушли из обихода современного крестьянина, что связано с изменением хозяйственной деятельности и социально-экономической природы нашего общества. Описания календарных праздников записаны исключительно по воспоминаниям пожилых людей, которые относят бытование ритуальных действий к предвоенному времени и отчасти к 50-м годам XX в. Кардинальные перемены, приведшие к уничтожению индивидуальных крестьянских хозяйств, не могли не сказаться на системе календарных обрядов, их структуре, функциональности и составе участников. Так, с утратой личных семейных наделов отпала необходимость в совершении жнивных и помолотных обрядов; ликвидация собственной скотины или уменьшение ее поголовья привели к изменениям в структуре и составе егорьевских ритуалов. Из обрядового репертуара исчезли такие сложные ритуальные комплексы, как святочный, масленичный и троицкий. Надо отметить, что обряды, имевшие более камерный характер, сохранились значительно лучше. Наиболее характерным примером такого рода ритуальных действий являются гадания, активно бытующие в настоящее время и записанные нами от опрошенных всех возрастных групп. В Гороховецком крае чрезвычайно разветвленная и хорошо сохранившаяся система гаданий, и именно поэтому им посвящена отдельная статья. Обряды общинного характера бытуют лишь в узком семейном кругу, причем сохраняются зачастую отдельные рудименты некогда богатой традиции. Наиболее показательными примерами такого функционирования отдельных сохранившихся элементов обрядов являются хождение за святой водой на Крещение и украшение домов ветками березы на Троицу. Другие праздники, напротив, сохранили свою обрядовую семантику и структуру, но в значительной степени утратили связи с общим календарным контекстом традиции. Так, например, практически каждый исполнитель помнит о средокрестных крестах и гаданиях с ними и, сответственно, знает место и смысл праздника Средок-

рестья в Постовом цикле праздников и календарном цикле в целом. Но в силу такой хорошей сохранности средокрестных ритуалов практически забыт крещенский обычай изготовлять обрядовое печенье в виде крестов. Обрядовые действия, связанные с ними, вспомнили лишь наиболее пожилые исполнители. В то же время обрядовые предметы сохранились, хотя их привязка к конкретным календарным датам частично или полностью утрачена. Так, многие говорили о том, что на территории края бытовало печенье в виде птичек и сейчас его пекут из остатков теста. Мы зафиксировали четыре названия этого печенья («жаворонки», «грачики», «голуби», «птички») и выявили четыре даты, на которые его изготовляли (Евдокиин день, Герасим Грачевник, Благовещенье и День Сорока Мучеников), но ни один из наших исполнителей не назвал все четыре вида печенья, более того, большинство сохранили в памяти лишь одно название — «птички», и не потому, что связывали его с праздником Сорока Мучеников, а потому, что печенье имело форму птиц. И лишь при изготовлении печенья исполнители говорили о различии в формах и вспоминали о нескольких типах печенья и, соответственно, нескольких календарных датах.

Сами обрядовые предметы сохранились довольно хорошо, хотя, как уже отмечалось выше, многие частично утратили контекст бытования. Также необходимо отметить, что произошла смена символического поля функционирования предметов. Большинство наших исполнителей не осознают церковной символики обрядовых предметов, поэтому можно говорить о том, что в основном обрядовые предметы сейчас выполняют роль оберега, связанного не с церковным, а с народным православием.

Вообще, нужно отметить, что в силу исторической ситуации произошло определенное переосмысление церковной православной традиции. Народное православие использует в основном лишь внешние стороны обрядовой практики, результатом чего становится усиление магического компанента и ослабление собственно религиозного. Можно сказать, что происходит замена веры на суеверные представления.

Изменения, произошедшие в системе календарных обрядов, носили не только количественный, но и качественный характер, следствием чего стали утрата ритуалами календарного цикла религиозно-магической окраски и превращение их в игры и развлечения. Зачастую о празднике говорят лишь как о времени пения, плясок и обильных застолий, в то время как ритуальная сторона полностью забыта.

В книге мы рассматриваем лишь те праздники, о которых нам рассказывали исполнители, а не все, которые бытовали, судя по немногочисленным записям, на территории Гороховецкого края.

Первоначально в силу воздействия церковного календаря на языческий месяцеслов возникли народно-бытовые святцы, где каждый день был посвящен конкретному святому, который отвечал за хозяйство, погоду, здоровье людей именно в этот день. Однако с изменением церковной жизни крестьянской общины сохранились лишь наиболее значимые праздники народного календаря. Большинство же дней народного месяцеслова утратили свою значимость и ушли из народной памяти. Хотя иногда, рассказывая о значимом для конкретного исполнителя празднике, случайно упоминают и другой, о нем уже не могут подробно рассказать. Например, говоря о Егорьевом дне, вспоминают Николу Вешнего, но, к сожалению, не могут описать обрядовые действия, связанные с этим днем.

Помимо праздников, приуроченных к конкретному дню календаря, существовали празднично-игровые формы, связанные с календарными циклами. Это прежде

всего посиделки, вечерки и гулянья и ссыпчины. Посиделки начинались обычно с Покрова (14 октября) и кончались в Филиппов день, с началом Рождественского поста, возобновлялись после Крещения и продолжались весь Мясоед вплоть до Масленицы. Вечерки приурочивались к праздникам (например, к Святкам и Масленице). Гулянья же начинались с Пасхи и оканчивались Успенским постом. В зависимости от религиозности данной сельской общины они могли прерываться или не прерываться Петровским постом. Вечерки и гулянья являлись способом установления добрачных взаимоотношений между молодежью и были наполнены различными играми и плясками. Постепенно традиционные развлечения были заменены клубными танцевальными вечерами, а затем и дискотеками.

В 20—30-е годы XX столетия происходило изменение жанровой структуры и состава развлечений. Вечерки наполняются новыми для того времени танцами: «цыганочка», «ночка», которые постепенно становятся основными на всех праздниках. И до сих пор можно услышать на семейных торжествах частушки «под елецкого», «под ночку», «под цыганочку».

Что касается собственно игр, мы можем констатировать не только довольно хорошую сохранность традиционных игр, прежде всего связанных с календарными циклами, но и бытование современных детских игр. Безусловно, игры для взрослых зафиксированы нами по воспоминаниям пожилых исполнителей. То же относится и к некоторым традиционным детским играм. В то же время корпус детских игр пополняется, так как помимо постоянно живущих в Гороховце и деревнях района детей на каникулы к бабушкам приезжают дети из других городов России.

Раздел, посвященный семейному фольклору, состоит из статей, описывающих ритуалы, сопровождающие человека в течение всей его жизни. Помимо собственно семейных обрядов, таких, как родины, свадьба, похороны, в этот раздел вошли статьи об инициальном обряде и проводах в армию.

Появление ребенка на свет всегда сопровождалось большим числом ритуальных действий. В Гороховецком крае, к сожалению, практически не сохранился родильный обрядовый комплекс. То, что было некогда активно функционирующим явлением, превратилось в рудиментарные воспоминания. Изменение условий жизни привело к тому, что традиция повитушества исчезла. Нам не удалось записать даже упоминаний о многих этапах родильного обряда. Еще хуже сохранился крестильный обряд, что связано с гонениями, которым он подвергся в послереволюционный период. Сохранились лишь крестильные гадания, и то в воспоминаниях очень пожилых исполнительниц.

Значительно лучше сохранились обряды, связанные с первым годом жизни ребенка (обычай «рубить» или «зарубать путы», различные заговорные действия лечебного характера и др.).

Обряды, сопровождавшие наступление половой зрелости, и магические действия, связанные с ними, на территории Гороховецкого края были записаны еще в конце XIX в. Однако в настоящее время нам удалось зафиксировать лишь отдельные магические действия и рудименты обряда «хождения в молодые». Значительно лучше сохранилась в районе система запретов и суеверных представлений, связанных с ежемесячной «нечистотой» женщины. Необходимо отметить, что эти запреты не только известны, но и соблюдаемы, что и отмечалось большинством женщин-исполнительниц.

Рекрутский обряд практически не сохранился на территории Гороховецкого края. Проводы в армию, как они представлены в наши дни и в недалеком прошлом, трудно

назвать единым комплексом, каковым был традиционный рекрутский обряд, возникший вслед за похоронным и свадебным и унаследовавший их художественно-композиционные составляющие. Статья о «проводах в армию» являются моделью, сконструированной на основе воспоминаний рассказчиков.

Свадьба — одно из самых ярких обрядовых действий. Каждая свадьба была индивидуальной, однако основные законы и этапы свадебного ритуала всегда соблюдались. Вероятно поэтому, несмотря на сильное разрушение традиционной свадебной обрядности в Гороховецком крае, главные моменты свадебного действия сохранились в народной памяти. И хотя наши исполнители уже не помнят названий всех свадебных чинов и функций дружки, они подробно рассказывают о действиях невесты, свахи, свата.

Следует подчеркнуть, что многие свадебные ритуалы сопровождались песенными текстами. Нам удалось записать песни девичника, причитания невесты, величания. Нужно отметить, что в связи с разрушением ритуала обрядовые песни заменялись частушками. Прежде всего это относится к корильным песням, вместо которых уже в 30-х годах XX в. стали исполнять частушки свадебным чинам. Тенденция включения в свадебный обряд не свойственных ему песенных текстов весьма ощутима. Характерные изменения произошли с репертуарным составом частушек второго дня свадьбы. Традиционный корпус частушек эротического характера пополнился большим числом текстов скабрезного содержания. Причем исполнители отдают себе отчет в том, что эти тексты нетрадиционны для свадебного обряда, и поэтому традиционные свадебные частушки они отделяют от прочих, исполняемых на второй день свадьбы, называя их свадебными, а скабрезные — хулиганскими (но подчеркивая, что исполнение последних на свадьбе непредосудительно).

В сборнике описание свадебного обряда является в значительной степени реконструкцией. Мы попытались восстановить весь свадебный обряд на основе воспоминаний исполнителей и публикаций конца XIX в.

Чрезвычайно богато представлена в нашей книге похоронная обрядность. Это и описание элементов ритуала, и суеверия, связанные с конкретными обрядовыми действиями. Нужно отметить, что похоронный ритуал в настоящее время насыщен этнографическими элементами и ритуальными, прежде всего обережными, действиями. Нам не удалось в силу объективных причин записать похоронные причитания, хотя многие наши исполнители отмечают, что обычай причитать по покойному бытует и в настоящее время.

Особое место в культуре Гороховецкого края занимают окказиональные обряды, различные ритуально-магические действия на случай. Запретами и предписаниями магического характера проникнуты практически все сферы жизни человека. Многие из этих обычаев бытуют и в настоящее время в различных возрастных и социальных группах. Так, например, нами зафиксированы довольно редкие запреты профессионального характера, предписания, связанные со строительством и заселением в новый дом, магические акты, производимые при покупке скота, обережные действия, совершаемые при стихийных бедствиях и пожарах.

Важную роль в традиционной народной культуре Гороховецкого края играют суеверные рассказы, с помощью которых люди предупреждали друг друга о взаимодействии этого и «иного» миров. Надо отметить, что демонологические представления реализуются по преимуществу в быличках о являющихся покойниках и о людях со сверхъестественными способностями, в основном колдунах и колдуньях. Нами записаны рассказы о порче ими скотины и людей, об уводе молока у коров, о смерти

колдунов и передаче ими магических знаний. Значительно реже встречаются былички о демонических персонажах — домовых, леших, водяных. Предпочтение отдается периферийному мифологическому персонажу огненному змею, который летает к безутешным вдовам. Популярность тех или иных тематических групп быличек во многом связана с сохранностью поверий, на основе которых они возникают. Исчезновение поверий и, соответственно, быличек о духах природных стихий связано с изменением условий жизни людей. Однако на сохранность текстов повлияли и более ранние процессы, прежде всего нивелировка образов, при которой разнофункциональные персонажи суеверных рассказов в ряде случаев заменялись образами чёрта. Число мифологических персонажей и связанных с ними сюжетов сокращалось, а многие демонологические образы вообще забывались.

В устной традиции Гороховецкого края важное место занимают рассказы о прошлом. Этот материал обычно располагается на периферии традиционного фольклора, но именно на текстах отчетливо прослеживается процесс так называемой «вторичной фольклоризации», которая характерна для современного этапа жизни народной культуры.

Многие из этих рассказов являются фрагментами топонимических преданий. К сожалению, полноценные тексты преданий практически не сохранились, и мы фиксировали лишь рассказы, содержащие в себе информацию о народной этимологии, в соответствии с которой названия могут быть связаны с занятиями и пристрастиями жителей (д. Гончары — жители были гончарами, Чулково — вязали чулки), с особенностями природной среды (д. Арефино — много орехов), ландшафта (д. Липовка — много лип), характером жителей (д. Чудское — «все чудики собрались»), трансформацией названия, возникшего на основе некого события (д. Реброво и д. Огрызково — части тела растерзанного барина). Наконец, название может быть объяснено через тюркский или финноугорский топоним (д. Вамна). Стремление современного человека к достоверности выражается в ссылках на авторитет старших («мой дед рассказывал», «отец говорил») или на документы («в газете писали», «в книжке написано»).

Современным преданиям присущи неразвитость сюжетного плана, название мотива без дальнейшего развертывания в эпизод, краткость изложения событий. Общей тенденцией является стремление к конкретизации, выражению собственной оценки событий. Отметим также процесс сокращения количества преданий, что вызвано социальными изменениями: стремлением к фактографичности и устранению условности, приведшим к исчезновению огромного пласта материалов, в которых доминировал вымысел. Поскольку предание утратило свою общественную роль как средство информации и в связи с изменениями в художественной структуре текстов приходится говорить о тенденции исчезновения этого жанра.

До настоящего времени большую роль в традиционной культуре Гороховецкого края играет народная медицина. Суеверных представлений о лечении немного. По преимуществу сведения о лечебных свойствах трав фиксируются в рукописных сборниках. От одной болезни иногда существует несколько способов лечения: от фитотерапии до магии. Так, например, бородавки выводят как чистотелом, так и обвязывая их нитками, которые затем закапывают в подполе, читая при этом «Богородицу». Для лечения радикулита могут использовать уксус, в который опустили иголки или гвозди, а могут воспользоваться магическим средством и в полночь потереться больным местом о строящийся или ремонтируемый дом.

Гороховецкое деревянное зодчество по своему типологическому своеобразию относится к Поволжской этнографической зоне. Особенностью крестьянского зодчества в Гороховецком крае был оригинальный стиль резьбы, называемый «глухой» или «корабельной». Каменные постройки в Гороховце также имеют глубоко традиционные черты, восходящие к деревянному зодчеству.

Гороховецкий уезд издавна славился своими плотниками и столярами. Деревянные постройки, особенно деревянная резьба, были известны далеко за его пределами. Пахотных земель было мало, и родили они скупо. А вот леса здесь было в избытке. Из дерева делали грабли и прялки, ткацкие станы и сундуки, наличники, оглобли, сани и многое другое. В настоящее время лишь отдельные мастера могут в соответствии со старой технологией сделать наличники для дома.

В свое время на территории Гороховецкого уезда, как, впрочем, и на территории всей России, процветал лаптежный промысел. Еще до начала 50-х годов лапти плели в каждой деревне. Сейчас лапти, корзины, короба плетут отдельные умельцы, такие как В.И. Линьков (г. Гороховец), С.М. Дружков (д. Морозовка), С.И. Москалев и Б.В. Забелин (д. Быкасово).

Помимо дерева богатство Гороховецкого уезда составлял известняк, добываемый в местных каменоломнях. До сих пор сохранились постройки из белого камня. Но особое значение имеют работы резчиков по камню. Белокаменной резьбой украшались не только дома, сохранившиеся до нашего времени в Гороховце, но и церкви. Белокаменная резьба активно использовалась и в изготовлении надгробий.

Было развито в Гороховецком уезде и кузнечное ремесло. Сейчас же лишь одиночки могут украсить трубу ажурным дымником или сделать отливы для дома. Таким мастером является Г.А. Тихонов (г. Гороховец).

Несколько лучше сохранились в Гороховецком крае женские ремесла. И если лишь отдельные женщины ткут холсты, то мастерица по изготовлению половиков есть почти в каждой деревне. Безусловно, это преимущественно пожилые женщины, но есть и совсем молодые, те, кого учили ткать бабушки. С ухудшением условий жизни женщины начали прясть шерсть, а в некоторых деревнях сучить лен, а женское рукоделие никогда и не забывалось. Почти в каждом доме есть вышитые салфетки, подушки, скатерти; подзоры и занавески, украшенные вязаным кружевом; постельное белье и скатерти, сделанные в технике ришелье; лоскутные одеяла и др. Такие мастерицы, как А.И. Ганн (с. Чулково) и М.Н. Каюково (д. Арефино), известны далеко за пределами своих деревень.

К сожалению, белая строчевая вышивка, составлявшая гордость Гороховецкого уезда, полностью исчезла. То же самое произошло и с браным ткачеством, которое было распространено как домашнее ремесло во второй половине XIX — первой трети XX в.

Однако на Гороховецкой земле не перевелись мастера, и хотя не стало таких известных мастеров, как Л.Ф. Барцов и В.Ю. Городничев (г. Гороховец) и И.Е. Кренделев (с. Фоминки), многие умельцы работают в старых традициях и сейчас и развивают их. Так, наиболее распространенным мужским ремеслом и в настоящее время является обработка дерева. Помимо собственно плотников и резчиков, таких как Г.Л. Барцов (г. Гороховец), В.Р. Чесноков (д. Выезд), Е. Лисенко (д. Крутово), А.И. Ляху (с. Чулково), М.А. Евдокимов и В.А. Фоминых (с. Фоминки), есть мастера, работающие в технике росписи по дереву, — Г.Г. Мухина (г. Гороховец), скульптуры по дереву В.А. Елшенков (г. Гороховец), а также те, кто изготовляет мелкие деревянные изделия — ларцы, шкатулки, кресты и оклады, — В.Я. Маслов (г. Гороховец).

Завершает первый том сборника статья, посвященная современному состоянию фольклора. В ней рассматриваются не только судьбы традиционной народной культуры в настоящее время, но и роль фольклора в профессиональной и самодеятельной культуре.

Применительно к сельской действительности фольклор используется в двух направлениях: во-первых, в исполнительской деятельности сельских коллективов художественной самодеятельности; во-вторых, элементы фольклора включаются в современные праздники и обряды.

Роль фольклора в художественной самодеятельности часто остается на периферии исследований фольклористов. Между тем, если сельские жители создали ансамбль и поют старые песни своей деревни или села, они способствуют их сохранению в быту и передаче новым поколениям.

Второй том составляют тексты, записанные как в конце XIX так и в начале XX в., материалы последних лет.

С изменением социально-экономических условий жизни сельской общины изменился песенный репертуар. Протяжные лирические песни постепенно заменялись частыми, а затем и частушками. В праздничные дни гороховчане стали отдавать предпочтение песням литературного типа и происхождения, романсам и новым балладам, которые были интересны исполнителям прежде всего своим экзотическим содержанием и описанием сильных, подчас ирреальных чувств героев. Привлекают они и легкостью (по сравнению с протяжными песнями) исполнения. Традиционные протяжные песни требуют определенных навыков, непрерывности и неискаженности передачи песенной традиции. Очень часто, придя в дом к человеку, рекомендуемому всей деревней как замечательный певец, мы фиксировали неспособность вспомнить мелодию песни, правильность ее звучания. Это отмечали и сами исполнители, которые зачастую прекращали пение и начинали выяснять, кто из них поет правильно. Связано это прежде всего с прекращением традиции активного бытования песен в деревенской среде. Еще раньше, чем протяжные, вышли из деревенского обихода хороводные и игровые песни, так как был практически полностью уничтожен соответствующий ритуальный контекст. Поскольку из быта деревни ушли традиционные формы молодежных увеселений, то прекратили свое существование и связанные с ними песни и игры. Песни календарного цикла практически полностью забыты. Так, наши исполнители не вспомнили песен вьюнишника, масленичного и троицкого циклов. Исключение составили колядки, таусени и христославия, которые довольно хорошо помнят, но уже не поют в наши дни.

Религиозные стихи и канты, записанные в Гороховце, в значительной степени связаны со старообрядческой книжной традицией. Основной корпус текстов тяготеет к нижегородскому культурному комплексу. Необходимо отметить, что в настоящее время духовные стихи бытуют по преимуществу в рукописном виде. Так, основной массив текстов, представленных в сборнике, представляет рукописное собрание Е.Г. Парамоновой (д. Реброво).

Фольклорная проза представлена в крае не только рассказами о прошлом, но и такими традиционными жанрами, как сказки, легенды и былички.

Сказочная традиция в Гороховецком крае утрачена практически полностью. Нам удалось записать около десяти сказок, причем большинство из них являются краткими пересказами книжных аналогов. Лишь три из них представляют собой традиционные сюжеты, рассказываемые в строгом соответствии с общепринятыми ска-

зочными нормами. В них соблюдаются все элементы сказочной поэтики: троекратные повторы, начальные, медиальные и финальные формулы, традиционность стилистики и образной системы.

Легенды представлены ограниченным кругом сюжетов, причем самую большую группу составляют тексты с мотивом Божьей кары. Сюжеты о небесных видениях и хождении странников тяготеют к нижегородской легендарной традиции.

Самую большую группу текстов несказочной прозы составляют былички, многие из которых сохраняют традиционные мотивы, характерные для данного жанра. В то же время нельзя не отметить, что основной корпус сюжетов тяготеет к нижегородской, а в значительной степени и к общеповолжской традиции.

В настоящее время в Гороховецком крае традиция пения колыбельных хотя и сохранилась, но бытует уже не столь активно, как несколько десятилетий назад. Это связано прежде всего с уменьшением числа «потребителей» колыбельных, ведь чаще всего в деревнях живут лишь пожилые люди. Однако очень многие ребятишки, приезжающие на лето в деревню, прекрасно знают колыбельные, поскольку их поют им бабушки. Таким образом, в современном быту изменились функции этих песен, которые из магических средств, призванных защитить ребенка от влияния злых сил и успокоить его, превратились в развлекательный жанр. В то же время в корпус колыбельных песен были включены другие жанры фольклора, которые начинают выполнять функцию, свойственную колыбельным. Мы можем говорить о полифункциональности многих жанров поэзии пестования, когда один и тот же текст может, например, выполнять функцию колыбельной и потешки.

Пестушек нами записано немного, и все они представляют собой краткие приговоры, сопровождаемые действиями, направленными на развитие ребенка. Но надо отметить, что наблюдается тенденция перехода пестушек в потешки, песенки-приговоры, сопровождаемые игрой с пальцами, руками и ногами ребенка. Практически потешки соотносятся со всеми значительными моментами роста и развития ребенка. И те и другие тексты отличаются ритмичностью и музыкальностью, иногда они обретают вид скандирования. С ростом ребенка потешки приобретают все более и более развернутый характер.

Собственно детский фольклор представлен дразнилками и считалками, среди которых довольно много переделок традиционных текстов, наполненных новыми реалиями.

В Гороховецком районе некогда была богатая заговорная традиция, о чем свидетельствуют воспоминания о большом числе практикующих. Заговоры всегда являлись скрытым пластом народной культуры, так как сам заговаривающий, прибегая к ним, осознавал свою причастность к высшим силам. В постреволюционный период знание заговоров и лечение ими преследовались, результатом чего стало резкое сокращение числа людей, владеющих традицией заговаривания. Более того, заговоры стали еще более тайным знанием. С этим мы сталкивались при записи заговорно-заклинательных текстов, поскольку исполнители всячески скрывали знание заговоров и очень неохотно их сообщали. Надо отметить, что в заговорно-заклинательной практике преобладают народные молитвы, а не традиционные заговорные тексты.

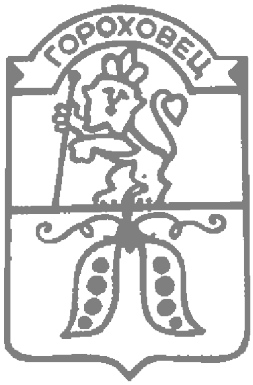
Малые жанры фольклора представлены в Гороховецком крае пословицами, поговорками и загадками. Пословицы и поговорки, вошедшие в сборник, заимствованы в основном из рукописного собрания Н.С. Чесноковой (д. Ключово). В ее записях представлены как традиционные тексты, так и словесные клише, взятые из книг,

газет, теле- и радиопередач. Довольно большую группу составляют пословицы и поговорки эротического содержания, а наиболее архаичные тексты диалоговой формы («Хлеб да соль! — Ем да свой») единичны. К сожалению, нам не удалось записать ритуальные загадки, загадываемые при обрядовых действиях, хотя об их существовании говорили некоторые исполнители. В то же время в наших материалах присутствуют архаические загадки-вопросы.

Таким образом, публикуемые тексты отражают в основном современное состояние фольклорной традиции. В целом преобладают жанры с традиционными формами варьирования сюжетов и текстов, которые могут рассматриваться как часть общерусской традиции. Местная специфика проявляется в сюжетном составе бытующих песенных и прозаических жанров. Варианты позволяют продемонстрировать не только общерусские черты, но и региональную специфику, и местное своеобразие фольклорной традиции.

В.Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

В.Е. Добровольская
Ю.М. Киселева

Праздники

Народный календарь — сложное многожанровое явление, складывающееся на протяжении многих десятилетий в рамках той или иной локальной традиции. Он представляет собой комплекс правил метеорологического и агрономического характера, практических знаний, магических обрядовых действий и суеверных представлений. В рамках календарного цикла активно функционируют и многие жанры песенного фольклора. Исследуя отдельные элементы календарного фольклора, необходимо учитывать, что они не существовали в народной культуре изолированно, а складывались в результате сложных процессов, присущих фольклорной традиции. Именно поэтому календарный фольклор необходимо рассматривать, учитывая как собственно тексты, так и внутрифольклорный и более общий внутрикультурный контекст, оказавший влияние на формирование репертуара.

Календарь выполнял функцию регулятора жизни крестьянской общины, своеобразной энциклопедии народного быта, определяющей сроки хозяйственных работ, праздники и будни, социальные и семейные взаимоотношения людей.

На Руси существовало два календаря: церковный и светский. Народный календарь представляет собой их соединение. После принятия христианства церковь повела борьбу с языческими праздниками и обрядами. В повседневный обиход вводились церковные святцы, в которых каждый день был посвящен какому-либо святому. В народной среде достаточно долго сохранялось обожествление различных природных стихий. В результате взаимодействия церковного календаря и народных верований возникли так называемые «народно-бытовые святцы», в которых святым приписывалась способность влиять на погоду, здоровье, урожай и т.п.

Мы постараемся придерживаться исполнительской логики изложения календарных праздников. Наши исполнители не делят их на не имеющие четкой даты («скользящие») и приуроченные к определенному дню. Именно в рамках этой логики народный календарь органично включен в общефольклорный и общекультурный контекст и, соответственно, каждый календарный цикл представляет собой комплекс разножанровых явлений.

Необходимо также отметить, что народный календарь — это не только определенные дни, но и целые календарные циклы, сгруппированные вокруг одного или нескольких дней.

Безусловно, гороховецкий народный календарь имеет свои отличительные особенности, связанные с природно-климатическими условиями, хозяйственным и культурным укладами. К сожалению, современные записи не дают возможности представить его в том сложном и разнообразном виде, в каком он был известен жителям Гороховецкого уезда в прошлом. С изменением социальных и хозяйственных факторов многие праздники забылись, другие утратили обрядовые черты. В настоящее время сохранились лишь отдельные элементы некогда богатой календарной традиции.

Для облегчения ориентации читателей внутри раздела мы приводим даты праздников, приуроченных к конкретным числам, и примерные сроки скользящих праздников.

Фиксированные праздники	Даты	Скользящие праздники и календарные циклы
Рождество Христово	7 января	Начало Святок
Васильев Вечер (День Святого Василия Великого)	13 января	
Крещенский Сочельник	18 января	Конец Святок
Крещение Господне	19 января	
		Мясоед
		Масленица
Сретенье Господне	15 февраля	
		Начало Великого поста
Евдокиин день	14 марта	
Герасим Грачевник (День Преподобного Герасима Иорданского)	17 марта	
Со́роки, Сорок Мучеников (Память Сорока Севастийских мучеников)	22 марта	
		Средокрестье
Благовещенье Пресвятой Богородицы	7 апреля	
		Лазарева суббота (Воскрешение Лазаря)
		Вербное воскресенье
		Страстная неделя
		Конец Великого поста
	Первый воскресный день после полнолуния, но не ранее дня весеннего равноденствия	Пасха
Егорьев день (День великомученика Георгия Победоносца)	6 мая	
Никола Вешний (Перенесение мощей Святого Николая)	22 мая	
	Сороковой день после Пасхи	Вознесение Господне
	Пятидесятый день после Пасхи	Троица

	Понедельник после Троицы	Духов день (День Святого Духа)
Иван Купала, Иванов день (Рождество Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна), Ярило	7 июля	
Петров день (День первоверховных апостолов Петра и Павла)	12 июля	
Казанская (явление Казанской иконы Божьей Матери)	21 июля	
Ильин день (День Пророка Илии)	2 августа	
«Медовый» Спас, Первый Спас (Происхождение честных древ Креста Господня)	14 августа	Начало Успенского поста
«Яблочный» Спас Второй Спас (Преображенье)	19 августа	
Успение (Успение Божьей Матери)	28 августа	Конец Успенского поста
Третий Спас (День перенесения образа Спаса Нерукотворного)	29 августа	
		Зажинки
Фрол-Лавёр (День памяти святых мучеников Флора и Лавра)	31 августа	
Иван Постный (День Усекновения главы Иоанна Предтечи)	11 сентября	
		Дожинки
Бабье лето	14—21 сентября	
Здвиженьё, Сдвиженье (Воздвиженье Животворящего Креста Господня)	27 сентября	
Покров (праздник Покрова Пресвятой Богородицы)	14 октября	
Михайлов день (Собор Архистратига Михаила)	21 ноября	
Начало Филипповского поста	28 ноября	
Введеньё (Введение во храм Пресвятой Богородицы)	3 декабря	
День Андрея Первозванного	13 декабря	
День Великомученицы Варвары	17 декабря	
Николин день (Святого Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца)	19 декабря	

Рождество. Святки. Крещенье

Святками называется период народного календаря от праздника Рождества Христова до Крещенья. Он был насыщен большим числом обрядовых действий.

Рождество считалось семейным праздником, на который съезжалась вся родня: *«Рождество очень хорошо справляли. Приходили в гости к нам на Рождество»* [79 — 3: ЦРФ — 1018]. Однако основные обрядовые действия не были связаны с приездом гостей. Собственно на день Рождества приходился, пожалуй, только обычай «славить Рождество», все остальные обрядовые действия рассредоточены по другим святочным дням.

По современным записям можно выделить несколько наиболее ярких элементов святочной обрядности.

Обычай «славить Рождество»

Утром, после церковной службы, маленькие дети бегали из дома в дом и с разрешения хозяев исполняли христославия: «*Ребятишками по домам бегали. Я сама бегала. Прибежим, умеем, так споем:*

Рождество твое, Христе Боже наш,
Воссияй миру свет разума.
В нем со звездой служащий
Звездой учахося.
Тебе кланяемся, Солнце Правды,
Тебе видим с высоты Востока.
Господи, слава тебе.
Дева дней предшествующих рождается,
Земля в вертеп приносится,
Ангелы пастырям славословят,
Волхвы же со звездой путешествуют,
Нас Бог ради родился,
Отроче млады Превечный Бог.
А потом:
— С праздником, хозяева!»
[66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Христославия — это небольшие песни, в основу которых легли церковные песнопения, повествующие о сущности праздника Рождества (ирмос первой песни рождественского канона «Христос рождается», тропарь праздника «Рождество Твое Христе Боже Наш» и кондак Рождества Христова «Дева днесь Пресущественного рождает»). В народной традиции в единый текст объединены различные элементы молитвенных песен. В связи с тем, что церковная служба ведется на старославянском языке, многие незнакомые слова, а иногда и целые предложения переделываются на более привычные.

Христославщикам подавали что-нибудь из выпечки или деньги: *«Детишкам давали у кого чего свилось»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]; *«Подавали у кого чего есть, кто конфеты, кто печенье, кто пирогов каких, кто чего. А кто денег. Денег там какие-то копейки»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Обход домов священниками

Некоторые исполнители говорили о том, что в праздник Рождества священики ходили по домам и благословляли прихожан: *«Попы ходили... по домам ходили. Они ходили с такой большой иконой. Икона у них была»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Христославщиками были в основном маленькие дети, большинство же обрядовых действий святочного цикла совершалось молодежью.

Обычай колядовать

С первого дня Рождества девушки (иногда вместе с парнями) начинали колядовать. Собравшись в небольшие группы, они по вечерам приходили под окна и пели колядки: *«А вот, например, как мы ходили колядовать... У нас собираются, например, также, как я вам говорю, дружим мы семь подруг, мы собираемся и идем, в каждый дом»* [120 — 5: ЦРФ — 1009].

Иногда считают, что колядовать можно только в старый Новый год: *«Коляда, это под Новый год ходют, колядуют»* [120 — 5: ЦРФ — 1009].

Однако чаще полагали, что колядуют в Рождество, а под Новый год, то есть в Васильев вечер, поют овсениевые песни, которые в Гороховецком уезде называются «таусень». И те, и другие песни исполнялись молодежью под окнами, и соответственно тем, кто пел колядки и таусени, подавали. Большинство исполнителей указывают на то, что во времена их молодости подавали то, что было в доме. Некоторые из них отметили, что обязательным элементом благодарности поющим были каракульки или казули — вид пресного обрядового печенье (подробнее см. статью «Обрядовое печенье и его художественные особенности»). Печенья уже не имели форму животных, изначально им присущую: *«Мама говорила, что раньше коровок пекли или там овечек, а мы не пекли уже»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Чаще всего их делали в форме кружочков или восьмерок. Но они отчасти сохранили свою магическую функцию: *«Обязательно козульку дать надо. Вот пусть одну, но дать. А то порядку в доме не будет. Скотина вестись не будет, скотина болеть и пропадать начнет»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

*Тамара Павловна Ляшенко**

Обойдя дома односельчан и получив вознаграждение за пение, молодые люди устраивали совместную трапезу из собранных продуктов. Иногда, если подавали деньги, на них покупались сладости и, значительно реже, вино: *«Вот они все насобирают. Ну, и идут к кому в дом. Там, значит, складчина, всё, что собрали, вместе едят. Ну, вина иногда купят, но это редко. Чаще на деньги, которы собрали, конфеток прикупят»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

* Здесь и в следующих статьях фотографии выполнены А.Г. Кулешовым.

Ряженье

Еще одним обрядовым действием, выполняемым на Святки, было ряженье. Надо отметить, что в Гороховецком крае ряженье не было уделом только молодых людей. Рядились и взрослые: *«Помню хорошо, старухи, бабы пожилые ходили по деревне... Они тут рядились ряженьми. Старухи все, они в моем возрасте, человек пятнадцать-двадцать»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Иногда ряженых называли «святками»: *«Тех, которые рядились — их святками звали. "Ну, святки пошли". Святки по деревне ходили»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Рядились чаще всего в вещи, имевшиеся под рукой: *«Ряженые ходили, рядились кто во что. Я один раз нарядилась в солдата, пришла к председателю колхоза, толкач наставила: "Руки вверх!"... Рядились просто так, для утехи. Кто шубу выворотит, кто юбку длинну найдет. Чего в деревне было, там ни масок, ничего. Наденут-накинут марлю или тюлеву какую завеску на лицо-то. Угольями мазались»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Иногда ряженые разыгрывали целые сцены: «*Врач был, тут и цыган был, и шут. Вот хозяйку начали лечить. Вылечили*» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Ряженым подавали, и они так же, как и колядовщики, устраивали складчину: *«Вот целую корзину рыбы принесла им. Они всё это насобирают и складчину делали. На деньги покупали вина, варили уху и гуляли»* [79 — 3: ЦРФ —1018].

Гадания

Одним из самых ярких элементов Святок были девичьи гадания. В Гороховецком районе чрезвычайно разветвленная система гаданий (подробнее об этом см. статью «Гадания»). Причем здесь не существует жесткой временной приуроченности святочных гаданий. Так, многие считают, что гадать можно только под старый Новый год и Крещение: *«Гадали только вот под Крещение и на старый Новый год»* [118 — 3: ЦРФ — 1014]; *«Девушки гадали только в Васильев вечер. Васильев вечер — это под старый Новый год. Только один день гадают»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]. В то же время зафиксированы и другие временные границы гаданий: *«Это после Рождества, на Святки гадали, так бегали до Крещения»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Такой временной разнобой связан, вероятно, с тем, что первоначально какие-то гадания были приручены к конкретным дням Святок. На это указывают отчасти замечания исполнителей относительно двух типов гаданий: гадания в овине и гадания с зеркалом. Считается, что гадать в овине можно под старый Новый год, а с зеркалом в Крещенский Сочельник: *«Вот в овине гадать нужно в Васильев вечер, это под старый Новый год, только на Васильев вечер так гадать можно. Другие гадания — все Святки гадай, а этак только на Васильев вечер. А с зеркалом вот еще только в Крещенский Сочельник, перед Крещением самым гадай. В другой день нельзя»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Вероятно, в результате разрушения традиции произошло размывание представлений о сроках гаданий. В итоге, с одной стороны, произошла жесткая привязка всего комплекса гаданий к одному или двум дням святочного цикла, а с другой — напротив, снятие каких-либо ограничений на сроки гадания.

Нам не удалось записать большого числа вариантов святочных гаданий о судьбе, хотя в других районах Владимирской области такие гадания представлены широко. В Гороховецком крае зафиксировано два вида святочных гаданий о судьбе: гадания с пеплом от бумаги и гадания с воском: *«Потом, помню, гадали, бумагу вот так смять, сжечь и вот на печку, свету не было, лампа керосинова горит, и на печку вот так тень-то, а бумага шевелится-шевелится... По тени от этой бумаги. Вот так ее сожмут и*

зажигаешь в тарелке. Она сгорит, пока она шевелится, и вот смотрят туда» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Результат такого гадания зависел от воображения гадающего. Участники этого действия стремились увидеть кольцо, сундук, церковь, карету и боялись увидеть гроб, бугорок, крест: *«Вот смотрят на бумагу и видят кольцо — значит замуж, а сундук — богатым будешь, а карета — уедешь куда, вот крест увидишь — жизнь тяжелая будет, а гроб — к смерти»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«А вот помню в войну-то нагадали, то могила, то бугорок какой-то»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Святочные гадания Гороховецкого края — это по преимуществу гадания на жениха. Их можно разделить на два вида. Первые связаны со сроками предстоящего замужества (выйдет в этом году девушка замуж или нет). Вторые указывают на имя, облик, характер жениха. Для гаданий первого типа характерен принцип «пара — отсутствие пары». В основе гадания может лежать оппозиция «чет—нечет», «сделано — не сделано», «осталось — не осталось» и т.п. Например: *«Мы охапку большую принесем. Считаем "пара, пара, пара, не пара". Значит нет одного полена. Значит замуж не выйдешь в этот раз»* [79 — 3: ЦРФ —1018].

Гадания, связанные с именем, обликом, характером жениха, были в Гороховецком крае чрезвычайно разнообразными. Девушки «выслушивали» и «высматривали» жениха, определяли его имущественный статус, интерпретируя свои ощущения. Так, наиболее распространенными были гадания в овине: *«А еще так гадали. Вот овины были. И в этот овин спускались и гадали. Вроде как если шершавой рукой проведет, то значит богатый муж будет. По заднице»* [118 — 3: ЦРФ — 1014].

В то время как девушки гадали на жениха, парни подшучивали над ними: *«А у нас один шутник был. Узнает, что девчонки собираются, он их подкараулит и как даст лопатой по заднице голой...»* [118 — 3: ЦРФ — 1014]*; «Это отец мой рассказывал... В овин тоже задницу спускали. Ну, и какой рукой погладит: мохнатой или гладкой. "А мы, — говорит, — спрятались и лопатой деревянной, зерно там веяли, девчонок по заднице там этими лопатами. Они завизжали да убежали"*[66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«А то он еще рассказывал, пришли так же, спрашивают: "Как судьбу зовут?" А мы залезли на чердак, да и водой их оттуда облили»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Иногда в роли мистификаторов при гадании выступали и взрослые люди: *«Тетя Маня говорит: "Девчонки, посадите меня в подполье". Вот мы ее посадили в подполье на картошку. И туда задницу спускали. Просили, какой там у нас жених будет: богатый или бедный. Если бедный, то голой рукой погладят. А нас собралось человек пятнадцать-двадцать. У нас Тоня Печнекова была, мы ее просунули туда, она ее погладила мохнатой: "Ой, у меня богатый будет", а оттуда никак не вылезет, а тетя Маня взяла, под руку попалась гнилая картошка, она как сунет ей в задницу. Смеху-то было»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Надо отметить, что разыгрывание гадающих девушек является одним из видов святочного озорства молодежи.

Озорство молодежи

В течение всех Святок среди молодежи существовал обычай подшучивать друг над другом и над взрослыми. Еще Г.К. Завойко отмечал: *«...В некоторых селениях Вязниковского и Гороховецкого уездов деревенские парни, а иногда и взрослые мужчины в ночь на Новый год ходят по улице деревни и ищут всякие находящиеся не в порядке вещи, как-то: неубранные сани, сбрую, дрова, ведра, солому и прочее, и всё это стаскивают в одно место на улице же или где-либо в стороне от деревни или в овраге, при этом вещи стараются уложить в кучу так, чтобы потом труднее было вынуть потребовавшуюся вещь.*

Вещи забрасывают иногда на кровли домов или проделывают и другие несуразные шутки в этом роде»[1].

Святочное озорство молодежи имело весьма устойчивые формы. Оно, вероятно, может быть отнесено к элементам обрядового «антиповедения», позволительного в определенные календарные сроки и призванного обеспечить благополучие общины. Самым популярным видом озорства был увоз саней: *«Сани это в Новый год. Как раз в Васильев вечер. У кого кто не спрячет — увезут. И пощут потом хозяева. Это не считалось раньше хулиганством. Сейчас за это посадят. А раньше ничего. Раз Новый год — убирай пожалуйста!»* [115 — 3: ЦРФ — 1019]; *«А мы раньше сани увозили. Это у нас было на Новый год. Сани со двора. Конный двор был за деревней. Вот сани увезем. Приедут утром запрягать, а мы все под гору сани спустим»* [79 — 3: ЦРФ — 1018]; *«Деревня-то была на бугре, и многие угнали сани на конном дворе, а потом посылали нас искать. Тащили их потом в гору»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Еще одним видом озорства было рассыпание поленниц. Чаще всего именно так наказывали неверную возлюбленную: *«Вот если я с пареньком дружу. Ко мне другой пристал, мне другой лучше нравится. Вот я с тем пошла. Он возьмет и поленницу раскинет всю»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Иногда озорники могли заткнуть трубу и подпереть дверь в какой-нибудь избе: *«А то вот чего придумали. Одной бабушке дверь-то подвязали, а на крышу залезли и трубу заткнули. Она бедная стала топить печку, а дым-то в избу идет»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Довольно распространенной святочной забавой молодежи было изготовление стукалок. Надо отметить, что их могли делать как зимой на Святки, так и летом, чаще всего на Троицкой неделе. Стукалки, которые делали на Святки, были двух видов. Первые представляли собой деревяшечку, привязанную за нитку и установленную у окна. Отойдя на некоторое расстояние, шутники дергали за нитку, и деревяшка стучала в окно: *«К окошку и ребята, и девчата деревяшечку приделывали... К окошечку приделывали эту деревяшечку и стучали»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Стукалки делали. Вот привяжут к нитке палочку что ль какую-то. За нее дергают, а палочка-то к окну: тук-тук-тук, тук-тук-тук»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Стукалки другого вида делались из спичек. Они загорались, когда озорники дергали за нитку: *«Ребята озорничали. Устанавливали под окна какие-то стрелялки, спичками да ниткой»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]; *«Вот они приделают под окно спички с ниткой как-то, отойдут, дернут, она в окно стукнет и загорится. Прям салют»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Наши исполнители упоминали и другие святочные проделки молодежи. Так, рассказывали, что ребята раскатывали бревна, сложенные для строительства избы, разбирали крышу у сарая и ставили палку перед дверью, чтобы ее нельзя было открыть: *«Святки — это уже комедия. А мы чего вытворяли. Вот срубы строят, а мы их раскатаем, разбираем, в кучи ложим. У сарая разберем крышу... Одним косяки поставили — лоб разбила женщина»* [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Магические действия Васильева дня

Согласно старому стилю, именно в этот день праздновали Новый год, и соблюдение целого ряда магических действий должно было обеспечить благополучие в наступившем году. Так, чтобы водились деньги, на старый Новый год надо посчитать

---

[1] *Завойко Г.К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 1—2. С. 146—147.

мелочь: *«Это вот денежки считают на старый Новый год... Вот по-старому. Вот это вечером деньги вот считают. Мелочь особенно. Тогда водятся деньги»* [7 — 8: ЦРФ — 956].

А чтобы всегда быть с обновой, необходимо надеть неношеные вещи: *«Вот как Новый год, одеть надо новое всё, неношеное, чтоб всегда обновка была»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Святочные приметы

Аграрные приметы, связанные с народным календарем, сохранились плохо. Это объясняется тем, что они чрезвычайно тесно связаны с изменениями в бытовом укладе и хозяйственной деятельности людей. Экспедициям Центра русского фольклора удалось записать лишь самые распространенные приметы. Например, на Рождество замечали погоду и по ней судили о количестве ягод в лесу: *«На Рождество погоду замечали, на небо смотрели, много звезд — значит много ягод будет всяких, и дома, и в лесу. Если пасмурно и звезд не видно, не будет ягод»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Также смотрели на луну: если вокруг нее видели круг, то ждали снега: *«Вот бывает такой круг на луне. Вот если круг близко, то говорят: "Близко и погода". Это значит снег будет. А если круг далеко, значит мороз будет. Это тоже на Рождество»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Крещенье

Завершался святочный цикл праздником Крещенья. Этот день был насыщен обрядами, семантика которых носит защитный, обережный характер. Наиболее значимым событием церковной жизни общины был крестный ход на реку и освящение воды: *«В воскресенье... батюшка берет иконы, иконы несут и на реку. Даже вот лед вырубали и водичку брали. Лед вырубали крестом. И водичку никто не брал, а только здесь пили. К мосту подойдешь, и тут на берегу служба была. Выше моста наплавного делали вырубку. От моста налево. Много народу собиралось, из церкви придут — верующие же были»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«На Крещенье во всё озеро вот это вот, вырубали крест большой. Вот вырубали крест, и он* (отец) *делал из льда как бы алтарь, и из этого алтаря выходил священник, здесь на озере. Мужчины вырубали во все озеро крест. А на середине этого креста... делал он алтарь, алтарь для священника. Священник выходил из этого алтаря, вел службу. ...Он толщиной был как лед, и потом широкий был, так что тут можно было ходить, и ничего такого не было. А раз уж был алтарь построен, то представляете, какой крест шириной был»* [63 — 3: ЦРФ — 1030].

Г.К. Завойко писал: *«В день Крещенья Господня в некоторых местах Неверослободской волости гороховецкие парни, которые ходили замаскированными на рождественских святках, купаются в речке, чтобы очиститься от греха»*[2].

Сейчас местные жители указывают на то, что лишь некоторые люди отваживались купаться в крещенской проруби: *«На Крещенье в церковь ходили, а чтоб на речку, как теперь купаются, такого не было. Из Красного села на Московской ходили на речку Могиленку, а городские ходили на Клязьму. На Клязьме вырубали в таком толстом льду, ведь раньше какие морозы были, крест и вот тут приходил батюшка, святил эту воду, весь народ собирался и черпал воду из этого креста, крест-то вырублен широкий. Ну, иногда, богатый какой, приедут там на лошади, на рысаке, там прорубь была, прыгнут туда, окунутся раза два, потом в тулуп и поехали. Никто не купался, как теперь в нашей речке»* [63 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]*; «А эти вот места, где выруб-*

[2] *Завойко Г.К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 1—2. С. 109.

лен был лед, значит, когда уже вот служба кончалась, некоторые мужчины купались» [63 — 3: ЦРФ — 1030].

Многие говорили о том, что на Крещенье существовал обычай мыться в бане и валяться в снегу: *«Топили бани. Мылись и купались в снегу. В озере не купались, потому что оно всё промерзало, а купались в снегу. Из бани выбегали и купались в снегу»* [118 — 3: ЦРФ — 1014].

С утренней службы из церкви приносили домой освященную воду, которую использовали для лечебных и обережных целей: *«Бабушка у нас во Всесвятскую церковь сходит, принесет вот такой графинчик, может быть там пол-литра. К одной дочери зайдет — нальет, к маме, к нам зайдет — нальет, к третьей дочери, вон там жила, остатки себе оставит. Мама ее в бутылку нальет, поставит в подполье, ну, она там стоит. Значит, отелится корова, когда доить в первый раз, она идет, наливает в пойло ей и когда моет вымя — наливает туда. И весной, когда выгоняют на пастбище, тоже этой водой обрызнет, так и погонит...»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Святую воду брали не только в церкви. Считалось, что свойствами святой обладает вода, взятая в праздник Крещенья из любого источника в двенадцать часов ночи: *«В Крещенье ходили в колодцы, в двенадцать часов набирали воды. Как двенадцать часов, брали часики, будильники большинство, как только "диньк", так водичку сразу набираешь»* [115 — 3: ЦРФ — 1019]; *«Обязательно воду брали из колодца. Вот ровно в двенадцать часов. И церквы у нас не было, но бабушка одна была. Она еще с крестом придет, в колодце эту воду вынемет ведро и она крестик туда опускает, и она святила эту воду. Эту воду пили для здоровья, дома брызгали. И скотину брызгали, чтобы всё было в достатке»* [118 — 3: ЦРФ — 1014]. (Подробнее о святой воде см. статью «Изготовление обрядовых предметов».)

Многие исполнители указывали на то, что на Крещенье рисовали по всему дому кресты, чтобы защитить себя от нечистой силы: *«Мама на Крещенье крестики по дому рисовала мелом»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Надо на Крещенье над каждой дверью, над каждым окошечком крестик нарисовать угольком, чтоб нечистые в дом не лазили, людей чтоб не портили»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

На Крещенье хозяйки пекли пресное печенье в форме крестиков (см. статью «Обрядовое печенье и его художественные особенности»). Крещенские кресты использовались для гаданий о судьбе в наступившем году. В них запекали монетку и зернышко. Считалось, что тот, кому досталась монетка, будет весь год счастливым: *«Вот мама на Крещенье крестики пекла, преснушки. Кому преснушка с денежкой достанется, тот счастливчик будет. Богатым весь год будет, при деньгах»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Тот же, кому доставалось зерно, должен был начинать первым все работы в году: *«Раньше говорили, что тот, кому зерно в кресте досталось, засевать первым должен, а у нас же в городе не сеяли. Мама говорила, что у кого зерно, тот первым на огороде всё делать должен: первым сажать всё»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

* * *

После Крещенья начинался Мясоед. Это был один из тех периодов, когда играли свадьбы.

Сретенье

На Мясоед приходился праздник Сретенья Господня, который осознается нашими исполнителями как время встречи зимы и лета, некий переломный момент годового цикла: *«Вот пришло и Сретенье — зима с летом встретились»* [21 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Масленица

Завершался Мясоед праздником Масленицы: *«После Крещения две недели Мясоед еще был. ...До Масленицы — Мясоед, а после — пост. Свадьбу обязательно надо до поста... Если не поженились Мясоедом, то ждут уже Пасхи»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Масленицей называлась неделя, предшествовавшая Великому посту и разделявшая в земледельческом календаре два сезона: зиму и весну. Традиционно этот период делился на малую и широкую Масленицу, но в настоящее время в Гороховецком крае сохранились лишь сведения о широкой Масленице, которая проходила с четверга по воскресенье.

Угощение блинами

Значительная часть масленичных обычаев так или иначе связана с семейно-брачными отношениями. Именно поэтому были чрезвычайно популярны визиты членов породнившихся семейств друг к другу. Особое внимание уделялось обычаю ходить к теще «на блины»: *«Ну, мама рассказывала, что зятья, ну, мамины сестры, их было шесть человек, мама девчонкой была, а старшие сестры, которые замужем были, вот эти зятья приходили... И вот все приходили и приносили по такому большому прянику. Так заведено было. Эти пряники в городе продавали. Вот все зятья приходили, тестю с тещей дарили эти пряники»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Угощение друг друга блинами было важным элементом праздника: *«Пекли блины, пекли. Бывало, все пекли блины. От меня к Казариным пойдем, от Казариных к Дмитриевым, и у всех блины были. Всю неделю пекли»* [79 — 3: ЦРФ — 1018]; *«Блины всегда пекли. Блины пекли большинство кислые. На дрожжах, на закваске, дрожжевые. Блины ели и с медом, и с топленым маслом, и даже, отец у нас любил, намораживали молоко, и вот его скоблили вот так вот, а потом его мутовкой размешивали и с блинами ели. Как кашица такая получалась. С икрой ели. Икра такая — из речной рыбы. Большинство-то мед, масло. Мама напечет блинов, сковорода такая большая, блины большие пекли. Вот она их напечет целую стопку, а потом кладет на сковородку, маслом мажет, потом еще блин и так до верху. Потом опять в печку ставит. А потом на стол ставит, режет на куски, на четыре или на шесть, и все едят»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Катание на лошадях

Многие помнят, как на Масленицу парни катали девушек на тройках. Это было одним из основных масленичных развлечений для всех возрастных групп: *«На Масленицу у нас катались на лошадях. Запрягали лошадей, у всех были свои лошадки. Запрягали. Саночки такие красивые. Насажают детей. Детей накатают, потом взрослые. Пять человек усаживались, как в автомобиль»* [115 — 3: ЦРФ — 1019]; «*На лошадях катались, у кого лошади были, те катались. У дедушки, у маминого отца была лошадь, у них такая обыкновенная была лошадь, а богатый-то народ, тут богачей много было, купцов много было, они конечно на рысаках, на саночках, а нас дедушка и на санях прокатит*» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Угощение девушек

Парни, катая девушек, обязательно угощали их сладостями, семечками и специально приготовленным для этого дня печеньем, которое называлось «орехи». Его делали из дрожжевого сдобного теста, в виде маленьких круглых шариков, и обжаривали в масле. Иногда орехи пекли в печи. Постепенно обрядовое печенье сменили

обычные лесные орехи, и лишь некоторые наиболее пожилые наши исполнители помнят, что в перечень масленичных угощений входило специальное обрядовое печенье.

Даже когда катание на тройках отошло в прошлое, сохранился обычай угощать девушек сладостями: *«Парни покупали конфеты, "горошек", они были дешевые, кулечки конфеточек, орешки лесные — угощали»* [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Костры

Особое место в системе масленичной обрядности занимали костры: *«В последний день Масленицы у нас жгли костры. Среди деревни натаскивали соломы. Вот у нас здесь десять домов есть, мы все десять домов собираемся, среди дороги кладем солому. Вот мы жгли»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Считалось, что в масленичном костре сгорают все несчастья: *«Вот мы костры жгли, солому жгли и говорили: "У кого дескать были несчастья в Мясоед уходите с огнем вместе, приди счастье". Так и говорили»* [115 — 3: ЦРФ — 1019]; *«Сжигаем это старое всё, как называется. Плохое всё сгорит, а чтобы было всё опять вновь, всё доброе, хорошее... А чего-то говорили, я уж и забыла, чего-то говорили. Ага, сжигаем. Всё плохое сжигаем, чтоб было всё хорошее, доброе»* [123 — 5: ЦРФ — 1009].

Сохранились воспоминания о такой масленичной забаве, как прыжки через костер: *«Разведем большуший костер, прыгали через него»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Однако очистительная семантика этого обрядового действия забылась.

Изготовление и сжигание чучела

Значимой частью масленичного гуляния было изготовление и сжигание на костре чучела Масленицы. И.А. Белин писал*: «Оргии начинаются с того, что часу в седьмом утра провозят вдоль города на скверной лошаденке чучело, держащее в руках тычину, унизанную колокольчиками, бубнами и завершенную веником»*[3].

Многие исполнители и сейчас помнят, как делали и сжигали чучело Масленицы: *«Масленицу жгли мы вот ее. Просто сноп наряженный был. Наряжали в какое-то ветхо. Наряжали в шобан какой. Шляпу надевали. И ходили — вроде как это Масленица. С ней ходили, а потом часов в двенадцать ее сжигали. В этом конце, в середке горело. Всей деревней собирались Масленицу жечь»* [79 — 3: ЦРФ — 1018]; «*Соберутся, соломенную бабу сделают, или снегу натолкают, уже он сырой, рот, нос из углей, палки и подожгут это все, а снег шипит, знаешь, как интересно. Соломенное делают, такие фуфайки рваные, еще и валенки наденут, но сажали на снежную бабу. Вот когда он горит, а снег подтаивает под ним, шипит. Возьмут вроде столбика, потом его обвивали соломой, чтоб он потолще был, столбик из любого дерева, большинство елку сухую. Потом тоже из соломы голову сделают. Надевали шубу и шапку, белую тряпочку повязывали, чтоб лицо у него, и щеки накрасят, и шапку наденут, и руки сделают, и потом поджигали его. И он горит так хорошо, и снег шипит, и прям все пляшут»* [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Прощеное воскресенье

Последний день Масленицы назывался Прощеным воскресеньем: *«Вот Масленица кончается Прощеным воскресеньем. Все прощенья просят, потому и Прощеное называется»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Это Масленицу гуляли, а в воскресенье, Прощеное Воскресенье было, конец Масленицы»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

---

[3] *Белин И.А.* Народные праздничные обычаи в г. Гороховце // Владимирские губернские ведомости. 1881. № 43.

В этот день принято было просить прощения друг у друга за нанесенные обиды: *«Как Масленица, прощеный день, в прощеный день все прощаются, и даже вот и в церкви прощаются, вот мало ли там поругались или что, кому-то кто-то насолили, друг у друга прощенья просят, что мол, прости, прости, друг друга и прощаешь. И так же вот, вечером, церкви у нас не было тогда, костер жгли, и то все, там все: "Ну, прости меня". — "Ты меня прости". — "Бог простит". — "Ты меня прости". — "Тебя Бог простит". А сейчас вот этого нет»* [123 — 5: ЦРФ — 1009].

Некоторые исполнители вспоминали, что в этот день пели специальные песни о завершении Масленичной недели: *«В последний день Масленицы жгли костры. Мы пели:*

Прошла Масленица Широка,
Наступил Великий пост,
Кому хоцца разговеться,
Оторви у редьки хвост»
[62 — 3: ЦРФ — 1027].

Великий пост

Сразу после Масленицы начинался Великий пост. На семь недель со столов исчезала скоромная пища, наступало время строгости и воздержания, замолкали песни и пляски. Существовало множество запретов на совершение определенных действий в пост. Так, например, запрещалось жениться в пост: *«Когда Посты-то путные не справляют свадеб. Когда пост, не положено»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Однако строгость великопостных недель вовсе не означала, что в течение этого времени не было важных для народного календаря дат. Таких значимых дат немного, но все они, в большей или меньшей степени, сохранились в Гороховецком крае.

Чистый понедельник

Первый день поста назывался Чистый понедельник. Существовал обычай на Чистый понедельник мыться в бане, чтобы смыть грехи: *«А в понедельник, уже Чистый понедельник назывался. Пост начинался. Баню топили, не все правда, а баню топили, чтоб грехи смыть»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Иногда этот день назывался Заговеньем: *«Первый день поста — Заговенье. Тут заговлялись все. Все постилися — бывало, отец тебе ничего не даст. Ни мяса, ничего. Щи постные, картошку без масла»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Средокрестная неделя

Особое место в народном земледельческом календаре уделялось Средокрестной неделе, главным событием которой была ночь со среды на четверг, когда, по поверью, происходил перелом поста: *«Перелом поста называется»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; «*Три с половиной недели поста проходило и на четвертой неделе среда — это был перелом поста. Все говорили: "Пост ломается"*» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Изготовление обрядового печенья и гадание с ним

На Крестопоклонной неделе пекли обрядовое печенье в виде крестиков, в которые вкладывали различные предметы (подробнее об этом см. статью «Обрядовое печенье и его художественные особенности»): *«В середине поста мама пекла кресты... Большинство из пресного теста, их в печках русских пекли. Пресные они, такие аккуратненькие. В пересечение палочек все вкладывали»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]. По ним га-

дали о своей дальнейшей судьбе. Иногда в крестик запекали только монетку: *«На четвертой неделе поста кресты делали. Мать делала и сюда клала на крестик копейку или две копейки. "Ну, вот кому достанется, — говорила, — тот счастливцем будет". Только денежку запекали»* [115 — 3: ЦРФ — 1019]; *«Вот как половина поста пройдет, значит пекли кресты. Запекали там денежку. Запекали десять копеек. Кто с этой денежкой, крест кому достанется, значит тот счастливый в этот год будет. Денежка досталась»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Но чаще предметов-символов, предсказывающих дальнейшую жизнь человека, было больше: *«В кресты все запекали: и деревяшечку, и тряпочку, и шерстку, и пустые. Тряпочка — богатая будешь, шерстка — скотина у тебя будет, а две палочки — гроб. Монетки запекали — деньги»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; Крестики выкладывали на большое блюдо и выбирали «свою судьбу». Но очень часто дети пытались подменить крестик: *«Мама, когда пекла, деньга всегда сестре доставалась, а мне никогда. Так я всегда выла, а сестра на пять лет была старше, так мама мне всегда заметит. Скажет: "Вот этот бери". Я схвачу — там деньга. Радости, не знаю сколько. А деньга там десять копеек или пять»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Вербная неделя

В народной традиции еще одним великопостным праздничным циклом считалась Вербная неделя[4]. Суббота накануне Вербного воскресенья называлась Лазарева суббота. В этот день пекли печенье в виде лесенок (подробнее см. статью «Обрядовое печенье и его художественные особенности»).

Воскресенье этой недели называлось Вербным. В этот день в церкви освящали заранее приготовленную вербу, которую использовали в дальнейшем как магическое средство (подробнее см. статью «Изготовление обрядовых предметов»): *«На Вербной неделе ходили ломать вербу. Букет вербы ставили перед образами на образницу»* [11 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004. Т. 7]; *«На Вербное воскресенье все вербу ломали. На краю деревни у нас верба была. На нее молились* (имеется в виду, что с ветками вербы ходили в церковь на службу. — *В.Д.*)» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

В Вербное воскресенье старались встать пораньше и хлестали друг друга вербой: *«В Вербное воскресенье мы старались встать пораньше и с пучком вербы в руках будили тех, кто проспал. Хлестали по голому телу ветками вербы, приговаривая:*

Верба красна бьет напрасно,
Верба бела бьет за дело,
Верба хлест, бьет до слез»
[121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004. Т. 7].

Страстная неделя

Страстная неделя предшествовала светлому празднику Пасхи. И хотя, согласно церковной традиции, она рассматривается как самостоятельный временной период, в народной традиции это последняя и самая строгая неделя поста. В Гороховецком крае ее чаще всего называют Страшной неделей: *«В последнюю неделю поста особенно постятся. Страшная неделя»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

В это время хозяйки мыли избы, красили яйца, пекли куличи, делали пасху и четверговую соль. Для уборки изб устраивали помочи. Собирались несколько женщин и по очереди убирались всей группой в каждой избе: *«Избы к Пасхе мыли, собира-*

[4] В отличие от церковной традиции, которая рассматривала Вербную неделю и Страстную седмицу как самостоятельные предпасхальные циклы.

ли помочь, мыли песком, с терками» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004. Т. 4]; *«Ну, на Страстной неделе чего делали, тут уж уборка была вовсю. Тут убирали, мыли избы, стирали белье, половики. Избы, они ж не оклеенные были, некрашенные, желтые и все. Так у мамы было шесть сестер, вот по очереди ходили, у всех собирались и мыли. До обеда моют вот здесь, стены трут можжевельником, щелоком с золой, всё выносят — ничего нет. После обеда в той комнате моют. На следующий день у другой сестры. Вот так убирались. Это чудо какое-то было. Половики, одеяла, всё до тряпки перестирают»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Детей заставляли чистить иконы: *«Перед Пасхой детей заставляли чистить иконы. Драили их до блеска речным песком и толченым кирпичом»* [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004. Т. 4].

Особо значимыми днями Страстной недели были четверг и суббота. В Страстной четверг жители Гороховецкого края готовили так называемую четверговую соль: *«На Страшную неделю куличи пекли... Пасху из творога делали, четверговую соль»* [79 — 3: ЦРФ — 1018]. В субботу красили яйца, пекли куличи и делали пасху: *«В субботу перед Пасхой куличи пекли... Красили яйца. Яички красили в субботу. Яйца к иконам клали... У божницы яичко клали»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«А яйца красили всегда в субботу, с утра в субботу. Красили яйца, пекли куличи и делали пасху вот из творогу. Вот это всё в субботу было»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Считалось, что пост на Страстной неделе особенно строгий: *«На Страстную неделю нам три дня есть не давали, хоть ты тут умри, только пили. Боже упаси, чтобы мы тут чего поели перед Пасхой. А в субботу и пятницу вообще ни грамма во рту не было, только вода»* [118 — 3: ЦРФ — 1014] (подробнее об этом см. статью «Изготовление обрядовых предметов»).

* * *

Еще несколько дат народного календаря, хотя и приходились на дни Великого поста, не осознавались в народной традиции постовыми праздниками. Прежде всего речь идет о Евдокиином дне, Сороках и Дне Герасима Грачевника.

Евдокиин день

День Евдокии-мученицы православные отмечают 14 марта. Поскольку по старому стилю этот день приходился на календарное начало весны, то совершался ряд обрядовых действий, призывающих ее.

Изготовление обрядового печенья

Именно в этот день пекли специальное обрядовое печенье, которое называлось «жаворонки» (подробнее см. статью «Обрядовое печенье и его художественные особенности»).

Начало таянья снега

Этот день в гороховецкой традиции тесно связывался с началом таянья снега. Именно поэтому он назывался еще Евдокия-Плющиха: *«Снег она плющит, тает он. Все говорили: "Евдокия-Плющиха снег плющит"»* [85 — 3: ЦРФ — 1032]. Считалось, что от погоды в этот день зависит время начала выпаса скота и количество травы на лугах: *«Если курочка на Евдокию напьется водички в луже, то на Егория коровка наестся травы»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Герасим Грачевник

День Герасима-Грачевника отмечался 4 марта.

Изготовление обрядового печенья

В этот день делали из пресного теста печенье в форме птиц, которое называлось «грачики». Это печенье имело такое название, вероятно, потому, что с этим днем связывался прилет грачей (подробнее см. статью «Обрядовое печенье и его художественные особенности»).

Сороки

День Сорока Мучеников имеет в гороховецкой традиции второе название — Сороки.

Начало прилета птиц

Он связывается с прилетом птиц и наступлением тепла: *«Птички носками к нам поворачиваются — это Сорок Святых. К теплу поворачиваются, тепло делают»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Изготовление обрядового печенья

Вероятно поэтому на Сороки пекли печенье, которое называлось «птички». Оно представляло собой шарик, у которого был сделан клюв, крылья и хвост. Фигурка была весьма условной, на что указывает второе название этого печенья — «колобки» (подробнее см. статью «Обрядовое печенье и его художественные особенности»).

Благовещенье

Благовещенье чаще всего приходилось на пост, поэтому его принято рассматривать как один из праздничных дней Великого поста. Однако в традиции Гороховецкого края жесткой привязки Благовещенья к дням Великого поста не существует. Оно, наряду с другими датами земледельческого календаря, рассматривается как один из весенних праздников, хотя исполнители могут отметить, что он приходится на пост.

Разговление рыбой

Благовещенье — большой церковный праздник, и если он приходился на пост, верующим разрешалось есть рыбу: *«На Благовещенье ели, так-то в пост рыбу не едят, а в Благовещенье можно было рыбу есть. Ну, вот рыбу ели, икру ели. На Благовещенье не пели и не плясали — это же пост всё равно»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Запрет на работу

В этот день запрещалось работать: *«Это праздновали просто — ничего не делали. Работать было нельзя, не работали. На что было раньше строго, и то не работали. Тогда говорили, что работать нельзя, потому что вроде как грех»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Этот запрет нашел отражение в пословице: *«На Благовещенье птичка гнезда не завивает, девица косы не заплетает»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Изготовление обрядового печенья

На Благовещенье пекли особое обрядовое печенье в виде птичек. Оно называлось «голуби» (подробнее см. статью «Обрядовое печенье и его художественные особенности»).

Это печенье было плоским и представляло собой стилизованный птичий силуэт. Им угощали всех, кто приходил в дом.

Начало таянья снега

О Благовещенье говорили: *«Благовещенье — оно саням помещенье»* [115 — 3: ЦРФ — 1019] или *«Благовещенье — санное помещенье; неделя недоезду, неделя переезду»* [51 — 3: ЦРФ — 1031]. Объяснялось это тем, что на Благовещенье снег чаще всего таял и на санях уже нельзя было проехать: *«Потому что в Благовещенье может быть такая грязь, что уже на санях не проедешь. Саням уже мешается»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Пасха

Светлое Христово Воскресенье в народной традиции не насыщено обрядовыми действиями.

Посещение церкви

Пасха — церковный праздник, и следовательно, основным действием является посещение церкви: *«А Пасху у нас отмечали знаете как? Вот, например, мы идем вечером в десять часов, идем там в церковь. Всех ведут детей, там одевают. У нас раньше, я помню, уже девчонкой я была, лет пятнадцать, мама сошьет платье или купит, мы платье такое простое берегли в свят день до обеда. Если уж там до обеда праздник, то после обеда его снимем, мы его уже не одеваем, бережем до следующего праздника»* [21 — 3: ЦРФ — 1023].

Обычай христосоваться

С утра люди ходили христосоваться: *«На Пасху, значит, христосили их. Дашь яичко. Все христосятся. "Христос воскресе!" И ему даешь яичко»* [61 — 3: ЦРФ — 1024].

Существовал обычай стегать, «крестить» вербой, оставшейся с Вербного воскресенья, и получать за это яйцо: *«До Пасхи вербочку берегут.*

— Пасха будет, вот иди к тете Нюше и там кого освятишь этой вербочкой, тебе на Пасху яичко дадут.

Несколько раз тихонечко стукнуть. Я вот не помню, какие слова. Но только помню чего — стала Пасха, и я пошла к тете Нюше. И вот она мне сразу:

— Вот тебе Люба яичко — ты меня окрестила.

И говорит:

— Воистенный Воскресе!

А я еще мала была» [53 — 3: ЦРФ — 1025].

Обычай жечь костры на Пасху

Существовал обычай жечь костры на Пасху: *«На Пасху ставим чугун большой, мы воровали худые чугуны, вот его ставили, заготавливали смолюшку и вот когда Христос после двенадцати часов воскрес, растопляем эти чугуны и жгем костры. Всей деревней. По улице стоят такие и горят костры. И горят до тех пор, покаместь служба пройдет, колокол даст, и уже костры мы гасим»* [36 — 3: ЦРФ — 1060].

«Солнце играет»

В Гороховецком крае существовал обычай смотреть, как «солнце играет»: *«На Пасху коптили на керосиновой лампе стекло, в первый день Пасхи и утром рано смотрели, как солнышко играет. Смотришь на него, а оно как будто крутится, крутится, крутится. Мы радовались и говорили, что солнышко радуется вместе с нами»* [83 — 7: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Пасхальная еда

Пасха у всех исполнителей ассоциируется с представлениями об изобилии: *«И было изобилие пищи. После Поста в Пасху всегда были напечёны пироги, куличи, приготовлены всякие пшонники, лапшевники. Пасхе все очень радовались»* [83 — 7: ЦРФ — 956].

Запрет работать

Всю Пасхальную неделю запрещалось работать:

«Целу неделю, хоть как хошь, а с воскресенья, значит, до другого воскресенья, не работали ничего. Хоть жара — не работали. Вот семечки грызли» [61 — 3: ЦРФ — 1024].

Гуляния на Пасху

К сожалению, в наших записях нет рассказов о пасхальных гуляниях, исполнители лишь упоминают о них. В начале же XX в. хороводы на Пасху были типичным явлением: *«Хороводы на Пасхе... устраиваются гуляющей молодежью довольно часто; во время игры девушки образуют собой круг, взявшись за руки или за концы платочков в руках, лицом внутрь круга. Живой круг начинает медленно вращаться в правую сторону, порою останавливаясь: одна половина останавливается плотным полукругом, а другая половина в это время, не разрываясь, движется, растягиваясь»*[5].

Пасхальные игры

На протяжении всей Пасхальной недели, реже до Вознесенья, жители Гороховецкого края играли в так называемые «игры с яйцами», которых существовало довольно много (см. подробнее статью «Игры»).

Посещение кладбища

В настоящее время большинство исполнителей указывают на то, что в Пасху они ходят на кладбище, но в то же время все отмечают, что раньше это было не заведено: *«На кладбище ходили, когда кто как. Большинство после Пасхи. На кладбище в Пасху ходить грех, так считается. Они там лежат, и чтобы не беспокоить родителей, лучше там ходить в четверг, во вторник, вот в эти дни после Пасхи. Еще следующее воскресенье Радошное называется»* [97 — 3: ЦРФ — 1021].

Вьюнишник

К сожалению, никто из наших исполнителей не вспомнил об обычае окликать молодых. Вьюнишник — это календарный обычай коллективного чествования и поздравления молодоженов, вступивших в брак в течение года. Он завершал длительный период послесвадебных обрядов и включался в группу весенних обрядовых обходов.

---

[5] *Завойко Г.К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. Кн. 1—2. С.149—150.

Он совершается обычно в первую субботу после Пасхи. В XIX в. вьюнство в Пасхальную субботу бытовало довольно активно. Г.К. Веселовский в своей работе «Вьюнство в Мордвиновской волости» писал: *«На Пасхальную субботу еще до восхода солнечного... собираются партии крестьянской молодежи — парней от 5 до 15 человек и начинают окликать сначала молодых своей деревни (если они есть), а потом переходят в другие деревни, не пропуская ни одной молодой четы не окликанную...»*[6]. Автор приводит полный текст вьюнишной песни и замечает: *«Песню эту в продолжение всего года только и можно слышать в Пасхальную субботу»*[7]. В работе указывается, что молодые выносят окликальщикам угощенье. В этот же день к молодым приезжают гости со стороны жены и устраивают угощение.

Егорий

Считается, что первый выгон скота после зимы совершается в Егорьев день. Конечно, реально выпас скотины начинался лишь тогда, когда вырастала трава: *«Ну, иногда и вырастала трава так, что можно было выгонять, а иногда и нет травы, так позднее выгоняли»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В то же время некоторые исполнители уверенно заявляли о том, что выгон скотины в Егорьев день невозможен: *«В сам Егорий скотину не выгоняют. Он очень и очень страшный святой»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Однако совершенно очевидно, что семантика Егорьева дня тесно связана со скотоводческой обрядностью.

Найм пастуха

Перед самым Егорием нанимали пастухов, договаривались с ними о плате и еде: *«Числа 5—6 тут пастухов рядили. Сколько с череда. Корова черед, две овцы тоже черед, теленок — полчереда. Сколько с череда денег, картошки, хлеба, молока — там выговорят. Сколько выговорит пастух — давали. Если хороший пастух, у нас все безносый Янюшка пас, он пас, на квартире у нас стоял»* [79 — 3: ЦРФ — 1018]; *«Пастуха в очередь кормят. Это называется "нанять пастуха на своих харчах". Два череда у меня — он два дня у меня. За каждый черед я должна день откормить»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Пастух играл большую роль в жизни сельской общины. И не случайно исполнители вспоминают о прежних пастухах: *«Знаете, пастухи-то разные. Вот у нас пастух там, раньше в Вамне, дядя Василий, это я еще в молодости помню. У него ни одну скотину зверь не возьмет. Вот сколько было волков — ни один не возьмет. Как другие пасут — готово дело: коровы нет, порезали, то вымя разодрали. Вот он чего знал, какое-то слово, какую-то молитву»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Магические действия с пастушьим рогом

Почти все исполнители отмечают, что пастухи играли на рожках: *«У пастуха знаете, у них специальный рог такой был. Там они из чего-то делали такие рожки. И вот они идут и дудят, уже хозяйка знает, надо собирать скотину»* [21 — 3: ЦРФ — 1023].

В Егорьев день пастухи совершали с рогом обрядовые действия, призванные облегчить им работу. Так, например, некоторые закладывали в пастуший рог вербные почки, чтобы легче было собирать скотину: *«А вот у нас был очень умный пастух, он,*

---

[6] *Веселовский Г.К.* Вьюнство в Мордвиновской волости // Владимирские губернские ведомости. 1863. № 41.

[7] Там же.

бывало, вербу возьмет себе и в трубу заложит. Он больно хорошо на трубе играл. Он говорил, что вербу кладет, чтобы скотину собрать. У него скотина, как он загудит, и вся скотина выходит, а ведь она по всему лесу ходит» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Пастуший барабан

Иногда пастухи пасли скот, используя для оповещения хозяек о выгоне или приходе стада, а также для сбора скотины в лесу не рог, а пастуший барабан. Нам удалось зафиксировать рассказ Константина Ивановича Забегалова о том, как он пас скот, помогая себе игрой на пастушьем барабане: *«Я сам лично ходил, в пастухах пас... С кнутом и барабанил, но я уже научился от бывших. Вот он идет, одной барабанкой стучали. Нету тут никаких команд. Слышит хозяйка стук, этот барабан, вишь доска специальная, я подобрал сосновую доску, вишь как она звенит. Это вроде подзывающий звук. Другой мотив. Вот одна барабанка. Только две барабаночки. И на двух барабанках играет. Разные пастухи ходят. Один приходит и ему лень сделать три барабанки. Они разные: эта тяжелая, эта полегче, а эта легкая. Он ботает и идет. Это делается, чтоб хозяйка не проспала. Когда пасет, он вешает его на кол. Боже упаси, чтобы кто взял этот барабан»* [36 — 3: ЦРФ — 1060].

Угощение пастуха

С утра хозяйки приносили пастуху еды, и это приношение называлось «выгон»: *«Когда первый раз скотину выгоняли — собирали выгон, "выгон" назывался. Все несли яички, соль, хлеб. Все пастуху давали. Вот, он стол ставит, и все несут и кладут. Приходит пастух и всё забирает. Вот, он встал у меня на квартиру, у моего дома ставят»* [115 — 3: ЦРФ — 1060]; *«Пастухам несут все узелки с едой. Кто пирога, кто молока, кто сметаны, кто творог, кто чего»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Выгон скота вербой

Каждая хозяйка выгоняла свою корову на пастбище вербой, оставшейся с Вербного воскресенья. На месте выпаса в землю втыкался вербовый прутик, чтобы скотине не угрожала опасность: *«Выгоняли вербой. Перед Пасхой Вербное воскресенье было, и вот с этими вербными веточками все шли, а потом их там в землю втыкали. Вот скотину выгоняли и втыкали там на пастбище, чтобы охронялась скотинка»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Запрет выгонять скотину с непокрытой головой

Почти все исполнители отмечают, что до настоящего времени сохранился запрет выгонять скотину для женщин с непокрытой головой: *«Когда скотину выгоняют — на голове платочек»* [100 — 3: ЦРФ — 1025]; *«Запрещено скотину выгонять развязкой. Пастухи ругались, что скотина убегает, когда развязкой. В Агафонове пастух кнутом хлестал того, кто без развязки выйдет»* [85 — 3: ЦРФ — 1032].

Обычай подрезать коровам хвосты

В этот день коровам хвосты подрезали, чтобы скотина домой ходила: *«На Егория коровам хвосты подрезали. Хвосты дома оставляли, чтобы скотина не гуляла»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Обычай выгонять на пастбище лошадей

Иногда считают, что на Егория выгоняют на пастбище лошадей, а коров несколько позже: *«На Егория лошадей выгоняют. А коров выгоняют тогда, когда уже теплое*

время, трава появилась, можно и выгонять. А лошадей на Егория. Постригали их и хвосты подрезали и гривы» [59 — 3: ЦРФ — 1029].

Начало посадки лука. Запрет работать с землей

В Егорьев день начинали сажать лук: *«Лук всегда сажали на Егория — 6 мая»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Хотя в то же время существует запрет на работу с землей: *«На Егория ничего не делаем. Он очень не любит, чтобы трудились. Этот вот святой-то»* [1 — 3: ЦРФ — 1027].

Приметы

Существовала примета о том, что если на Егория достаточно травы, то в Николин день (22 мая) уже будут комары: *«Егорий с кормом, а Микола — с комарами. Эту поговорку все время говорили, и старые, и все. Егорий с кормом — это значит уже трава пошла. А Микола 22 мая — с комарами»* [68 — 7: ЦРФ — 956].

Вознесение

Несмотря на то что в гороховецкой традиции Вознесение осознавалось праздником церковным, связанным с одним из эпизодов жизни Христа: *«Вознесеньё пройдет, Иисус Христос на небо улетит»* [115 — 3: ЦРФ — 1019], оно в то же время было насыщено большим числом обрядовых действий, в основе своей имевших аграрный характер. Исполнители вспоминали, что на Вознесенье девушки ходили в рожь: *«Девки тут по ржи гуляли, чтобы рожь густа была»* [85 — 3: ЦРФ — 1032].

Пищевой запрет

Существовал запрет до Вознесенья готовить и есть печеные яйца: *«Бабушка у нас еще говорила: "До Вознесеньева дня яйца печь нельзя, после Вознесеньева дня можно"»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Изготовление обрядового печенья

На Вознесенье пекли обрядовое печенье в форме лесенки с семью перекладинами, которое активно использовалось в гаданиях (подробнее см. статью «Гадания»).

Лесенки использовались также и в аграрной магии. Верили, что после службы надо пойти в поле и поставить лесенку в рожь, *«чтоб рожь была высока и густа, чтоб до неба доросла, так вот все говорили»* [61 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Троица и Духов день

Троица и Духов день представляли собой в традиции Гороховецкого края единый комплекс. Надо отметить, что начинались обрядовые действия в четверг перед Троицей, когда девушки «заламывали березку»: *«Вот на Троицу собирались девушки, в четверг перед Троицей ходили в лес, замечали березку, ну, вешали там тряпочку какую-нибудь, все говорили: "заламывали березку". Кустик сломят и тряпочкой заметят, чтобы уж больше никто не трогал. А вот в Троицу идут уже в лес, ее срубают — приносят домой»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Некоторые исполнители вспомнили, что Троицкий четверг назывался Семик: *«Вот например, в четверг под Троицину неделю, четверг бывает. Называется Семик. Здесь Семик. Это уж девичий праздник»* [120 — 5: ЦРФ — 1009].

Украшение березки

Березку рубили или вечером в субботу или в сам праздник Троицы с утра: *«Вот в Троицу мы ходили в лес, рубили березку, березку рядили. Лентами, своими рукоделиями, нарядим, поставим на стол... Наряжали березку в субботу. В субботу принесем ее»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Девушки украшали деревце, чаще всего лентами или тряпочками: *«Березку украшали лентами там, тряпочками, всякими бумажками»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Мы, значит, с вечера рядили березку. Приносили с вечера березку невысокую и приготовляли разноцветные ленточки такие и завязывали бантиками»* [11 — 7: ЦРФ — 956].

Украшение домов троицкой зеленью

В Гороховецком крае существовал обычай украшать дома березовыми ветками: *«Сначала весь дом украсят и снаружи, и снутри этими ветками березовыми»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Березками украшали окна, рвали березки, ставили прям к окнам»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Необходимо отметить, что до настоящего времени в крае сохранился запрет ломать березу до Троицы: *«До Троицы вообще деревья не ломают, березу тем более. Ну, после Троицы ломали веники. А до Троицы говорили — грех. Нельзя, потому что она неспелая и пахнет не так. А после Троицы уже спелая береза и пахнет по-другому»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Кумление

В настоящее время лишь некоторые исполнители помнят об обряде кумления на Троицу. Большинство лишь упоминают о том, что девушки обменивались на Троицу платками: *«Помню, менялись платками с девчонками — я твой, ты мой. Ну, там подружки у нас были. В четверг менялись»* [62 — 3: ЦРФ — 1027].

Ссыпчины

Девушки на Троицу собирались на совместную трапезу: *«Собираются девушки, застолье, несут кто чего, кто яйца, кто молоко, кто пироги. Делали всегда окрошку, жарили яишницу»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Однако чаще всего ссыпчину устраивали не сами девушки, а кто-нибудь из взрослых: *«Мама общий обед готовила... Всегда было интересно есть чужую еду. Что девочки приносили с собой. Кто кашу, кто лепешки, чего там»* [11 — 7: ЦРФ — 957].

Некоторые исполнители говорят о том, что блюда на Троицком столе были строго регламентированы. Обычно среди них называют яичницу, лапшевник, кашу и картошку: *«Вместе вот собирали. По два яйца собирали, картошки по ведру, лапшевник делали, картошку делали. Яичницу делали, лапшевники, кашу варили. Вот у нас был самовар, поставим стол, березка стоит тут рядом наряженная»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Необходимо отметить, что каждая возрастная группа украшала свою березку и устраивала свой стол: *«Это не то, что мы одни. У Филиппа постарше подростки делали березку»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Гулянья

После совместной трапезы девушки устраивали гулянья: *«С этой березкой мы ходили по улице. И пели песни. Несколько было песен про березу. Не только про березу. Пели и другие песенки...»* [11 — 7: ЦРФ — 956]. Впереди гуляющих несли украшенную березку: *«Ходили по деревне с песнями, плясали с гармошкой, очень было весело. Все старинные песни пели. Куст рядили березовый, ленточками, бумажками всякими. Носили по*

селу, и с наряженным кустом вот двое там ее несут, гармонист идет, вся молодежь собирается. Двое, одной-то неудобно нести. Двое несли эту березку. Только девушки носили березку» [97 — 3: ЦРФ — 1021].

Гадание с венками

На Троицу девушки гадали о женихе. Считалось, что венок, сделанный из троицкой травы, может предсказать скорое замужество: *«Делали венки, еще и венки кидали. А венки из травы, из цветов. А венки вот для чего. Вот если поплывет венок, то, значит, скоро замуж выйдет, а утонет, значит умрешь»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Существует и другой вариант данного гадания: *«Рвут цветы, плетут венки. Вот эти венки и кидают в воду. Если немножко подальше утечет, то далеко замуж выйдешь, а близко где-то — рядом»* [120 — 5: ЦРФ — 1009].

Троицкая березка

Уничтожение березки

Итогом праздника становилось уничтожение березки. Чаще всего ее топили в реке: *«Березку несут на Клязьму, топили. Топили с тряпками»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Обязательно она на Троицу стоит до обеда или до вечера. И собираем ее — берем и к озеру. Потом начнем развязывать ее, опять эти тряпки складывать. Складывали. И топили ее»* [1 — 3: ЦРФ — 1027].

Начало купания

В Гороховецком крае нет единой даты начала купания. Некоторые исполнители связывают начало купаний с Троицким циклом: *«Разноцветными тряпочками березку украсим и шли на речку купаться. Мы березку топили и купаться»* [83 — 7: ЦРФ — 956]. В то же время существовали и другие сроки начала купального сезона, хотя все исполнители сходятся в том, что он начинался после Троицы: *«До Троицы считалось грех купаться»* [83 — 7: ЦРФ — 956].

Существовал запрет косить до Троицы: *«После Троицы Бог разрешит косить»* [86 — 3: ЦРФ — 1032].

* * *

Духов день

Итоговым днем троицкого цикла был Духов день. Считалось, что в этот день нельзя работать: *«Понедельник после Троицы — Духов день. В этот день не работали»* [79 — 3: ЦРФ — 1018]; *«Духов день — это тоже грех, считали все работать-то. Грех, грех»* [1 — 3: ЦРФ — 1027].

Однако более важным был запрет копать землю: *«Землю нельзя копать. К земле даже касаться нельзя, потому что вроде Дух, Бог-Дух дохнет, и земля уже расступается, и в этот день, уж после этого дня начинай трудиться, и сажай, и ухаживай, что положено, а на Духов день даже не выходят. За землю даже не берутся. Духов день для земли очень религиозный»* [120 — 5: ЦРФ — 1009]. Он основывался на убеждении, что в этот день Земля именинница: *«Понедельник после Троицы — Духов день. На него ничего не делали — земля именинница. Я и до сих пор знаю. Ее нельзя трогать землю. Работать нельзя»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Считалось, что в Духов день обязательно должна быть гроза: *«После Троицы Духов день. Всегда гроза была. Всегда говорили: "Если на Троицу нет грозы, то на Духов день обязательно будет"»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Верили также, что от погоды в этот день зависит урожай: *«Говорят в Духов день Господь теплым духом дохнет. Тепло будет. Я вот примет не знаю, а те кто примечал, они знали, какое лето будет: удачное или неудачное, или какой год — урожайный или неурожайный»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

В Духов день существовал обычай заготовлять березовые листья, используемые затем в похоронных ритуалах: *«Ломать — ломали в Духов день. Вот я топерича со стари веков. В Духов день иду за березками, ломаю. Двенадцать Святых Апостолов, каждому Апостолу по веничку ломаю, привожу их домой, всю траву расстилаю в тени. Сорок дней пролежат эти березки, на сорок первый день выношу, обрываю каждый листочек, кладу в коробьё»* [51 — 3: ЦРФ — 1031].

Довольно часто упоминалось о том, что именно Духов день был началом купания: *«С Духова дня купаться можно»* [1 — 3: ЦРФ — 1031].

Многие исполнители указывали на то, что в Духов день парни обливали девушек водой: *«В Духов день обливали водой, девчонок подстерегали и из ведра выплескивали. Кто попадет, того и обливали. Плеснут и всё, а мы с визгом бежать»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

В то же время подобный обычай приурочивался и к другим календарным датам, например, к Иванову дню и Яриле.

Иван Купала и Ярило

В Гороховецком крае сохранились следы древних купальских обрядов, связанных с почитанием воды и очищением. Некоторые исполнители говорили о празднике, который называли Ярило. В это день ребята обливали девушек водой: *«Это Ярило у нас был, называли Ярило, вот обливались. Он где-то в июне. Робятки ходили, девок из дому вызывали, прям вытаскивали к колодцу их и ведрами обливали. Ярило у нас называли. Вот если девки дома, придут робята, робята идут с гармонью, подойдут, в дом зайдут и обливают»* [85 — 3: ЦРФ — 1032]; *«Ярило — это Иван Купало. Девок водой поливают и приговаривают: "Лейся вода, лейся!" Обольют. И не ругались. Праздник!»* [115А — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Семантика обрядов Ярилиного дня была перенесена на ритуалы купальского цикла.

В Иванов день также было принято обливать друг друга водой: *«Иван Купало назывался. Вот идешь где, идешь и не думаешь, раз! Плеснут целое ведро. И никто не обижался и не сердился. То ковшом плеснут, то из ведра прямо»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

На Иванов день топили бани, считалось, что в этот праздник мытье в бане особенно полезно. Издавна банный веник использовался в магических целях. В Гороховецком районе в Иванов день в веник могли вплетать лечебные травы или включать двенадцать цветков: *«Вот есть двенадцать цветков собирают разных и в веник завязывают. Вот в бане парятся для здоровья»* [7 — 8: ЦРФ — 1034].

Ивана Купалу называли еще и Иваном Травником, потому что с этого дня начинали собирать лечебные травы: *«Иван Цветник. Вот цветочки собирают»* [7 — 7: ЦРФ — 1034]; *«Травы собирают с 6 на 7 июля, один день. Только в одну ночь. Иван Купала. По-старому, значит»* [103 — 6: ЦРФ — 1041].

Существовало поверье, что в ночь на Ивана Купалу цветет папоротник. Нужно идти в лес и смотреть: где загорится огонек — там цветок папоротника: *«Цветет в 12 часов ночи папоротник кривой. Никто не решался ходить. Туда если вот идешь — не обьртывайся. И чтоб вообще... и свистят, и на лошадях едут, и кричат, и... Вот идти прямо надо не обьртываться. А вот как не обьртываться-то? Туда надо задом идти, а чтоб сюда передом. Или как? Туда передом, оттуда задом. Обьртываться-то нельзя. Если только обернешься, то все у тебя пропадет, даже этот цветок, который ты сорвешь цветущий»* [7 — 8: ЦРФ — 1034].

Петров день

В Петров день отмечался пастуший праздник: *«На этот день коров пригоняли раньше и пастухи ходили по домам»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Пастухам давали ватрушки и печеные (не вареные) яйца. После обеда пастухи не выгоняли коров, потому что они праздновали. С Петрова дня начинался сенокос. Петров день означал середину лета, когда световой день заметно сокращался: *«Петр-Павел час убавил. Уже время уходит, день на убыль пойдет...»* [7 — 8: ЦРФ — 1034].

На Петров день начинали качать мед: *«С Петровок начинают мед качать. В Петровки мед поспел, пойдем просить. Там у нас держал один дяденька: "Дядя Ваня, дай полизать". Даст нам сот, бросит. Полижем маленько, пососем»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Казанская

В этот день, как и в другие праздники, нельзя было работать. Казанская считалась «сердитой», грозной: *«Вот на Казанскую всегда говорили: "Казанская сердитая". Всегда бывала гроза очень сильная»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Многие исполнители рассказывают о том, как нарушившие запрет люди подвергались Божьему наказанию: *«Да, вообще она строгая — эта Казанская. <...> Там тоже не работают. Она тоже сердитая. Тут покос. Вот тоже, если например... Ураган какой-то как раз в этот день появляется, и тогда все копна разнесет»* [7 — 8: ЦРФ — 1034].

Заметно, что некоторые гороховчане даже досадовали на строгость Казанской, не дающей поработать во время сенокоса, однако нарушать запрет все же боялись.

Ильин день

Ильин день фактически завершал короткое среднерусское лето. К Ильину дню кончался покос, потому что травы уже отцвели. После Ильина дня не купались:

«Олень, говорят, в воду пукнул, и уже никто не купался» [79 — 3: ЦРФ — 1018]. Древний запрет на купание иногда получает и более наукообразное объяснение: *«Вот в этот период, как нам папа рассказывал, идет смена воды»* [103 — 6: ЦРФ — 956].

К Ильину дню особенно заметным становилось убывание светового дня: *«Илья Пророк час уволок»* [103 — 6: ЦРФ — 956]; *«Петр-Павел час убавил, Илья Пророк два уволок»* [118 — 3: ЦРФ — 1015].

У славянских народов Илья Пророк наделялся чертами громовержца. В Гороховецком районе сохранилось поверье, что на Ильин день должна быть гроза: *«Ильин день, говорят, Илья Пророк едет — грозу везет. Бывало, гром там какой загремит — "Вот Илья Пророк"»* [118 — 3: ЦРФ — 1015]; *«В Ильин день всегда гроза. И говорят: Илья Пророк на колеснице»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Ильин день был престольным праздником в д. Мелкошево. Интересно, что праздновали не только сам Ильин день, но и «отданьё» этого праздника через неделю в д. Гончары. Этот праздник тоже сопровождался гулянием с песнями и играми.

Успенский пост

В середине августа начинался двухнедельный Успенский пост: *«Небольшой это пост, а всё равно говели, не ели»* [79 — 3: ЦРФ — 1017].

Спасы

В деревнях Гороховецкого уезда помнят Морковный Спас. В этот день начинали уборку моркови: *«У нас Морковный Спас был перед Яблочным и Медовым. Морковь начинали убирать»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В этот день готовили обязательное блюдо, называвшееся морковником и представляющее собой нечто среднее между кашей и запеканкой. Его делали из натертой моркови и запаривали в печи, затем сдабривали сметаной и подавали к столу: *«Морковный Спас — было такое. Варили морковник, как вон кашу в духовке. Запеканка. Вкусно со сметаной. Пекли, пекли морковник. Так и называли — морковник»* [62 — 3: ЦРФ — 1027].

Во время Медового Спаса, с которого начинали употреблять в пищу мед, крестьяне, занимавшиеся пчеловодством, могли делать угощение для всей деревни: *«У бабушки у моей много меда было. Так она говорила: "Мы всю деревню собирали и угощали. Ставили столы и наливали чарки, и все ели этот мед"»* [79 — 3: ЦРФ — 1017].

Яблочным Спасом называли праздник Преображения Господня. В этот день разговлялись яблоками. Запрет употреблять в пищу яблоки до Яблочного Спаса объяснялся поверьями: *«До Яблочного Спаса яблоки есть нельзя, всё время говорили. Рассказывали, что у того, у кого мертвые дети или родители, вот им на том свете не дадут яблочка разговеться»* [79 — 3: ЦРФ — 1017]; *«У кого дети умерли, а он яблок съел, на том свете младенец яблок не попробует. Ему уж яблок не дадут. Все будут есть яблоки, а ему не дадут»* [1 — 3: ЦРФ — 1027].

Бабье лето

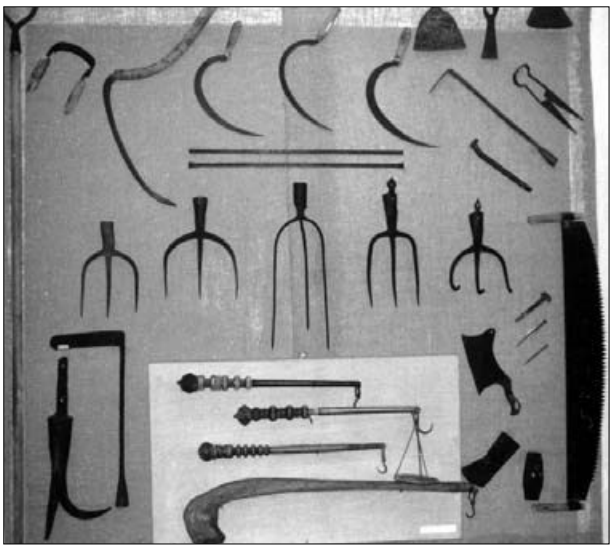
С окончанием летних трудов наступало Бабье лето. Примечали, что *«если Бабье лето хорошее, сухое, то осень будет плохая, грязная. Если Бабье лето грязное, там с дождем, значит осень будет хорошая»* [79 — 3: ЦРФ — 1017].

Фрол-Лавёр

Праздник святых Флора и Лавра повсеместно считается «лошадиным праздником». На него лошадей не использовали в сельскохозяйственных работах. Иногда их приводили на церковный двор и священник кропил их святой водой. В этот день изготовляли печенье в форме подковы (см. статью «Обрядовое печенье и его художественные особенности»).

Зажинки и дожинки

Обрядовые действия, связанные с началом и завершением жатвы, сохранились в Гороховецком крае лишь в рудиментарном виде, что связано с изменением способов хозяйственной деятельности. Многие исполнители помнят, что начало жатвы называлось «зажинки», а ее окончание «дожинки». Вспоминают, что во время зажинок девушки жали несколько снопов и с песнями приносили их в деревню: *«Вот первые снопы, как зажинки идут, зажнут и в деревню с песнями несут. Тут уж угощенье»* [37 — 3: ЦРФ — 1031].

Сельскохозяйственные орудия. Экспонаты музея с. Фоминки

Многие исполнители вспомнили, что после окончания жатвы в поле оставляли небольшой пучок колосьев, который особым образом заплетали и украшали. Этот снопик называли «Христова бородка». Считалось, что он возвращает полю плодородие: *«Чтобы в следующий год хлеб родился, делали Христову бородку. Вот остались колосья, их завьют колесиком, обручем таким, украсят лентами — Христова бородка»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

После завершения уборочных работ женщины ложились на убранное поле и говорили:

«Жнивка, жнивка!
Отдай мою силку,
Которую я на тебя потратила»
[13 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004. Т. 7].

Считалось, что это магическое действие вернет жницам силы, которые они потратили во время страды.

Иван Постный

В этот день соблюдается строгий пост: *«На Ивана Постного ни молока, ни мяса не едят — строгий пост»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Помимо собственно постовых пищевых запретов существовали ограничения на употребление в пищу круглых предметов, что связано с христианской легендой об Иоанне Предтече: *«В этот день ничего круглого есть нельзя — ни картошки, ни яблок. Это голова Предтечи»* [11 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. В этот день запрещалось также

танцевать: *«На Ивана Постного плясать нельзя. Не токмо кадриль или, положим, краковяк, но и дробить не можно. На Постного никак плясать нельзя. Нельзя, потому что Саломея танцем Предтечу погубила»* [97 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Об этом дне говорили, как о начале осени: *«Иван Постный — настоящая осень. Иван Постный — осени отец крестный, а зиме родной батюшка»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Сдвиженьё

Сдвиженьём в гороховецкой традиции назывался праздник Воздвижения Животворящего Креста Господня. Все поверья этого дня связаны с семантикой движения. Считается, что в этот день змеи собираются в клубок и «сдвигаются на зимовье»: *«На Сдвиженье змеи сдвигаются и клубком на зимовье катятся»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Сергиев день

В Сергиев день рубили капусту: *«Ждали, когда она поспеет, и ее немного морозцем, утренники бывают, прихватит»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Капусты нужно было много, потому что семьи были большие. Делали капусту серую и белую: *«Серая это щи варить, а белая так есть. Серую и щи варили, и скотине давали, а белую отдельно. Корыто было вот от стены досюда вот. Широченное. Рубили тяпками. Вот этими тяпками. Сначала моют ее, а потом рубят. Сначала серую изрубят. Изрубят, сложат в бочку, потом белую рубят»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В это время устраивали капустники — род помочей, когда собирались со всей деревни, особенно молодежь, дети, в один дом помогать семье рубить капусту: *«Придут мальчишки, девчонки, все тут рубят, сколько нас народу соберется во дворе. Посолят ее тут, мешают, и вот эту капусту хватали и лицо натирают, а потом вдоль улицы носились друг за дружкой. Лицо-то горит от соли. Так вот сколько рубили. Мама рассказывала, что они у кого-то рубили, ну эта тяпка, вот столько наваляли капусты, что кто-то поставил эту тяпку, ее уронили туды, и вот на дне она лежала. Рубят, что-то жестко, подняли, тяпка там лежит. Вот поскольку нарубали капусты. И всё съедали»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Покров

Праздник Покрова считался днем начала посиделок: *«На Покрова посиделки начинались. С работой приходили»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В этот день девушки гадали на жениха (подробнее об этом см. статью «Гадания»).

По погоде на Покров определяли, какой будет зима: *«Если на Покров курочке из лужи не напиться, то зима будет долгой»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Михайлов день

Михайлов день считался днем завершения всех хозяйственных работ: *«К Михайлову дню уж все работы закончат, конец работам»* [37 — 3: ЦРФ — 1031].

В этот день собиралась родня и устраивали большое застолье: *«На Михайлов день всегда родня сходилась, брагу варили и застолье большое было»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

* * *

К зимним постовым праздникам относятся все праздничные дни, приходящиеся на Филипповский пост.

В Горховецком крае Филипповский пост был временем посиделок и совместных девичьих работ. В этот период наиболее значимыми были дни: Введение во храм Пресвятой Богородицы, Андрея Первозванного, Варвары Великомученицы и Николая Угодника.

Введение во храм Пресвятой Богородицы

Этот праздник отмечали 4 декабря. В ночь перед ним девушки обращались к Богородице с просьбой показать жениха (подробнее см. статью «Гадания»).

Андрей Первозванный

Этот день осознавался девичьим праздником: *«Андреев день — девичий праздник. В этот день девки празднуют. У них работ никаких нет»* [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Рано утром девушки выходили на улицу и умывались снегом, *«чтоб красивой и румяной быть»* [21 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003] (о гаданиях в этот день см. статью «Гадания»).

Варварин день

В день Святой Варвары девушки просили святую о скором замужестве (см. статью «Гадания»).

Верили, что в Варварин день начинаются первые сильные морозы: *«В Варварин день морозы начинаются. Пришла Варюха — береги нос да ухо. Первые сильные морозы в этот день начинаются. Вторые на Рождество, третьи на Крещенье, а потом самые слабые на Сретенье»* [51 — 3: ЦРФ — 1031].

Николин день

День Николы Зимнего, в основном, отмечался как престольный праздник: *«У нас Никола была престольной. Приезжали родственники и гуляли как-то семьями»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Престолы

В кругу годовых событий большое значение имели престольные праздники. В каждом селе был свой праздник, тот, которому был посвящен храм. В этот день приезжали гости из других деревень, бывали гулянья. Казанскую отмечали как престольный праздник в д. Першино. В день Фрола и Лавра был престол в д. Нуле, Покров — в д.Чудское, Николин день — в д.Вамна.

* * *

Как видим, народный календарь в Гороховецком крае сохранился достаточно полно. Многие праздники отмечают и до сих пор. Другие сохранились лишь в памяти наиболее пожилых исполнителей.

В.Е. Добровольская

Гадания

Гадания — это ритуальные действия, совершаемые для установления связи с потусторонним миром с целью получения информации о будущем. В Гороховецком крае сохранилось два вида гаданий: календарные и окказиональные.

КАЛЕНДАРНЫЕ ГАДАНИЯ

Большая часть гаданий, записанных в экспедициях, связана с различными календарными циклами. Основным периодом гаданий в Гороховецком крае являются Святки.

Святочные

Святочные гадания по принципу действий и типу предметов, используемых в них, можно разделить на несколько групп.

Гадания на выслушивание

Нами зафиксировано несколько видов таких гаданий.

Так, девушки выходили на перекресток и *«...припадали к земле. Круг начертят, она в кругу встанет. К земле — слушает, в какой стороне — или собака залает или лошадь ли. Как они едут, в той стороне и судьба»* [120 — 5: ЦРФ — 1009].

Существовала и другая форма гаданий данного типа. Прежде чем начать выслушивать свою судьбу, девушки «пололи» снег: *«Вот выходили на перекресток дорог. Хватали снег. Говорили: "Полю, полю беленький снежок, где собачка залает, там мой миленький дружок". И вот, где собака залает, там жених должен быть»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Иногда рассматриваемое гадание совершалось несколько иначе. Девушки мешали снег мутовкой и слушали, какие звуки она издает. Считалось, что гадающая должна услышать имя жениха: *«Снег мутовкой как-то мешали. Ну и слушали, чего она тут говорит. На двор выходили. В сугроб вставляли и слушали, вроде какое-то имя говорит»* [66 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Широко распространенным было выслушивание под окнами. По разговору в избе судили о будущем.

Целью еще одного гадания было услышать эхо. Девушки собирались у колодца и кричали, наклонившись в него, а затем замечали, с какой стороны услышат эхо: *«В колодец кричали. Крикнешь, где эхо услышишь — в той стороне и жених»* [10 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Иногда девушки ходили слушать на перекресток: *«На дорогу ходили, на перекресток слушали. На перекресток, где перекрещиваются дороги. Смеялись, слушали. Если кто где крикнет, значит там жених в той стороне будет»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Нами был записан и еще один вид гаданий на выслушивание. Девушки собирали в подол мусор и ночью три раза обходили с ним вокруг яблони. Затем мусор высыпали под дерево, садились и слушали: *«Под яблоню садились. Мусор собрать в подол. Сначала три раза обнести. Ночью сходить и три раза обнести. Положить и сесть под яблоню. И слушать, что услышишь. Мусор они под яблоньку высыпали. Прямо высыпали из-под подола. С фартука этот мусор. И слушали»* [53 — 3: ЦРФ — 1025].

Гадания по принципу «чет-нечет»

Гадания этого типа основаны на подсчете используемых для определения будущего предметов. Если количество предметов четное или, как говорили наши исполнители, «парное» — это предвещало скорое замужество.

Вариантов таких гаданий было достаточно много. Наиболее распространенным в этой группе было гадание со штакетником, который участники действия обхватывали руками, а затем подсчитывали. Самым распространенным был обычный счет: *«Штакетники обхватывали. Вот она обхватит и сосчитает. Вот у меня двадцать два получилось — замуж выйду, а если двадцать одно, то замуж не выйду»* [118 — 3: ЦРФ — 1015].

Иногда таким образом определяли богатство будущего мужа. Тогда в качестве единицы счета использовали словесную пару «богатый — бедный»: *«Ходили, обхватывали заборы, кто сколько сумеет обхватить, столько там будет считать, богатый или бедный жених. Обхватывали: "Богатый — бедный, богатый — бедный"»* [97 — 3: ЦРФ — 1021].

Разновидностью такого гадания можно считать и то, в котором в качестве единицы счета используют триаду: «солдат — вдовец — молодец» или «мешок — сусек — кузов»: *«Зимой на Рождество лезем по сугробу везде вот по загороди. Колышки считаем: "Солдат — вдовец — молодец"»* [1 — 3: ЦРФ — 1026]; *«И вот так захватываем руками и говорим: "Мешок, сусек, кузов. Мешок, сусек, кузов". Мешок — значит не очень хорошо жить, сусек — богато, а кузов — это уже собирать. Кузов это совсем плохо, собирать придется»* [66 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Могли гадать не со штакетником, а с дровами: *«Вот у тети Мани Печниковой мы гадали. У ней дров не было, а у соседей больно много. Мы охапку большую принесем. Считаем: "Пара, пара, пара, не пара". Значит нет одного полена. Значит замуж не выйду в этот раз»* [79 — 3: ЦРФ — 1018]; *«Дрова только бегали таскали парами. Накладывали охапку, не глядя, потом раскладывали парами: "Пара, пара, пара!" Одна осталась, значит, не будет жениха. Если пара — значит жених будет»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Окошко, д. Чулково

Гадание по принципу «вопрос — ответ»

Немногочисленные гадания этой группы основаны на вопросе, который гадающий задает о своем суженом. Девушки могли задать вопрос об имени будущего жениха: *«А по улице-то бегали. В окошко стучат и кричат: "Как судьбу*

зовут?" — Ну, кто там скажет: "Иван" А кто нарочно скажет какое-то там имя на смех. Как судьбу зовут. Парни там спрашивали — женское имя им скажут, девчонкам — мужское» [66 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Иногда вопрос задавался не под окном, а при встрече: *«Идет кто-то навстречу, спрашиваешь: "Как жениха зовут?" А они отвечали»* [10 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Вариантом этого гадания можно считать вопрос об отчестве встречной женщины, которое также указывает на имя будущего мужа: *«А мама мне говорит: "Ты иди, выйдь на улицу. Кто попадется. Женщина попадется — спроси отчество. А мужчина — узнай как звать. Так и жениха звать будут"»* [1 — 3: ЦРФ — 1026].

Гадание на высматривание

Самым распространенным было гадание с зеркалом, в которое девушки высматривали жениха: *«Вот у нас одна — Тося Лапшина — села за стол, положила стакан воды, в эту воду положили колечко и через зеркало стала смотреть. Лампу гасили, свеча горела»* [97 — 3: ЦРФ — 1021].

Гадали также с обручальным кольцом, высматривая в нем отражение суженого: *«Еще в кольцо глядели. Наливали, значит, воды в банку, в блюдо какое-то, в стакан наливали воды и клали туда кольцо обручальное. Этот стакан ставили на бумагу и зажигали свечи. Две свечки по бокам. И вот сидели, глядели. Кто там покажется в кольце. Ну, говорили, что покажется. Он, нет ли. То мужчина покажется, то еще кто-то»* [66 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Еще один вид гадания на высматривание — это гадание с воском. Гадающие по изображению, получившемуся при попадании расплавленного воска в воду, судили о своем будущем: *«Вот растопляли воск. Ну, старые свечи там и лили в воду его. Горячий в холодную воду. Ну, чего тут, какой узор выведется. Вот смотрели»* [66 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Чрезвычайно интересным гаданием данной группы были действия с тенью от сожженной бумаги: *«...Бумагу вот так смять, сжечь и вот на печку, свету не было, лампа керосинова горит, и на печку вот так тень-то. А бумага шевелится-шевелится... Вот так гадали. По тени от этой бумаги. Вот так ее сожмут и зажигаешь в тарелке. Она сгорит, пока она еще шевелится, и вот смотрят туда»* [66 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Одной из разновидностей данных гаданий являются гадания на высматривание жениха во сне. Для того чтобы увидеть суженого, надо было положить под подушку какие-то мужские вещи, ножик, молоток или соль: *«Завтра ведь Новый год встречать. Давайте кладите под головы чего-нибудь и говорите: "На новом месте приснись жених невесте". Под голову надо класть брюки мужские. Одолжила брюки у мужиков, посмеялись. Я в ремесленном была, там все ребята были тридцатого года, один Шашиш двадцать второго. И он мне приснился»* [79 — 3: ЦРФ — 1018]; *«Я в головы положила нож, молоток и соль. Ну вот, вся семья, знать я их не знала, вся семья мне вышла. Он, и дедушка покойный, вот в косоворотке такой, и мать. Вот в этот мясоед вышла я замуж»* [1 — 3: ЦРФ — 1026].

Тактильные гадания

Особую группу составляют гадания, основанные на толковании вызванных в ходе обряда ощущений. Было несколько типов подобных гаданий. Для их описания важно место, где они проводились, а также обозначение части тела, до которой дотрагивался представитель «иного» мира. Так, весьма распространенным было гадание в подполе, куда девушки опускали босые ноги: *«Они, значит, в подполье спускали ноги. И вот какой рукой домовой погладит, значит, гладкой или нет. Его просили... Если глад-*

кой, то бедно будет жить, а если мохнатой, то богато будет жить» [66 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Чаще такие гадания проводились в овине: *«И в этот овин спускались и гадали. Если как вроде шершавой рукой проведет, то, значит, богатый муж будет. По заднице»* [118 — 3: ЦРФ — 1015]. Иногда гадания этого типа проходили на гумне или в бане, где гадающий совал руку в устье печи или окошко: *«Пойдут на гумно. К печи. Там окошки. Такие маленькие — чтобы оттуда воздух уходил. Дым выходил. И эта, где печка-то топится. И должна девушка туда вот руку сунуть, в это отверстие, и говорят, вот если шершавая рука погладит руку — значит богато жить будет. А если гладкая — значит бедно будет жить»* [53 — 3: ЦРФ — 1025].

Тактильные гадания могли быть и разновидностью гаданий, основанных на принципе «вопрос—ответ», только словесная форма ответа заменялась мануальной: *«И туда задницу спускали. Просили, какой там у нас будет жених: богатый или бедный. Если бедный, то голой рукой погладят»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Гадания на определение направления

Довольно большая группа гаданий была связана с определением направления, откуда следовало ждать сватов. Самым распространенным было гадание с валенком: *«Гадали, сапоги бросали. Ну вот, сбросим сапог, смотрим, в каку сторону носом. Если туда, то в Повалихе жених будет, а если в эту сторону, то в Фоминки поедем»* [79 — 3: ЦРФ — 1018]; *«Вот, например, стоит двор у меня сзади дома. Подойдешь, да вот валенок кидаем через крышу-то и глядим, куды носом падал валенок — оттоль жених будет»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Существовал и другой способ гадания, когда девушки раскачивали и опрокидывали гнет. Направление, в котором он падал, и считалось стороной, откуда ждать жениха: *«Гнет, ставили его, и вот куда он упадет, значит в эту сторону замуж выйдешь»* [77 — 3: ЦРФ — 1032].

Гадания с птицами

Гадания этого типа связаны с домашней птицей, в основном с курицей. Вариаций ритуальных действий с ней необычайно много. Самым распространенным является следующее: гадающие идут в курятник, в темноте берут курицу, приносят ее в дом и ставят перед ней зерно, воду, хлеб, табак, зеркало, а иногда какие-либо другие вещи. По тому, какой предмет курица клюнет первым, судят о характере будущего мужа, достатке в семье, самой возможности замужества, а иногда об урожае в наступившем году: *«С курицей гадали. Ей зерна насыпали, и которое она клюнет вперед: зерно, хлеб, воду. Вот если она хлеб клюнет — то будет она (девушка. — В.Д.) жить в достатке, если водичку — то год будет урожайным или она замуж выйдет, как вода из дому утечет»* [118 — 3: ЦРФ — 1015]*; «Принесем курицу домой. Она у нас ходит, курица. Мы наставляем: тут воду, тут поесть. Вещи могли положить — добро. Если она больше пьет — значит муж пьяница будет, если к зерну она подходит или к добру — значит муж богатый будет. Она это треплет или вот к зерну подходит. А вот если бедный муж — она около корзиночки и ходит, и ходит. Вроде того, как раньше собирали»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Иногда считалось, что надо поймать петуха, а не курицу: *«Да, курицу схватишь, это будешь вдова. Или замуж не выйдешь, да, останешься старой девой. Да, если курицу. А вот петуха — жених»* [97 — 3: ЦРФ — 1021]; *«Ну, вот во тьме ходили во двор, с нашеста ловили петуха. Если курица — замуж не выйдешь. Петуха. Если петух попа-*

дется — будет жених. Ставили его на стол, ставили пшено, ставили какое-то другое зерно и ставили воду. Если будет он воду пить, то будет мужик-пьяница, будет зерно клевать — будет труженик, полевод» [97 — 3: ЦРФ — 1021].

В то же время верили, что если поймаешь петуха, то выйдешь замуж за вдовца: *«Если петуха поймают — значит муж будет вдовец»* [61 — 3: ЦРФ — 1024].

Гадание по принципу «сделано — не сделано»

Гадания этой группы основаны на том, что участник обряда должен совершить некое действие. В случае его неудачного выполнения судьба гадающего сложится неблагоприятно. Так, например, чтобы определить возможность замужества в наступившем году, девушки пытались перебросить валенок через крышу. Важно было успешно справиться с этой задачей: *«Например, валенок кидали через крышу. Через баню. Так высоко не перекинешь, а так кидали. Валенок кидали. Если она перекинет валенок — это к богатству, а если не перекинет, то и замуж не выйдет и богатой не будет»* [118 — 3: ЦРФ — 1015]; *«Берешь с ноги валенок и кидаешь. Перелетит он? И если он перелетит, то выйдешь замуж. А если останется на крыше — в девках останешься»* [62 — 3: ЦРФ — 1027].

Существовало и еще одно гадание подобного типа. Девушка должна была в темноте схватить за рога корову. Если ей это удавалось, то она могла рассчитывать на скорое замужество: *«Если мы за рога схватим корову, то значит замуж выйдем. В потемках схватим»* [1 — 3: ЦРФ — 1026].

К этой же группе гаданий относятся гадания с солонкой, которую сначала прятали, а затем искали в сугробе. Найденная солонка предвещала скорое замужество: *«Солоницы прятали. Солоницы с солью прямо. Потом пойдем — найдем. Значит в этот год замуж выйдем»* [1 — 3: ЦРФ — 1026].

Гадания, основанные на принципе «раньше—позже»

Самым популярным гаданием такого рода было гадание с нитками. Каждая из участниц привязывала свою нитку к матице и поджигала ее. Считалось, что та, у которой нитка сгорала первой, должна была первой выйти замуж: *«Вешали вот, потолок был и матица, в домах матица бывает. Вот повесили мы там семь ниток. Вот семь этих повесили, и у кого прежде сгорит нитка. И вот одна, Валя Михеева, у нас — она (нитка. — В.Д.) горит, горит, горит, ну, значит выйдет рано замуж, и первая вышла из нас»* [21 — 3: ЦРФ — 1022].

Другим типом гаданий данной группы можно считать гадания, целью которых было быстрее, чем подруги, дойти спиной до конца улицы: *«Еще пятились назад. Вот просто идем, пятимся — кто замуж вперед выйдет. Кто быстрее дойдет вот до конца улицы»* [77 — 3: ЦРФ —1032].

Мистификация чуда

Со святочными гаданиями связан такой элемент ритуального поведения молодежи, как мистификация результатов гадания. Пока девушки гадали, парни могли сымитировать результат обрядового действия, выполнив функцию представителей «иного» мира (подробнее об этом см. статью «Праздники. Озорство молодежи»).

Помимо Святок гадали на Крещенье, Средокрестье, Вознесенье, Троицу, Покров и в зимние постовые праздники: Введение во храм Богородицы, дни Андрея Первозванного и Варвары Великомученицы.

Крещенские

На Крещенье хозяйки пекли пресное печенье в форме крестиков, которое использовали для гаданий о судьбе в наступившем году. В них запекали монетку и зернышко. Считалось, что тот, кому доставалась монетка, будет весь год счастливым: *«Вот мама на Крещенье крестики пекла, преснушки. Кому преснушка с денежкой достанется, тот счастливчик будет. Богатым весь год будет, при деньгах»* [80 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Крещенские кресты

Тот же, кому доставалось зерно, должен был начинать первым все работы в году: *«Раньше говорили, что тот, кому зерно в кресте досталось, засевать первым должен, а у нас же в городе не сеяли. Мама говорила, что у кого зерно, тот первым на огороде всё делать должен: первым сажать всё»* [80 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Средокрестные

В четверг на Средокрестной неделе в Гороховецком крае гадали о своей судьбе. В этот день пекли специальное обрядовое печенье, называвшееся «кресты». В серединку крестика запекалось множество самых разных предметов. По тому, какой предмет доставался участнику гадания, определялась его дальнейшая судьба: *«Пекли кресты на весенний праздник. И в них клали кто чего. Денежку, пуговку, спичечку. Кому чего достанется. Если пуговка, то портной будет. Если денежка — богатый будет, а если спичечка — строитель»* [118 — 3: ЦРФ — 1015]; *«Бывало мать испечет кресты, щепочку заложит туда — это значит скоро умрет, гробик, щепа попалась. А если денежка — то богато будешь жить»* [79 — 3: ЦРФ — 1018]; *«Запекли в крестики всё, что можно было. И уголек, и бумажку, и сахаринку, и денежку, и лучинку, всё. Уголек — черная жизнь, что ли говорили. Сахаринка — сладкая, бумажка — писарем будешь, лучинка — к покойнику, денежка — к богатству. Лук — горькая жизнь. Соль — солена жизнь, к слезам»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Вознесенские

На Вознесенье существовал обычай печь обрядовое печенье в форме лесенки с семью перекладинами. Оно активно использовалось при гадании. Гадающие брали свое печенье и шли в церковь; отстояв службу, они бросали лесенку с церковного крыльца. Если лесенка разбивалась, то считалось, что после смерти человек окажется в аду, а если нет — то в раю: *«Вот у мамы у нашей лесенка никогда не билась, она,*

знаете, действительно безгрешна женщина была, никто о ней ничего плохого сказать не мог» [21 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Существовало и другое толкование этого гадания, связанное с представлением о семи небесах Апокалипсиса. Гадающий смотрел, какая ступенька лесенки отбилась, и считал, что именно на таком небе он и окажется после смерти: *«Раньше говорили, что это на каком небе окажешься, их семь небес, вот на каком окажешься, смотрели. Так бабушка у нас гадала всё — на каком небе»* [80 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Троицкие

На Троицу девушки гадали о женихе. Считалось, что венок, сделанный из троицкой травы, может предсказать скорое замужество или смерть: *«Делали венки еще и венки кидали. А венки из травы, из цветов. А венки вот для чего. Вот если поплывет венок, то, значит, скоро замуж выйдет, а утонет, значит умрешь»* [66 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003]; *«Рвут цветы, плетут венки. Вот эти венки и кидают в воду. Если немножко подальше утечет, то далеко замуж выйдешь, а близко — где-то рядом»* [120 — 5: ЦРФ — 1009].

Покровские

В этот день девушки гадали на жениха, обращаясь к Богородице: *«Матушка Пресвятая Богородица! Покрой землю снежком, а меня женишком»* [80 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003]; замечали, выпадет или не выпадет снег. Если снег был, то это предвещало скорое замужество.

На зимние постовые праздники

Введение во храм Пресвятой Богородицы

В этот день девушки гадали на жениха, прося Богородицу показать суженого во сне: *«Я Богородицу просила, за три года (до свадьбы) я знала своего мужа, даже не видала. На Введение Пресвятой Богородицы, вот эту Богородицу читала, да, десять Богородиц, земных поклонов со свечкой. И на мне чтобы ни приколок, чтобы одна ночная рубашка была, чтобы сон был яснее. И легла спать, и мне всю ночь снился сон, всю жизнь мне показала: сколько у меня детей показала и жениха мне указала...»* [76 — 3: ЦРФ — 1031].

Андрей Первозванный

Девушки просили святого послать им жениха: *«Батюшка Андрей, пошли нам жениха хорошего!»* [97 — 3: ЦРФ — 1018]. Они клали под подушку ремень и говорили: *«Батюшка Андрей! Приведи мне во сне на ремне мово суженого-ряженого!»* [80 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Варварин день

В день Святой Варвары девушки ломали ветку какого-нибудь фруктового дерева и ставили ее в воду в укромном месте дома. Обращаясь к святой, они просили: *«Варвара-*

великомученица! Дай ветке листвы к Васильеву вечеру, а мне жениха к Мясоеду» [21 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003]. Считалось, что если ветка расцветет к Васильеву дню, то девушка обязательно Мясоедом выйдет замуж.

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ГАДАНИЯ

Гадания на случай зафиксированы нами в незначительном количестве. Чаще всего это гадания на картах, кофейной гуще, по книге («Оракулъ»), а также спиритические гадания.

В то же время существуют гадания другого рода. Так, например, как окказиональное могло функционировать святочное гадание, в котором девушка должна увидеть суженого во сне. Однако если в святочном гадании важны время и предметы, используемые в ритуале, то для гадания на случай главным является место действия. Так, гадать можно, только ночуя на новом месте: *«Когда на новом месте спишь, надо, когда ложишься, сказать: "На новом месте приснись жених невесте". И обязательно приснится»* [80 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

* * *

Итак, наиболее распространенными в Гороховецком крае являются календарные гадания, многие из которых бытуют здесь до сих пор.

Л.В. Фадеева

Изготовление обрядовых предметов

В структуре многих праздников земледельческого календаря важную роль играют обрядовые предметы-символы. Способность «выражать мифопоэтическую семантику календарного времени»[1] делает их своего рода ключом к пониманию праздничного дня, за которым они закреплены. Не случайно заготовка / изготовление и использование обрядовых предметов, как правило, составляет смысловое ядро праздника, его обрядовую основу.

К календарным «вещным» символам традиционно относят такие предметы, как кукла / чучело, «птица» или «деревце». В настоящей статье мы позволим себе расширить круг анализируемых объектов и рассмотреть обрядовые предметы природного происхождения: *воду, растительность, соль, яйцо*. На наш взгляд, к обрядовым предметам-символам, выражающим значение календарного праздника, могут быть отнесены и *различные виды обрядового печенья* (См. статью «Обрядовое печенье и его художественные особенности»). Основание для такого понимания названных явлений можно усмотреть в их способности нести обрядово-магическую «информацию» праздника в другие праздничные и обрядовые комплексы, иначе говоря, в возможности вторичного обрядового использования «предметов, которые до этого фигурировали в одном из... календарных обрядов»[2].

Оценка предмета как обрядового символа связана с верой в то, что праздник освящает его собою, наделяет дополнительной сакральной силой. Такое восприятие праздника прослеживается и в рассказах о плодах, потребление которых начинается со строго определенного дня — Медового, Морковного, Яблочного и Орехового Спасов. Запреты на употребление в пищу яблок до праздника Преображения наиболее широко известны: «До Яблочного Спаса можно было яблоки есть? — *Нет. Кто и ел. Говорят, у кого дети схоронены — грех, а уж если у кого нет, то можно, вроде, кушать. Потому что, у кого умерли дети, им не дадут яблок, что мать за тебя съела яблоки*» [31 — 3: ЦРФ — 1032]. Достигшие зрелости плоды в день «своего» праздника становятся ритуальной пищей, поскольку именно с них начинается трапеза: «*Первый вот будет Спас, второй — это разговление яблоками там. Медовый там, Морковный Спас.* — А когда Морковный Спас? — *В августе. 19 августа — Яблочный, а он вперед как-то, раньше, до 14-го августа, а потом — Медовый. Они где-то вот тут рядом: сначала Медовый,*

---

[1] *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 579.

[2] *Толстой Н.И.* Вторичная функция обрядового символа // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 169.

наверно, идет, Морковный, Яблочный. — А что делали на Морковный Спас? — *Пироги с морковью пекли*» [31 — 3: ЦРФ — 1032]. Подобные представления распространяются и на предметы, заготовка / изготовление и использование которых хронологически закрепляются за определенным праздником.

Каждый период восточнославянского земледельческого календаря связан с определенным набором обрядовых предметов-символов. Однако в локальных традициях этот набор варьируется. Некоторые предметы могут быть неизвестны изначально, а некоторые утрачиваются в связи с разрушением праздничных обрядовых комплексов. В Гороховецком районе лишь Святки, Вербное воскресенье и Страстная седмица, Пасха и Троица соотносятся с предметами, которые в дальнейшем находят применение в обрядово-магической практике. Такими предметами здесь оказываются *крещенская вода, верба, четверговая соль, пасхальное яйцо* и *троицкая березка*.

* * *

Крещенская вода

С водой связано множество мифологических представлений. Она — граница между мирами, место временного пребывания обитателей потустороннего мира. Благодаря таким важным признакам, как чистота, прозрачность, свежесть, текучесть, вода считается универсальным лечебным средством и средством магического очищения[4]. Умывать от сглаза, порчи и других недугов принято наговоренной водой или водой, слитой с ножей, уголков стола, угольков: «*...А то на уголёк он ещё заговаривал. Вот, по-моему, тоже с "Богородицей". Уголёк кладёт в водичку. "Богородицу" читает и потом спрыскивает этой водой. Это уже не святой. А просто такой водой. Но с уголёчка.* <...>» [27 — 8: ЦРФ — 1035]. Однако среди опрошенных в Гороховецком районе большинство предпочитают использовать для этих целей святую воду.

Церковное освящение по специальному чину придает воде особую силу, увеличивая ее способность противостоять злу. Во многих храмах водосвятие часто совершается сразу после литургии и воспринимается как обязательная часть богослужения. Вода, принесенная с водосвятного молебна, в православных семьях употребляется практически ежедневно: «*У меня всегда на столе святая вода. Сварю суп — я туда капну, чайник скипячу — я туда капну, обязательно*» [16 — 3: ЦРФ — 1016]. В народе святую воду всегда стремятся иметь под рукой на случай болезни или каких-либо домашних неурядиц.

Традиция освящения воды восходит к новозаветным временам. Церковное предание свидетельствует, что впервые вода была освящена в момент Крещения Иисуса Христа, который освятил всё естество воды, вступив в реку Иордан. В память об этом в праздник Богоявления (Крещения Господня) церковь совершает Великое водоосвящение. Так называется особое, праздничное чинопоследование, по которому вода освящается лишь дважды в год — в Крещенский сочельник, накануне праздника, и в самый день Богоявления. Именно эта вода и именуется крещенской.

Крещенская вода — одна из главных святынь для каждого православного христианина. В церкви она именуется также Великой агиасмой (греч. *святыня*), способной в некоторых случаях заменить верующим даже причастие. Ее особенно бережно хранят в каждом доме, стараются не расходовать понапрасну, поскольку без крещенской воды невозможно ни одно большое хозяйственное начинание (приобретение и первый вы-

---

[3] *Виноградова Л.Н.* Вода // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 80.

гон скота в поле, строительство и переход в новый дом, копание и освящение колодца и пр.).

По народным представлениям, церковное освящение воды в праздник Богоявления желательно, но не обязательно. Ведь праздник сам освящает воду: «*...Говорят она святая эта вода крещенская*» [115 — 3: ЦРФ — 1019]; «*...Она в Крещенье везде вся вода освящается*» [7 — 8: ЦРФ — 1034]; «*Не в Святки, а вот в Крещенье... накануне Крещенья, значит, вся вода во всех источниках святая. Хоть в колодце, хоть в болоте, хоть в Клязьме, где угодно она святая. <...> Хоть где угодно возьми, она святая. В ночь на Крещенье*» [66 — 8: ЦРФ — 1039]. В основе этих воззрений — поверье о том, что в Крещенье «*...Иисус Христос по земле ходит. Он... в двенадцать часов все воды, все ручьи, всё крестит*» [122 — 8: ЦРФ — 1035]. Как происходит это таинственное освящение воды, можно увидеть, если прийти на источник заранее: «*...Раньше вот всё говорили, тёть Настя вот <...>, придёшь вот и ждёшь, когда это брать воду-то. Как это там — всколыхнётся вся в двенадцать часов ночи. Как это всколыхывается вот.* — А почему это? — *Вот, значит, это уже Господь освятил всю воду. Угу. Освятил всю воду. И они в это время уже берут воды и приходят домой...*» [122 — 8: ЦРФ — 1035]; «*...Она колышется.* — Колышется? — *Да, а... колышется немножко.* — А как говорили? Как объясняли? — *Вроде Святой Дух подул, как-то говорили всё. Святой Дух подул на воду*» [66 — 8: ЦРФ — 1039].

Полночь всегда фигурирует в рассказах о Крещенье. Она служит своеобразной временной границей, отмечающей начало праздника: «*Бабушка у нас всё время говорила: "Девчонки, вода в любом источнике святая в двенадцать часов ночи, в любом. Хоть озеро, хоть пруд, хоть колодец — везде вода святая в двенадцать часов"*» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; «*...Ну это и сейчас говорят, и раньше говорили, что в двенадцать часов ночи везде святая вода. На Крещенье.* — Именно на Крещенье? — *Да.* — И только в 12 часов ночи? — *Ну вот да — в двенадцать часов ночи на Крещенье.* — А если днём уже придёшь, она? — *Я уже этого не могу сказать.* — Но ходят ночью? — *Ходят ночью. Да*» [27 — 8: ЦРФ — 1035].

Почти для всех праздник, собственно, и начинался с ночного похода за водой. Воду брали везде: «*Вот там Попова гора, вон там наверху. И там снизу вытекает очень сильный источник, прям бьёт. Петру Первому возили отсюда воду. И туда ходят за водой и купаться, особенно на Крещенье. Оттуда воду берут*» [15 — 3: ЦРФ — 1016]; «*...Ночью ходили в двенадцать на колодец, брали воду...*» [11 — 3: ЦРФ — 1029]; «*По воду ходили в колодец.* — А для чего? — *А вот она за весь год... освящённая.* — Ну, а что с ней делали? — *Пили.* — Кто ее освящал? — *Не знаю. Тогда и церкви-то не было...*» [98 — 4: ЦРФ — 1053]; «*...Вот, например, в Кожине я там... у меня свекровь жила. Там есть болото такое. Прямо из болота брали-то. Больше негде брать. Из коло... А колодец-то еще в деревне... Но там большинство ходили, там вроде уж массовое гулянье устроят вот там. <...> Все бабушки встретятся. И они брали прямо из болота*» [118 — 5,8: ЦРФ — 1041]; «*А я сколько раз пробовала. Вон прямо в колонке налью или, когда у меня дома была вода, из крана налью. И всё также стоит, как и из церкви. Ни разу не портилась. Ни разу. Стоит как будто так вот из церкви принесёна*» [66 — 8: ЦРФ — 1039].

Многие стремились набрать крещенской воды раньше соседей и тайком от них. Таким образом, на крещенскую воду распространялись традиционные запреты и поверья, связанные с «непочатой» и «немой» водой, которая всегда ценилась выше: «*...А за святой водой вот в свой колодец. Бывало, в двенадцать часиков пойдем, чтоб уж никто не попался — никому ничего не говорить...*» [18 — 3: ЦРФ — 1028].

Однако прийти на источник в полночь не всем было под силу. Пожилые женщины, как правило, шли за водой уже под утро: «А вот крещенская вода. Ее когда берут? —

В Крещенье. Ночью. Ну, я вот ночь — в двенадцать часов — не ходила. А я ходила в четыре часа вот на этот, на колодец ходила. Вот» [122 — 8: ЦРФ — 1035]. Те, кто шел на источник, на реку, не только набирали воду для дома, но и купались, то есть «освящались»: «*Надо освящаться.* — А как освящаются? — *Как освящаются? Всё говорят, на реку в прорубь надо — обливаться или купаться.* — То есть вот освятиться можно только в Крещенье? — *Да. Только в Крещенье*» [7 — 8: ЦРФ — 1034]; «*Ходили мы на Крещенье за святой водой туда, на ключ мы ходили. Брали её мы в двенадцать часов ночи, и позднее, начиная с двенадцати-то часов, молились там. Но этот раз никто там не молился. А в те времена даже старые люди моего возраста и то купались в этой вот колоде-то...*» [101 — 3: ЦРФ — 1032]. Для некоторых традиция крещенского купания — смывания всех грехов — оказывается даже более важной, нежели просто хождение за водой: «*Я знаю, что одна женщина в Горьком... Она всё время молилася. У ней частный дом. И она всё время в двенадцать часов окачивается холодной водой.* — Вообще каждый день? — *Не каждый день, а вот именно в Крещенье. В двенадцать часов ночи... Вот сколько-то там первого. Вот в это время она окачивается холодной водой. Выходит даже на снег. На улице окачивается. А здесь я не знаю. У нас не было лично*» [27 — 8: ЦРФ — 1035].

Мысль о том, что вода в Крещенье освящается сама собою, разделяется не всеми. Многие убеждены, что вода станет святой только благодаря произнесению над ней специальных молитв: «*...Обязательно воду брали из колодца. Вот ровно в двенадцать часов. И церквы у нас не было, но бабушка одна была. Она ещё с крестом придет, в колодце эту воду вынимает ведро... И она крестик туда опускает... И она святила эту воду...*» [118 — 3: ЦРФ — 1015]; «*...Подходили. Конечно, оне молитвы знали. В то время, да?.. И, в общем, там принесут в ведре и распятьё. Распятьё три раза окунули*» [26 — 4: ЦРФ — 1051]. Некоторые считают, что святую воду можно взять только в церкви: «В Крещенье откуда брали воду, ходили за водой? — *А у нас в церкву ходили.* — А где у вас церковь была? — *В Гороховце только что <...>*» [110 — 4: ЦРФ — 1054].

Родник в д. Выезд. Колода, долбленная из дуба, работы местных мастеров. Начало 1980-х гг.

Из церкви воду приносили утром. После праздничной литургии из церкви все ходили крестным ходом на реку. Этот крестный ход в церковной традиции называли «ходом на Иордань». Здесь служили водосвятный молебен: «*Поутру поп идёт, и идёт за ним народ. Там прорубь была на речке, крест какой-то был, в проруби плавал изо льда. Оттуда водичку и брали. И служба шла на речке*» [31 — 3: ЦРФ — 1032]; «*<...> Там делали прорубь, но никто не купал-*

ся... Ходили в церковь. — А прорубь какой формы делали? — *Круглую, круглую, всегда круглую.* — И святили там воду? — *Да. И потом как-то брали там воду...*» [11 — 3: ЦРФ — 1029]; «А в проруби не купались? На Крещенье? Не было таких? — *Нет. Нет. Не находились такие.* — А потом эту святую воду домой приносили? — *Да. Кажный уж, бачок или там чего*» [29 — 4: ЦРФ — 1052].

Повсеместно распространены поверья, что вода в реках и источниках сохраняет свою святость в течение трех дней: «*Она три дня святая эта вода. Её три дня брать можно*» [118 — 3: ЦРФ — 1015]; «*И вот ночью всё ходят. Какая разница? Всё равно, мне кажется, раз она святая, значит, она в любое время святая. Три дня святая: 19, 20, 21-го*» [7 — 8: ЦРФ — 1034]. Кстати, именно на этом представлении основывается запрет стирать в эти дни [66 — 8: ЦРФ — 1039]. Что же касается святых свойств почерпнутой в Крещенье воды, то они неизменны в течение длительного времени. Однако мнения на этот счет расходятся: некоторые полагают, что крещенская вода никогда не портится, сколько бы ей ни пришлось стоять в доме («*...И вот приносили, и стояла годами — не портилась вода. Как сколько принесёно*» [18 — 3: ЦРФ — 1028]; «И вода стояла — не портилась? — *Нет.* — А почему? —*Она священна* (с недоумением). *Крестом.*<...>» [29 — 4: ЦРФ — 1052]); некоторые — что вода может стоять длительное, но всё-таки ограниченное время («*И эта вода иногда стояла несколько лет, ничего с ней не делается. Это всё было, всё верили, всему и всё справляли*» [11 — 3: ЦРФ — 1029]). Самое распространенное представление связано с годичным сроком хранения крещенской воды — до следующего праздника Крещения («*...И вот эта святая вода стояла у нас от одного Крещенья до другого...*» [66 — 8: ЦРФ — 1039]; «*Вы знаете, Крещенская вода — она <...> целый год может стоять. Будет она как слезинка. Ну уж там перекрестишь её, когда чего нужно-то...*» [122 — 8: ЦРФ — 1035]). Реже указываются меньшие сроки («*Хранят. И она не портится. <...> Она у меня полгода, больше стоит. Ничего ей не делается*» [27 — 8: ЦРФ — 1035]). Эти высказывания интересно сопоставить с теми, в которых речь идет о наговоренной воде. Именно способность крещенской воды длительно сохранять свою святую силу и отличает ее от воды, на которую нашептывают заговоры. Крещенская вода исцеляет всегда, а наговоренная «*только действительна в трёх днях*» [122 — 8: ЦРФ — 1035].

Общепринято хранить пузыречек с крещенской водой у икон. Однако в Гороховецком районе нам чаще приходилось слышать о том, что хозяйки ставят святую воду в холодное или темное место, считая, что там она лучше сохранится. На это следует обратить внимание, поскольку данный обычай явно противоречит только что процитированным фрагментам: «А где Вы ее храните, у икон или просто держите? — *Нет. Я храню её в холодильнике. В баночке в холодильнике*» [27 — 8: ЦРФ — 1035]; «*...Из подполья достала крещенской воды...*» [122 — 8: ЦРФ — 1035]; «*У нас у мамы всё время стояла вон в подполье на земле. <...> Она у всех была убрана. Вот именно убрана в темное место. Да...*» [66 — 8: ЦРФ — 1039].

В Крещенье только принесенной с источника водой было принято освящать дом, скотину: «*Опрыскивали и двор, и в избе, да. В Крещенье вот*» [8 — 4: ЦРФ — 1052]; «С этой водичкой приходят домой в праздник, вот взяли воду и? — *Приходят и это... дом весь осветят, и скотинку светят. Остальную оставляют.* <...> — А чем брызгали? Рукой? — *Рукой вот. Берут вот и с "Богородицей" брызгают.* — Читают Богородицу? — *Да, читают "Богородицу". Самая хорошая молитва. Или "Отче наш"* <...>» [118 — 5,8: ЦРФ — 1041]. Освящал дом и священник, который обходил в этот день все дома своего прихода: «*В Рождество вот, в Крещенье по домам попы ходили. Они приходили и это... святили. Они с водой.* — Это в Крещенье? — *В Крещенье и в Рождество приходили. А в Крещенье вот это кропило-то у них... Помню, пришли... ну это, наверное, в году*

сорок девятом, после войны... Мы с подругой были. А мама ушли в гости с отцом к тетке. Поп-то пришел... с дьяконом они пришли. Ой! <смеется> *А мы с ней сидим, не знаем, чего делать. Вот здесь встали у печки, стоим. А он тут святил, святил, брызгал, а потом ка-ак брызнет на нас! Она как закричит... Сима её звали...: "Ой, ой, ой, ой!" — "Что ты, что ты, дочка, не пугайся". Ну, я побежала за мамой. Мама пришла. Ну, им деньги давали*» [66 — 8: ЦРФ — 1039].

Использовали крещенскую воду, как уже было сказано, в течение всего года. Она была необходима в самых разных ситуациях: «А для чего она используется? — *Для здоровья.* — А дома что-то освятить? Во дворе ли скотину? — *Ну, можно* <...>» [7 — 8: ЦРФ — 1034]; «*Эту воду пили для здоровья, дома брызгали. И скотину брызгали, чтобы всё было в достатке*» [118 — 3: ЦРФ — 1015]. Но главным образом ее применяли для лечения: «*Ну, крещенска вода. Когда вроде заболели — попьёшь её*» [29 — 4: ЦРФ — 1052]; «*Говорят, больно хорошо помогает крещенская водичка-то. Вот кто встаёт... никак... вот выпьешь маленько этой водички, и, вроде, лучше*» [101 — 3: ЦРФ — 1032]; «*А так, чтобы заболел кто-то, всё говорили: "Сглазу, сглазу!". Ну, тут тоже поили святой водой. А так как теперь и моются и всё, так нет*» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; «*Вода. Я от бабушки слыхала. Она, грит, когда скотина заболеет, аль человеку давали. Попить аль умывали вот...*» [26 — 4: ЦРФ — 1051]. Многие, подчеркивая ее целебные свойства, рассказывали, как крещенская вода помогала их близким и им самим: «*...Пьют её. Вот я заболела, что-то мне не замоглось — я попила эту водичку*» [115 — 3: ЦРФ — 1019]; «*Мальчишка ночевал. И он так заболел!* <Омарина?> *тоже была. Говорит: "Бабушка, у тебя есть вода святая?". А я в церкви наливала ходила. Стояла. С девяти, наверно, до двенадцати. И вот ему дала. Умыла его. Дала попить. А он встаёт с дивана и говорит: "Бабушка, мне легче стало"*» [26 — 4: ЦРФ — 1051]; «*Теперь что же? Она уже у меня стала... небольшая это... уже ходить, бегать. И я её брала как-то с собой на работу. А мама не осталась с ней. У неё личико всё покрылось вот такими чирышками. Нигде не было. А вот всё лицо. Всё лицо. Клюнуть негде. Батюшки! Я прямо не знаю чего делать. Я с ночи-то сменилася. Сдала деньги, значит. С милицией мы ходим в товарную контору сдавать денежки. И пошла к этой Маше. В* <Пушкино?>. *Приехала. Я говорю: "Маш! Посмотри!". Она: "Ах! Батюшки!". Я говорю: "Ну, чего делать?". Я прямо заплакала. Чего делать? Не одно, так другое. Не другое — третье. Замучилися. И она вот это... крещенской воды взяла. Из подполья достала крещенской воды. И чего она уж пошептала? Чего ли? Факт тот, что как вот она умыла и теперича мне водички дала. И на второй день лицо чистое было. Вот вы знаете, как? Вот клюнуть негде было. Ни чирьи, а какими-то такими вроде чирьев что ли, а не поймёшь. Ей не больно. Ей не больно. Вот. И всё. Всё прошло.* — Крещенской водой? — *Крещенская вода. Её надо, видимо, ещё поговорить чегой-то...*» [122 — 8: ЦРФ — 1035]; «*В Крещенье за святой водой ходили. Одуванчики, лечебные цветы майские, вот оне... Шляпу, крышу надел одуванчик — всё, больше не будет. У меня ноги отнимались, шесть месяцев я движком двигала. Вот майские появились первые, я их щипала, в крещенскую воду клала. Валенки скину, буду в туфлях ходить, теперь стали ноги хорошо...*» [11 — 3: ЦРФ — 1031]. Пить крещенскую водичку следовало с молитвой: «А для чего ее обычно используют? — *Ну вот умывают, когда заболеют. Так пьют помаленьку. Пить надо помаленьку, по нескольку глоточков.* — А когда умывают, например, ей или просто болезнь, ее с какой молитвой надо пить? — *С "Богородицей". <...> Раньше дедушка у нас. Вот заболеешь. Он подойдёт невзначай и спрыснет. "Ой, дедя!" — "Щас получше тебе будет, получше"*» [27 — 8: ЦРФ — 1035].

Крещенская вода была важным атрибутом скотоводческой магии. С ее помощью освящалось начало каждого нового этапа в жизни скота. Она была необходима в мо-

мент покупки коров или коз: «*Корову покупали, сразу вели в ворота, ну, перекрестят её, святой водой побрызгают...*» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; отела и первого выгона: «*...Значит отелится корова, когда доить в первый раз, она идет, наливает в пойло ей и, когда моет вымя, наливает туда. И весной, когда выгоняют на пастбище, тоже этой водой обрызнет, так и погонит...*» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; «*...И скотину тоже кропили, когда первый раз выгоняли, в мае месяце*» [101 — 3: ЦРФ — 1032]. С помощью крещенской воды скот защищали от дурного глаза и от дикого зверя.

Таким образом, обряды и обычаи, связанные с крещенской водой, проходили через весь годичный круг жизни крестьянской семьи. Сам же праздник Крещенья в народном быту оказывался праздником водосвятия, главные события которого были связаны с «заготовлением» крещенской воды на весь год.

* * *

В отличие от Святок, которые под конец наделяли хозяйство сельских и городских жителей крещенской водой, весенний — предпасхальный — период народного календаря был богат обрядовыми предметами-символами. В это время в каждом доме на божнице появлялись освященная верба, пасхальное яйцо. Некоторые здесь же, у икон, ставили и четверговую соль.

Верба

Ветки вербы были главным атрибутом праздника Вербного воскресенья — последнего воскресенья перед Пасхой. Повсеместно имя этому радостному празднику, настроение которого явно отличается от предшествующего ему Великого поста и последующей Страстной седмицы, дали растения, которые первыми распускались навстречу весенним солнечным лучам[4]. В церковном календаре он именуется Неделей Ваий или Цветоносной неделей. У восточных славян евангельские вайи — ветви финиковой пальмы, которыми, по преданию, жители Иерусалима приветствовали Иисуса Христа, — заменила верба, мохнатые цветы-сережки которой проклевывались раньше, чем у других деревьев.

Расцветающая верба свидетельствовала о пробуждении земли, поэтому в народной культуре она стала символом быстрого роста, умножения, иногда плодородия[5]. Верба традиционно использовалась в магических обрядах, связанных с урожаем, плодовитостью скота и людей: ее клали в посевное зерно, втыкали в полосу или разбрасывали по полю, запекали в хлеб и давали съесть скоту и т.д. Она служила также оберегом от нечистой силы. В некоторых местностях верили, что верба может защитить от града, бури, пожара[6].

Освященные в Вербное воскресенье веточки вербы, по народным представлениям, приобретали удвоенную силу. Поэтому их старались хранить весь год, используя по мере необходимости.

В лес за вербой обычно ходили в Лазареву субботу, накануне Вербного воскресенья, причем делали это как правило на заре: «*В субботу ходили за вербой-то.* — Брали красную? — *Красную. У нас в Поташах-то у одных была. Здесь вот и нет нигде. Вербочка была...*» [8 — 4: ЦРФ — 1052]. Однако традиция эта соблюдалась не очень строго. С

[4] *Толстой Н.И.* Вербное воскресенье // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 70.

[5] *Агапкина Т.А.* Верба // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 69.

[6] *Холодная В.Г.* Верба // Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2002. С. 58—59.

закрытием церквей время заготовки вербы переместилось на сам праздник: «*На Вербное воскресенье все вербу ломали. На краю деревни у нас верба была. На неё молились...*» [79 — 3: ЦРФ — 1018]; «*...Где кто найдёт. Если пойдём, найдём — принесём. А не найдём — или провалимся, или чего ль* <...>» [62 — 3: ЦРФ — 1027].

Освящали вербу в церкви на вечерней службе в субботу или на праздничной литургии в воскресенье: «*...А если вербу нарвём, её на освящение носим в церковь. Её там... помолются над ней. И несём её — дома ставим...*» [62 — 3: ЦРФ — 1027]; «*... Вербное воскресенье. Вербу вот так ломали, да вербу приносили домой. Щас вот в церковь носили. Мы вот в церковь носили. Свящали нам вербу-то*» [7 — 8: ЦРФ — 1034]. В храмах было принято в эти дни ставить вербу к иконам: «<...> *На Вербное воскресенье ходили с вербами в церковь, их там святили и вербы приносили, ставили к иконам, и они стояли до другой уборки* <...>» [83 — 7: ЦРФ — 1005]; «Что делали с этой вербой? — *Что вот эта. В Вербное воскресенье на амвон клали, к иконкам* <...>» [8 — 4: ЦРФ — 1052].

Освященные веточки приносили домой. Ими били друг друга со специальным приговором. Особенно усердствовали дети, поскольку это гарантировало им здоровье и быстрый рост: «<...> *На Вербное воскресенье... "Вербой хлёст, бей до слёз. Верба бела, бей за дело". И вот все ребятишки начнут бить друг друга.* <...>» [64 — 7: ЦРФ — 1007]. Считалось обязательным в этот день поставить несколько веточек во дворе: «*Это было Вербное воскресенье специально. Ходили, святили, приносили её, втыкали. У меня вот скотина была, я приносила.* — А где втыкали? — *Где скотина и в доме её втыкали, где... От года до года.* — А потом? — *А потом новую приносили*» [103 — 6: ЦРФ — 959].

Верба, поставленная на божницу, стояла там в течение целого года, до следующего Вербного воскресенья: «Эта верба, говорят, весь год хранится? — *Да. Да*» [7 — 8: ЦРФ — 1034]; «*Обязательно вербу. Вербу использовали. И вербу всегда святили, и ставили вот к иконам. И вот я и то всё время соблюдаю. Вербочку вон из церкви принесу, посвятить... Вот и в нынешнем... Ира, принеси кустик вербочки там стоит, где Боженьки. Вот ещё и щас. Он уж весь это опал, голенькой, а всё равно... вон там белили мы вот на той неделе, и то я ее поставила обратно...*» [118 — 5,8: ЦРФ — 1041]. Однако некоторые хозяйки считали необходимым хранить вербу только до Егорьева дня (6 мая) — первого выгона скота: «<...> *Вербу берегли с Вербного воскресения до Егория, когда выгонять скот начнут. А Егорий на шестое мая*» [64 — 7: ЦРФ — 1007].

Веточки вербы брали с божницы несколько раз в году для того, чтобы использовать в хозяйственных обрядах. Их выносили в поле, чтобы защитить посадки: «*Были раньше жердея у нас. Жердея такие намеченные...* <...> *Жердея их называли.* — То есть полоски? — *Да, полоски такие.* — Это палки что ли стояли? — *Да, стояли. Колышки. И вот... Когда верба есть. Её ставим в конец*» [62 — 3: ЦРФ — 1027]. Без вербы невозможно было представить себе первый выгон скота в поле: «*...Как только скотину выгонять, обязательно с вербой надо*» [79 — 3: ЦРФ — 1018]; «*А вот когда, говорит, скотину выгоняют, этой вербой вот провожают скотину. Да. Да. Чтобы скотина паслась. Чтобы сохранялась. Святой вербочкой-то её провожают. Скотину*» [7 — 8: ЦРФ — 1034]; «<...> *На Егория скотину выгоняли с этой вот... вербой. Каждый кустик сорвёт вербы, и с вербой выгоняли. И к иконам поставят* <вербу>. *У нас божница была большая*» [64 — 7: ЦРФ — 1007]; «*А выгоняли скотину... вот эту вербочку. Вот после Вербного воскресенья в церкви брали вербочки. Вон у меня еще стоит одна вон... Высохла уж почти вся. Я не могу уж теперь в церковь-то. И с вербой, с "Богородицей" провожали скотину в стадо.* <...> *Скотину ведь ее выгоняют по-разному. Когда трава появится. Когда, бывает, рано, когда поздно*» [44 — 5,8: ЦРФ — 1013]; «*И когда первых выгонят коров — с вербой выгоняли.* — А для чего это делалось? Почему именно с вербой? — *Ну, чтобы сохранилась, скотина не болела.* — На Егория выгоняли? — *Кода как. Как время покажет. С иконкой кругом. Обойдёт с какой-то*

там с молитвой. — Кругом стада? — *Кругом стада. И подите с Богом домой.* — Все, кто пригнал скотину? — *Да-да.* <...>» [8 — 4: ЦРФ — 1052].

Роль вербы в ритуалах первого выгона была многообразна. Ею не просто провожали скот. Считалось обязательным дотронуться веточкой вербы до коровы, чтобы обеспечить ее плодовитость: «Вы, наверно, скотину хлыстали? — *Хлыстали.* — А для чего это? — *Кто её знает, не знаю.* — Для чего именно этой вербой? — *Уж надо. Было уж это не то, что... принято нами, это уж было... <...> Из поколения в поколение всё переходило всем*» [26 — 4: ЦРФ — 1051]; «*...Как яичком, её по всей спине водили. А потом обратно принесут*» [118 — 5,8: ЦРФ — 1041].

Освященную вербу в качестве оберега использовали и опытные пастухи: «*А вот у нас был очень умный пастух, он, бывало, вербу возьмет себе и в трубу заложит. Он больно хорошо на трубе играл — дядя Гриша. Он говорил, чтобы скотину собрать. У него скотина, как он задудит, и вся скотина выходит, а ведь она по всему лесу ходит...*» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

После того, как стадо уходило пастись, хозяйки расходились по домам. В некоторых деревнях было принято забирать вербу, с которой выгоняли скот, домой и снова ставить у икон: «*...Её не бросали. Чтоб её никто не топтал, ничего... Её обратно принесут*» [118 — 5,8: ЦРФ — 1041]; «А когда выгнали вербой скот, куда вербу девали? — *К иконам ставили, не оставляли в поле*» [101 — 3: ЦРФ — 1032]. Однако в ряде населенных пунктов сложилась иная традиция: вербу оставляли в поле («*...Эту вербу, где скотина, так клали.* — У вас, может быть, в деревне какое было место? — *Нет. Прямо в поле же клали.* — А не сохраняли её до следующей <...>? — *Да так она и лежала, и лежала*» [8 — 4: ЦРФ — 1052]) или «топили», бросали в воду («*На Егорьев день скотину вербой выгоняли, и на Егория коровам хвосты подрезали. Хвосты дома оставляли, а вербу топили*» [79 — 3: ЦРФ — 1018]; «<...> *А с вербой, каждый идет с вербой. Проводят скотину и бросают, когда домой идут — бросают эту вербу в водичку.* — На поле не оставляли? — *Нет. В водичку. В водичку.* — А зачем ее в водичку? — *Не знаю. Так заведено было*» [18 — 3: ЦРФ — 1028]; «*А эту вербу... скотину выгоняют табун... Выгон был. Вот этой вербочкой скотину гнали. И потом её у нас кидали в воду.* — Зачем? — *А уж мы зачем в воду кидали, не знаю уж, зачем. У нас было сколько воды, всё зальет, везде...*» [59 — 3: ЦРФ — 1029]. Иногда в деревне было строго определено место, куда все жители бросали вербу после выгона скота: «*...Скотину погнали и вербу взяли с собой. Выгнали. И у нас вон там канавка была, вон за деревней, и эту вербу все клали в эту канавку.* — Вот у вас было определено место специально, да? Не то, чтоб где-то в поле бросить? — *Да. Где-то там у нас как-то вот было, около поля канавка была. И вот каждый в эту канавку* <...>» [26 — 4: ЦРФ — 1051]. Интересно, что похожие действия совершались и с троицкой зеленью [11 — 4: ЦРФ — 1051].

Заключая рассказ об освященной вербе, отметим, что в Гороховецком районе она использовалась по преимуществу в скотоводческой магии. Другие ее функции, традиционные в обрядово-магической практике восточных славян, не получили здесь развития. Поэтому верба воспринималась главным образом как атрибут весенней обрядности, символизирующий начало нового хозяйственного цикла.

Четверговая соль

Важнейшим днем Страстной седмицы является Великий (Чистый) четверг. Именно в этот день наиболее интенсивно велась подготовка к предстоящему празднику Пасхи. Всё, что делалось утром Великого четверга, было направлено на благополучие дома и хозяйства в течение целого года. Не случайно так значимы в быту обрядовые предметы, приготовление которых было приурочено к этому дню. Известно, что во многих угол-

ках России хозяйки готовят в этот день специальный четверговый хлеб и четверговую соль. В Гороховецком крае необходимым атрибутом магической практики является именно *четверговая соль*.

Соль — универсальный оберег, широко используемый во многих обрядовых ситуациях[7]. Все, кто особенно нуждается в защите от черного глаза и нечистой силы, прибегают к этому надежному средству. Вот почему соль необходима таким субъектам обрядового действия, как новорожденный, невеста и жених, близкие умершего, которым в качестве оберега нередко дается специальный мешочек с солью. Эти представления нашли отражение и в заговорах, которые часто произносят на соль: «*"Хлеб да соль никто не сглазит, не изурочит. Так и мне, рабе божьей Марии, никто не сглазит, не изурочит. Аминь" (как встанешь утром, надо опустить безымянный палец правой руки в соль и с солью на пальце обвести лицо)*» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Соль, приготовленная в Великий четверг, считалась особенно сильной. Праздник увеличивал ее магические (целебные) свойства, поэтому в каждом доме берегли так называемую четверговую соль. Она использовалась прежде всего для лечения людей и скота.

Освящать эту соль в церкви не считалось обязательным: «Но четверговую соль в церковь не носили? — *Святить-то?* — Да. — *Всё можно в церковь носить. Но она сама собой святая на четверг... Да. Она сама собой.* — А ее у икон не держали? — *Нет, нет, нет* <...>» [60 — 8: ЦРФ — 1037]. Однако, как и в случае с освященными в церкви обрядовыми предметами, рассказывая о четверговой соли, информанты обязательно подчеркивают ее неизменные свойства: «*Ведь ей сколько хошь стой. Она не испортится, ни вкус не потеряет. Ну это... соль есть соль*» [60 — 8: ЦРФ — 1037].

Готовили четверговую соль всегда на заре. Известно несколько рецептов ее изготовления. Наиболее распространенным в Гороховецком районе способом было запекание соли в пресном хлебе: «*В Страстной четверг надо вот... соль в тесте запекают. Да. Вот для скотины хорошо. Вот, например, в животе заболит у скотины, вот её надо в пойло давать, эту соль. Вот успокаивает она... Это вот...* — А как же это соль в тесте запечь? — *Да. Вот соль в тесте.* — Ну, как это? Ставится тесто обычное? — *Да тесто. Вот я пресно делала и впекала. В тряпочку вот так её заверну. Да, заверну в тряпочку и положу в это тесто, испеку. Это вот соль — она четверговая, страстной-то вот недели. И сами другой раз её потребляем. Да, в пищу для здоровья хорошо.* — А вот этот хлеб, в котором она оказывается, куда идет? — *Ну, куда идет. Вот я собаке отдам... Туда и идёт. А куда его?* — То есть человек его не ест? — *Да куда вот если испеку пресное-то? Засохнет да зажарится. Кто его будет есть-то?*» [7 — 8: ЦРФ — 1034]; «<...> *Значит, запёкали в хлеб. Раньше хлебы пекли.* — А как? <...> — *Иль в эту, в тряпочку. Помню, помню. Это раньше в тряпочку в узёлок. Узёлком. И вот в хлебе запёкали. А уж чего вот, не помню.* — И что делали <с ней>? — *По-моему, не скотину ль поили этой солью, чтобы не болела?* — А что делали с хлебом, съедали его? — *Съедали. Наверно, в какое-то время это запекали*» [8 — 4: ЦРФ — 1052]; «*...Специально месили, хоть уж и сдобы не было никакой, ничего, а из ржаной муки всё стряпали. Хлеб-то, ну раньше сами хлеб пекли. Где... Вот... На мельницу ездили, мололи. И пекли. И запекали в хлебе. У нас бабушка вот, эти, такие были вот круглые, тазы называли, она в них, вот у нас была, два этих больших каравая пекла. И на противне, эти вот раньше, ну, продают сейчас беленькие-то эти ситники такие, а она ржаные пекла. И вот в этот каравай в узялок клала соли, и вот хлеб...* — И сколько она делала таких караваев? Один,

[7] *Валенцова М.М.* Соль // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 444.

два? — *Ну вот специально к этому дню она вот пекла хлеб. И она снова начинает... — Называлась она Четверговая. Тоже для скота. Для вроде лечения.* — Только для скота? А людям не помогала эта соль? — *Я не знаю. Может, и людям давали...*» [26 — 4: ЦРФ — 1051].

Существуют и несколько иные варианты пережигания соли в хлебе: «*Хлеб. Ржаной хлеб... Отжать, ну чтобы мешался... Сырая соль была... И режь, мешай хорошенько. В тряпочке разложить и сделать колобашечками, завязать. И в печку это... на дрова.* — Вот этот хлеб? — *Этот хлеб и соль. Всё вместе.* — Как? Это перемешивают? — *Хлеб смочить. Полбуханки хлеба, килограмм соли. Хлеб смочить водой, отжать и смешать с солью. Хорошенько перемешать. А потом на тряпочке разложишь, его это... сожмёшь, завяжешь и на дрова так... Теперь в бане пережигают. Русской печки нет. Вот так на дровах пережигали. А потом с неё весь хлеб-то обгорит, её обчистишь... всю и толчёшь.* — И толкут? И получается хлеб, смешанный... соль с хлебом? — *Да, да...*» [60 — 8: ЦРФ — 1037].

Прокаливают соль в печи и с квасной гущей: «*Ну, эту соль... Вот у нас раньше мама гущу кладёт, после кваса гущу, вот эту соль вот так смешат и вот в этот же лапоть такой, или там в чего-то другое... и в печку, это всё сгорит, и там останется такая... ком. И вот её едят, вот там вот... как и яйцо. Как яйцо ешь, так и эту соль. Это в четверг, в Великий четверг. Сейчас уже это не делают, сейчас молодёжь уже ничего не знает. Ну как это пер(е)дают, дак вот, вот у меня дочка, она говорит: "Надо соли пережечь, как хорошо". Вот теперь уж я пережигать буду. В духовке её не пережгешь*» [123 — 5: ЦРФ — 1009].

В результате пережигания в печи получается черная соль, которую дети нередко считают лакомством. Однако можно было приготовить и белую соль: «*В горшок глиняный кладут соли и заливают молоком. И тоже в русскую печку ставят. Будет совсем другой вкус.* — И это тоже делают в Великий четверг? — *В Великий четверг. Да...*» [60 — 8: ЦРФ — 1037].

Четверговая соль — и черная, и белая — это лечебное средство, которое было необходимо хозяйкам прежде всего для ухода за скотом: «*Вот один случай был такой. Приходила соседка. У неё заболела корова. Вот она приходила. "Матрёна Васильевна, у тебя нет четверьговой соли?". Ну ведь не каждый запекал. А она: "Есть". "Дай мне Христа ради!". Она давала. <...> А вот это уж не знаю она куда. В пойло ли, ноздри, может, натирала*» [26 — 4: ЦРФ — 1051]. Наряду с другими оберегами, четверговая соль использовалась и в день первого выгона скота: «*Это вот скотину бывало вот... в Вербное воскресенье вербочку дают, в Крестову неделю — половина поста — кресты пекут. Сгоняют скотину в Егорьев день и с вербой, и кресты, и сольцы вот посыплют на хлеб.* — И этим угостят и потом гонят? — *Да, да, да*» [60 — 8: ЦРФ — 1037].

Четверговая соль, как и все обрядовые предметы, изготовление которых совершалось в строго определенные праздничные дни, несла магическую силу Великого четверга в дела и нужды людей на протяжении целого года.

Пасхальные яйца

С предпасхальными и пасхальными днями народного календаря связано приготовление еще одного важного обрядового предмета-символа. Это *пасхальное яйцо.*

По народным представлениям, яйцо — начало всех начал, средоточие жизни, символ возрождения и плодовитости[8]. Это значение предопределило использование яйца

[8] *Виноградова Л.Н.* Яйцо // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 498.

в магической практике (в похоронно-поминальных обрядах, при строительстве дома, при уходе за скотом и др.).

Символика пасхального яйца, сложившаяся в церковной традиции, по сути та же. Как из яйца рождается новая жизнь, так из гроба восстал Христос. Обычай обмениваться окрашенными пасхальными яйцами восходит к первым векам христианства. Однажды св. Мария Магдалина поднесла императору Тиверию красное яйцо с приветствием «Христос воскресе!» Исполнив древний иудейский обычай, согласно которому уважаемым лицам принято было приносить какой-либо дар, пусть даже самый простой, она рассказала императору о крестных страданиях и Воскресении Иисуса Христа[9]. Случай этот получил широкую известность среди первых христиан, которые с тех пор стали дарить друг другу красные яйца в знак исповедания своей веры в Воскресение Иисуса Христа и Жизнь Вечную.

Красный цвет пасхального яйца также символичен. В народной традиции красный — цвет жизни, солнца, плодородия[10]. Согласно христианской традиции, он напоминает о том, что новая жизнь приобретена пречистой кровью Иисуса Христа. Кроме того, красный цвет является также символом радости о Его воскресении из мертвых, о победе над смертью[11]. Вспомним, что в песнопениях православного богослужения Христос именуется «солнцем правды».

Окрашенное и освященное в церкви пасхальное яйцо было не просто главной ритуальной пищей праздника Пасхи. Оно было надежным оберегом, являлось лечебным средством, способствовало плодородию земли и плодовитости скота. Не случайно каждая хозяйка обязательно заботилась о том, чтобы в ее доме хранилось такое яйцо.

Готовить пасхальные яйца начинали заранее, как и всю пасхальную пищу (куличи, сыры-пасхи). Яиц красили помногу: ими разговлялись, оставляли несколько штук на божнице у икон, жертвовали в церковь, обменивались с соседями, дарили ребятишкам, которые приходили поздравить с праздником, носили на могилы к родителям. Известно, что нередко приходилось «докрашивать» яйца в течение Светлой седмицы, но магической силой обладало лишь яйцо, освященное в праздник Пасхи.

Красили яйца обычно начиная с четверга: «Когда красили яйца или кулич пекли? Когда мама у вас пекла? — *Накануне. Даже после вот...* — В четверг, может быть? — *В четверьг, да...* — Или в субботу? — *Нет. В субботу уже грех. В четверьг сходют в церковь и там молются и читают в четверьг. От четверга целый — четверг, пятница, суббота, а в субботу уже собираются все в церковь*» [110 — 4: ЦРФ — 1054]. Однако в последнее время большинство хозяек красят яйца после того, как все остальные приготовления к празднику уже завершены, то есть в субботу: «*...В четверг, значит, начала печь. И вот как раз в четверг. Вот и с солью испекла тоже. А в субботу-то тут куличи и яйца красить. Вот уж эта Страшная неделя вся в делах...*» [7 — 8: ЦРФ — 1034]; «В какой день на Страстной неделе яйца красили? — *Ну, поди красили в Субботу Страстную*» [59 — 3: ЦРФ — 1029]; «*Яйца красить — суббота была перед Пасхой. <...> Красили. Вот мы луком...*» [62 — 3: ЦРФ — 1027]; «Когда красили? — *В субботу.* — В субботу? А не в четверг? — *Нет.* — А чем красили, как красили? — *<...> Вот от лука*» [26 — 4: ЦРФ — 1051].

Выкрашенные яйца не сразу клали на божницу. У икон следовало хранить только освященное в церкви яйцо: «А куда яйца клали? — *Ну, покаместь клали вон на полку, в чулан, в шкаф. А уж когда "Христос" запоют, вот клали... Это здесь, а в церквях, там*

[9] *Булгаков С.В.* Православие. Праздники и посты. Богослужение. Требы... М., 1994. С. 125—126.

[10] *Белова О.В.* Красный цвет // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 647.

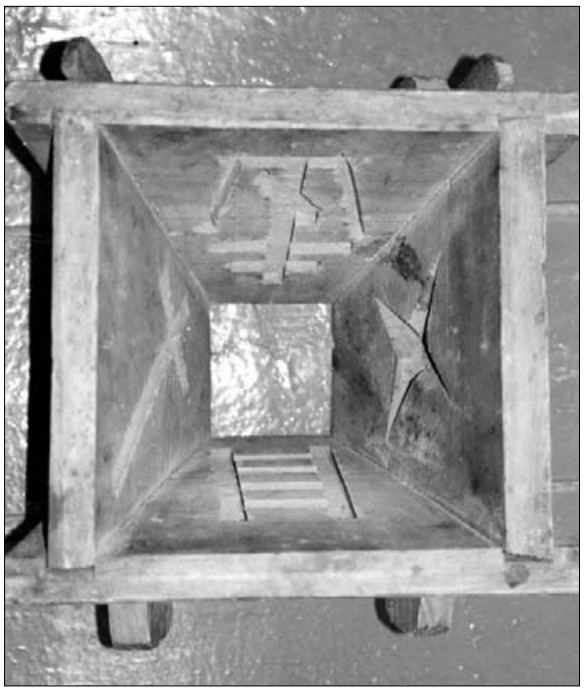
[11] *Булгаков С.В.* Православие. Праздники и посты. Богослужение. Требы... М., 1994. С. 126.

молились в субботу, в субботу и теперь люди молятся. Вот я давно не была в церкви...» [59 — 3: ЦРФ — 1029]. Однако в период, когда почти все храмы были закрыты, это правило утратило свой смысл. Яйцо освящалось самим праздником, поэтому хозяйка могла сразу положить на божницу несколько красных яиц: «Наварили яйца, покрасили их и куда? <...> — *На божницу несколько штук, а потом остальное-то, много-то наваришь...*» [110 — 4: ЦРФ — 1054].

После пасхального богослужения семьи собирались дома за столом, начиналось разговение. Открывался пасхальный стол освященным яйцом, и только после этого следовали другие праздничные блюда: «*Ну, вот в субботу она, как перед Пасхой, как Христос воскрес, вот она молится. А утром садимся завтракать — она нас христосит*» [26 — 4: ЦРФ — 1051].

В течение всего Светлого Христова Воскресения люди при встрече христосовались — поздравляли друг друга с праздником. При этом они обменивались крашеными яйцами. Ребятишки маленькими ватагами специально обходили дома, чтобы получить побольше пасхальных яиц: «*В Пасху ребятишки бегали в каждый дом за яичком. Я вот ходила только к своим родным. К чужим не ходила.* — А как они приходили? Они, может, песенкой какой тоже просили? Нет? — *"Христос воскрес!" говорили. "Христос воскрес!".* — Просто говорили? Не пели тропарь? — *Нет. Может быть, раньше пели? Не знаю. Не могу сказать. Не знаю.* — И давали им яичка? — *И давали им яички*» [27 — 8: ЦРФ — 1035]. Полученные во время таких обходов яйца использовались для игр, которых множество было у деревенской молодежи и ребятишек.

Однако яйцо с божницы не могло попасть в игру. Это считалось бы большим грехом. Именно оставленное у икон пасхальное яйцо наделялось особыми свойствами. Оно даже могло заменить крест или икону в некоторых случаях: «*У нас божница была уголком в деревне. Она* <бабушка> *ставила их* <пасхальные яйца> *на стол. Зажигала лампадку и свечку и молилась...*» [26 — 4: ЦРФ — 1051]. Такая сакрализация крашенного яйца не случайна. На нем, как свидетельствуют очевидцы, могут появляться лики, подобно тому, как они появляются на святых камнях или в святых источниках: «*Мы, интересно, были в Красном Яблоне — у нас ещё здесь храма не было — пошли в Красный Яблонь. И одна женщина принесла яйцо, которое у неё простояло год. И она говорит: "Вот понимаете, мне стало интересно, что там с этим яйцом". И она разбила. Верьте, не верьте, как хотите, но вот на этом, где яйцо (не где головка), прямо образ Пресвятой Богородицы. Ну, нарочно не нарисуешь ведь это, вот он прям отпечатался внутри там. Она разбила яйцо, и вот, говорит: "Смотрите"*» [63 — 3: ЦРФ — 1030].

Пасочница — деревянная форма для изготовления пасхи. Работа мастеров с. Фоминки. Начало XX в. Филиал Гороховецкого Историко-архитектурного музея-заповедника

Как и в случае со святой водой, люди верили, что освященное яйцо не портится в течение года, вплоть до следующей Пасхи: «*Вот хотите верьте, хотите нет. Я накрасила с десяток яиц. И вот мы ходили туда в церковь. А был обычай разговляться яйцами на Пасху. А мы устали, промокли, мы там через ручьи пробирались (правда нас перенесли), при-*

шли, открыли ларек. Мы зашли и давай яйца есть. И одно яйцо, я как на полку положила, у меня тут мануфактура была, туда и закатилось одно яйцо. Ну, я не сосчитала сколько, а надо было яйца беречь. Похристосывались тут, все поели. И забыла я про это яйцо, и оно у меня лежало. Ревизия прошла одна, вторая. И что-то было среди лета, я эти полки перетирала, влезла — яйцо. И ребятишек тут позвала, с которыми ходили, — у меня ещё яйцо пасхальное есть. "Ну, оно протухло! Тухлое! Тухлое!". Вы поверите ль иль нет, я разбила — ну прямо как слезинка, свежее, до чего душистое было яйцо. Вот оно пролежало месяцев, наверное, пять — и такое яйцо вкусное. Вот их перед Пасхой красили, и поп их святил, кистью какой-то брызгал» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

На этой вере основывалась традиция хранить пасхальные яйца у икон в течение длительного времени (год и более): «А до какого времени яйца лежали на божнице? — *Вот до какого положат, до такого и будут лежать. И год лежали*» [59 — 3: ЦРФ — 1029]. Эта традиция соблюдалась даже в тех семьях, которые не считали, что освященное яйцо способно сохранить свою свежесть до следующего праздника Пасхи: «*А так вообще хранились всегда яички дома. Всегда. Вот старые... старые люди... А почему вот щас не хранят?* <...> — А вообще сколько обычно пасхальное яичко лежит? Ну, вот, скажем, год, до следующей Пасхи или дольше? — *Дак десять лет будет лежать, чтобы его только не трогать. Вот мы только чуть его пошевелили, я иконки снимала белить там, и оно сразу лопнуло. А оно сухое там, всё...*» [118 — 5,8: ЦРФ — 1041].

Освященное пасхальное яйцо оберегало дом, охраняло его от нечистой силы. Если же случался пожар, именно яйцо с божницы помогало остановить огонь: «...*Вот, их оставляли, вроде, насчёт пожара.* — Что с ними делать, если пожар? — *Не знаю, чего. Вроде они загораживали от пожара, как будто защищало*» [59 — 3: ЦРФ — 1029]. Пасхальное яйцо старались бросить в самый центр пожара. Считалось, что после этого пламя начинает опадать и постепенно пожар стихает: «*А вот эти яйца, пасхальные яйца вот, говорят, как пожар загорится, надо одно бросить в пламя, и огонь никуда больше не пойдёт*» [79 — 3: ЦРФ — 1018]. Широко распространенные представления о том, что с пасхальным яйцом следует обходить горящее строение, не получили подтверждения в Гороховецком районе. Здесь для этого используется икона Божьей Матери «Неопалимая купина» (см. статью «Стихийные бедствия и пожары»).

Поскольку пасхальное яйцо было священно, берегли даже его скорлупу: «*Похристосила я эти яйца, ошелушены все эти я кладу в эту баночку, и они у меня стоят под образами. Скорлупки, да. Вот все говорят христошено надо беречь до другого христошенья...*» [115 — 3: ЦРФ — 1019]. К сожалению, никому не удалось вспомнить, для чего она была необходима, хотя известно, что скорлупа освященных яиц широко использовалась в хозяйственной магии[12].

Троицкая зелень. Троицкая березка

Весенне-летний период народного календаря давал обрядово-магической практике крестьянина-земледельца еще один важный предмет-символ. Он был связан с праздником, именуемым в православном месяцеслове Днем Святой Троицы (Пятидесятницы). В народной традиции этот день знаменовал собою конец весны и начало лета[13]. Он воспринимался как праздник растительности, набравшей силу; деревьев и трав, которые именно в это время начинали распускаться.

---

[12] *Виноградова Л.Н.* Яйцо // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 499.

[13] *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979. С. 188.

Символом бурного роста стала *березка*, которая открывала собой «зеленое» время года, — ведь листья на ней появлялись раньше, чем на других деревьях[14]. Ветки березы, использовавшиеся на Троицу, оценивались как надежный оберег. Повсеместно считалось, что, воткнутые под крышу, они защищают дом от молнии, а оставленные в поле, оберегают посадки от града, птиц и грызунов. Березовые ветки могли отогнать нечистую силу и болезни[15].

В Гороховецком районе заготовка *троицкой зелени* начиналась накануне праздника. В субботу из леса приносили молодые деревца и ветки, травы и цветы: «*...Берёзку наряжали.* — А когда наряжали? — *Накануне Троицы.* — В субботу? — *Да, в субботу.* — Или в четверг? — *Нет, нет, в субботу.* — В лес ходили? — *В лес хо... А у нас вон на задах лес-то полный. Ходили, ломали.* — Ее сразу ломали? — *Да. Сразу ломали и рядили окна*» [18 — 3: ЦРФ — 1028]. Поскольку символом праздника Троицы считалась береза, для украшения дома использовали в основном ее веточки. Однако это не означало, что зелень других пород деревьев не была пригодна для праздника: «*Бярёзки наряжали, дома. <...> Рябины наломаешь, бярёзы наломаешь. И вот на окна их натыкаешь*» [26 — 4: ЦРФ — 1051].

Деревца ставили перед домом под окошками, у крыльца, по углам дома, а ветками украшали оконные и дверные наличники, ворота и заборы: «*А берёзку, да... Не только в дом, и весь дом, и везде вот так натыкают. И с улицы. Наличники там. И ворота везде эти вот... Берёзу вот. Именно берёзу. Никакие больше кусты, а именно берёзу. Везде втыкали. И в дом, и в кухне. Везде. Везде, где можно, везде кусты вешали.* — А под иконы не вешали? — *И под иконы, да. Обязательно*» [66 — 8: ЦРФ — 1038]. Особое внимание обращалось на украшение окон: «*А Троицын день — пятидесятый день после Пасхи. Берёзками дома украшали наличники.* — Снаружи? — *Да, снаружи*» [27 — 8: ЦРФ — 1035]; «*Берёзки рядили. Принясём и на окошки натыкам...*» [35 — 4: ЦРФ — 1051]; «*...А к окнам ставили берёзки*» [86 — 3: ЦРФ — 1032]; «*У нас вот, бывало, эти окны* <уставлены> *все. Это уж так было заведено — все окны наряжали. И здесь... <...>* — А я вот посмотрела: у Вас березка воткнута в калитку. Это с Троицы осталось? — *Да. Кое-где. <...>*» [72 — 8: ЦРФ — 1035]. Тщательно украшался зеленью и приходской храм: «*В церковь... Я вот в церковь ходила в Духов день — как раз после Троицы на второй день. Я ходила в церковь. Там тоже всё устлано в церкви травкой этой, ну и берёзки везде там поставлены*» [7 — 8: ЦРФ — 1034].

Обычай выстилать пол травой сохранился в Гороховецком р-не не везде: «А в Троицу надо было березку приносить? — *Да. Вот на окошки берёзки втыкали с улицы. <...>* — А еще что? — *Где как. Где вот постилают траву дома, а у нас вот ничего. У нас ничего. Травы не носят домой*» [7 — 8: ЦРФ — 1034]. Однако этот обычай очень важен для понимания места праздника в годовом круге: «*До Троицы траву не косили, она и не съестная в аккурат на Троицу. А на Троицу чтоб окна все были уряжены берёзками, и в избе <...> прям в избе чтоб был пол весь устелен травой...*» [86 — 3: ЦРФ — 1032]. Запрет рвать и косить траву до праздника Пятидесятницы объясняют обычно опасениями лишить плодоносной силы наливающуюся соками зелень, а также побеспокоить обитающие в ней души умерших[16].

Принесенные из лесу веточки не только украшали строения. В Троицын день с ними принято ходить в церковь, где после праздничной литургии совершается освя-

---

[14] *Зимина Т.А.* Троицкая березка // Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2002. С. 578.

[15] *Виноградова Л.Н.* Береза // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 32.

[16] *Зимина Т.А.* Троицкая зелень // Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2002. С. 586.

щение зелени. В церковной традиции Троицкая зелень рассматривается не только как символ возобновляющейся весны, но и как «символ Церкви Христовой, которая... процвела... силою снисшедшего Духа Святого»[17]. Украшенный в честь праздника храм как бы являет собой Мамврийскую дубраву и Авраамову кущу, где некогда явился Триединый Бог. Освященные веточки несут домой к иконам, где они стоят, как правило, целый год, до следующего праздника Пятидесятницы. Правда, никому из наших собеседников не удалось вспомнить, как использовались эти веточки в течение года: «Троицкую березку ни для чего не использовали? — *Нет, я не помню. Нет, не использовали. Просто она стояла и всё. Стояла долго*» [118 — 5,8: ЦРФ — 1041].

Важную часть праздника Троицы составляли действия с украшенной березкой, за которой накануне праздника ходила в лес молодежь (чаще девушки): «А замечать берёзку вы заранее ходили? — *Заранее ходили. Это мы, наверно, ходили в четверг. В четверг, да.* — Значит, в четверг пошли выбрали ее... — *Семик назывался. А в воскресенье срубили сходили <...>*»[66 — 8: ЦРФ — 1038]; «<...>Березку когда ломали? В Троицу или накануне? — *Накануне.* — В субботу или в четверг? — *Как придётся. Как она во сколько она приходится. Не в один день бывает Троица. Вот сейчас Пасха не в один день бывает. А и Троица — у всех по-разному. <...>* — А эту березку рубили или в лесу так и наряжали? — *Нет. Принесём — в доме. <...>*»[1 — 3: ЦРФ — 1027]; «А в лесочке где-нибудь березку рядили? — *Вот так вот со ребятами ходили, украшали.* — А там косы... плели? Как на березке-то? — *Нет. Ленточки вязали*» [35 — 4: ЦРФ — 1051].

Украшение березки девушки считали важным делом: «*Всю зиму копили тряпочки. Вот Тёть Шура <...>у нас была. У Тони Сергеевой... <...> Ой, как мы собирали! Всю зиму! "Тёть, не выбрасывай лоскуточки!". Вон выбросила да вон выбросила. Побежим. Наберём всякие. Так нарядим эту...*» [1 — 3: ЦРФ — 1027]; «А чем украшали березку? — [Н.А.] *А берёзку украшали тряпочками, бумажками, конфетками.* — [Р.И.] *Ленточками.* — [Н.А.] *Как на ёлку, игрушек не вешали. А вот именно рядили её жёлтенькими, красненькими. Прям на каждый кустик навесишь бантиков...*» [69,125 — 6: ЦРФ — 1051]; «*<...> Берёзу наряжали обязательно, всякими платочками наряжали. У кого какой платочек красивый, привязывали и ходили...*» [11 — 7: ЦРФ — 1005].

Обычно березку устанавливали в деревне, в том месте, где собирается молодежь: «*Ну, Троицу — как обычно, гуляли, рядили берёзку.* — А когда ее рядили — в саму Троицу или заранее? — *В саму Троицу, вот как собираются все, нарядили и гуляли. Срубали берёзку, её, срубленную, привозили, ставили там в определённо место, где гуляли. И вот всякими тут и тряпочками, и ленточками, и всякими...*» [51 — 3: ЦРФ — 1031]; «*<...> Я вот даже помню, у нас срубали, ставили на прогоне, наряжали тряпками разными — красными, синими, и ставили стол, и так справляли. Прям вот полностью высокую срубали. <...> Принесут из леса, поставят на прогоне здесь, а потом в какой день это, пойдут топить берёзку в речку.* — А приносили березку заранее? — *Ну, может быть, не в саму Троицу. Утром вставали, я вот помню, уже была, стояла наряженная*» [86 — 3: ЦРФ — 1032]. В некоторых деревнях девушки носили березку с собой во время гулянья: «*И мы, значит, с вечера ещё рядили берёзку: приносили с вечера берёзку невысокую и приготовляли ленточки такие и завязывали бантиками. Не чем-нибудь, а только вот ленточками, разным цветом. И потом с этой берёзкой мы ходили по улице и пели. <...> «Во поле берёза стояла...». Несколько было песен про берёзу. <...> Не только про берёзу. Пели и другие здешние песенки <...>*» [11 — 7: ЦРФ — 1005]; «*Или по улице с этой берёзкой тоже с песнями. И долго очень...*» [11 — 4: ЦРФ — 1051]. Иногда березку устанавливали у дома, в котором собирались девушки: «...Носили ее по деревне или она стояла? — *Нет. Стояла на месте вот у кого-то*» [1 — 3: ЦРФ — 1027]. В деревнях, осо-

[17] *Булгаков С.В.* Православие. Праздники и посты. Богослужение. Требы... М., 1994. С. 144.

бенно в больших, наряжали несколько березок: «А ее срубали? — [Н.А.] *Срубали, конечно.* — [Р.И.] *К каждому дому. Все окна берёзками были обтыканы.* — У каждого дома наряжали или одну на деревню? — [Н.А.] *Нет, не одну. Вот, например, сколько-то человек собралось, пошли погулять, отметить Троицу — у них своя берёзка. У них своя... А потом когда уже разгуляются — и по деревне с песнями. Одна берёзка, вторая берёзка, третья, четвертая. В каждой бригаде по берёзке. Женщины собирались, наряжали*» [69,125 — 6: ЦРФ — 955].

Около наряженной березки обычно устраивали обрядовую трапезу. Многие источники указывают, что в Гороховецком районе «в ней участвовали только замужние женщины, потому день носил название бабьего праздника»[18]. Однако нами зафиксировано лишь одно такое свидетельство: «*Троицу помню. Когда чай пили. Берёзки свежие, вырезают берёзки. Повтыкают все. Ставят стол, лавочки. И вот в этом чай пьют. У какого дом повеселее, там и сделают прямо на улице. Стол выносили. Это больше чай пили взрослые — бабуси, матери и так далее. Больше видел, что чай пили только женщины*» [113 — 7: ЦРФ — 1004]. Во многих деревнях стол устраивали для девочек-подростков и девушек: «*А в воскресенье вот срубил её топором...* — А наряжали вы ее как? — *А чё вот? Посадят в табуретку. Тряпков каких-то навалят и навязали на неё...* — Ленточки? — *Да-а.* — Она стоит. А вы что делаете? — *А мы сели за стол.* <Начинаем> *есть окрошку и эту яишницу есть.* — И все? Это такое угощение? — *И всё. А больше-то чё? Мы ещё дети были.* <...> — А взрослые на Троицу что делали? — *Ну и взрослые также собирались...*» [66 — 8: ЦРФ — 1038]; «*Берёзку... приносили её накануне. Наряжали берёзку. Все девочки-подружки мои собирались в одном доме. К утру приносили у кого что есть: лепёшка, пирожок там, лапшевник какой-нибудь. Вот. Потом, когда берёзку нарядили, — пели. Пели песни про берёзку.* <...> *И "Во поле берёза", и там всякие были...*» [11 — 4: ЦРФ — 1051]. Со временем уже не считалось важным, чтобы за столом присутствовали только девочки и девушки. За стол допускались и ребята: «А девушки собирали стол в складчину или кто-то из родителей? — *Все вместе собирались девки-то.* — А парней пускали за этот стол? — *Бывали, соседские-то, конечно*» [86 — 3: ЦРФ — 1032]; «*Вот в Троицу мы все старались принести берёзки из леса. Около дома кружочком эти берёзки выставляли. Туда вносили стол и самовар. И с кем мы дружили, девчонки и мальчишки, каждый выходил со своей тарелкой. И было у нас чаепитие. У каждого в тарелке печенье, конфеты там, у кого пряники, у кого вафли, у кого чего, и вот сидели мы, как взрослые, и чаёвничали*» [83 — 7: ЦРФ — 1005]; «*Праздновали Троицу. Я была девчонкой. Мы собирались в каком-нибудь доме. Иногда у нас ночевали. Все девочки ночевали. Утром приносили еду. Кто кашу, кто лепешки, кто чего там.* <...> *Вот мы ели общий-то обед. Дети все. Что подруги были. И сколько нас было, садились, кушали. Мама общий обед готовила на человек восемь детей. Чай сладкий, конфеты. Всегда было интересно есть чужую еду... что девочки приносили с собой. Пели песни.* <...> *У кого сад большой, в саду стол ставили... Все, ребяты и девчонки, в юности... а потом уже повзрослели, нас на работу туда-сюда — и всё у нас кончилось это. Самовар ставили... не электрические, а такие с углями. Посуду чайную ставим и настряпок всяких этих. Докупали в магазинах и вот Троицу справляли. Когда сады цвели...*» [11 — 7: ЦРФ — 1005].

По окончании праздника, в Троицу или Духов день, березку разряжали: «<...> *Потом начнём развязывать её, опять эти тряпки складывать. Складывали. Выпрямим их*

---

[18] *Зимина Т.А.* Троицкая березка // Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2002. С. 583—584. Г.К. Завойко, описывая этот обычай, ссылается на наблюдения, сделанные в Неверослободской вол. Гороховецкого у. (*Завойко Г.К.* Верования, обряды и обычаи великоруссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3—4. С. 154).

вот так — и на будущий год» [1 — 3: ЦРФ — 1027]. Это значило, что с деревцем пора прощаться. Теперь его ждала гибель. В Гороховецком районе молодежь топила березку: «<...> *Потом её на другой что ль день раздевали и ходили мочить. Топили в воду*» [11 — 4: ЦРФ — 1051]; «*А потом несём. Все собираемся! Все. Обязательно она на Троицу до обеда стоит или до вечера. И собираемся её, берём — и к озеру. У нас мама "Да что уж вам, неужели её не жалко? Такая красавица! Ведь она смеётся. И какая весёлая! Ой, давайте не будемте топить. Чтой-то мы её, как утопленника?* <Смеётся> *Давайте не будем топить! Что уж вы, как за прегрешение её за какое! Оставьте её, оставьте!" И на другой день, бывает, и оставляли. Жалко* <...>» [1 — 3: ЦРФ — 1027].

В сознании многих потопление березки было связано с началом купания. После Троицы наступало лето, и молодежь, простившись с березкой, нередко сразу же бросалась в воду: «*...Это считалось началом купания. А берёзки мы красили тряпочками. Лент же не было. Мы нарезали тряпочки. Вот разноцветными тряпочками... А другой раз даже там женщина одна в деревне шила. Мы придем: "Тёть Вер, дайте нам тряпочек" . Разных вот обрезочков, вот таких линеечек. Мы эти берёзки накрасим и вот самую красивую берёзку брали шли на речку купаться. Берёзку мы топили. Мы купались, купались. Потом она у нас всплывала. <...> До Троицы считалось грех купаться. <...> И купались до Ильина дня...*» [83 — 7: ЦРФ — 1005]; «*А потом эту берёзку... Она нам сказала: "Надо её топить на Клязьму идти!". <...> И мы с этой берёзкой на плече отправились. <...> До того докупались, что в девять часов погнали скотину уже домой, а мы ещё на Клязьме. Батюшки!* <...>» [66 — 8: ЦРФ — 1038].

В некоторых деревнях сохранился другой обычай — ломать березку двенадцати апостолам в Духов день. Эти веточки лежали сорок дней, после чего их листья становились обязательным атрибутом похоронного обряда: «*Берёзку мы не рядили. Ломать — ломали в Духов день. Вот я топерича со стари веков. Вот старухи были, оне знали: в Духов день иду за берёзками, ломаю... Двенадцать святых апостолов, каждому апостолу по веничку ломаю, привожу их домой, веники, всю траву расстилаю в тени. Сорок дней пролежат эти берёзки, на сорок первый день выношу, обрываю каждый листочек, кладу в коробьё. Умирает человек, приходят* <...>, *насыпаю сумку листочков этих, беру свечку и иду. Вот прихожу, обмою, в гроб кладу листочки. В гробу четыре угла, всем четырём апостолам листочек, мёртвому — под подушку в наволочку листочек кладу*» [51 — 3: ЦРФ — 1031].

Таким образом, троицкая березка, хотя и не была «востребована» обрядово-магической практикой гороховчан так же активно, как другие обрядовые предметы календарного цикла, функционально всё-таки выходила за пределы своего праздника. А это, как уже отмечалось, является непременным условием бытования в традиции предмета-символа, который проходит через все уровни жизни и быта человека.

В заключение отметим, что набор календарных обрядовых предметов, традиционно использовавшихся жителями Гороховецкого района, некогда мог быть и шире. Однако сокращение или утрата некоторых обрядовых комплексов (например, жнивного, смысловым центром которого является *последний сноп / борода*) повлекло за собой забвение связанных с ними предметов-символов. Несмотря на это божница, которая всегда была средоточием собранных в течение года обрядовых предметов, и сегодня не пустует. Во многих домах, где нам удалось побывать, у икон можно увидеть вербу, пасхальное яйцо и троицкую березку, которые не утратили своего значения. Даже молодыми они воспринимаются не просто как память о прошедшем празднике, своего рода сувенир (как это обычно бывает в городе). Эти предметы являются оберегами, способными защитить дом и обитающую в нем семью.

В.Е. Добровольская
А.Г. Кулешов

Обрядовое печенье и его художественные особенности

Собранные материалы свидетельствуют о бытовании на территории Гороховецкого края множества разнообразных видов обрядового печенья и действий с ним связанных. Некоторые его формы бытуют и в настоящее время, другие сохранились лишь в памяти отдельных исполнителей.

Обрядовое печенье тесно связано с определенными, значимыми для народного календаря, датами (см. статью «Праздники»). В то же время нельзя не отметить, что разные по временной приуроченности изделия имеют сходную форму или семантически сходные названия. В данном разделе типы печенья будут рассмотрены как в контексте календарной обрядности, так и по семантически сходным группам.

Кокурки (колядки, каракульки, козульки)

Чаще всего эти печенья называются «кокурки», встречаются и другие названия: «колядки» и «козульки». Значительно реже употребляются такие названия, как «молочные кокуры», «куженки», «витушки».

Колядки

Печенье пекли из сдобного теста, чаще всего в форме лепешек с насечками. Иногда исполнители отмечали, что печенье могло иметь форму восьмерок, и лишь в единичных текстах упоминается о том, что печенье имело форму коровок: *«Каракулька была фигуркой. То кружочками, то восьмерками наделывали. А то — лапушочками. Они были — пресное тесто без сахара. Они были жаренные на сковородке»* [84 —

3: ЦРФ — 1017]; *«Оно разно было, лепешечки, витушки, а вот у нас мама коровок делала — коровку из теста лепила так. Тулово, рога — коровка»* [115 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Это печенье делали для награждения колядовщиков: *«А вот каракульки на Рождество пекли. И пели:*

— Каракулька-Таусенька!
— Ты где была?
— Коней пасла!
— А где кони?
— За воротами!
— А где ворота?
— Водой унесло!
— А где вода?
— Девки выжали!
— А где девки?
— За мужья ушли!
— А где мужья?
— На полатьях в коробу!
Подайте каракульку!
И обязательно каракульку подавать надо было»
[84 — 3: ЦРФ — 1017].

Считалось, что оно является обязательной наградой, в то время как другие предметы, используемые для одаривания, могли варьироваться. Существовало поверье, что если хозяйка не даст колядовщикам кокурку, то у нее в наступившем году не будет достатка.

Полагали также, что лучше всего подавать козульку через окно, *«а то пользы не будет»* [115 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003] и *«здоровья не принесет»* [21 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003]. Считалось, что если по какой-то причине козульку нельзя подать в окно, ее надо положить в корзину колядовщиков из-под полы: *«Когда они в доме "Коляду" поют, то кокурку им в корзину надо из-под одежи дать, фартуком руку закрыть, или там подолом. Чтобы богатство из дома не ушло»* [5 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Некоторые исполнители отмечают, что кокурками иногда кормили скотину, *«чтоб не хворала в новом году»* [117 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Лишь в единичных случаях встречаются упоминания о том, что козульки прятали в зерно, чтобы оно сохранило всхожесть: *«Кокурку в хлеб клали, зароют поглубже, чтоб всходило лучше»* [1 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

«Орехи»

Этот тип печенья изготавливали на Масленицу. Именно им и угощали парни девушек при катании на лошадях. «Орехи» делали из сдобного теста в виде небольших шариков, которые жарили в масле.

Постепенно, вместо или наряду с этим печеньем стали использовать настоящие лесные орехи, семечки и конфеты, и «орехи» из теста практически исчезли из обихода. Сохранились лишь отдельные поверья об этой традиции. Например, та девушка, которую парень первой угостил «орехами», *«жена это, значит, его будет»* [1 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003]. Существует и другое поверье: *«Вот если две девки разом, ну сразу, а не чередом "орехи" схватят — век им в девках сидеть, судьбы перепутаются»* [80 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Обрядовое печенье в форме крестов

В Гороховецком районе до настоящего времени сохранилось два типа обрядового печенья в виде крестов. Первое пекли на Крещение, второе — на Средокрестье.

Крещенские и средокрестные кресты изготавливали из пресного теста и выпекали в печи, а в настоящее время в духовках. И в то, и в другое печенье запекали предметы, по которым гадали: *«Складывала на блюда такие большие, один на один складывала. К столу ставили — выбирай. А мы еще посмотрим, положим, другой возьмем. Нам послаще надо. Большинство из пресного теста, их в печках русских пекли. Пресные они такие аккуратненькие. В пересечение палочек всё вкладывали»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Крещенские кресты

В крещенские кресты могли запекать всего два предмета: монетку и зерно (иногда зерно заменяли палочкой). Таким образом, большинство крестов были пустыми. Семья собиралась за столом, и каждый брал себе по кресту. Если внутри печенья участник обряда находил монетку, то считалось, что весь год *«у него деньги водиться будут»* [1 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003] и *«он богат будет»* [118 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003]. О зерне, найденном внутри креста, имелось два толкования. С одной стороны, зерно олицетворяло достаток и считалось, что *«тот, кому зерно досталось, весь год с хлебом будет»* [85 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003]. С другой стороны, полагали, что именно тот, кому досталось зерно, будет начинать сев: *«Значит, эту лучинку кому вроде засеивать, вота. Это вот будет сеять овес, рожь»* [61 — 3: ЦРФ — 1024].

Средокрестные кресты

Выбор предметов, которые запекались в средокрестные кресты, был намного богаче. По этим предметам судили о дальнейшей судьбе гадающего: *«Пекли кресты на весенний праздник. И в них клали кто чего. Денежку, пуговку, спичечку. Кому чего дос-*

Средокрестные кресты

танется. Если пуговка, то портной будет. Если денежка — богатый будет, а если спичечка — строитель» [118 — 3: ЦРФ — 1015]; *«Крестики делали в середине поста. В середине поста мама пекла кресты. Запекали в крестики все, что можно было. И уголек, и бумажку, и сахаринку, и денежку, и лучинку, все. Уголек — черная жизнью что ли говорили. Сахаринка — сладкая, бумажка — писарем будешь, лучинка — к покойнику, денежка — к богатству. Лук — горькая жизнь. Соль — соленая жизнь, к слезам»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Надо отметить, что если пустой крещенский крест не сулил ничего плохого его обладателю, то пустой средокрестный крест считался чуть ли не самым плохим жребием; хуже него могла быть только лучина или палочка, которая символизировала гроб и, соответственно, предвещала скорую смерть. Пустой крест толковался как знак тяжелой доли: *«Пустой крест — это плохо, это доля тяжелая, это твой крест, всю жизнь крест нести»* [51 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Большинство предметов, запекаемых в кресты, толкуется однозначно, однако некоторые имеют двойное толкование в зависимости от пола или возраста гадающего. Так, например, глина с печи, так называемая «печина», почти всем предвещает печаль, за исключением холостых парней, для которых она выступает символом собственного дома: *«Вот тебе печина досталась — к печали, к слезам, а если парню холостому — дом у него появится свой, строиться будет»* [23 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Точно так же уголь чаще всего толкуется как *«свой угол»*, но если он достается замужней женщине, то это предвещает ей неприятности в семье: *«Если уголь достался — свой угол будет, замуж пойдешь иль женишься, но вот если бабе замужней досталось — у ней в семье беда кака случится, что-то случится нехорошее, разлад какой»* [38 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Чрезвычайно интересно, с нашей точки зрения, толкование значения тряпочки, попавшейся в кресте. Если в кресты запекали только одну тряпочку, то молодым она предвещала обновку, а старым — смерть: *«Вот если молодому тряпочка досталась, то это к обнове, платье справить или что, если старухе — к смерти. Саван эта тряпочка, тоже обновка»* [80 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003]. Если же тряпочек запекалось две, то они различались по цвету (обычно в таких случаях одна была белой, а другая цветной) и, сохраняя значение «обновка и саван», теряли приуроченность к возрасту гадавшего: *«Вот тряпочки запекали, беленьку и цветну. Цветну вытащишь — обновка, белу — смерть, саван это твой. Хоть молода, хоть стара — всё одно»* [101 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Обрядовое печенье в форме птиц

В Гороховецком районе зафиксировано несколько типов печенья, имеющего форму птиц. В настоящее время большинство исполнителей достаточно уверенно говорят только об одном виде печенья — «жаворонках». При этом очень часто все печенья, имеющие форму птиц, объединяются под этим названием, хотя временная приуроченность «жаворонков» в таком случае может быть самой разнообразной. Однако существует группа исполнителей, которые если и не сообщают различные названия печений, то уверенно говорят о том, что птичек пекли несколько раз в год, они имели разную форму и с ними совершали разные действия. Некоторые из гороховчан помнят и названия того или иного печенья. По их рассказам можно восстановить,

какой тип печенья был приурочен к тому или иному дню. Можно с уверенностью говорить, что было четыре вида печенья в виде птиц: «жаворонки», «грачики», «птички» и «голуби»[1].

«Жаворонки»

Этот тип печенья делали следующим образом. Раскатанную лепешку разрезали ножом, и сегменты особым образом заворачивали к центру так, чтобы получилось туловище. Оставшимся сегментам лепешки придавали форму головы, крыльев и хвоста. На хвосте и крыльях ножом делались надрезы. Фигуркам делали глазки из засушенных ягод черемухи или березовых почек. Птичек выпекали в печи. С этим типом печенья дети и подростки, реже молодые девушки, совершали следующие действия. Привязав к птичке нитку, залезали на крышу сарая и раскачивали птичку, закликая весну: *«А выйдешь на сарай, привяжешь ее за нитку и кричим:*

Жавороночки, прилетите,
Красну весну нам принесите-ко,
Зиму холодную унесите от нас.

...Мы ее привяжем за ниточку и мотаем, а сами сидим на крыше и вот говорим. А потом ели этих жаворонков» [85 — 3: ЦРФ — 1032].

«Жаворонок»

Некоторые исполнители сообщают, что жаворонков не ели, а кидали с крыши.

Исполнители уверенно говорят, что жаворонков пекли в первый день весны, но первый весенний день в понимании исполнителей не совпадает с календарным началом весны. Чаще всего говорят, что жаворонков пекли, когда появлялись первые проталины или сходил снег. Иногда днем, когда пекли жаворонков, называется Евдокиин день, *«когда курица из Оки воды напьется»* [4 — 3: ЦРФ — 1032]. Если на Евдокию была оттепель, то *«жаворонков пекли на ее, если потекло, а если морозы — то нет»* [101 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Еще реже приготовление жаворонков смещалось к началу полевых работ: *«Как снег стает и земля теплая, так перед тем, как в поле ехать, жаворонков печем, печем тогда, когда весна началась»* [31 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Таким образом, точного дня, когда начинали печь жаворонков, народная память не сохранила, но, по всей вероятности, таким днем был день Евдокии-мученицы.

[1] Необходимо отметить, что данное название встретилось нам всего один раз, но мы будем использовать его, чтобы различать два типа печенья, которое чаще всего имеет общее название «птички».

«Грачи»

«Грачик»

В отличие от дня, когда пекла жаворонков, день, когда хозяйки делали «грачей» или «грачиков», известен точно — это день Герасима Грачевника. «Грачики» — это печенье из пресного теста. Хозяйка делала из теста толстый жгут и завязывала его узлом. Один кончик жгута поднимался вверх, и ему придавали форму головки с клювом, а другой расплющивался, и на нем делали три надреза. Иногда по краям туловища делали крылья, вытягивая тесто, а иногда — нет. Глазки чаще всего делали из черемухи. Иногда грачиков делали по-другому: *«Колбаска такая, разрежут ее, сделают головку такую, потом ножичком разрежут как воротничок и так продлят маленько тесто»* [84 — 3: ЦРФ — 1017], то есть жгут не завязывали узлом, а просто поднимали один край и опускали другой. Грачиков пекли в печке и раздавали детям: *«Вот мама грачиков напекёт и нам всем даст, мы рады, по улице бегаем, кричим, радость какая — грачиков напекли. Они вкусны»* [101 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Сохранилось упоминание о том, что грачиков использовали в магических целях: считалось, что их надо положить в семена, чтобы птицы на огороде не клевали семена из грядок: *«Грачика надо в семена положить, чтоб, значит, птицы огород не клевали, а то посодишь все, а они все и выклюют»* [85 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

«Голуби»

«Голубь»

Еще одно печенье в форме птицы пекли на Благовещенье. В настоящее время исполнители говорят, что на Благовещенье пекли птичек, однако некоторые уточняют: *«Птичек пекли на Благовещенье, говорили "Голубей печем", голуби назывались. Лепешечка плоская такая и ножиком птичку вырезашь, а у кого формы были железны, формой делали птичку»* [84 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003]; *«На Благовещенье птичек пекли. Поперек сделают два жгутика, это кры-*

лышки и головку приделают. Накладывали так. Тут хвостик надрежут, а там головку» [79 — 3: ЦРФ — 1018]. Это печенье было плоским и представляло собой, в большей или меньшей степени, стилизованный птичий силуэт.

Этим печеньем угощали всех, кто приходил в дом, но наиболее популярным оно было у девушек. Считалось, что если она первой даст голубя понравившемуся парню, он будет любить ее всю жизнь: *«Голубей вообще всем раздавали, кто в дом придет, тому и дают. Но девушки норовили своих парней угостить. Надо, чтоб он первым этого голубя съел, тогда он ее любить будет всю жизнь»* [101 — 3: ЦРФ — Р-Э: 0003].

«Птички»

На День Сорока мучеников пекли печенье, которое называлось «птички»: *«На Сорок святые <пекли>. Вот так вот тесто раскатаешь и вот — крылышки загнешь им и тыт носик сделаешь»* [18 — 3: ЦРФ — 1028]. Оно представляло собой шарик, у которого был сделан клюв, крылья и хвост. Фигурка была весьма условной, на что указывает второе название этого печенья — «колобки»: *«...Вот сделает вот такой комочек... головочку сделает и так вот рукой клюв. А этот хвостик-то — маленечко там ножом разляпает, разляпает»* [21 — 3: ЦРФ — 1023]. Каждая хозяйка должна была сделать сорок штук такого печенья. Его выставляли на улицу и угощали им «сорок утренников»: *«Мама всегда сорок их пекла, пекла и на улицу вечером выставляла Сорок мучеников — сорок утренников — сорок птичек. Утренники кормила»* [80 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Однако большинство исполнителей говорят о том, что птичек раздавали детям. В то же время некоторые из опрошенных указывали на то, что птички выполняли роль тайной милостыни: *«Вот их испекут и тихонько, чтоб никто не видел, вечером идут, когда темно, сорок милостынек положат, на крылечко положат, утром встаешь, а на крыльце птички»* [86 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Обрядовое печенье в форме лесенок

В Гороховецком районе изготовляли два типа печений-лесенок:

Лазаревские

Один тип представлял собой лепешку из пресного теста слегка вытянутой формы, на которой ложкой (реже ножом) делали насечки. Такое печенье готовили на Лазареву субботу *«... чтоб Лазарь за вербой лазил»* [61 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003]. Печеньем угощали родных и знакомых. Иногда в него запекали почку вербы, и тот, кому она доставалась, мог рассчитывать на удачу и богатство: *«Вот ешь и смотришь. Почка во! Радость кака! Богат будешь, удача у тебя будет»* [80 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Вознесенские

Другое печенье представляло собой лесенку с семью перекладинами. Пекли его на праздник Вознесения Господня и активно использовали как при гадании, так и в аграрной магии. Гадающие брали печенье и шли в церковь; отстояв службу, они бросали лесенку с церковного крыльца. Если лесенка разбивалась, то считалось, что после смерти человек окажется в аду, а если нет — в раю: *«Вот у мамы у нашей лесен-*

ка никогда не билась, она, знаете, действительно безгрешна женщина была, никто о ней ничего плохого сказать не мог» [21 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003]. Существовало и другое толкование этого гадания, связанное с представлением о семи небесах Апокалипсиса. Гадающий смотрел, какая ступенька лесенки отбилась, и считал, что именно на таком небе он и окажется после смерти: *«Раньше говорили, что это на каком небе окажешься, их семь небес, вот на каком окажешься, смотрели. Так бабушка у нас гадала всё — на каком небе»* [80 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Лесенки использовались также и в аграрной магии. Считалось, что после службы надо пойти в поле и поставить лесенку в рожь, *«чтоб рожь была высока и густа, чтоб до неба доросла, так вот все говорили»* [61 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Печенье в форме подковы

На праздник Флора и Лавра в Гороховецком районе изготавливали печенье в форме подковы. Надо отметить, что это единственный вид печенья, который не выпекал никто из наших исполнителей, и лишь самые пожилые помнят, как его делали их родители. Это печенье выпекалось из пресного теста.

Такие подковки приносили на службу в церковь и освящали там. После того, как священник обходил приведенных к церкви лошадей и кропил их святой водой, часть подковок скармливали животным, другие отдавали детям: *«Вот служба идет, подковки мама всегда в платочек белый заворачивала, они с ними службу отстоят, а потом к лошадям выходили, священник их обойдет и водичкой освятит, а уж хозяева кормят лошадок подковками, а что осталось детям дают»* [80 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Считалось, что подковки защищают лошадей от болезней: *«Подковками кормили, чтоб падежа не было, чтоб скотина не хворала»* [61 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

Некоторые исполнители отмечают, что часть подковок отдавали священнику, но что он с ними делал, не знают: *«Подковки священнику тоже давали, специально откладывали, а зачем, не знаю. У него тоже лошади, может, кормил...»* [4 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003].

* * *

Из всего вышесказанного следует, что в Гороховецком районе Владимирской области существовало множество видов обрядового печенья. Некоторые из них, прежде всего средокрестные кресты, а также кокурки, крещенские кресты, жаворонки, птички, изготавливаются и в настоящее время: *«Я вот кресты и сейчас пеку»* [101 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003]*; «Я жаворонков и в этот год делала»* [4 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003]. Сведения о других сохранились лишь в воспоминаниях исполнителей. Некоторые типы печенья прекратили свое существование в 50—60-е годы XX в., например орехи, грачики, голуби: *«Орехи моя мама для братьёв пекла, я для сынов пекла, уж для внуков нет, сейчас не пеку, сынам пекла, а внукам нет»* [21 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003]*; «Грачиков, когда дети маленькими были, делала, а сейчас нет. Внукам не делаю»* [84 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003]; другие — еще в начале XX в., например, лазаревские и воскресенские лесенки: *«Мама моя и бабушка они с лесенками гадали, я это помню, а сама-то я не гадала, в войну не до этого было, а после как-то не делали»* [1 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003]. Однако формы большинства этих печений бытуют как виды хлебных

изделий до настоящего времени: *«Вот тесто осталось от пирогов, я наверчу то лесенку, то птичку, если в масле пеку, орехи такие сделаю»* [115 — 3: ЦРФ — Р—Э: 0003]. Исключение составляют подковки, о которых помнят лишь самые старые исполнители. Эта форма не сохранилась в бытовой выпечке.

Надо отметить, что даже сохранившиеся до настоящего времени формы обрядового печенья в большинстве своем утратили ритуальную семантику. Исключение составляют лишь средокрестные кресты, с помощью которых гадают и в настоящее время.

* * *

Обрядовое печенье не считалось в народе произведением искусства. Между тем оно является предметом художественным, только особого характера. Не случайна его близость к вылепленным из глины фигуркам народных игрушек, резным рельефным деревянным изделиям и изделиям из щепы. Печенье, по существу, тоже может быть названо произведением пластики малых форм, хотя выполнено из материала непрочного, недолговечного. Изделия из теста в основном полностью съедались в праздничные дни, а если и сохранялись, то ненадолго, всего на два-три месяца.

Тесто мучное и глиняная масса имеют в народном представлении общую символическую природу, связанную с плодородием. Однако как пластические материалы они разные. Глина при обжиге быстро «схватывается», затвердевает и хорошо «держит форму»; хлебное тесто в печи расплывается, увеличивается в объеме — отсюда и иные образные особенности мучных печеных изделий. У них нет четкого контура (он всегда смягчен), нет сложной проработанности объемов и поверхностей, но в этом есть своя пластическая выразительность и свои декоративные эффекты.

Разные типы обрядового печенья

* * *

Исходя из формообразовательных особенностей, гороховецкое печенье можно разделить на следующие типы:

Объемная форма — печенье целиком вылеплено из теста в подражание живому образу:

«Орехи» — небольшие шарики из сдобного теста, повторяющие форму орешка.

«Птички» — шарик с клювом, реже два шарика, с налепными сложенными крылышками и хвостом, выпекавшиеся обычно из густого простого дрожжевого или пресного теста.

Фигурки, сформованные из жгутов обычного, простого дрожжевого теста путем наложения их друг на друга или перевивания, переплетения между собой:

«Кресты» (крещенские или средокрестные) — два жгута, наложенные друг на друга (верхний жгут скрывает помещенный в середину предмет-«жребий»).

«Грачики» — толстый жгут, завязанный узлом, или жгут из теста с поднятым в виде головки краем и расплющенным хвостом (такая форма встречается реже).

«Жаворонки» — повторяют форму грачиков (жгут, завязанный узлом) или создаются из двух перевитых жгутов.

«Лесенки» (вознесенские) — жгуты, сложенные в виде лестницы с семью перекладинами.

«Подковки» — жгут из густого теста, изогнутый подковой.

Лепешка с углублениями, нанесенными концом ложки, сделанными острием ножа насечками:

«Колядки» (кокурки) — лепешки из сдобного дрожжевого теста с насечками.

«Лесенки» (лазаревские) — удлиненной формы овальные лепешки из пресного теста с полукруглыми насечками-ступенями.

Плоская форма из тонко раскатанного пресного теста:

«Жаворонки» — фигурки птиц с широко раскрытыми крыльями, сформированные из сегментов и полосок тонкого теста. Часть сегментов особым образом завернута к центру и создает само тело птицы, а часть, вместе с полосками, используется для создания крыльев, головки и хвоста. На хвосте и крыльях часто делаются дополнительные надрезы.

«Голуби» — фигурки птиц, выполненные тем же способом, что и жаворонки, но имеющие другой силуэт.

Оба эти вида печенья в большей или меньшей степени повторяют характерные очертания летящей птицы: либо жаворонка (его отличает небольшой хохолок), либо голубя (у него маленькая гладкая головка).

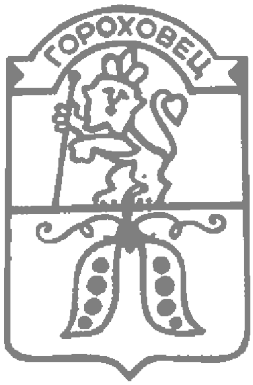
Проследить весь процесс изготовления некоторых видов обрядового гороховецкого печенья нам удалось в доме Тамары Павловны Ляшенко в самом Гороховце и в доме Клавдии Алексеевны Красновой в селе Фоминки.

Печенья украшают следующим образом. Прежде всего их смазывают растительным маслом, что делает поверхность теста золотистой, гладкой и блестящей, словно

играющей на солнце. Вместо глаз «жаворонкам» и «грачикам» вставляют ягоды черемухи или рябины, изюм, почки деревьев. Тельце могут обсыпать маком, имитируя оперение. Иногда тонкие веточки и травинки формируют хвост птицы и ее клюв. В уплощенных фигурках птиц («жаворонков» и «голубей») для передачи оперения использовали и всевозможные орнаментальные линии, выполненные острым ножом, параллельные или пересекающиеся в виде сетки. Печенья «кресты» и витые «жаворонки», «птички» и «грачики» при выпечке всегда набухали и становились объемными. Блестящая их поверхность чаще всего и не нуждалась ни в каких украшениях: выразительный эффект придавала сама пластическая форма. Уплощенные фигурки «жаворонков» и «голубей» в старину в подражание расписным печатным пряникам изредка покрывали цветной глазурью. Теперь их просто обсыпают сахарной пудрой.

То, что в Гороховецком районе до сих пор пекут традиционное обрядовое печенье и сохраняют в памяти его прежние образы, исключительно важно. Это свидетельствует не только о живучести традиций народной культуры, но и о том, что они востребованы сегодня.

ТРАДИЦИОННЫЙ ДОСУГ

И.Е. Посоха

Гуляния и посиделки

Гуляния

Гуляния и посиделки являлись традиционной формой досуга неженатой молодежи и давали возможность парням и девушкам познакомиться поближе, выявить свои симпатии, проявить художественные таланты. Гуляния проходили на открытом воздухе и начинались, как правило, после Пасхи, когда сходил снег и устанавливалась теплая погода. В селах и деревнях существовали определенные места, где собирались парни и девушки, чтобы водить хороводы, петь песни, танцевать, играть в любимые игры.

Современные исполнители отмечают, что традиционные места сбора молодежи находились либо в границах населенного пункта, либо за его пределами, на дороге или на мосту. «<Гуляла молодежь> *около дому где. На лугу. У конторы»* [119, 88 — 4: ЦРФ —1052]. *«Вот мост у нас был очень хороший. По бокам стояли перила, чтобы не свалиться. И вот у нас по этой речке было гуляние. И в эту и в эту сторону. Собиралось семь, восемь, девять, десять деревень. Приходили из Земленок, из Баландина, из Михайловки, из Татарова, из Раменок, из Горловки, из Святы, из Таранова. Ну, не все уж в один раз. В этот вечер эти пришли, в этот другие. И тут гуляли. Тут гармонь, тут балалайка, тут гитара. Каждый свое, кто чего: кто песни поет, кто танцует, кто чего»* [115 — 3: ЦРФ —1019]. *«Наряжено, срядные. И все с нашего с Заозерья. И вот туды гулять в этот лес. Не в лесину, а вот в лесу. Большая дорога называлась. На большой дороге вот гуляли. Песни пели. Да. Плясали, песни пели»* [41 — 4: ЦРФ — 1051].

В процессе экспедиционной работы были зафиксированы немногочисленные свидетельства о хороводах на территории Гороховецкого края. Хороводы водили *«только летом... ходим вот так вот кругом. Девки тут были. А вот парни в кругу. А вот ходят. Выбирают там девок. Круг сделали, вот, скажем. Ну, вот один к одному. И ходим. И он вот из кругу-то... А он в середке. И вот выбирали, котору хочет. Песню поет. Подходит к девушке, берет за руку и ловит. А то парами ходили вот. Вот у нас тут есть, дворянка называется.* <Место такое — дворянка>. *Хорошее место. Река. Вдоль реки вот тут местечко ровное. Дявчонкой хороводы водила. На праздники. Вот престолы наши — на Муромский, Покров. Это вот престолы, вот»* [29 — 4: ЦРФ —1051]. *«Ну, короводы делали на улице. На нашей улице вот. Да посреди деревни»* [59 — 4: ЦРФ — 1055]. (См.: том 2, № 116, 117 «А мы просо сеяли, сеяли», № 124 «Со вьюном хожу», № 133 «Казанскаю ее умницу да выведу на улицу», № 134 «По-за городу гуляю»).

Исполнители более молодого возраста называют хороводом составную часть кадрили, когда все пары встают в круг. «*У нас так и называли* "каравод":

Как на нашей на дворянке хоть коси траву.
Ой ли, ой ли, ой, люшеньки,
Хоть коси траву.
Приходили к нам гуляти с Дону казаки.
Ой ли, ой ли, ой, люшеньки,
С Дону казаки.

Это вот парами. Вот ходим. Здесь пара и тут пара. И тута вот крест на крест вот ходят. Вот пляшут-то это "Краковяк"» [102 — 4: ЦРФ — 1052].

На гуляниях пели песни, но, главным образом, танцевали под различные мелодии и наигрыши, названия которых обычно совпадали с названиями танцев (см.: том 2. Частушки и наигрыши). *«У нас кадрили не было. У нас был — "Коробушка", вальс. Потом еще "Краковяк". "Сашоночка" — это не наша, но маленько поигрывали. Вот "Русского" — это пляска вот это наша. "Барыня". "Сормовскую". "Золотые горы" танцевали.* <Вальсом ее танцевали>. *Берет парень тебя, там девка ли бывает, а гармонь играет. И это, водит»* [110 — 4: ЦРФ — 1054]. *«Ну, танцы были одинаковые. Не знаю, конечно, я ведь кое-где была. Нигде ничего. Бывало, плясали "Цыганочку", "Посошоночку", "Еропланию". Ну, "Ночка" — танцы тоже. "Ночка", "На реченьку", "Коробочка", "Тусеп". Ну, кадриль. В четыре пары, шесть пар. Восемь. Здесь народ — восемь желающие»* [59 — 4: ЦРФ — 1055]. *«"Цыганочку" плясали, "Еропланию" плясали. "Коробочку" — это танцы были. "Елецкого" плясали:*

Ой, Елецкого, Елецкого, Елецкого, ельца,
Никогда я не забуду, как я шлепнулся с крыльца»
[41 — 4: ЦРФ — 1051].

«А еще "Во саду ли, в огороде" был отдельный танец. Кавалер встает рядом с барышней, у барышни руки на поясе, у кавалера — одна рука на плече барышни, а вторая на поясе. Идут с дробью по кругу. Расходимся в разные стороны. И как-то кружились» [84 — 3: ЦРФ — 1017].

До середины XX в. особой любовью пользовалась кадриль, которую танцевали четным количеством пар в пять колен, сопровождаемых различными мелодиями и наигрышами. *«Как какой праздник, собиралось много народу и танцевали кадриль. Особенно любили кадриль. Кадриль у нас была под гармонь. Колен в кадрили много было и много партий собиралось. Обязательно нужна была для партии четверка. Таких четверок у нас бывало по три, по четыре. Еще подростком была, а высокая: когда не хватало, меня брали в кадриль. Танцует четверка одна, а остальные стоят по кругу, все четверки стоят по кругу. Парочкой, с которой танцуете, выстраиваетесь кругом. Я с ней танцую — мы стоим парочкой, а напротив стоит другая парочка, с которой мы танцуем. Кадриль начинается с того, что все выстраиваются кругом. Был у нас тут ведущий или командующий, не знаю, как его назвать, он нам приказывал: "Первая пара, выходи!" Вот, значит, нашу четверку считали первой парой. Мы выходим.*

<u>Первая пара</u> заключалась в чем. Первое движение было, игра была "Сормовского", "Сормовская". Гармонист играл, музыка "Сормовская". Начиналась она так. Кавалер берет барышню 1, вокруг себя кружит ее, барышню 1 ставит на место. Берет барышню чужую 2. Кавалер берет правою рукой ее левую 1, обводит. Рука барышни 1 произвольно, ногами пританцовываешь. Оттуда выходит барышня 2 в это время. Она встала 1, а та барышня выходит 2. Я поставила свою 1, как кавалер. Выходит ко мне другая барышня 2. Я с этой барышней 2 кружусь вот здесь, в центре. Она ушла 1, там стоит кавалер, а я кружусь здесь с ней 2. Она 2 вернулась к своему кавалеру, а я к своей барышне 1.

Конец первого колена — это проходная. Барышни идут так, а кавалеры так. Кружимся обе пары вот здесь.

<Сначала кавалер 1 крутит свою барышню 1, и барышня 1 остается на месте. Кавалер 1 выходит в середину и кружит барышню 2 из противоположной пары, причем держит ее, как в вальсе. Потом барышня 2 возвращается на свое место, а кавалер 1 на свое. Кавалер 2 крутит барышню 2 точно так же, как это делал кавалер 1, и выходит на середину накрест с барышней 1. Они крутятся посередине и возвращаются на места. Потом два раза делается проходка: сначала проходят барышни крестом, а потом кавалеры, то есть сначала девушки проходят от своего кавалера к чужому, а потом кавалеры от чужой барышни к своей. И потом обе пары крутятся на своем месте>.

Все, кто стоит в кругу, должны повторить это колено. Потом перерыв был, и музыка другая начиналась — "Краковяк". Второе колено музыка краковяка. Оно заключалось в чем. Кавалер так же крутил барышню вокруг себя, развернулись и кавалер крутит барышню в вальсе. Мы закончили, за нами делает противоположная пара. Опять проходная. И возвращаемся, опять кружимся здесь.

<Кавалер 1 обводит барышню 1 вокруг себя одной рукой и потом кружит, держа руки так, как их держат в вальсе. Пара напротив делает то же самое. Барышни идут в проходке первыми, а потом кавалеры. На одном месте после первой проходки остаются кавалер из одной пары и барышня из другой. После второй пары воссоединяются>.

То же самое делали другие пары. Ногами все также спокойно шли. Третья была цыганочка. Третье колено под музыку "Цыганочки". Обкруживает кавалер опять свою барышню за руку и сразу с ней кружится. Покружился с ней, выходит эта барышня на середину, теперь со своей и чужой — так называлась третья. Сначала со своей, а потом с чужой.

<Кавалер 1 обводит барышню 1 вокруг себя одной рукой и потом кружит, держа руки так, как их держат в вальсе. Потом кавалер 1 на середине кружит барышню 2, потом барышня 2 возвращается к кавалеру 2, а кавалер 1 к барышне 1. Кавалер 2 крутит также барышню 2, а потом выходит в центр и крутит барышню 1. Потом проходка, сначала барышни к чужим кавалерам, а потом кавалеры к своим барышням. Воссоединившиеся пары крутятся>.

Третье — это соединено первое со второй. Первое танцевали с чужой, а потом со своей, а тут со своей и чужой.

Дальше была самая интересная. Любили больше всего четвертую, общую. Командующий кричал: "Общий круг!" Встали все в круг, взялись за руки. Все четверки. Пошли столько до своих мест по часовой стрелке. А музыка — "Русского", русская пляска пошла. Дошли до своих мест и наоборот, назад пошли. Хлопнули, топнули и повернулись, назад пошли. Дошли до своего места, ведущий объявляет: "Поворот, пошли обратно!" Опять дошли до своего места, опять хлопнули, топнули. И ведущий объявляет: "Общий поворот!" Это теперь мы уже должны парами взяться, один раз переворачивается. Дальше он объявляет: "Променаж с правой!" Тут все стоят. Что это за променаж? Это с правой руки мы начинаем вот так и идем по кругу.

Каждая пара расходится и, пройдя круг, встречается на своем месте. Обходим полный круг, подавая то правую, то левую руку. Мы дошли, встретились. Ведущий объявляет: "Полный оборот!" Общий оборот со своей парой. Потом командует: "Променаж с левой!" И опять пошли, только теперь с левой руки. Опять до встречи. И опять командуют: "Оборот!"

Потом я забыла, как это называется, то же, что рукой, только под ручку делают. По кругу точно так же, только под локоть. Встретились со своей барышней и, держась под руку, кружимся вот так. Пока с правой шли, кружимся в правую. Теперь команда с левой, и мы пошли с левой. Потом встретились и покружились вот так! Когда с левой, то кружимся, как в вальсе. Это закончилось. Четвертая фигура закончилась.

<Все имеющиеся четверки по команде распорядителя кадрили попарно движутся по кругу. Дойдя до своего места, каждая пара топает и хлопает, после чего поворачивает и делает второй круг в обратную сторону. Движение осуществляется сначала по часовой, а потом против часовой стрелки. По окончании второго круга, достигнув своего места, каждая пара топает и хлопает. После чего по команде распорядителя пары кружатся. Затем распорядитель объявляет «променаж с правой», и все участники, подавая соседу правую руку, двигаясь по кругу, расходятся от своей пары. Встретившись, по команде распорядителя каждая пара кружится. Затем то же самое повторяется, только подается уже левая рука. Встретившись, пары кружатся, а затем по команде распорядителя начинается движение по кругу, при котором каждый участник берет соседа под локоть правой рукой. Встретившись со своей парой, участники кружатся, на этот раз держа друг друга под руку. Затем такое же движение происходит в противоположную сторону. Сойдясь, пары кружатся, как в вальсе>.

Пятое колено. Ведущий объявляет: "Барышни, в звездочку!" Барышни встали с правой руки сначала. Правую вверх, а вторую на пояс. Барышни встали и пошли. "Кавалеры, к барышням!" Кавалер кладет руку на плечо, себе руку на пояс, и пошли. "Оборот!" А затем делают проходные. "Первая пара проходная!"Сначала барышни, а потом кавалеры. Тут же командуют: "Вторая пара проходная!"» За первой — вторая. Тут же: "Третья проходная!" Все пошли. Общий оборот.

<Барышни встают боком друг к другу, и правую руку, согнув в локте, поднимают кверху. Таким образом, из поднятых рук образуется конус, а барышни, стоя в затылок друг к другу, образуют круг. Кавалеры, положив руки на плечо своей барышни, образуют второй круг. Кладут на левое плечо барышни свою правую руку. И они делают круг. Возвращаются на свои места. На своем месте каждая пара кружится. Потом то же самое делают с левой руки. Потом звездочку делают кавалеры, сначала с правой руки. Подошедших к ним барышень кавалеры держат за талию. Опять делают круг, затем кружатся. Потом то же самое кавалеры делают с левой руки. Вернувшись на свое место, пара кружится. А затем делают проходные. В каждой четверке сначала барышни меняют кавалеров, а затем кавалеры возвращаются к барышням. Когда все четверки совершили проходные, все пары кружатся, совершая полный оборот.

Третье колено можно было играть под Цыганочку, а можно под «Во саду ли, в огороде»> [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Главным героем во время молодежных сборов был гармонист, так как от его мастерства во многом зависело, как пройдет гулянье. Не случайно гармонистам посвящены циклы частушек (см.: Том 2). Исполнители вспоминают, что по качеству игры и инструмента они узнавали того или иного музыканта задолго до появления его на гуляньи. *«Все знали, кто идет. Гармошка у кого. Знаем, у кого гармошка. Слыхать — Петька, значит. Петька идет. Мы знаем: у него гармошка есть. Он приходит не первый раз. А своя была — Ваня Бубнов. С гармошкой. Наш сосед. Частушки все пели, частушки. Всякие. И "Цыганочку" плясали, и "Елецкого" плясали. Кадриль была попарно. Много было* <фигур>. *То ли четыре, шесть? Много. Кадриль мы ее называли. Потом "Цыганочку" плясали. Дробили. Вон у нас вот дробили хорошо. Хорошо, весело было»* [62 — 3: ЦРФ —

1027]. *«Это знаете, что я хочу вам сказать, я вот знаю, как вы играете на гармошке. Я слышу и говорю: "Вот идет Вырин" или: "Идет Шаров". Игру мы знали. Кто на гармоне играет. Кто с гитарой ходит мы уже знали: "А это тот-то идет"»* [79 — 3: ЦРФ — 1018]. *«А летом был у нас клуб на лугу: четыре лавочки делали. Вот с гармонью приходили: из Тененкова Годолов Коля приходил, Вася Казенов — другая гармонь, наш гармонист был Вася Набатов, звали Гвоздок, из Липовки Борис Лексанрыч. Вот сидим на лавочках, липовских ждем, и Вася один приходил без гармони. Бывало, липовские идут, вот к речке станут подходить — запевают. Борис Лексанрыч начинает играть. Вот оне все поют, как к речке подходят: мы знаем, это идут липовские. А тут танцы начинались, вот. Народный танец был "Краковяк", "Народного". А Степанчиковы к нам приходили: "Нет, девчонки, давайте по нашим названиям: у вас "Народного", а у нас — "Краковяк". Что "Краковяк", что "Народного" — один танец.* "Краковяк" был *под гармошку. Как начинают гулянье, всегда "Краковяк", весь народ в танцах. А кончается гулянье, последний танец — опять "Народного". Кадрель танцовали, танцовали — это все было. Тут пара и тут пара, тут все парами, парами. Ой, было дело, было дело»* [23 — 3: ЦРФ — 1031, № 30].

Малолетние ребятишки на гуляния не допускались, однако они часто бегали смотреть, как веселится молодежь. Особенным удовольствием для малышни было подстеречь влюбленную парочку и в игровой форме попросить поцеловаться. *«Вот у нас ребята гуляли, а мы, маленькие, за ними бежим, как собачки. Вот они сядут, парами разойдутся. А мы — к ним: "Посветите дорожку, посветите дорожку!" Некоторые поцелуются, а некоторые пендель дадут. "Посветите нам дорожку!" — это поцеловаться. Просветят нам. Некоторые довольные — целуются. Всегда искали, где парочки»* [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Константин Иванович Забегалов, д. Чулково

Довольно часто на гуляниях возникали разногласия между молодыми людьми, и в этих случаях могла возникнуть драка, воспринимаемая исполнителями как ритуальное действие, без которого невозможно разрешить конфликтную ситуацию. Примечательно, что дрались в основном незнакомые друг с другом парни. *«И дрались. Все там было. Робяты дрался. Дярутся вот там вон, например, которы незнакомы-те. Ну, как? Друг с дружкой надо подраться. Можа, выпьют, можа, чего нету-то. И раздерутся»* [41 — 4: ЦРФ — 1051].

Посиделки

После Покрова и в течение всего зимнего периода девушки собирались на вечёрки (посиделки, беседы) в доме одной из подружек, чьи родители не были против подобных собраний, или специально договаривались об откупе дома для посиделок с кем-нибудь из одиноко живущих односельчан. Посиделки могли быть рабочими, когда девушки рукодельничали, как правило, шили, вышивали, вязали, и праздничными, которые были приурочены к какому-нибудь календарному празднику. Однако исполнители обычно отмечают, что работа и развлечения чередовались в течение одного вечера. *«В наших местах было заведено, клубов еще не было. При нас-то уж были, в наше время уж были клубы-те. Были вот какие, значит. Мы, например, дружим вот семь девчонок — это наш хоровод называется, дружат другие пять девчонок — у них другой. Мы снимали "келью", кто нас пустит, посиделки вроде бы, вечерами-те ведь надо где-то проводить время-то. И мы снимали. Собирались там, приносили керосину, нынче моя очередь, завтра твоя, по четверке приносили, висячая лампа висела, и никто, бывало, не загасит*

Нижегородская прялка, д. Ивачево

лампу. Ну и что, чем мы занимались? Кто пряли, кто куделю, кто вязали, кто шерсть пряли, я вот прясть могла что угодно. Я и здесь всю жизнь пряду. Пряли, вязали, я вязать горазда, все вяжу: и кофточки, и платки вязала, и ажурну вязала. Вот такой обычай был — сидели. Приходят, например, ребята с гармошкой, начинают песни петь, плясать. А как ведь плясали деревенские? Поют и пляшут, поют и пляшут. Вот Семеновну пели и плясали. Ну, как пели. Ну, например, играет гармонист, выходит пара: одна песню споет, другая; одна песню споет, другая. Я любила страдания, лучше всех любила страдания. Я так любила страдания. И пели мы все эти страдания. У меня голос грубоватый был, но очень складный» [99 — 5: ЦРФ — 1009].

«Приходили к Нюре, она старше меня, приходили. Нас отец не больно гулять пускал. Вот к нам придут домой: кто вяжет, кто чего. Кто чулки вяжет, кто кружево вяжет, кто чего. И чулки вязали мы для себя, носки вязали» [10, 80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 003]. *«А мама вот рассказывала, они вот, это самое, пряли, ткали, на вечерки собирались. Вот мама приданое себе готовила, они собирались. Вот у какой-то подруги соберутся, мать разрешает или там бабушка какая-то, ходили, даже платили ей. И они, значит, там сидят, и ребята приходят. Кто там с ребятами дружит, несколько поговорят, а никуда не ходили, никакие гулянки. А мы уже в другое время росли»* [63 — 3: ЦРФ — 1030].

«Клуба никакого не было. В деревне в дому гуляли. У меня был большой дом, к нам заходили. Кажная со своим парнем приходила, гуляли. Дома оне не курили. Гулянье было хорошее, не дурачились. А сначала собирались, все вязали, кружева вязали. Ребята все сидят на полу, на полу, не курили. А мы — за столом: хто вяжет, хто строчит, без дела не были. Не на машинке строчим, *а были круглые, на пялицах вот выделывали. А песни мы не пели, мы за делом заняты. Они уговариваются: "Ну, теперь хватит вам работать, давай пошли". Все встают, выходят, всё своё собираем, одеваемся и уходим. Было дело. В тиши мы делали каждый свое, а тут считаешь петли — вязать-то, петли надо считать, а то не то и выйдет. Петь — уж когда кончали вот. А сидели с лампами. А на улице пели, все пели»* [23 — 3: ЦРФ — 1031].

К середине XX в. местом встреч сельской молодежи становятся клубы и дома культуры, предлагавшие новые формы досуга: просмотр художественных и документальных фильмов, участие в любительских объединениях и кружках художественной самодеятельности. Здесь же устраивались танцы и молодежные гуляния. «*Сначала вот был в Волчихе у нас клуб. Мы туды ходили. Там кино другой раз ставили. Не каждый день, но кино. И так гуляли в клубе... пожилые женщины, они старинны песни пели. Бывалошные-т песни хорошие. Да мы уж не пели. Мы уж пели такие...*» [119, 88 — 4: ЦРФ — 1052].

Ю.М. Киселева

Игры

Среди народных игр и забав существует много разновидностей. Они могут быть связаны с определенным обрядом, подразделяться на детские, молодежные или взрослые — женские, мужские или смешанные. Взрослые игры, как правило, были приурочены к календарным праздникам и изначально имели магический смысл. В Гороховецком крае были широко распространены начинавшиеся после Пасхи и продолжавшиеся обычно до Вознесенья игры с крашеными яйцами. Яйцо в народной культуре символизировало жизненную силу, и, конечно, пасхальное крашеное яйцо наделялось особым магическим статусом. Поэтому игры с пасхальными яйцами должны были вызывать плодородие земли, способствовать росту и благополучию всего живого. Среди разнообразных действий с яйцами наиболее традиционны катание яиц и закатывание их в ямки, разбивание яйца яйцом или мячом, поиск яйца. Играли как дети, так и взрослые; и мужчины, и женщины. В гороховецких играх отразилось принятое в России повсеместно распределение ролей[1]: мужчины предпочитали катать и выбивать яйца, женской же забавой было искать яйцо в кучке. В играх мужчин преобладал соревновательный элемент.

На Троицу и, видимо, в другие летние праздники в Гороховецком крае мужчины играли в лапту, к ним обычно присоединялись и дети.

Катание яиц на Пасху

Яйца ставили в ряд и старались с некоторого расстояния разбить какое-нибудь из них другим яйцом.

«На Пасху яйца катали. Вот делали ямки. Ямок шесть-семь. И вот катали яйца по ямкам. Это моя ямка, это моя. В чью ямку угодит яйцо, тому и досталось. Пяткой, только пяткой провертывали ямки, больше ничем. Везде играли. У нашего дома, у соседнего, везде играли» [115 — 3: ЦРФ — 1019].

«Мы играли с яйцами на улице, выходили, вот так ставили их в ряд и яйцом катали, которое разобьется — значит ты выиграл. Их просто по земле катали. Тут наклонная дорога, по тропке так и катали» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Могли катать яйца с помощью мяча или другой биты. Вот описание аналогичной детской игры с мячом:

«Яйца по улице катали. Вот яичко положим и мячик, а когда плохая погода, у нас дом-то получше был, к нам все собирутся, ребятишки, мальчики и девчонки, все. Все соберемся, яичек наложим и мячиком катали. Мячик попадет, значит, яйцо твое, не попадет — нет. Разобьют, подойдешь к маме:

— Мама, сменяй яичко. Яичко разбили.

Мама сменяет, даст другое» [80 — 3: ЦРФ — Э — Р: 0003], *«А мужчины, у них шар был,*

---

[1] *Морозов И.А.* Игры народные // Славянские древности. Т. 2. М., 1999. С. 382.

такой сделанный как сейчас футбольный мяч. А он не был такой круглый, а вот такой (овальный). Ставили как козны (они раньше в бабки играли, в козны) яйца. Поставят там рядами яйца и вот этим шаром катают. Если выбил, значит твое, а не выбил — проиграл. А после игры кто выиграл, кто проиграл, складывались, выпьют, поют-гуляют» [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Яйца ставили на одну линию и с некоторого расстояния вышибали мячом. Если игрок выбивал яйцо из ряда, он брал его себе и считался выгравшим. Не выбивший считался проигравшим.

«Свекровь Елены Сергеевны Парфеновой любила. Делался тряпичный мяч. Ложили подряд яйца. Бросали этим мячом. Попал в яйцо, выиграл. По типу "в кегли"». [89 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004]

Реже встречались «женские» игры, в ходе которых яйцо нужно было не катать, а прятать:

Две грудки

*«У нас было в деревне заведено такое. В Воскресенье (*имеется в виду Пасха. — *Сост.) нет. После Воскресенья до Вознесенья каждое воскресенье. Вот у нас в деревне, среди деревни натаскивали опилков очень много. Играли в яйца. Спрячут. Вот две грудки. У одной яичко, у другой нет. Вот играют. Взрослые играют. Женщины. Вот опилок, я рукой вожу туда-сюда (дугой), туда-сюда, ну, потом вот сделала межу, тут грудка и тут грудка, яичко в одной грудке. Я прячу яичко, а вы ищите. Если вы нашли яичко, начинаете вы прятать. Надо найти яйцо. А я себе забирала то, которое найду. Который выигрыш. Можно играть вдвоем, а можно один на один. Мужчин мало было. Который любитель подойдет там с женой ли, с сестрой, с подругой, чтоб пара была. Они пара и мы пара. Мужчины мало играли»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

В эту игру играли вдвоем или пара на пару. В куче опилок один из играющих прятал яйцо, водил в ней рукой и, в конце концов, делал межу, которая делила опилки на две кучи (грудки). Другой играющий должен был определить, в какой грудке яйцо, и найти его там.

В подгрудки

«В эту игру играли женщины. Играли две пары. У сараев собирали две грудки (кучи) из опилок ли, трухи. Для этих игр женщины надевали широкие платья. Одна приседала над этими грудами. Нужно было незаметно положить яйцо в какую-нибудь грудку. А другая пара должна найти с первого раза — "срывают". Если не угадали, то первая пара продолжает прятать. А если из второй пары кто-то нашел яйцо, то они начинают прятать» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Лапта

«На Троицу мужики играли в лапту, а ребятишки в чижа». [121—4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

«В лапту играли. Как только праздник какой-то, взрослые собираются, а мы мелкота за ними. Ну там два здоровых мужика — это они матки. От столба до столба мяч гоняли» [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Игра издавна была привычным занятием детей. Она помогала им осваивать окружающий мир, учиться взаимоотношениям в крестьянской среде. В Гороховецком районе зафиксированы разнообразные детские игры, от игр малышей, с простыми движениями, сопровождавшихся песней и сохранивших древние обрядовые мотивы

(«Заинька во садочке», «Каравай», «Поспел мак»), до подростковых и молодежных игр — более подвижных, сложных и нередко предполагавших выбор пары.

Младшие дети играли в «Заиньку во садочке», «Как на Валины именины», чуть постарше — в «Гуси, гуси — га-га-га», «Маки, маки, маковицы». У подростков выделялись игры для девочек — «в царевну», «в камешки» и мальчишечьи игры — в лапту, в городки, в «попа гоняла», в горелки. Общими для девочек и мальчиков были игры в чижа, «по-за кругу», с мячом, «не на дереве ногой», в прятки.

Деревенская молодежь (лет 15—16) на посиделках играла «за номерами», «за ремнем», «в жучка», в «третий лишний», в «фантики», в садовника, в кольцо, в красочки, «в курюкошки», в проходку, в карты: в пьяницу и в хрю-хрю.

Изготовление куколок

«Куколок из тряпочек нашьем, и руки, и ноги, и глаза нарисуем. И маленьких, и таких, и таких. И папу, и маму, и детей маленьких, и каляску из коробки какой-нибудь сделаем» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Заинька во садочке

«Все дети ходили по кругу. Один в центре круга. Все пели:

Заинька во садочке,
Серенький во садочке,
Вот как, вот как
Во садочке.
И вот эдак
Во садочке.
2. Заинька, рви цветочки...
3. Заинька, вей веночки...
4. Заинька, на головку...
5. Заинька, сбрось с головки...» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004]

Каравай

«Дети идут по кругу и поют "Как на наши именины"». [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004]

Гуси-гуси, га-га-га

«Садились друг за дружкой.

— Гуси-гуси!
— Га-га-га!
— Есть хотите?
— Да-да-да!
— Ну, летите вы домой!
— Серый волк под горой.
— Вы летите, не робите,
Своих крыльев не жалейте.

"Волк" после этих слов ловит "гусей"». [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Маки-маки

«Маки, маки, маковицы,
Золотые головицы,
Станемте вот так,

Спросите про мак.
Ермак, Ермак,
Поспел ли мак?» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

В царевну

«Чертили классики, квадраты. Кидали галашки, галандки и прыгали на одной ноге по квадратам, выигрывали "дома"». [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

В попа гоняла

«Наподобие как в городки. Мальчишечья игра, как в городки. Обтесывалась палка и по ней били битой по всей деревне из конца в конец» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

В чижа

«Палками или лопатками. Маяли. Чертили круг, и в него нужно попасть» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

По-за кругу

«Весной, когда вытаивал бугор, идешь в валенках туда, там разуешься, играешь босиком. Чертился большой круг. Делились на две партии: одна в кругу, другая — по-за кругу. Прятали мяч за пазухой, и никто не знал, у кого мяч. Если угадают, у кого мяч, то меняются местами команды. Водишь — в центре. Бывало, подолгу не угадывали» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Не на дереве ногой

«Бегали ловили друг дружку: надо было успеть стать на какую-нибудь деревяшку или дерево, забор, приступку и т.д. Тот, до кого дотронулись на земле, — водит. Кричали: "Не на дереве ногой, нынче хлеб дорогой"» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

В жучка

«Один отворачивался спиной ко всем, выставлял ладонь сзади. Ему стукали по ладони, и он должен угадать, кто ударил» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

В фантики

«В шапку собирали фантики. Потом вынимали и говорили: "Этому фантику прокукарекать!" и т.д.» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

В садовника

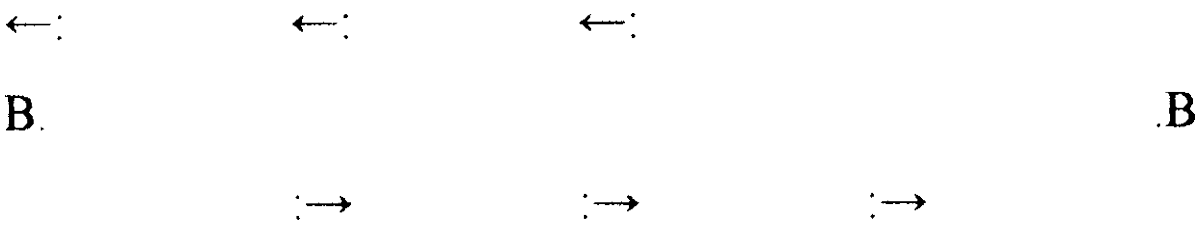
«Каждый назывался каким-нибудь цветком. Об этом знал только "садовник" и ты.
— Я садовником родился,
Не на шутку рассердился:
Все цветы мне надоели,
Кроме розы.
Роза вскакивает» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

В курюкушки

«Завязывали глаза. Ловил, угадывали, кто это. На посиделках играли зимой» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

В проходку

«От дома до дома ходят парами:

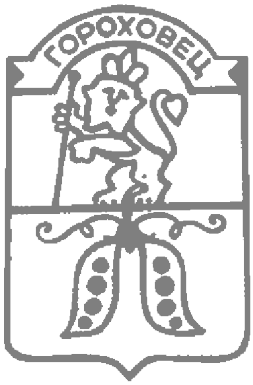
Подходит к В первая пара. Если нравится ему кто-то, он берет ее и идет дальше с ней. Оставшийся один, ждет другие пары, которые пройдут через него. Не нравится, обычно говорили: "Бог подаст!"»[1] [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

Хрю-хрю

«Собирали масть: сошлась — ты выиграл. У кого не сошлось, тот был "свиньей" и кричал: "Хрю-хрю"» [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004].

[1] На схеме: В — это ворота, стрелками обозначено движение пар.

ОБРЯДЫ СЕМЕЙНОГО ЦИКЛА

В.Е. Добровольская

Родильно-крестильный обряд и обряды первого года жизни

Родильный обряд в силу изменений в социальной жизни региона сохранился в Гороховце отрывочно. Несмотря на фрагментарность, можно выделить определенные этапы родильно-крестильной обрядности. Это предродовой период, собственно роды, послеродовой период, крестины, обряды первого года жизни ребенка. Безусловно, в силу целого ряда причин не все эти периоды представлены в наших записях равноценным материалом.

Предродовой

Предродовой период соотносится в традиции Гороховецкого края лишь с приметами, по которым определяли пол ребенка, а также с суеверными представлениями, связанными с ожиданием младенца.

Так, чтобы определить пол ребенка, совершали следующее действие: *«Чтобы узнать, кто родится у роженицы, женщину сажали на пол, потом велели подняться. Когда она вставала, смотрели, на какую руку она опиралась. Если на правую — сын, на левую — дочь»* [13 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 7]. Пол ребенка определяли и по форме живота роженицы: *«Смотрели по животу. Если живот шишом выпирает вперед, родится дочь. Если живот в боках — сын»* [13 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 7]; *«У беременной женщины живот шишом — мальчик, по бокам — девочка»* [92 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 9].

Необходимо отметить, что еще на свадьбе совершался ряд магических действий, призванных обеспечить ребенку привлекательную внешность. Так, молодых угощали молоком с ягодами и углем, чтобы дети были румяными и черноглазыми: *«Вот когда приезжают после венца, молодым сразу наливают молока. А в молоко кидали угли, чтобы дети были черноглазыми»* [59 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Родовой

Роды в Гороховецком крае сопровождались большим числом обрядовых действий. Еще в начале XX в. в некоторых деревнях Гороховецкого уезда был зафиксирован обычай во время родов ставить *«у бани высокий шест, либо выставлять родильную рубашку; родственники и соседи по этим знакам навещают в бане больную и приносят гостинцы: белый хлеб, овощ и прочее»*[1].

---

[1] *Завойко Г.К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. Вып. 3—4. С. 171.

Наши исполнители говорили о том, что роды чаще всего проходили в бане: *«Как бабе родить надо — ее в баню ведут, и там уж она родит»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Наиболее пожилые исполнительницы вспомнили, что родня приходила в баню и приносила роженице угощенье, но о шесте как об опознавательном знаке не вспомнил никто: *«Как бабу в баню отведут, к ней родня начинает ходить, подарки носит, что-нибудь вкусное»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Когда у роженицы начинались схватки, повивальная бабка принималась расчесывать ей волосы. Считалось, что так роды пройдут легче: *«Вот как роды начались, бабушка у ней волосы расчешет, чтоб, значит, ни одного узелка не было, если хоть один узелок будет — родить трудно»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Чтобы облегчить роды, повитуха просила отца ребенка открыть все двери в доме, а иногда и во всем хозяйстве: *«Когда баба родит, повитушка просит отца все двери в доме открыть, а если роды тяжелые, то во всем хозяйстве открывают: и курятник, и хлев, и все ящики в комоде бывало выдвинут»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Существовали и профессиональные приемы облегчения родов, которыми владели только повитухи. Так как институт повитушества отошел в прошлое, нам удалось записать только один заговор на облегчение родов: *«Вот когда баба родить не может, говорят: "Пойду, помолясь, выйду, перекрестясь, на широкий двор, в чисто поле, на море-киян. Как на море-кияне стоит бел-горюч камень Латырь. На бел-горюч камне Латыре сидит Мать Пресвятая Богородица. Помолюся-поклонюся Матери Пресвятой Богородице: "Матушка Пресвятая Богородица, сыми с серебряна пояса златы ключи, отопри ворота костяны, выпусти на свет Божий младеню. Будьте мои слова крепки. Аминь"»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Если ребенок не кричал после рождения, его могли шлепнуть или подержать над дымом, чтобы вызвать крик или чихание: *«Вот зажигали крашенину. Вот дымит она крашенинка-то. И вот она водит ребенка над этим дымком. Вот зачихал»* [13 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 7]; *«Если ребеночек не кричит при рождении, его легонько стукали»* [92 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 9].

Считалось, что судьба ребенка определена заранее и изменить ее нельзя: *«Ребенок родился – ему уже Бог назначил жизнь во чреве матери, как ему прожить: или до глубокой старости, или он появится на свет, не открывши глаза, или ему удавиться, или в огне сгореть. На все воля Божья»* [92 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 9].

Если у женщины рождались дети одного пола, а она хотела другого, то сразу после родов необходимо было завернуть послед в одежду, принадлежащую мужчине, для того чтобы родился мальчик, и наоборот: *«У меня сестра была, вот она родила всех мальчишек. Вот чо делать-то. Вот там говорили, что там место завертывают в мужское, в мужскую одежу. Если девочку хотят — в женскую, а мальчика — в мужскую. Вот и завернула, и девочку родила»* [59 — 3: ЦРФ — 1029].

Послеродовой

Послеродовой период включал в себя действия очистительного характера. К сожалению, нами не зафиксировано никаких очистительных обрядов, за исключением упоминания о том, что через шесть недель роженица обязана взять в церкви очистительную молитву. Лишь некоторые исполнители вспомнили об обычае одаривать после родов повитуху: *«Повитухе после родов дарили платок или отрез на кофту, а то и на платье, смотря по достатку хозяев»* [92 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 9].

Крестины

Крестильный обряд не сохранил богатой обрядовой семантики. Помнят, что выбирали крестную и крестного из родни или друзей, стараясь подгадать, чтобы крестная не была беременна: *«Крестной беременной быть нельзя, если она беременна, то она для своего младенца у крестника всю силу возьмет»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В церкви старались заметить, поплывут или утонут волосы младенца, брошенные священником в купель. Если волосы тонули, то считалось, что младенец скоро умрет: *«Если волосики тонут – худо, помрет младенец, не жилец он. А если плывут – долго жить будет»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Обряды первого года

Обряды, связанные с первым годом жизни ребенка, затрагивают в основном сферу здоровья ребенка и отлучение его от груди.

Лечение крика

Если ребенок много кричал, нужно было совершить следующее магическое действие: *«Закрываешь крючок на двери и говоришь: "Крюк, крюк, возьми моего младенца крик". Три раза»* [13 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 7].

Иногда, чтобы ребенок не кричал, могли совершить ритуальное отдавание младенца нищим. Считалось, что если подать ребенка в окно как милостыню, все болезни младенца прекратятся, так как их заберет нищий: *«Если очень кричит младенец, ждут, когда кто под окно просить придет. Вот придет нищий, а ему в окно ребенка подадут: "Возьми Христа ради!" Три раза так дают. Все говорили, нищий крик заберет. Так, когда болел, тоже делали – болезни нищему отдавали, а ребенок здоров»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Лечение щекотунов

Если ребенка мучили щекотуны, черные волосики на плечах и спине младенца, то их выкатывали с помощью дрожжей, замешанных на грудном молоке: *«Брали вот женское молоко. Сразу как нацедят. Туда чуть-чуть дрожжей. И дают, чтобы дрожжи поднялись. И потом вот этой... Она такая густая масса получается. И спинку вот так намазываешь, намазываешь.... Все делаешь по часовой стрелке. Все. Намазываешь, намазываешь, и они оттуда выходят»* [53 — 3: ЦРФ — 1025].

Существовал и другой способ: *«На спину ребенка стрекали из груди молоко, а затем хлебным катышем катали по этой щетинке и волосы выходили на хлеб»* [13 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004. Т. 7]. Иногда щекотуны выводили одним молоком.

Лечение желудочных колик

Если ребенка мучили боли в животе, то прибегали к помощи профессиональных знахарок, которые брали младенца и передавали его через развилку дерева матери, произнося определенные слова: *«Буквально через несколько дней моя дочка начала, значит, ногами сучит, кричит – жидкий зеленый стул. Я прихожу к ней. Она как раз из церкви-то шла. Вышла такая лохматая. У нее один глаз был такой, бельмо что ль было. Мне так страшно показалось. Я вошла, говорю:*

— Теть Настя, вот так и так. У меня дочка, животик у нее болит и стул жидкий.

— Ну и чего?

— Вот сказали к Вам обратиться.

— Где живешь?

— Вот там близко, вот здесь.

— Приду вечером.

Вот она пришла вечером. И говорит:

— Вынеси.

Я, значит, вынесла. А у меня как раз сад, в саду стояла яблоня вот такая разветвленная. Она мне говорит:

— Вставай, вот, сзади.

Меня, по-моему, поставила на западе, а сама встала на восток. И главное — встала, помолилась, перекрестилась, взяла у меня дочку и давай через вот эту развилку. Три раза дала мне ее обратно. "Завтра, — говорит, — опять приду". Пришла опять. Три раза вот так сходила. И у дочери всё пропало» [78 — 3: ЦРФ — 1026].

Заговаривание грыжи

Чаще всего наши исполнители вспоминали о заговаривании грыжи у младенца: *«Вот ты грызешь, а тебя спрашивает мать ребенка иль кто:*

— Чего грызешь?

— Грызу грыжу рыжу.

Грызу грыжу рыжу.

Грыжа рыжа шла по мосту,

Навстречу ей Спаситель:

— Ты куда идешь?

Нет тебе места!

Нет тебе места!

Нет тебе места!

Нет тебе места!

Вот тут и она встает на место»

[13 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 7].

Существовали и другие способы лечения этого заболевания. Так, например, пупочную грыжу могли лечить воском:

«Давай мы ее, эту пупку-то, свечкой окапаем.

Окапали свечкой, и все прошло» [5 — 3: ЦРФ — 1026].

Порча и средства защиты от нее

Считалось, что младенца можно испортить, и самым распространенным средством магической защиты было обливание ребенка водой при каждом купании и приговаривание следующих слов: *«С гуся вода — с Катеньки худоба! Вот так скажешь, и к ребенку никакой урок не пристанет»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Если все же ребенка портили, то существовал обычай умывать его с угольков. Сначала в воду бросали с приговором угольки, а затем умывали младенца: *«Я с угольков умывала сколько раз. Вот я три уголька бросала. Первый уголек бросаешь: "Девка не родиться, мужик безбородиться". На девку бросаешь. Второй уголек бросаешь: "Девка не родиться, мужик безбородиться". На бабу. Потом опять эти же слова повторяешь на мужика. И если который сглазил, баба, девка, мужик — тот зашипит. И этой водичкой*

спрыснуть и умыть. А воду эту потом в притвор. Откроешь дверь и вот как раз в пятку выливаешь» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Лечение грудницы

Частым заболеванием молодой матери был мастит, называемый грудницей. Его лечили либо повитухи, либо старшие женщины. Существовало несколько способов лечения. Так, например, грудницу могли лечить при помощи разогретого сала и медовой лепешки: *«Купи свинины, сала, только свежего сала – тебе и надо грамм 50 и 100 меду и муки.*

Ну, вот все это мы достали. Плиту затопили. И вот она тоненьким, тоненьким слоем, как ножик, даже тоньше – такие ломтики нарезала сало и на сковородку. Посадила меня около плиты.

— Вот, прикладывай, — говорит. – Может горячо, ты сама уже прикладывай на грудь, где у тебя нарыв. Вот как можешь терпеть, чтоб не сжечь. Меняй – как только остынет – опять на плиту. А пока я все это делала, она тут делала лепешку. Мед, мука – все вот это делают. Ну, вот как сырники делаешь, такую лепешку – только потоньше. Густую-густую. И потом она эту лепешку прикладывала к больному месту. Вдруг слышу – как будто ножом вот так резануло! По груди. Боль такая пошла. И запах какой-то. Лепешка превратилась в кисель. Это тянет. Дырочка маленькая быстро зажила» [53 — 3: ЦРФ — 1025]; *«Вот грудницу я четыре раза заговаривала. Бабушка у нас такая была. Четыре раза ходила. Она, значит, пошепчет. Перекрестится. И какой-то едкой жидкостью приложит. Воняло страшно – и всё проходило»* [78 — 3: ЦРФ — 1026].

Отлучение от груди

Наиболее благоприятным моментом отлучения ребенка от груди считался период полнолуния, а также время, когда нет прилета или отлета птиц: *«Если пришло время отнимать ребенка от груди, то это нужно делать на полный месяц, тогда и дитя будет полное, крепкое, здоровое. Наилучшее время — зимнее, когда нет перелета птиц на юг и с юга»* [13 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 7].

Чтобы отвадить ребенка от груди, молоко сцеживали на печь или на луг: *«Когда отваживали ребенка от груди и присушивали молоко, то из груди молоко сцеживали на горячую печь, чтобы присыхало, или сострякивали на зеленый лужок»* [13 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 7]. Считалось, что для того, чтобы ребенок не требовал грудь, ее надо мазать медом с солью или горчицей: *«Ну, отнимали его. Медом с солью, горчицей грудь мазали. Чтобы он хватал: "Горько! Я не буду!"*[13 — 4: ЦРФ — Р — Э: 0004, Т. 7].

Зарубание пут

Когда ребенок начинал ходить, чтобы он не боялся, кто-нибудь из родственников брал нож и, перекрещивая три раза пространство под ногами ребенка, говорил: *«"Рублю страсти, рублю страсти!" Чтобы не боялся ребенок. Рубят крестиком три раза. Чтобы ребенок шагал, не боялся»* [97 — 3: ЦРФ — 1014].

Первая стрижка волос и ногтей

Первая стрижка волос и подстригание ногтей совершались после того, как ребенку исполнялся год. Считалось, что если это сделать раньше, то ребенок не будет говорить: *«Стричь надо после года, и волосики, и ногти, а то язык застрижешь. Говорить не будет. Ногти зубами обкусывали»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В течение первого года жизни, чтобы обезопасить ребенка, старались придерживаться определенных магических запретов.

Так, считалось, что ребенку до года не надо смотреться в зеркало, *«а то помрет»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Смерть младенцу предвещала и сделанная до года фотография*: «До года карточки делать нельзя, как сделают – ребенок может помереть»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Когда ребенок ползает, нельзя через него перешагивать, *«а то расти не будет»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

* * *

Таким образом, можно говорить о том, что в настоящее время лишь в памяти наиболее пожилых исполнителей сохранилась последовательность всего родильно-крестильного комплекса, хотя и они не помнят многих существенных элементов. Нами были зафиксированы лишь отдельные представления о некоторых элементах предродового и собственно родового периода, а также о крестильном обряде. Несколько лучше сохранились представления о послеродовом периоде. Довольно полно представлены обряды, связанные с первым годом жизни ребенка.

В.Е. Добровольская

Обряды совершеннолетия девушек

Ритуальные действия, связанные с совершеннолетием девушек, в Гороховецком крае представлены незначительным числом записей, большей частью фрагментарных. Их можно разделить на две группы: первую составляют обряды, совершаемые при первых регулах, вторую — обряды, связанные с переходом девочки-подростка в следующую социально-возрастную группу.

Обряды, связанные с первыми регулами

Наступление первых месячных отмечалось в Гороховецком крае целым набором обрядовых действий.

Некоторые из них совершала мать девушки. Их основной целью было сокращение срока менструации. Женщина брала нижнюю рубаху дочери, стирала ее и выплескивала использованную при стирке воду на угол дома, стараясь облить как можно меньше бревен: *«Вот, как месячны приходили, у нас говорили "на себя пришли". Вот мать кроваву рубаху возьмет и стирает. Постирает, там может капелька крови только, значит постирает и на угол избы, шварк! — смотрит, сколько бревен облила. Старались поменьше захватить. Чем меньше бревен облито, тем меньше дней месячны»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Девушки старались сохранить наступление первых месячных в тайне. Причина этого запрета была связана с суеверным представлением о том, что у девушки, сказавшей о своих месячных, они начнутся в день свадьбы: *«Старались об этом молчать, скрывали. Говорили все, что если девка проболтается — у нее на себя придут в день свадьбы»* [21 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

На территории Гороховецкого края существовал обычай, рудименты которого нам удалось зафиксировать. Он назывался «ходить в молодые» и сводился к тому, что при первых месячных подруги обливали девушку водой или валяли в снегу, а затем выбирали из старших девушек «жениха» и оставляли пару на ночь в овине: *«Вот как первый раз на себя придет. Подруги все соберутся, все девушки, вся "роща"*[1]*. "Подрощу" не звали. Как соберутся, так рубашку ее хватают, жгут ее, а девку, если лето, водой обольют, а зимой — в снег. Валяют в снегу ее. Затем старшую выбирают — говорят "жених", а она, значит, "невеста". Они идут в овин и там ночуют. Болтают там обо всем. Потом уж*

[1] Девушек в деревне делили на две группы — роща и подроща: *«У нас девчонок всех делили, те что помладше, говорили, подроща, а постарше, которые в поре, невестятся — роща»* [79 — 3:ЦРФ — Р — Э:0003].

девушка начинает ходить с рощей, а до этого в подроще ходила» [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Символические браки были одним из распространенных обрядовых действий в молодежной среде. Заметим, что еще одной формой подобной ритуальной связи внутри девичьего союза можно считать Троицкое кумление (см. статью «Праздники»).

Обряды совершеннолетия

Эта группа обрядов практически не сохранилась в Гороховецком крае. Надо отметить, что ритуальные действия данного обрядового комплекса зачастую причисляются к обрядам предсвадебного цикла[2]. Вероятнее всего, данные материалы необходимо рассматривать как элементы инициальной практики, поскольку основной функцией посвящений является подготовка к переходу в иной социальный статус.

Г.К. Завойко в начале XX в. писал о том, что близ с. Фоминок, в месте, называемом Адовщина, существовал следующий обычай. Перед замужеством девушку заставляли ходить по лавке, а отец и мать просили ее прыгнуть с лавки в сарафан: *«Доцка, вскацы, доцка, вскацы!»*. Девушка должна была упрямиться и отвечать: *«Хоцу вскоцу, а хоцу и не вскоцу! Хоцу вскоцу, а хоцу и не вскоцу!»*[3].

П.В. Шейн приводит аналогичный материал, записанный в Нижегородской губернии[4]. Обряд «скакания в паневу» значительно чаще фиксировался на юге России. Однако, как свидетельствуют материалы начала XX в., его элементы можно было наблюдать в Поволжье и Центральной России. В настоящее время нами зафиксированы лишь рудименты этого обряда. Самые пожилые исполнительницы вспомнили, что их старших сестер родители водили по лавке и просили спрыгнуть с нее в сарафан. Считалось, что после того, как девушка сделала это, к ней можно засылать сватов: *«Вот сестра у меня, на пятнадцать годов она старше, мне годов семь было. Вот собрался родители, крестна ее пришла, родня. Она по лавке ходит в рубахе, а мать с крестной ее уговаривают:*

— Спрыгни, Маша, в сарафан, вспрыгни, дочка, в сарафан!

А она говорит:

— Захочу вскочу, захочу не вскочу!

Потом прыгнула и попала. Говорят, если бы не попала, еще год сватов не засылали б к ней» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003] или: *«Сестру мою заставляли прыгать, я помню, мне уже годов шесть было. Говорили, что надо обязательно попасть в сарафан. Прыгнуть в сарафан с лавки. Она прыгнула и попала. Сразу стали сватов засылать. Вот когда на себя пришло — девки в молодые ходили, а потом сразу в рощу, с парнями уже гулять можно, но еще не сватают. А как прыгнет — сватов шлют уже»* [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Из записанных воспоминаний видно, что данный обряд совершался позже, чем обряд «хождения в молодые». Девушка, которую заставляли прыгать в сарафан, была

---

[2] См.: З*еленин Д.К.* Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских // З*еленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901—1913. М.: Индрик, 1994. С. 179—193.

[3] *Завойко Г.К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. Вып. 3—4. С. 166.

[4] *Шейн В.П.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1900. Вып. 2. С. 718.

уже членом старшей возрастной группы — «рощи», и имела право участвовать в молодежных гуляниях. И хотя девушек в этой группе очень часто называют невестами или говорят, что они заневестились, до совершения описанного обряда к ним не могли засылать сватов: *«Вот она в подрощу ходит, потом на себя пришло, подруги ее в снегу вываляют, в молодые она сходит и в роще уже гуляет, уже с парнями гуляет, но сватов не шлют. Вот сестра у меня два раза в сарафан прыгала. Она первый раз прыгнула, а у матери рука дернулась или что, но она не попала, так еще год Сергей, муж ейный, ждал, когда сватов заслать можно, а как попала, так на следующий день сваты пришли»* [62 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Обряд «хождение в молодые» и обряд впрыгивания в сарафан относятся к группе инициальных обрядов, с помощью которых осуществлялся перевод из одной социально-возрастной группы в другую.

И.Е. Посоха

Проводы в армию

Проводы в армию, описание которых представлено в данной книге, трудно назвать единым комплексом, каковым был традиционный рекрутский обряд, возникший вслед за похоронным и свадебным и унаследовавший их художественно-композиционные составляющие. Однако в качестве константы по-прежнему сохраняется вечернее застолье друзей и родственников, приходящих в дом призывника, чтобы напутствовать его, а также подарить ему необходимые вещи и предметы. Соблюдается традиционный ритуал выхода призывника из дома спиной вперед, заламывается дерево в сторону родной деревни с тем, чтобы обеспечить благополучное прохождение службы и скорое возвращение домой. Причитания по рекруту сохранились в памяти людей, но не приняты в наши дни в силу предубеждения, что они могут накликать беду и навредить новобранцу. До сих пор исполняются рекрутские частушки, в текст которых включены реалии XIX в., подчеркивающие особый статус призывника и особенности его поведения.

Следует отметить, что раздел составлен на основе воспоминаний исполнителей разного возраста, старшему из которых девяносто лет, а младшему около сорока, поэтому информанты часто расходятся в констатации тех или иных действий, свойственных моменту ухода молодого человека из дома на военную службу. Одни утверждают, что призывника обязательно благословляют родители, другие категорически это отрицают, ссылаясь, как правило, на антирелигиозную общественную установку 20—30-х годов XX в.

В 40—50-е годы XX в. проводы в армию становятся общественным мероприятием, которое проводилось в сельских клубах и домах культуры, куда приглашались все призывники с их родными и близкими, а также официальные лица, что тем не менее не исключало организацию «домашнего» вечера. Со временем меняются также морально-этические нормы социума, что оказывает существенное влияние на отношение людей к службе в армии, вплоть до полного отрицания необходимости всеобщей воинской обязанности.

Интересны случаи включения в обрядовое действие новшеств, которые, в свою очередь, имеют параллели в современной свадьбе. Так, обычай подписывать бутылку с водкой пожеланиями призывнику и дальнейшее ее распитие после возвращения солдата из армии сходен с аналогичным действием на свадебном пиру, производимым с бутылкой шампанского. Типология обрядового мышления в данном случае созвучна традиционным параллелям.

В целом описание проводов в армию, представленное в книге, является сконструированной на основе воспоминаний рассказчиков моделью, позволяющей продемонстрировать стабильные элементы обряда и мобильные компоненты, подвергающиеся временным изменениям.

Статус призывника

В середине XX в. служба в армии осознавалась не только как непременный долг, но и как подтверждение зрелости и физического здоровья молодого человека. По этой причине не отслуживших в армии парней считали либо немощными, либо инфантильными, что не прибавляло им авторитета и не вызывало интереса у потенциальных невест. *«У нас считалось так. В армии был — значит, парень хороший. Если в армии не был — парень никудышный. Вот как считали. Как теперь? "Ой, я не пойду в армию!" — Раньше: "А! Тебя в армию не берут, значит, ты какой-нибудь инвалид или еще чего-нибудь". Вот. А тогда — ой! Если в армию не возьмут — как на него глядели, на этого парня! Ведь только представь: девки и родители, ну, вся деревня — вот его не взяли в армию. Вот его не взяли в армию»* [53 — 3: ЦРФ — 1029].

Получив повестку, молодой человек становился призывником и в течение всего времени до отъезда в армию (от трех дней до недели) находился на особом положении: ему позволялось не работать, вести разгульный образ жизни, устраивать вечеринки с друзьями, его принимали как дорогого гостя в каждом доме. *«Повестку давали за неделю там. Дня за три-четыре»* [112 — 3: ЦРФ — 1027]. *«Вот, допустим, район. Призывник, он считается со всех деревень. Вот обязательно всегда были драки»* [50 — 3: ЦРФ — 1024]. *«Когда провожают... каждый парень* <призывник>*, всё-таки... хоть и чужие, но с каждой* <девушкой> *поцелуется»* [50 — 3: ЦРФ — 1024].

Благословение призывника

Родители благословляют призывника большой иконой, а затем зашивают маленькую иконку в одежду. *«Да, провожали, провожали с иконами. Тогда-то не было такие маленькие, а большие они, вот такие. Только, значит, когда провожали, благословляли, значит»* [61 — 3: ЦРФ — 1028]. *«Иконой благословляли, и "Святые помощи" и сейчас. А в армию когда уходили, то* <иконой> *"Иоанн Воин". Вот и молятся ему, когда служить, вот Иоанну Воину. Даже иконку маленькую давали, вот у меня муж уходил, иконка была маленькая, он с собой взял»* [11 — 3: ЦРФ — 1030]. *«И живые помощи, иконки зашивали в... в одежду... вот в бортовину вот так. У нас вот папа пишет — все наши иконки, всё забрали. Всё там. Дали форму — и всё забрали»* [1 — 3: ЦРФ — 1027].

Наряду с иконой в качестве благословения и пожелания удачи использовались и заговорные формулы. «*Всех благословляли: "Спаси, Господи, сохрани и помилуй раба такого-то от войны, от видимого и невидимого врага, от внезапной смерти"»* [1 — 3: ЦРФ — 1027].

Последний вечер (вечёрочка, застолье)

Накануне дня, когда призывник должен был отправляться в военкомат, а затем и в армию, вечером устраивалось застолье для родственников и друзей. *«Когда в армию провожают, собирают всех людей. Значит, робяты, девки — всё вот за стол. Два, три ли стола. Понимаешь. Угощая. Гармонь, понимаешь, вота. Вот песни вот пели»* [61 — 3: ЦРФ — 1027]. *«Последний вечер, как в армию брать, гуляли до утра. И прямо — у нас была Фоминка — надо везти на лошади двадцать километров этого призывника. Ну, которые ездили, которые — нет. Только за деревню. Провожали хорошо»* [114 — 3: ЦРФ — 1027].

---

* В угловых скобках приводится текст автора статьи, восполняющий логические пропуски, вызванные спецификой устной речи.

«Конечно, и до сих пор застолье устраивают, и раньше устраивали так же. Ну, обычно друзья собирались, вот друзья собирались, родные. Ну, тогда проводы были какие — со слезами, действительно» [11 — 3: ЦРФ — 1030]. *«Очень маленькая вечёрочка. Есть невеста — невесту. В то время как-то стеснялись невесту-то еще. Только свои, вот так свои. Свои родственники, своя семья. А так вот таких застолий не было. Стеснялись даже показать-то свою девушку. Не только»* [53 — 3: ЦРФ — 1029]. *«... раньше девушки только ходили провожать до села. Собирались друзья (не то, что, как сейчас, собирают всех парней, а у него есть там два друга) и они, может быть, с ним пойдут то же самое. Вот они и собираются вот таким образом»* [11 — 3: ЦРФ — 1030].

Невеста призывника

Невеста призывника должна была честно дожидаться его возвращения из армии. В противном случае ее жизнь, по поверью, могла не сложиться. Однако многие исполнители уверены, что если девушке в отсутствие ее жениха-солдата выпадает шанс выйти замуж за хорошего человека, то надо им обязательно воспользоваться, так как нет никаких гарантий, что чувства ушедшего в армию кавалера останутся неизменными. Правда, здоровый прагматизм не всегда оправдан с точки зрения вечных ценностей бытия, и впоследствии, спустя годы, уже зрелые женщины жалеют о содеянном. *«Раньше-то вот как, я вам скажу. У меня мама дружили с парнем, и у них была очень такая большая любовь. Ну, а его взяли служить-то не на один и не на два года, а пять лет. А родители ее просватали за другого — за моего отца. Вот он когда пришел из армии, через пять-то лет, мне уж было там два годика. И что же. Он маму поймал, сказал: "Я тебя сейчас утоплю". А мама говорит: "Ну, что ты меня утопишь, у меня ребенок останется, и все". — "Ну, бросай Ивана, мы с тобой сойдемся, и твой ребенок будет моим ребенком". Мама говорит: "Нет уж, теперь не смогу я это сделать". Ну, в общем, просила его, настаивала. И вот, знаете, какая, действительно, любовь была. Когда он женился, естественно, у него была семья, он потом тяжело заболел, и, в общем, дело шло к тому, что он умрет. Он говорит своей жене, она знала, что он любит мою маму, он послал за мамой: "Хочу проститься с Катей, позови ее". А мама не могла: "Я его прощаю за все, и пусть меня простит, вот, но дело в том, что я прийти не могу, я очень плохо себя чувствую". Они так договорились, значит, вот если мама первая умрет, то его жена ставит свечку на гроб, а если...Ну, и что же вот, все-таки мама первая умерла. Вот такая была любовь. А что вот осуждай, не осуждай: родители-то ведь вот: "Катя, он единственный сын, а тут детей много" да то-другое, пятое-десятое. Тогда нельзя было противиться родителям, вот и вышла, и разошлись с ним. Четверых детей нажила, и все равно разошлись: не жили мои родители вместе»* [11 — 3: ЦРФ — 1030]. *«Я год ровно ждала. Через год вышла замуж. Вышла случайно, что вообще вот не надо было выходить. И вот меня даже, как-то, помню, провожали одного парня в армию — мы вот здесь вот вышли на повороте — то есть презрение было. На себе испытала. Как бы ни было — надо дождаться»* [78 — 3: ЦРФ — 1027].

Подарки призывнику

Устойчиво сохраняется традиция одаривать новобранцев. Подарки бывают двух видов: практического назначения (то, что может пригодиться солдату в его повседневной армейской жизни) и символического свойства (на память и в качестве оберега, защиты от опасностей). *«А раньше, вот ты говоришь, там чё-нибудь специально ведь собирали. Эти вот — набор конвертов, почтовую бумагу. Специально, чтобы письма писал.*

Дарили» [50 — 3: ЦРФ — 1024]. *«Платочки вышивали. Она* <любимая девушка> *своему парню дарила платок или просто все девушки. Я всяко выделывала. И ришелье делала, и обвязывала — больно мастер была. Я мастер была»* [114 — 3: ЦРФ — 1027]. *«Девушка платочек дарила. Девушка вышьет платочек и ему дарит. Кто как. У кого какая фантазия. Там напишут чё-нибудь»* [53 — 3: ЦРФ — 1029]. *«Вот маленький мешочек сошьют, такой маленький-маленький. И туда горсточку земли, может быть, с ложку столовую. Чтобы охранял свою землю родную. Родину свою любил. И вернулся обратно на свою родную землю»* [53 — 3: ЦРФ — 1029]. *«С собой дарили кусочек родной земли, это вот в мешочке. Шили специальные мешочки и дарили вот в них — кусочек родной земли. Кто в карман* <кладет>. *Может, на шею тоже...»* [50 — 3: ЦРФ — 1024]. *«В клубе организовывали вечера. Там концерт какой-нибудь. У нас, между прочим, концерты были. В последнее время уже, как провожали, в клубе торжественно. Там председатель колхоза иль сельсовета иль партийной организации или там кто — вот их поздравляет. Вроде напутствие дает тоже. Земличку им колхозную дарят в мешочке. Вот махорку-то раньше... Кисет. Вот такой кисетик сошьют и дают. Какой-нибудь подарок дадут парню. На память. Хоть этот подарок останется дома. А все равно. Танцы организовывают. А утром, как встали, и в военкомат. А из военкомата уже домой не отпускали. На машине везут, открытая такая.... В открытой машине — скамеечки поставят, целую машину»* [53 — 3: ЦРФ — 1029].

Сформировался современный обычай дарить новобранцу бутылку водки, на которой оставляют подписи всех провожавших его в армию. По истечении срока службы и при возвращении солдата домой бутылку выпивают. Этот обычай идентичен свадебному ритуалу, принятому в наши дни, когда молодоженам дарят бутылку (или две) шампанского, перевязанную цветной лентой, которую сохраняют в течение года после свадьбы, а затем выпивают. *«Бутылку водки* <дарили>. *И на этикетке все гости, которые присутствуют на проводах, оставляют свои надписи. Через два года — вот у меня брат, он помоложе, двоюродный, недавно пришел. Через два года эту бутылочку вскрыли. Уже когда его встретили. Она два года стояла, его ждала. Он вернулся. Тогда уж ее открыли»* [50 — 3: ЦРФ — 1024].

Повсеместно широко распространен обычай собирать новобранцу деньги «на сапоги». *«Во-первых, за столом они собираются... Каждый, кто присутствует... должен с собой денежку* <"на сапог" призывнику>» [78 — 3: ЦРФ — 1027].

Обычаи перед отправкой из дома

Перед отправкой из дома в военкомат принято проводить определенные ритуальные действия, которые должны способствовать благополучному возвращению солдата в родные места. Некоторые из них традиционны: *«Потом, значит, когда провожают... молодого человека задом выводят, чтобы он вернулся обратно»* [78 — 3: ЦРФ — 1027]. Или: *«Потом отъезжают когда, приезжают — останавливается автобус, бежит этот мальчишка с парнями. Берёт, ломает берёзу по направлению к той деревне,* <откуда родом>. *Вот это я сама видела»* [78 — 3: ЦРФ — 1027]. Другие обычаи лишь опосредованно связаны с традицией: *«Вот перед отъездом, я помню, ждем-ждем. Потом выстрелили из ружья. В Быкасово у нас стреляли. Я не знаю, с чем это было связано. Я не знаю, как прощанье что ль такое было»*[50 — 3: ЦРФ — 1024]. «*Потом, приезжают когда в военкомат, они его берут, мальчишки, на руки и с криком, с визгом кидают, чтоб он вернулся»* [78 — 3: ЦРФ — 1027].

«Потом, одна девушка вспоминает, вот тоже уже — сели в автобус, всё, её поднимают, значит, мальчишки, друзья на руки — ну они уже в автобусе. Тут вот они целуются на прощание. Там и слезы и все, в общем» [50 — 3: ЦРФ — 1024].

Плач по призывнику

Провожая сына в армию, мать обычно плакала в голос. Современные исполнители вполне осознают, что плач по новобранцу сродни плачу по покойнику, оттого существует предубеждение относительно необходимости голошения при проводах в армию. Однако в военное время подобный плач, с точки зрения исполнителей, вполне уместен. *«Кто может — тот плачет. Как будто бы покойника провожают»* [114 — 3: ЦРФ — 1027]. *«И голосили в голос, и сейчас есть, голосят, но я этого не знаю. У нас — поплакали, так вот мы провожали, да и все»* [11 — 3: ЦРФ — 1030]. *«Плачут... у нас женщина так говорила в наших краях: "Тоску не наводите на солдата, ему и так тошно". Останавливали. Не дают плакать. Ну, пусть там слезы капают, но не голоси. Чтоб солдат ушел с легкой душой. И во время войны. Вот во время войны-то брали. Я хоть и мала была в 41-м, все равно, знают, на фронт ведь идет, и все равно старались не голосить. А ведь останавливали. По шесть человек вот таких оставалось. Вот взрослых мужчин забирали, его женщина в обморок падает, а все равно... держались — не голосили. Голосишь — так все равно какую-то беду вроде накликаешь. Так старались. Рыдают себе внутри. Конечно, тяжелей, когда в себе держишь. Особенно, единственного сынка отпускают в армию. Провожала сама. Знаю, что это такое. Напилась-то бы — себя держать — тогда ведь таблеток-то не было...»* [53 — 3: ЦРФ — 1029]. *«А когда на войну провожали... голосили. Вот нас пятеро. Все плакали. Ну, как-то брали поодиночке. Как-то все на производстве которые мужчины были — их взяли оттуда. Никакого: ни гулянки, ничё. Только что семья плакала. Что-то нас — вот пятеро тянемся, мама шестая. Мы плачем вовсю: "Не ходи, папа, воевать-то, не ходи! Ну, пусть они воюют, ну пусть, пап, ты не ходи! И с кем мы будем? Кто нас кормить-то будет?" Вот это мы говорили папе. А то и он плачет навзрыд»* [1 — 3: ЦРФ — 1027]. *«А плачут — это плачут — ясно. В армию отправляли, даже в такую армию. Ну, уж кадрова — там ведь не война всё-таки. И всё одно плачут. Понимаешь. Два года. Ведь на два года. И то плачут. И родные, и так. Посторонние-те»* [61 — 3: ЦРФ — 1027].

Песни и частушки на проводах в армию

На прощальном вечере и утром, когда новобранец отправляется в военкомат, звучат песни и частушки, тематически связанные с проводами в армию:

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чем светочек,
Заплачет вся моя семья.
Заплачут братья мои, сестры,
Заплачет мать моя, отец,
Еще заплачет дорогая,
С которой шел я под венец.
Коляска к дому подкатилась,
Колеса об землю стучат,
С коляски старший отвечает:
«Готовьте сына своего».
Крестьянский сын давно готовый,
Семья вся замертво лежит:
Их старший сын, в семье работник,
Уходит в армию служить.
Снимайте со стены икону
И ставьте хлеб и соль на стол,
Благослови меня, родная,
Чтоб я живой домой пришел [11 — 3: ЦРФ — 1030].

* * *

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра утром чуть светочек
Заплачет вся моя семья.
Заплачут братья мои, сестры,
Заплачет мать и мой отец,
Еще заплачет дорогая,
С которой шел я под венец.
Колёска к дому подкатила,
Колёса об землю стучат.
Колёска старшему отвечает:
«Готовьте сына своего».
А сын давно уже готовой,
Семья вся замертво лежит.
«Давай-ка, мамочка родная,
Бери-ка хлеб и соль на стол,
Бери икону себе в руки,
Давай простимся мы с тобой» [61 — 4: ЦРФ — 1051].

* * *

Во солдаты Ваню мать провожала,
Тут и вся его родня прибежала.
Тут и вся его родня прибежала.

А куда же ты, Ванёк, а куда ты?
Эх, не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты.
Эх, не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты.

В Красной Армии штыки, чай, найдутся,
Эх, без тебя большевики обойдутся.
Эх, без тебя большевики обойдутся.

Поневоле ты идёшь, аль по охоте,
Эх, Ваня, Ваня, пропадёшь ни за что ты.
Эх, Ваня, Ваня, пропадёшь ни за что ты [61 — 3: ЦРФ — 1027].

* * *

Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя родня набежала.
Тут и вся моя родня набежала.

Ах, куда ты, паренёк, ах, куда ты,
Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты.
Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты.
(Ну там любое имя...)

В Красной Армии штыки, чай, найдутся,
Без тебя большевики обойдутся.
Без тебя большевики обойдутся.

Поневоле ты идёшь иль с охотой,
Ваня, Ваня, пропадёшь ни за что ты,
Ваня, Ваня, пропадёшь ни за что ты.

Мать, страдая по тебе, поседела,
Эвон в поле да в избе столько дела.
Эвон в поле и в избе столько дела.

Как дела теперь пошли любо-мило,
Сколько сразу нам земли привалило.
Сколько сразу нам земли привалило.

Притеснений прежних нет и в помине,
Лучше бы ты женился, свет, на Арине.
Лучше бы ты женился, свет, на Арине.

С молодой бы жил женой, не ленился,
Тут я матери родной поклонился.
Тут я матери родной поклонился.

Поклонился всей родне у порога,
Не скулите вы по мне, ради Бога.
Не скулите вы по мне, ради Бога.

А иду я не на пляс, на пирушку,
Покидаю чинно Вас, мать-старушку.
Что с попом, что с кулаком вся беседа —
В брюхо толстое штыком мироеда.
В брюхо толстое штыком мироеда [112 — 3: ЦРФ — 1027].

* * *

Брат, забрили, брат, забрили
Наши головы с тобой,
Посмотрели брат на брата,
Покачали головой [59 — 3: ЦРФ — 1029].

* * *

Некрута вы, некрута,
Вам дорожка не туда,
Вам дорожка торная
Через море Черное [59 — 3: ЦРФ — 1029].

* * *

Бреют, бреют шеюшку
За матушку-Россеюшку.
За любимого царя,
Слетела буйна голова [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 5].

* * *

Во зеленом во саду
Веточки качалися.
Я мальчишка допризывник,
Дай повыгибаюся [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].

* * *

Рекрута вы, рекрута,
Какие вы несчастные!
Отгуляли ночки темны
И денечки ясные [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 5].

* * *

Ты заигрывай, товарищ,
Допризывник припоет.
Он последний день гуляет,
Завтра в армию пойдет [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].

* * *

Ты, мамашенька, вой, не вой:
Я теперь сынок не твой,
Я теперь казенный сын
Под начальством, под большим [37 — 3: ЦРФ — 1032].

* * *

Наливай, мамаша, чаю
В голубые чашечки.
Угощай родного сына,
Может быть, в остаточке [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].

* * *

На последнем на денечке
Маменька потешила:
Все платочки постирала
И сушить развесила [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].

* * *

Когда буду отправляться,
Кину на море платок.
Пусть завянет моя милка,
Как сиреневый цветок [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].

* * *

Милка — белая капуста,
Милка — белы пироги.
Заберут меня в солдаты —
Милка, совесть береги [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 5].

* * *

Прощай, милка дорогая,
Прощай, цветик полевой.
Я вернусь к тебе обратно
С Красной Армии домой [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 5].

* * *

Ты не плачь, моя милашка,
Не грусти напрасно.
Отслужу, к тебе вернуся,
Командиром красным [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т.5].

* * *

Ах, залеточка моя,
Прошу тебя не тужить,
А я завтра уезжаю
В Красну Армию служить [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т.5].

* * *

Все цветочки-василечки
В сентябре повянете.
Заберут меня в солдаты —
Девушки, вспомянете [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].

* * *

Девушки, вспомянете,
С кем гулять вы станете.
Под окошком на бревне
Сидеть вы будете одне [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].

* * *

Неужели, неужель,
Надену серую шинель,
Серую, военную,
Оставлю милку бедную [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].

* * *

Проводили за деревню
И сказали: «Поезжай».
Неужели вам, девчонки,
Меня, мальчика, не жаль? [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].

* * *

Проводите, девушки,
До реки до Невушки,
До куста ракитова
Мальчика забритого [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].

* * *

Рекрута, рекрутики
Ломали в поле прутики.
Прутики ореховы,
Рекруты поехали [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].

* * *

А в Фоминской-то приемной
Больно лесенка крута.
Девяносто два приступка —
Пожалуйте, рекрута [121 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003. Т. 4].

И.Е. Посоха

Свадебный обряд

Вступление в брак является наиболее важным этапом в жизни каждого человека, в корне меняющим его социальный статус. Традиционная свадьба, представляющая собой сложный комплекс обрядовых действий, музыки и поэзии, фиксирует заключение брачного союза, выполняя тем самым юридическую функцию, и символизирует переход юноши и девушки в категорию семейных людей, наделенных определенными правами и обязанностями. Свадьба — это и торжественный пир, веселье, широкое гуляние, где каждый имеет возможность раскрыть свой творческий потенциал.

Традиционная свадьба — многоэтапное обрядовое действие, развернутое во времени и пространстве. Оно длится практически в течение целого года, начиная со сватовства и заканчивая вьюнишными окликаниями молодых на Пасху. В обрядовом действии принимают участие не только закрепленные традицией персонажи (сваха, дружка, тысяцкой, поварушка и др.), но и все жители села в той или иной мере причастны к этому событию.

Предложенный в настоящем издании свадебный обряд Гороховецкого района Владимирской области восстановлен на основе воспоминаний местных жителей, относящихся к середине XX в., и отчасти восполнен записями этнографов конца XIX в. Получившийся вариант дает определенное представление об основных этапах свадебного обряда и их последовательности, а также о музыкально-поэтических жанрах фольклора, являющихся неотъемлемой частью обрядового действия.

Следует отметить, что наиболее подробно изображены эпизоды сватовства, девичника и первого свадебного дня. Материалы, включенные в эти разделы, демонстрируют традицию свадебных сольных причитаний невесты, называемых вытьем, а также исполнения величальных песен и приговоров, сопровождающих и регламентирующих обрядовые действия. Свадебные лирические и корильные песни представлены хуже. Примечательно, что эти жанры часто заменяются частушками, необрядовыми лирическими песнями и романсами литературного склада, сходными по тематике со свадебными.

Эпизоды второго и третьего свадебного дня даны фрагментарно по причине отсутствия соответствующего материала. В некоторых случаях обрядовые действия, исполняемые во второй день, описаны в разделе первого (венчального) дня. Таков рассказ о свадебном кусте (красоте), расположенный вслед за фрагментом об утре венчального дня. Наряженный куст являлся символом девичьей воли и использовался в разное время в течение всей свадьбы: куст наряжают за день до венчального дня, выкупают его перед поездкой к венцу, гуляют с ним на второй день свадьбы, а затем убирают под конек крыши, где он со временем истлевает.

В предложенном варианте свадебного обряда представлены два эпизода («Обжорный стол» и «Вьюнство на Пасху»), известных по публикациям конца XIX в., но не имеющих подтверждения в современных записях. Тем не менее с их помощью создается целостное представление о свадебном обряде как комплексном явлении со сложным хронотопом и синкретичным сплавом поэзии, музыки и действия.

Выбор жениха и невесты

Выбор спутника жизни для молодого человека или девушки определялся их родителями, которые обращали внимание главным образом на личностные качества будущего зятя или невестки. Руководствовались принципами: «С лица не воду пить», «Хорошие для хороших, а работящие для нашего брата», «Страшно видится: стерпится — слюбится». Одна из исполнительниц говорит так: *«Вышли мы, ни любви, ничего. Подходящий* <жених>* *— и больше ничего.* <Невеста должна быть> *работница хорошая. Послушная. Вот так. А любви нет. Я вот и не слышала — про любовь-то не говорили. Работает хорошо»* [1 — 3: ЦРФ — 1027].

Важным условием правильного выбора было предварительное знакомство с семьей будущего мужа или жены, так как известно, что яблоко от яблони недалеко падает: *«Родители решали из-за чего? Вот глядели, какая семья. Благополучная семья, пьяница — не пьяница, работящие — не работящие. Вот все такие вот... Вот если пьяница — так чё туда идти? Если лентяи — так что тоже? И вот выбирали. И чтоб девушка была работящая, была бы рукодельная, была бы хозяйственная. И жених тоже должен быть работящий, непьющий. Чтобы был скромный, не то, что вот разгильдяй, как теперь. Все стороны осматривали. Та сторона — девушки, и эта тоже. Не с лица, говорили, воду пить. Бывает, говорят, красивый такой, и танцевать умеет, и плясать умеет, и петь и всё — а для жизни он ничто — пустой человек. У нас одна вот выходила замуж. "Почему ты, Зин, выходишь за него замуж?" — "А он хорошо танцует". Месяц прожили — и разошлись. Вот как. Вот поэтому-то в старые-то времена и глядели, чтоб он не только хорошо танцевал, а умел всё и делать, и хозяйственный был. Чтобы жену любил. И чтобы всё-таки скромный — не драчун»* [53 — 3: ЦРФ — 1025].

Однако следует отметить, что взаимная симпатия парня и девушки также не оставалась без внимания родителей, которые по возможности старались учитывать чувства своих детей: *«Ну, старались, конечно, чтобы и любовь-то была. Родители вот поглядывали. Если вот девушка дружит с парнем, начинает дружить — а старые люди всё-таки вот замечали — сразу девушке говорят: "Не дружи!" Сразу. Только вот только начинают дружить. "Находи себе другого!" И парню тоже также говорили. Так что, заранее* <предупреждали>. *Всё равно мы, говорят, за тебя замуж не выдадим. Ни в коем случае. Так что заранее, пока далеко не зашло...»* [53 — 3: ЦРФ — 1025].

В то же время бывали ситуации, когда молодые люди не прислушивались к мнению родителей, выбирая себе пару самостоятельно: *«Кто как* <выбирал невесту>. *Кто по богатству, кто по красоте. Кто — хорошо работает. Всяко. Ну, родители* <могли запретить сватать>. *Которые ребята, они не слушаются. Сойдутся. Было дело»* [114 — 3: ЦРФ — 1026].

---

* В угловых скобках приводится текст автора статьи, восполняющий логические пропуски, вызванные спецификой устной речи.

Брачный возраст

Брачный возраст для девушек устанавливался в пределах с восемнадцати до двадцати лет, причем особо отмечаются случаи, когда выходят замуж позже, что не осуждается, но и не признается типичным: *«Нет, с шестнадцати лет никогда не было* <не сватались>. *Двадцать, восемнадцать. Да, и за двадцать. Кто как успел ведь. А в то время вот, в войну-то, Господи, всё вон в Ильино уезжали девчонки. Там было* <за кого замуж выходить>, *за солдатов. Уж он взрослый человек. Не все выходили... Только берут замуж — женятся»* [1 — 3: ЦРФ — 1027].

Жених, по общему признанию, должен быть постарше, с определенным жизненным опытом: *«Ну, обычно в восемнадцать лет, считалось, в восемнадцать лет уже можно было. Ну, старые люди всё говорили — парень должен быть постарше — года на два там, на три. Старше — в голове-то ума побольше. А молоденькая чего? Что она? У нас вот маму, то есть бабушку мою, выдали замуж — ей было 14 лет. А дедушка уже в те времена пришёл из армии. Сколько лет в армии-то был? Она ещё и не гуляла, ничего. На горе каталась. Вот. Пришли. Пойдём, Тань, домой. Пришла. А её там сватают»* [53 — 3: ЦРФ — 1025].

Время проведения свадеб

Существуют строгие ограничения по времени проведения свадьбы. Несоблюдение устоявшихся правил, по мнению исполнителей, не сулит счастливой жизни молодоженам: *«Постом не делают свадьбы. Всё говорят, грех, счастья не будет. А в мае — будешь маяться. Всю жизнь. Если вот в мае выйдешь замуж — всю жизнь будешь маяться. Вот выйти в мае никто не решался. Говорили, правильно»* [62, 54 — 3: ЦРФ — 1027].

В основном играли свадьбы на Мясоед, т.е. в период после Рождества и до Масленицы, а также осенью, после завершения сельскохозяйственных работ по уборке урожая.

Сватовство

Сведения о том, кто приходил сватать девушку, разноречивы: одни исполнители утверждают, что это могли быть только отец и мать молодого человека (*«Отец с матерью жениха* <приходили сватать>. *Так никто не выходил, как сейчас – нет, сватали, отец с матерью приходили, сватали»* [51 — 3:ЦРФ — 1031]), другие вспоминают, что была сваха, которую выбирали из числа родных жениха и которая знала все порядки и обычаи (*«Приходила сваха. Женщина. Ну, какая-то сродница жениховая или знакомая какая хорошая. Но не мать»* [59 — 3: ЦРФ — 1028]). Может быть, такое разнообразие мнений вызвано локальными особенностями, предполагавшими возможность выбора в вопросе о свахе, однако не исключено, что определенные обстоятельства жизни вносили свои коррективы в традиционные представления людей: *«Большинство родители сватали. И потом даже если не родители, ну там, сёстры приезжают. Есть чужие сватьи. Кто — жених, кто – родители* <сватать приходили>. *У меня вот соседи — так пришёл из армии, в Германии служил, и вот напротив пришёл. Гулял с одной, а она подросла. И что толку-то? Пара была хорошая. Мать ни в какую. Отец ходил только сватать. Брат ещё ходил. Не надо нам. Девчонка-то хорошая. А он влюбился в неё. Она выросла, покамест он в армии»* [114 — 3: ЦРФ — 1026].

По заведенному обычаю в дом будущей невесты сначала приходила только сваха или родители парня с тем, чтобы узнать о намерениях родителей девушки, и, только получив от них принципиальное согласие, приходили через какое-то время вместе с женихом, чтобы посмотреть на невесту и договориться о времени проведения свадьбы. Сваты, демонстрируя цель своего визита, садились под матицу (брус поперек всей избы, на который настлан потолок) и заводили разговоры о торговле, товаре и купце, о курочке и петушке: *«Приезжала обязательно сваха – женщина, ну, родственница, садилась, вот это называлось матица. Вот она садилась, начинались разговоры: вот у меня есть, мы приехали торговать – тут, в общем, такие какие-то разговоры. Ну, такие вот и не придумаешь, что приехали там торговать, но нужна нам девица, всё. Ну, девица наряжалась, приходила. Первый раз* <приходили свататься без жениха>. *Потом уже он приезжал, жених, глядеть невесту – так раньше называли. Ну, некоторые знакомы были, но все равно знакомства были»* [11 — 3: ЦРФ — 1029]. *«Она* <сваха> *только приходила: если вы не против, то им сваты.* <То есть она договаривалась одна и договаривалась о том, что придут сваты.> *А потом приходил уж жених... И отец, и мать приходили.* <Невеста> *пока* <не выходит>, *её коли попросют, она выйдя. А так нет. Как было всё, конечно, не так, как теперь.* <Когда приходили сваты, под матицу садились.> *Что говорят? "Здравствуйте!" — "Здравствуйте!" Ну вот. "У вас товар, у нас купец". Ну и потом разговор шёл... Ну, договаривались, невесту нужно поглядеть.* <Не кривая ли, не косая ли?> *Она, мол, попить пошла. За каждым её шагом глядели»* [59 — 3: ЦРФ — 1028]. *«"Здрассте!" — "Здрассте!" — "Вот мы пришли. У вас, видно, есть курочка хороша больно. Вот мы и пришли к вам". — "Пожалуйста, пожалуйста". — "Петушок вот есть". Ну, чего? И вот начали разговаривать»* [98 — 4: ЦРФ — 1053].

В некоторых случаях предварительный разговор ведут о хозяйстве, но такие незначительные отступления не влияют на суть происходящего действия: *«Как сватали? Приходит свахынька усватыват. Кого невеста* <свахой> *выбират. Ну, по родне всё выбирали. И свахов-то по родне выбирали. Она сразу в дом всходила. И вот матицы-то вот. На потолке-то. Поперечины-то. И вот садилась вот на поперечине на этой. Ну, тут сразу догадываются, дескать, пришли сваты. Ну, как же. Сначала* <она говорила> *чего, как попало — потом уж начинает усватывать. Ну, вот чё на разум придёт, то и говорят. Говорила. Потом сама начинает вот усватывать невесту. При сватовстве жениха не было. Невеста — тоже её не казали. Она где-то дома была.* <Договариваются о дне свадьбы.> *И договорятся. Вот сегодня там у невесты погуляют. Потом у жениха. Погуляют у невесты, у жениха погуляют»* [18 — 3: ЦРФ — 1028]. *«Ах, сваты садились вот тут под матицу. Одевали платок. И там это, Мясоед был. Вот они мне всё, девчонки-то рассказывали, я тут присутствовала и помню, как сватали. Ну, потом начинают говорить. Говорить о хозяйстве, там о чём-то. Невеста если присутствует, она немножко знала. Парень ей говорил, если за знакомого. Она всё-таки прилично уже одета. Все рассаживались. И значит, говорили сначала про урожай да там, про хозяйство. А потом вот надо хозяйку нашему там Ванечке. Это самое»* [11 — 4: ЦРФ — 1051].

Богомолье (сговор)

Во время второго приезда сватов, когда окончательно оговариваются все детали предстоящей свадьбы, принято молиться Богу и угощать гостей чаем и пирогами. Невеста одаривает будущих родственников подарками. После богомолья, которое символически закрепляло договор между сторонами, отказывать жениху было нельзя. *«Ког-*

да просватывают, невеста согласна, то молились Богу женщины. Они говорили: "Мы положили начало". Это те молитвы, которые батюшка начинает во время служения в церкви. Вот если уже Богу помолились, отказов не бывает» [11 — 4: ЦРФ — 1051]. *«Вот приезжали они уже совсем свататься, и богомолье было. На богомолье вот помолились тама и жених, и невеста, все родные помолятся и садятся за стол, угощают. А после вот дарит невеста отца и мать. Ну, вот полотенцами большинство»* [59 — 3: ЦРФ — 1029]. *«Если только договорились, Богу молятся. Вроде молятся Богу. Значит, так договорились. В каждом дому иконы-то есть. Ну и вот, значит, так становимся мы с ними. Оне и вот, значит, молятся. А потом оне скажут, за стол там чайку попить. И всё. Договорились, как свадьба, когда свадьба»* [61 — 3: ЦРФ — 1024]. *«У нас* <сватов> *угощали чаем, пирогом. Мы пекли. А вина не было. Если заранее, если знают — пива наварят»* [53 — 3: ЦРФ — 1025].

Просватанная девушка причитает родителям, укоряет их в том, что они «переторговалися» и отдают ее в дом к чужим людям (см.: том 2, № 55 «Уж розмилой ты мой родильненький тятенька»).

Обжорный стол

По свидетельству этнографов конца XIX в., после успешного сватовства жених должен угостить родственников невесты, выказав им тем самым особое уважение: *«В первый базарный день после усватания невесты ее отец и мать с другими родственниками выезжают в ближайшее торговое село "обжирать жениха", который, свидевшись на базаре с родными невесты, приглашает их с собою в харчевню, где покупает им пирогов, пива и вина, чтобы предложить им порядочный завтрак. Затем, после прогулки по базару, все возвращаются в ту же харчевню – пообедать – справить "обжорный стол", который обходится жениху рублей в 10, 15 и 20 серебром. После обеда, расцеловавшись, разъезжаются по домам. А дома невеста встречает родителей "вытьем"»*[1] (см.: том 2, № 54 «Ты, родимый ты мой батюшка»).

Девичник

В XIX в. жених и невеста обменивались гостинцами в период между сговором (богомольем) и девичником, который проводился в то время накануне свадьбы. *«В промежутке от сговора до девичника, бывающего накануне или в день свадьбы, жених и невеста обмениваются съедобными подарками. При этом получивший подарок должен хотя бы надкусить его. Обязателен традиционный ритуал приглашения на девичник. С раннего утра одна из свах (их бывает по нескольку с обеих сторон) со стороны невесты обходит всех родных и знакомых девиц и зовет "на сидение"; к более родным и близким она приходит и зовет раза два или три. На девичник приходят мать жениха и две-три свахи. Они приносят два пирога. Первый, не очень большой – для родственников, второй — не менее полутора или двух аршин в окружности — для всех пришедших девиц. Весь вечер продолжается пение свадебных песен»*[2].

В середине XX в. эта часть свадебного обряда претерпела некоторые изменения. После того, как девушка была просватана, она считалась невестой, а в ее доме начина-

---

[1] *Веселовский К.* Свадебные обряды в Мордвиновской волости // Владимирские губернские ведомости, 1865, № 1.

[2] *Борисоглебский Я.* Свадебные обряды в Гороховском уезде // Владимирские губернские ведомости. 1854, № 16.

лась активная подготовка к свадьбе, сроки проведения которой назначались в зависимости от обстоятельств. За неделю до венчания невеста приглашает к себе в дом подружек с тем, чтобы они помогли ей подготовить приданое. *«А потом, значит, девушек, подруг, на неделю к ней вечером домой приглашали. Они тут шили — наволочки не сшиты были, там чего-то, и всё это рукодельничали»* [11 — 3: ЦРФ — 1029]. *«<*Когда перед свадьбой девушки собирались, это называлось*> девишник девичий. Девишник. <*Он перед свадьбой был.*> А чё делали? У кого ещё придано не готово, у кого — вяжут, у кого — вышивают. У кого чё делают»* [18 — 3: ЦРФ — 1028].

К девушкам приходили гости, жених со своими друзьями, и приносили им небольшие подарки и угощения: *«<*Сладости приносили*> наверно. А я не знаю чего. Токо название гостинцы»* [29 — 4: ЦРФ — 1051]. — Девушки поют корильные (см.: том 2, № 89 «Часто сват ходил, часто ездил он», № 90 «Ты изменщица, подруженька», № 91 «Собиралась теща пирог печи»), а затем, после полученного откупа, величальные (см.: том 2, № 72 «Как во нынешнем народе», № 73 «У нас Верынька изменчивая») песни свату и свахе, а также жениху. Примечательно, что одна и та же песня об изменщице со временем стала использоваться в качестве величальной, а не корильной.

Подружки невесты на этих вечерах пели «прощальные» песни (см.: том 2, № 68 «Вскалыхалось синее море, синее море», № 69 «Где гуси гуляли»), а невеста оплакивала свое девичество в причитаниях (см.: том 2, № 56 «Ты, сердечный сударь батюшка», № 57 «Подите-ка добро жаловать», № 58 «Не встать ли мне, приподнятися»). Особенный плач был у невесты-сироты (см.: том 2, № 59 «Уж как было у сыра дуба»).

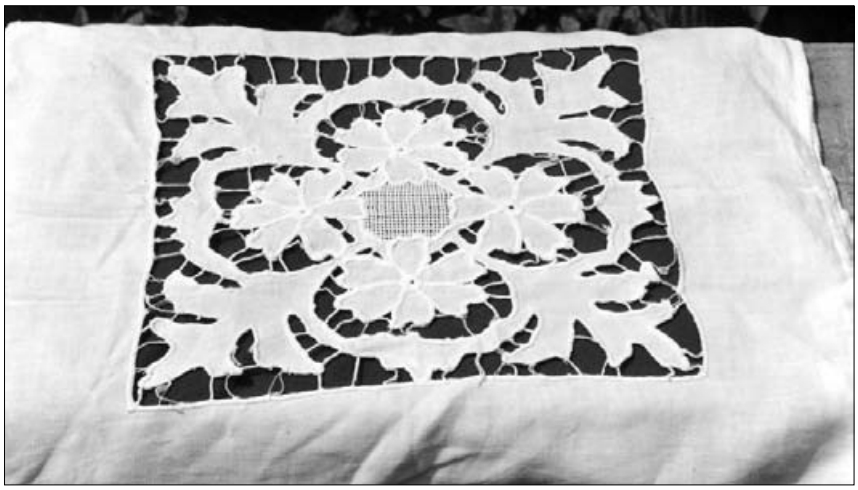
В 30—50-е годы XX в. на девичнике можно было услышать романс «Дуняша выходила на бережек крутой». Видимо, некоторые формульные компоненты этой песни вызывают у исполнителей вполне определенные ассоциации со свадебной символикой, а литературный склад обеспечивает простоту ее воспроизведения:

Дуняша выходила на бережек крутой,
Смотрела, любовалась над быстрою рекой.
Там пташечки летали и гнёздышки вили,
Размилы мои пташки, повейтесь надо мной.
Потешьте моё горе последний вечерок,
Сегодня вечерочком хотели гости быть,
Нежданные-незваные хотели навестить,
Серебряным колечком хотели обручить.
Не дорого, говорит, мне колечко...
[58, 76 — 4: ЦРФ — 1051].

В подобных случаях приходится констатировать функциональную замену традиционной свадебной лирики жанрами более поздней формации.

Приданое. Постельный день

В приданое девушки входят постельное и столовое белье, занавески на окна и кровать, рубашки, матрасы, одеяла, верхняя и нижняя одежда. *«Приданое-то. Ну, мать сама ткала постель. Выткала. Напряла, выткала и набили соломой и две постели в сундук. Навалили на лошадь, повезли придана. Привезли. И всё было вязано. Вот занавески к окошкам — всё было связано. Например, подзор был — связанной. К кровати боковинки — всё*

Свадебная наволочка, выполненная в технике ажурного шитья («ришелье»)

Сундук для приданого

было связано. А это — и покрывало было связано. А там один был шутник такой. Говорит: "Ох, мы теперь и рыбы половим"» [102 — 4: ЦРФ — 1052]. *«А в приданое там давали чего, может, кофты, может, платья, может, там рубаху. Если, например, брат есть. Рубашка там, значит, нарядная. И жениху и родственникам* <дарили рубашку>. *Ну, ясно. Невеста, котора уже готовится замуж, значит, оне уж готовят постель тама. Одеяло, может, матрас что-нибудь такое. Да, такие постели были. Нибивали даже сено. Сошьют вот такое — сено набивали. Не было таких-то матрасов-то вота. Вот всё ясно. И себе там готовила-то ну платья»* [61 — 3: ЦРФ — 1024]. *«У нас богатой не было. Богатых людей. Никакого приданого не спрашивали. Вот когда я выходила замуж, вот никакого приданого никто не спрашивал уже.* <Сами девушки-то всё равно готовили.> *Вязали кружева к полотенцу. Шили. Занавески вот шили.* <Постельное бельё, матрасы, занавески. Со стороны жениха> *ничё не было. Невеста это всё сама привозила — занавески, постель, салфетки, полотенца. Бывало, мода была»* [59 — 3: ЦРФ — 1028].

Отсутствие приданого или его части могло расстроить планы девушки на замужество и счастливую семейную жизнь: *«Ну конечно. Готовили* <приданое>. *Заранее всё. Одеяло стегать давала мама. Стегала одеяло сатиновое. А пальто-то у меня износилось. А чё-то я не купила. Я не пошла* <замуж>. *Пальта у меня не было. И нравился он мне. И ещё чего-то не было. Второго одеяла лёгкого. Не смела сказать, что у меня нет. Раньше надо было всё иметь. Не стала я с ним женить*<ся>. *Он женился»* [62 — 3: ЦРФ — 1027]. Особенно трудным было положение сироты, которая без поддержки родственников оставалась вовсе ни с чем: *«*<А если девушка сиротой была> *никто* <ей приданое не готовил>. *Сумеет если. Где-то она, может, живёт у хороших людей, так, может, хорошие люди помогут. А так... Кто поможет? Вот есть кто-то, вот такие родственники, у кого, может, она у родственников живёт, вот если в достатке. А если они сами ничего не имеют, так что они дадут ей?»* [53 — 3: ЦРФ — 1025].

Исполнители отмечают, что если жених любит невесту, то возьмет ее и без приданого, а корыстность и стяжательство парня осуждаются: *«Постельные принадлежности* <в приданое входили>. *У парня кровать должна быть. Невеста везёт всё постельное. Если богатые родители — они начинают прям чуть ли не с пелёнок запасать. А у бедных-то как раз — концы с концами еле-еле сходились. А потом ведь, если парень любит девушку, он и без приданого возьмёт.* <Бесприданницу не осуждала деревня.> *Это если вот по расчёту там со стороны жениха, то вот это — да. А жених приводит домой. Ведь раньше как жили? Ведь в такой комнатке человек десять жило, и кухонка маленькая. И коридор. Полати были. Вот так зайдёшь. И тут вот так — от печки ну там — если вот такая комнатка — печка — и от печки вот по всей избе».* [53 — 3: ЦРФ — 1025].

В конце XIX в. приданое привозили в дом жениха в день свадьбы: *«Поезжане с жениховой стороны едут с будущими молодыми в церковь, а невестины сродники, забрав все приданое невесты, едут в дом жениха (в этом случае невестины сродники называются коробейники)»*[3]. К середине XX в. сроки доставки приданого сместились: большинство исполнителей констатируют, что происходило это в особый, постельный, день: *«Был специальный день, постельный. Перед свадьбой. Ну, грузят вот, и — поехали девчонки. Ну и с ними сват один.* <Привезут> *к жениху — вот там сваха начинает смотреть. Ну, чего она? Вот како придано привезли. Скоко подушек, скоко одеяла»* [59 — 4: ЦРФ — 1055]. Однако некоторые исполнители вспоминают, что везут приданое в свадебный день, когда идут гулять к жениху: *«Перед свадьбой* <везли приданое>. *Вот если у жениха свадьба была, в этот день везли, когда свадьба. Когда гулять идем, тогда и везем. Вот чего, всё было»* [51 — 3: ЦРФ — 1031]. Или даже за неделю до свадьбы: *«Свахи* <возят приданое>. *Все родные. Родные вот. Заранее. Это да, за неделю* <до свадьбы>» [29 — 4: ЦРФ — 1051].

Везли приданое девчонки, подружки невесты, а также сваты с обеих сторон. В доме жениха приданое демонстрировали всем желающим, чтобы они могли оценить качество работы, количество припасенного добра, а также зафиксировать тот факт, что невеста пришла не с пустыми руками. *«На лошаде привозили это вот — там кровати и постель, и всё придано. Всё привозили. Значит, там сундук большой.* <Подруги везли приданое.> *Когда устилают постелю, когда привезут — устилают постель в моём дому, то приходит народ, значит, глядеть, какая постеля. Заранее* <везли приданое>. *За день* <до свадьбы>, *значит* [61 — 3: ЦРФ — 1024]. *«Придано — припасут его. На лошади повезут. И вот, а мы были-то... интересно-то поглядеть, у кого какое придано-то? Когда приезжают в дом, и вот эта свахонька, которая тут, она вот руководила — она вот показыват всё придано. Придано выкладыват вот она и на коечку ложит. А потом убирают они»* [18 — 3: ЦРФ — 1028].

Исполнители часто рассказывают забавную историю о том, как сделать ощутимее вес сундуков с приданым: *«Я рассказывала, как приехали за приданым, он в Гороховце жив, этот мужчина — не буду называть фамилию. В общем, приехал он. И она жива, эта невеста-то. И значит, понесли сундук — дно отвалилось. И оттуда выпали кирпичи. Чтобы тяжелее был* <сундук с приданым>» [11 — 4: ЦРФ — 1051]. *«И стали невестин класть сундук на лошадь, это уже когда свадьбы кончились, все ее приданое на лошадь в сундук, на сундук — подушки, там, одеяла. Всё покрывается накрывалом, и уезжает. Ну, вот, сундук-то вынесли, а они вон у меня там в сараюшке лежат, они же большие. И, значит,*

[3] *Веселовский К.* Свадебные обряды в Мордвиновской волости // Владимирские губернские ведомости, 1865, № 1.

вынесли сундук-то — дно отвалилось: дно у сундука деревянное. И там, значит, доски-то отпали, и кирпичи у их. Кирпичи упали. Я говорю: "А зачем?" — "Чтобы тяжелый был, много добра". Да всё это: подушки, одеяла и куст. И всё на этот сундук уж сверху, воз целый, ой, добра-то как много» [63 — 3: ЦРФ — 1030].

Утро венчального дня

Утром в день венчания мать будит свою дочь причетом (см.: том 2, № 63, 64 «Ох, уж вставай-ка ты, моя мила доченька»), а та, в свою очередь, будит своих подруг и обращается к родителям с плачем (см.: том 2, № 60 «Ты родная моя матушка», № 61, 62 «Уж вставайте-ка, мое подруженьки»). *«А потом уж вот, уж когда невесту-то вот — вот уж последню-то ночь она дома-то ночует — вот невеста-то девушек будит. Все девочки вот у ей ночуют в последнюю-то ночь. И вот она утром-то встаёт, и вот их будит. Плачет. Ну, как она — причитает, может быть, она и не плакала так-то. Правда-то. А причитала. Причитала:*

Уж вставайте-ка, вы мои подруженьки,
Уж спалась ли вам темна ноченька,
А мне, молодой, ночка не спалася,
Ночь не спалася,
Уж приснился мне ужасный сон,
Уж будто у меня под окном разлилась речка,
В этой реченьке я купалася,
За ковыль-траву я держалася,
А ковыль-трава обрывалася,
Моя жизнь девичья кончалася.

Вот причитала это всё. А девушки лежали, ничего не отвечали» [18 — 3: ЦРФ — 1028].

Девушки расплетают невесте косу, одевают ее в подвенечный наряд и накрывают платком. Прощаясь с девичьей волей, она плачет *«Косу расплетали в свадьбишный день. Вот в свадьбишный день невеста плакала. Значит, девчоночки все у ней подруги ночевали. Вот. Она их будила:*

Вставайте, мои подруженьки,
Уж какой-то вам приснился сон,
А мне горькой не уснулося,
А мне приснился сон
(Уж нескладно я вам говорю).
А мне приснился сон,
Будто я в реченьке купалася,
За травоньку держалася,
А травонька обрывалася,
Краса девичья убывалася » [59 — 3: ЦРФ — 1028].

«Когда невесту просватывают, то она прощается с родителями, покрывают ее платком, и она, значит. Я только помню, они на стульчик меня сажали и научили меня — ну, ребенок была. Я до школы, лет пяти-четырех вот такая. Там, значит:

Вы послушайте, подружки милые,
Что я вам буду сказывать.
Спалась ли вам темная ноченька,
А мне, бедной, не заснулося.

Клавдия Алексеевна Краснова держит наряженный свадебный куст, с. Фоминки

И начнет она: "Прощай, тятенька и мама, и спасибо вам, что вы меня воспитали" и прочее. Вот этому меня научили, я помню» [11 — 3: ЦРФ — 1029].

Девушки поют невесте прощальные песни (см.: том 2, № 70 «Не вострубнет ли трубынька рано поутру», № 71 «Вот послали Аню молоду»).

Когда невесту одевают, то обязательно закалывают в ее одежду булавки от сглаза, так как известно, что злые люди могут ее испортить: *«*<Невесту могут испортить на свадьбе.> *Бывает всё. Булавки тебе дают»* [62 — 3: ЦРФ — 1027]. *«Знаю, у меня подруга была. Но она уехала из деревни в Подмосковье. Она красивая, очень красивая. И влюбился там парень сразу в неё. А гулял с одной. Бросил. Бросил и эту Зину полюбил. И была у них свадьба. И вот над ней что-то сделали. Так сделали! А, видно, была эта самая мать той, первой-то. И она приезжала каждый год — ой! год от года прямо вся сохла. Ну, вот она мне и рассказывала. Надо же! И врачи — везде никто не помог ей»* [114 — 3: ЦРФ — 1026].

Куст (красота)

Символом девичества считалось наряженное сосновое или еловое деревце, которое украшали разноцветными бумажками и тряпочками. *«Перед свадьбой куст рядили. Не берёзку, а куст такой. Это вот — из сосны. Ну, вот девчонки наряжали, поезд приезжал. Он на первом месте стоял, этот куст. В доме. Да, в углу»* [59 — 3: ЦРФ — 1028]. Жених выкупает этот куст, и его вместе со всем приданым везут к нему в дом, а на второй день свадьбы гуляют с ним по деревне и поют песни. *«*<Куст рядили.> *Бывало, сосну. Сосновый. У ёлочки иголочки все обрывали, токо оставляли кончики. Все эти девчонки тут были, подруги. Нарезали бумажки. Таперь всё есть. А бывало... Обёртывали эти ёлочки красной, зелёной бумагой.* <Назывался куст краса.> *Для чего? Ну что её молодость, краса сломлена. На второй день ходили с кустом гуляли. А потом вот не знаю, куды* <убирали>*»* [59 — 4: ЦРФ — 1055]. *«Первый день — свадьба застольная, а потом ходили по улице ряженые мужчины с бабами: бабы — мужиками и другие всякие. Ну, вот. И обязательно ходили, рядили, как на Новый год или когда там рядят елку. Ее носили, эту елочку, ее бумажками тут, куст звали, ряженые с кустом. Сосновый* <куст> *обязательно с иголками. И тут же еще этими, какие-то бумаги навязали, всё и с этим кустиком ходили, и тут песни: кто чего*

сочинит, вот» [11 — 3: ЦРФ — 1030]. *«Наряжали куст! Рубили куст, понимаешь, и вот там и ленты, и всё. И с кустом, вот уже как свадьба кончается, ходят по деревне. Пляшут тут. Бутылка вина, закуска. Рюмку наливают, угощали. С этим кустом, значит, ходят. Его рядили до свадьбы только, за день что ля. А его только привозили. Там не гуляли у невесты, а гуляли только у жениха.* <Девчонки> *его рядили и его жениху, значит, продавали. За деньги тоже всё»* [61 — 3: ЦРФ — 1024].

После гуляния с кустом его убирали под крышу дома жениха, где он и лежал, пока не превратится в труху. *«Ну, вот свадьба проходит. И его* <наряженный кустик> *туда ложат и там он засыхает. На крыше* <в доме>*, где свадьба идёт. И так он тама. До тех пор, когда уж погибнет сам»* [102 — 4: ЦРФ — 1052]. Иногда кустом распоряжались иначе: его наряжали и оставляли под коньком крыши дома невесты. *«У нас ходили с кустом. Вот пойдут за кустом, принесут куст — и невесте его вот туды вот... туда под крышу* <под конек>*. За день. Вот накануне свадьба. А вот за день идут... У нас один мужчина всё ходил с женщинами-те. И вот он ходил — несёт этот куст. Его нарядят, этот куст. Лентами всякими. Нарядят вот и повесят вот под конёк. [Куст] не снимали. Я вот до сих пор вот помню, вот одна выходила замуж. Я пока там жила, на горе — до сих пор всё он там и был.* <Его не везли в дом жениха.>» [18 — 3: ЦРФ — 1028]. Однако следует отметить, что это единственное свидетельство. Возможно, здесь приводится особый случай или в памяти исполнительницы стерлись подробности описываемого действия.

Прибытие свадебного поезда

Пока в доме девушки проводятся последние приготовления и обрядовые действия, жених с дружкой, свахой и родственниками, составляющими свадебный поезд, прибывают на невестин двор. *«Ну, за невестой приезжали... Жених. Сваха. Дружка. И всё там. Немного людей»* [59 — 4: ЦРФ — 1055]. В зависимости от материального благосостояния жениха свадебный поезд состоит из одной или нескольких повозок, нарядно украшенных. *«*<В поезде могло много быть лошадей.> *И четыре лошади, и пять лошадей. И три лошади было. Все наряжены дуги-те бумажками с лентами. Розовыми, красными. Нарежешь вота — и нарядишь»* [59 — 3: ЦРФ — 1028]. Поезжанам перегораживали дорогу к невестиному дому, и жениху приходилось платить выкуп. *«Ну, коли за невестой едут, я говорила вот, то загораживали* <дорогу>*. А уж с невестой не загораживали.* <Когда за невестой едут, то загораживали дорогу и просили> *рюмочку и денежки. Вина»* [59 — 3: ЦРФ — 1028]. *«Вот когда приезжали за невестой, вот так в церкву всё одно, приезжали за невестой, — и вот туда не пускают — перегораживают дорогу и, значит, вот подходют ко мне вот уплатить денежки... Вот платили денежки»* [61 — 3: ЦРФ — 1024].

Дружка идет в дом узнать, все ли готово, и сообщить о приезде поезжан (см.: том 2, № 96 «Все ли у вас в доме здоровы?», № 97 «А вы, красные девицы»). Поезжане входят в дом, невеста сидит, накрытая платком. Сваха жениха рассказывает о его богатстве («*У нас сватушка богатый:/ Две коровушки красные,/ Две коровушки пёстрые,/ Две коровушки буры,/ Да две коровушки будя»* [59 — 4: ЦРФ — 1055] и вручает подарки невестиной родне и девушкам (см.: том 2, № 99 «Ну, здравствуйте, добрые люди»). Дружка одаривает невесту (см.: том 2, № 100 «Сватушка, свахонька»). В конце XIX в. обычно дарили невесте мыло, а ее родителям пирог. *«Дружка отдает свату шубу, а он сам, взяв жениха за руку, ведет его к печке – за перегородку, подает ему на блюде курник (красный*

пирог), чтобы им подарить будущего тестя, потом, взяв кусок мыла, отдает его невесте: "Вот тебе, матушка Аграфена Мироновна мыльце.... Умойся побелее и нам будешь помилее". Затем, взяв блюдо, приглашает свата и сваху и всех поезжан к озолочению будущих молодых, по каковому приглашению все кладут на блюдо деньги, которые после венчания употребляются на пропой»[4]. В XX в. подарки стали другими. *«Если вот свадьба, то дарили рубашки. Невеста рубашку дарит жениху. А жених — платье для второго дня. А если жених богатый, то, может, и для первого дня всю её оденет, нарядит. Если богатый, да любит. Ну а в то время-то богатых-то и не было. В моё время-то. Все были ровные»* [53 — 3: ЦРФ — 1025]. Начинается ритуальный торг между сторонами. По обычаю, сначала выкупают куст (девичью красоту), затем место рядом с невестой либо для жениха и невесты.

Выкуп куста

При выкупе куста девушки, выполняя функцию свахи со стороны невесты, торгуются сначала с дружкой, а потом с женихом. Диалог «продавцов» и «покупателей» выстраивается с помощью определенных приговоров, регламентирующих время действия и символическую значимость происходящего. *«Уж я сама и бойкая была. Да, кусты продавала. Вот. Оне всходят. Сваты-т. Там, дружка. Ну и начинаешь с ними разговоры вести:*

Что вы, сватушки, долго не бывали?
Или по полям долго плутали?
Или мы сами оплошали,
Не видали, как вы к нашим воротичкам подъезжали?
У нашего свата постоять не диво,
У нас воротички тугие, запорочки...
А лесенки крутые:
Упадёшь, долго не встанешь.

Вот это вот всё говорила я — молодая была. Да-а. Ну, вот сидишь. До тех пор оне не сядут за стол, пока куст <не> *купят. А если не купят:*

Вот, сватушка,
Вы взойдёте в наш высок терём,
Увидите садик зелён. (Вот куст-то.)
Наш садик не дорог —
Рубликов сорок.
А если желаете чести,
Ну, рубликов двести.

Вот дружка-то подходит. Кладёт денег там сколько. Всё было так, шутки. Положит денежку одну какую-то:

У нас, сватушка, невеста не одноглаза,
У нее два глаза.
(Значит, он ещё кладёт.)

---

[4] *Веселовский К.* Свадебные обряды в Мордвиновской волости // Владимирские губернские ведомости, 1865, № 1.

Знаешь что, сват?
Ты больно лыс — от нас отдались.
Вот Александр Иваныч помоложе
И даст нам подороже.

Вот уж иль жених подходит, расплачивается. Расплатится — там уж куст забирают. Ну, его клали куды, примерно в дворицу иль куды. А коли поезд поедет — они забирали его. Ну не жених <забирал>. *Сватья»* [59 — 3: ЦРФ — 1028]. Формула, устанавливающая цену куста, варьируется:

А если желаете чести — рубликов двести:
Каждая иголочка — копеечка, каждый сучок — пятачок.

Ну и вот сватушка, он начинает там давать денег. Скоко? Ну, мало там.

Ты, сватушка, лыс — от нас удались.
Вот Алексан Иваныч помоложе —
Он нам подороже.

Нарочно дадут мелочи. Одну денежку положат:

У *нас невеста не одноглаза.*

Значит, оне ещё кладут» [59 — 4: ЦРФ — 1055] (см. также: том 2, № 98 «Что вы, сватушка, к нам долго не бывали»).

Выкуп невесты

Исполнители, говоря о выкупе невесты и выкупе места, часто смешивают эти эпизоды свадебного действия, описывая как единый ритуал. Можно предположить, что после выкупа куста (красоты) следовал выкуп невесты, а затем уже жених выкупал место. Однако не исключена вероятность того, что под выкупом невесты исполнители подразумевают ритуальный выкуп куста (красоты), и в этом случае количество эпизодов, связанных с выкупом, сокращается до двух и их последовательность будет такова: сначала выкуп куста, затем — места. *«Вот приехал жених за невестой. И это выкупали. Девку и место. Место продавали. Девкам платили. И невесту выкупали. И денежки собирали. И прянички невеста забирала с конфеточками. На место сажали и их всех угощали.* <Сваха говорила>: *"Мы к вам появились, у нас есть женишок, а у вас невеста. Давайте породнимся. Вот у нашего-то новобрачного-то князя дома у двора четыре столба деревянных, да четыре стены стеклянных, да шесть коров..."»* [76, 82 — 4: ЦРФ — 0960]. *«Если уж я женюсь — вот приезжаю за этой, за невестой. А она сидит, невеста, она покрыта. Тут занято* <место>. *Меня не пускают к невесте. Я говорю: "Как это?" — "Давай выкупай невесту!" Вот выкупаешь невесту. Мы там мальчишки с девчонками сидим. Дальше, например, рубль дашь. А он скажет: "Мало". Даёшь ещё. Там три рубля ещё дашь. "Ну, хватит!". И значит, выпускают. Значит, идёшь к невесте. Садишься»* [61 — 3: ЦРФ — 1024].

Выкуп места

В конце XIX в. выкуп места следовал за выкупом невесты, и жених должен был купить место за столом для себя и своей будущей жены. *«Дружка, взяв за руку жениха и невесту, подводит их к столу, за который еще заранее садится наряженная кукла (куклою рядится кто-нибудь из родных невесты) и ковыряет лапоть или шьет без узла, не уступая места будущим молодым до тех пор, когда ей (кукле) дадут сколько-нибудь денег. Чтобы выкупить место, дружка берет ковш квасу, кладет на дно оного грош и копейку и, поднося кукле, говорит:*

Попей-ко, попей-ко, на дне-то найдешь копейку,
А больше попьешь, еще грош найдешь...

Выпив из ковша квас и взяв положенные в ковш деньги, кукла уступает свое место жениху и невесте, которые... усаживаются, положив под себя баранью шубу»[5].

Современные исполнители, вспоминая свадебный обряд середины XX в., придерживаются разных точек зрения. Одни говорят, что жених выкупает место около невесты для себя, другие уверены, что место выкупают для обоих, для жениха и невесты. Место продают дети, мальчики и девочки. В таких случаях невестина сваха произносит определенный приговор (см.: том 2, № 101 «Вот, сватушки, раз: появились гости у нас»). *«Куст купят. И вот, ребята сидят, место продают. Ну, вот мальчишки большинство как-то. Не взрослые, а вот мальчишки»* [59 — 3: ЦРФ — 1028]. *«Я только знаю, что вот выкупали: вот сядет, бывало, мальчишка и девчонка. Сядут и займут их место покамест. И потом жених ещё выкупает место»* [18 — 3: ЦРФ — 1028]. После того как жених выкупит место, он может сесть рядом со своей избранницей. Однако в этот момент ему необходимо быть особенно внимательным, так как девушки готовят для него испытание, чтобы проверить, насколько ловок и смекалист будущий супруг их подруги. *«Вот когда приходишь — она* <невеста> *сидит за столом. Покрыта. Покрывают. А я ещё говорю — а почему её? А тут сидит выкупать, значит, это. Я говорю: "Чего?" — "А я тебя не пушшу — плати денежки". Я говорю: "А чего ее покрыли? Может, она не моя? Может, другую какую туда посадили? Рябую, рыжую?" Я говорю: "Она мне не нужна будет". — «Нет-нет, это та". Ну ладно. Я ему плачу деньги. Значит, он уходит. Я пришёл, а там подкладывают вот под эту вота под стуло подкладывают блюдо что, я так посмотрел — я тоже такой бывал молодой, духлый, понимаешь. Я только взял — как лопнул. Там — бух! Я говорю: "Что это тама наклали? И ноги-ти сломая". Ну тут засмеялись все, понимаешь. Если жених не догадается, значит, лямой жених. Не боевой, а лямой. Ну, такой — не бойкой. Потом я раскрываю жену свою. Гляжу, моя ли жена. Она уже смеётся»* [61 — 3: ЦРФ — 1028].

Угощение (столование) поезжан

После выкупа места, когда жених с невестой занимают положенные им места за столом, поезжанам предлагается угощение. Дружка обращается к хозяевам, напоминая им, что необходимо накормить гостей (см.: том 2, № 104 «Старик со старухой на печи за столбом», № 105 «Квас-то ясный»). *«Ну, садились за стол закусить. Перед поездом. Как ехать. Ели. Ну, чего ели? Бывало, суп подавали»* [59 — 3: ЦРФ — 1028].

---

[5] *Веселовский К.* Свадебные обряды в Мордвиновской волости // Владимирские губернские ведомости, 1865, № 1.

Гуленька (пичужка)

Над тарелкой жениха девушки вешали солонку в виде птицы, сделанную частично из соломы, частично из бумаги, и трясли ее так, что соль из нее сыпалась в суп. Жених должен был откупиться от девушек или, по другой версии, обязательно поймать птичку и бросить ее в будущую тёщу, стоящую в чулане. Смысл этого действия не совсем ясен самим исполнителям, однако некоторые из них полагают, что оно должно способствовать налаживанию в дальнейшем хороших отношений между зятем и тёщей. *«Из соломы* <птичку делали>. *Ну, вот плетёшь, бывало, лапти плели — вот так же плетёшь её. Завязываешь голову. Голову делаешь — так же нарезаешь бумажки — голову делашь, петлю делашь, и это вот так — там, бывало, делали вот так вот. Веер. Вот так вот. Вот вставляешь в хвост — плели из бумаги такой из цветной платочек — туды насыпали соли. В эту, в птичку. В плетёну-то. Ну* <плели> *не так уж плотно, чтобы соль пролетала. На ниточку. Если жених глянется — ленточку-то не надо толсту. А то не сорвёшь. Пустишь, а соль сыпется в поданный суп. Солим, солим. Раз опустим. Вниз опустишь — поднимаешь. Он не ловит.* <Он ждёт момента.> *Ещё. Подразнишь. А уж на третий... Договоришься, конечно. На третий раз уж он* <ловит птичку и кидает в тёщу или> *хоть в сваху какую,* <чтоб они убрали>» [59 — 4: ЦРФ — 1055]. *«И гуленька была. Делали гуленьку вот такую. Из соломы. Из соломы — вот такая, хвост у ней. Такая бумага твёрдая. Она держится. Вот так режем, вот так и клинья, и хвост. И — прям настоящая гуленька.* <Туловище из соломы, а крылья из бумаги делали.> *Голова тут, всё — соединить, чтобы было. Гуленька... Полезешь и в неё соль насыпляшь. И ножки ей сделашь вон из берёзы. Не из веточек. А из этих... Почки, да. Почки. Вот возьмёшь и — с ножками и всё. Садятся. Вот сидишь и подсыпаешь туда соль-то. А они сидят, пока ничё не делают.* <А чтобы не сыпалась соль-то>, *тарелочкой закрывают. Тарелкой закроют, уж вот когда жених пымает эту гуленьку...* <Девчонки её за нитку дергают.> *Там договариваемся с женихом-то: "Ну, ты в первый раз не трогай. Вот второй тоже. А на третий раз уж лови. Уж мы не будем убирать-то". Эту гуленьку* <жених> *ловит, отрывает эту нитку. Она на нитке. И к тёще* <кидает в чулан>. *И после начинают оне столоваться... Ну, там — выпивать. Ведь, конечно, мало выпивали...»* [59 — 3: ЦРФ — 1028]. *«Ой! плели, говорит, эту пичужку. Над столом-то над молодыми-то, говорит, вешали. Поставит блюдо супу-то, вот его, говорит — чтобы денег давал! Ему, говорит, эти, песни поём. Про жениха да про невесту. Величальные. Так, говорит, насудим, что есть нельзя (смеется). Вот она вот порассказала.* <Тётя Нюра Хижонкова. Она из деревни Ломовка.>» [26 — 4: ЦРФ — 1051]. *«Если жених пымает, то, значит, кидает в тёшшу. Я помню вот в этих птичек-то, у нас вот, соли клали.* <Соль>, *чтобы зять был для тёшши хорош!»* [45 — 4: ЦРФ — 1051].

Изготовление свадебной птички-«гуленьки»

Во время угощения поезжан девушки поют величальные песни и получают за них вознаграждение. *«А*

потом поют эти подруги. Поют песни. Точно-т не расскажу какие. А им тоже платишь деньги. Жених платит. Песню-т поют какую. Как они вот поют песню. Ну, там уж сцены какие — в песне. Для невесты, для жениха» [61 — 3: ЦРФ — 1024] (см.: том 2, № 75 «Во горенке во новой, во новой», № 76 «Красна ягодка изюмчитая», № 78 «На дубчике два голубчика сидят», № 79 «Как на горыньке два дубчика стоят», № 80, 81 «У нас свахынька возлюбленная», № 82 «А как наша сваха хорошая», № 83 «Костю жёна соряжала», № 84 «Ой, капуста была совсем белая», № 85 «Березничек влильеватай», № 86 «По лужеченьку погуливала», № 88 «Кто у нас хороший, кто у нас пригожий»).

Отправление свадебного поезда в церковь

После окончания столования поезжан дружка обращается к родителям невесты с просьбой благословить детей ехать к венцу (см.: том 2, № 106 «Сватушка, подступико, сюда, пожалуй»). Невеста в последний раз обращается к родителям с прощальным плачем (см.: том 2, № 66 «Ты, сердечный милый батюшка»). *«Кланялись отцу.* <Невеста обязательно должна была уважение проявить.> *Плакала: "[Родимый] батюшка, вскормил, вспоил, на путь поставил". Много причитала, много причитала»* [59 — 4: ЦРФ — 1055]. Затем жениха и невесту ведут в чулан, где их благословляют родители девушки. *«Когда они из-за стола выходят. Молодых — в чулан. Там отец с матерью* <невесты> *благословляют. В чулане»* [59 — 4: ЦРФ — 1055].

Существовало поверье, что нельзя идти девушке к венцу во время менструации. *«Говорит* <мать>: *"Если только у тебя будет менструация, раньше не менструация, а месячные называлось, и ты пошла к венцу и не сказала никому — тебя всю жизнь кровь замучит"»* [13 — 4: ЦРФ — 1052].

В церковь жених с невестой едут, как правило, порознь, на разных лошадях. *«Вот и поедут* <к венцу>. *Поели. Невесту забрали и поехали. Жених на одной* <лошади>, *а невеста* <на другой>. *А вот от венца уже вместе ехали»* [59 — 3: ЦРФ — 1028]. Однако иногда такой порядок нарушается, и жених с невестой едут вместе. *«Там едет целый поезд* <в церковь>. *Например, там четыре лошади. Мы с невестой на одной лошади сидим, значит. И у нас кучер. Вот так раз хоть венчаться поехали, на свадьбу поехали, со свадьбы.* [Когда венчались], *родители там, и мать там, и эти. Значит, там участвовали. Участвовали там»* [61 — 3: ЦРФ — 1024]. Переступая порог церкви, невеста, по поверью, должна сказать: *«Господи! Возьми хоть половину!»* [63 — 4: ЦРФ — Р — Э: 003], предохраняя себя тем самым от слишком частых родов.

Встреча молодых после венчания

При возвращении из церкви новобрачных встречают родители мужа, благословляют их хлебом-солью и иконой Богородицы. *«А встречают отец с матерью у входа. В колидоре вот. С женихом уже* <благословляют>. *Хлебом-солью.* <Икона Богородицы> *обязательно»* [59 — 4: ЦРФ — 1055]. *«Встречали отец с матерью. Хлебом и солью. На венчаньи* <родители жениха и невесты> *не были и в поезде не приезжают. Им надо готовиться!»* [59 — 3: ЦРФ — 1028]. Иногда, по свидетельству некоторых исполнителей, встречает молодых одна мать. *«*<Невесту> *под руки берут, понимаешь, вота, и ведут. А там встречают, мать, что ль там. Даже проздравляют. Вот. Хлеб и соль, как уж это уж заведёно. Это встречает, тут мать встречает и всё»* [61 — 3: ЦРФ — 1024].

Сразу после благословения новобрачных потчуют молоком, в которое опускают кусочек угля, что должно способствовать рождению красивых детей. *«Вот когда приезжают* <молодые>*, сразу наливают им молока.* <А в молоко кидали> *угли. Говорили: чтобы дети были черноглазые»* [59 — 3: ЦРФ — 1028].

Свадебный пир (застольная свадьба)

На свадебном пиру гуляют, главным образом, родственники новобрачных, которых называют гулевыми или свадьбишными. По свидетельству собирателей конца XIX в., свадебное застолье ничем не примечательно. *«Свадебный пир идет обыкновенным порядком, без всяких прикрас и прибауток. Смешно только смотреть на стариков и старух, сидящих в столе, когда они исполняют общепринятый местный обычай цалования за жарким. Старухи, чтобы подтрунить над своими муженьками, берут их за бороду, за нос и за волосы»*[6].

В середине XX в. произошла определенная трансформация свадебного пира. Судя по сообщениям исполнителей, девушки, подруги невесты, присутствовали на застольной свадьбе и исполняли величальные песни не только для молодых, но и для других гостей, собирая деньги за их чествование. Величали невесту:

Как у нас Варваронька изменчивая,
Не хотела она замуж выходить,
Обещалась в монастырь с нами идти,
А мы, глупы, понадеялись на неё,
Все пошили платья чёрные,
Покупили ленты длинные,
Ленты длинные, трёхаршинные.
Ты послушай-ка, Варенька,
Про тебя какую песенку поём,
Мы какую тебе честь воздаём [59 — 3: ЦРФ — 1028].

* * *

У нас Настенька изменщица была,
Не хотела за жених она идти...
Изменила она девичью красу,
Не хотела за жених она идти.
Нас девчоночек с собою увезти [11, 58, 76 — 4: ЦРФ — 1051].

(См. также: том 2, № 75 «Во горенке во новой, во новой».)

Величальная песня жениху:

Как на горыньке два дубчика стоят,
На дубчике два голубчика сидят,
Оне сидят, промеж себя говорят,
Какой Сашенька хорошенькай,
Какой Сашенька пригоженькай [59 — 4: ЦРФ — 1055].

---

[6] *Веселовский К.* Свадебные обряды в Мордвиновской волости // Владимирские губернские ведомости, 1865, № 1.

Примечательно, что эту же песню поют в качестве величальной и для простого гостя, неженатого парня (см.: том 2, № 87 «Как у месяца золотые рога», № 88 «Кто у нас хороший, кто у нас пригожий», № 78 «На дубчике два голубчика сидят»). Исполнялось также общее величание для новобрачных (см.: том 2, № 76 «Красна ягодка изюмчатая»). Затем было принято величать дружку, сваху, свата и остальных гостей. *«А потом уже на свадьбе они (подружки невесты) участвовали, и с тарелкой про каждого пели песни. Я только одну запомнила, я на свадьбе была вот такой девчонкой, в общем, смотрела, как девушку напротив просватывали. Они, значит, пели, одну я песню помню — про дружку. Дружка — это друг жениха:*

Капуста была белая,
Как у дружки жена была милая,
(и жена рядом сидит),
На свадьбу она его сбирала:
"Ты поедешь, мой миленький, на свадьбу,
Тебе девушки там будут песни петь,
А ты должен их благодарить".

И он в тарелку кладет монету. Вот эту песенку я почему-то, ребенок, запомнила. Про всех эти песни: про жениха, невесту и дальше пошло» [11 — 3: ЦРФ — 1029].

(См. также: том 2, № 84 «Ой капуста была совсем белая».)

Величальная песня дружке:

У нас друженька богатый, богатый,
Он из тысячи на тысячу ступал,
Из неволюшки сирот выкупал,
Вы сиротушки, сиротушки мое,
Помолитеся вы Богу обо мне,
Чтобы Бог меня помиловал,
За совет меня пожаловал.
Ты послушай-ка, друженька,
Про тебя какую песенку поём,
Мы какую тебе честь воздаём [59 — 3: ЦРФ — 1028].

Величальная песня свахе:

У нас свахынька возлюбленная,
На сыте сваха замешанная,
На мёду сваха развоженная,
Без белил она белёшенька,
Без румян она румянёшенька,
Ты послушай-ка, свахонька,
Про тебя какую песенку поём,
Какую тебе честь воздаём [59 — 3: ЦРФ — 1028].

* * *

У нас сваха-то возлюбленная,
На меду сладко замешанная,
На сыте сваха возложенная.
Без белил она белёшенька,

Без румян ты румянёшенька,
Ты послушай-ка, свахынька,
Про тебя мы какую песенку поём,
Да какую тебе честь воздаём [59 — 4: ЦРФ — 1055].

(См. также: том 2, № 80, 81 «У нас свахынька возлюбленная», № 82 «А как наша сваха хорошая».)

Величальная песня свату:

У нас сватушка богатый, богатырь,
Он и с тысячи на тысячу ступал,
Из неволюшки сироток выкупал.
Вы сиротушки, сиротушки мои,
Помолитесь вы Богу обо мне,
Чтобы Бог меня помиловал.
Ты послушай-ка, сватынька,
Про тебя, какую мы песенку поём.
Вот какую тебе честь создаём.

После каждой песни обносят» [59 — 4: ЦРФ — 1055]. (См также: том 2, № 83 «Костю жёна соряжала», № 85 «Березничек влильеватай», № 86 «По лужеченьку погуливала».)

Звучат на застольной свадьбе и другие песни, которые не имеют жесткой приуроченности к обряду, а лишь по ассоциативному ряду образов связаны с ним:

Полно, пташечка, над озером летать,
Полно, пташенька, об верненьком скучать,
Придет времечко, увидишься опять,
Либо в роще, или в зеленом саду.
Во садочке моем цвет цветет,
Кто сорвет его холодною рукой,
Цвет волнушки не повянет, расцветет,
Мил головушку причёшет, уберет,
Он гулять пойдет, меня с собой возьмет.

«Это жениху пели» [59 — 3: ЦРФ — 1029].

Плясовая песня:

Я по жердочке шла,
Я по тоненькой,
По еловенькой,
Тонка жердочка
Не отсюда не ломится,
Со хорошие родители
Жить не стошнется,
Не стошнется на час,
Нагуляется сейчас,
Пойду-выйду молода
За новые ворота,
За новые, кленовые,
За решетчатые,
За решетчатые,
Частоклетчатые [59 — 3: ЦРФ — 1029].

Тутушканье жениха и гостей

Выйдя из-за свадебного стола, любой гость или даже новобрачный попадали в руки тех, кто не был участником свадебного пира, а только лишь смотрел на него из сеней. Последние подбрасывали его на руках до тех пор, пока он не откупался деньгами. *«Гуляют. Вот тут их тутушкают.* <Только гулевых> *и жениха»* [59 — 4: ЦРФ — 1055]. *«Там гости тутушкали. Я не знаю — гостей что ль... Как? Схватят в обе* <руки>. *Человека там три-четыре. У-ух, вота! А тутушкали вот ещё. Во время свадьбы, когда вот от венца приезжали. Вот сидят там все, закусят, выпьют, а потом песни там петь. Или заиграют сразу, запляшут. Вот нельзя выйти в коридор. А там стоят мужчины и женщины. И только как выйдют, схватют его и — тутушкать.* <Кверху подкидывать на руках.> *Вот плати денежки. Вот это тутушкают свадьбишных»* [102 — 4: ЦРФ — 1052].

Укладывание молодых

В конце XIX в. новобрачные вообще не были участниками свадебного пира. По приезде из церкви молодых встречают с хлебом с солью еще на дворе, а потом уводят их *«на клеть — закусывать»*[6]. В середине XX в. молодых провожали в изолированное помещение в конце свадебного застолья. В роли провожатого могли выступать разные люди, но не чужие, а близкие: сваха, крестная мать, дружка. *«А молодые на полатях не спали. Их, между прочим, вот хоть зимой, зимой — были раньше не сеновалы, а эти — кладовка. Ну, назовём кладовкой. В коридоре кладовка была. Вот. Но кладовка не из досок сделана, она тоже бревенчатая. Двери путёвые и всё. И стелили на пол постели, из соломы набитые. Вот. И молодых — туда. Чтобы молодая ночью не убежала. От жениха. Чтобы прижималась к жениху. А то замёрзнешь»* [53 — 3: ЦРФ — 1025].

Кровать молодых мог занять кто-нибудь из гостей. В таком случае приходилось платить выкуп. *«Когда* <застолье> *кончалось, значит, вечером* <молодых вели на кровать>. *Там кровать тоже уже... заняли уже кровать мою. Пришел, значит, а там уже лежит человек. Лежит человек: "Это не твоя кровать". Ну, чего. Надо выкупать её. Ну, чего? Или бутылку самогона или деньги плати. А потом он уходит. Мы остаёмся с невестой уж, роздеваемся...»* [61 — 3: ЦРФ — 1024].

Второй день после венчания

На второй день свадьбы ходили будить молодых. Исполнители затрудняются сказать, кто это делал: сваха, крестная, мать жениха. Задача будивших заключалась в засвидетельствовании непорочности молодой супруги. Доказательства невинности выставлялись на всеобщее обозрение. *«Если свадьба — будили* <молодых утром>. *Глядели, какая она. Простыни выставляли. Ну не выставляли, но глядели. Это свидетельница* <глядела>. *У нас так было — свидетельница. А если это была свидетельница, она кому-нибудь говорила: "Честная, нечестная?"»* [53 — 3: ЦРФ — 1025]. *«Утром будили их. Будили. Бывало, вот это, как котора вроде того, что, дескать испорчена-то, так, бывало вот, показывают вот это вот. Там простынь иль чего? Простынь, да. Да, дескать, вышла непорчена. А*

[6] *Веселовский К.* Свадебные обряды в Мордвиновской волости // Владимирские губернские ведомости, 1865, № 1.

другую вот начнут: "Испорчена"» [18 — 3: ЦРФ — 1028]. Если было известно, что девушка выходит замуж, уже утратив невинность, то ее родные старались заранее договориться со сватами о том, как скрыть этот факт, чтобы избежать позора. *«Ну, в то время как-то, знаете, если нечестная, то тут и никакой свадьбы не будет. Не то, что такая уже свадебка. Сосватали, всё тихо-мирно. У нас нету денег на такие свадьбы или ещё что. Это ведь для них стараются. Огородить»* [53 — 3: ЦРФ — 1025]. За столом молодому мужу подносили яичницу и рюмку водки и внимательно наблюдали за его действиями, которые должны были продемонстрировать присутствовавшим невинность или порочность молодой жены. *«Яичницу делали* <на второй день. Жених ее ел>. *Если честная* <невеста>, *то с серёдки начинали, а нечестная — с краешку, с краю»* [59 — 3: ЦРФ — 1028]. *«Было, было у нас. Подают в черепушку там блюдо. Там яишницу, и он, значит, серединочку. Посуду били. Первую рюмку выпьет жених и тут же её разбивал»* [18 — 3: ЦРФ — 1028]. Молодой благодарит родителей жены за хорошую дочь. *«Били. Рюмку сначала, стопку. "Спасибо, папа с мамой, за тёмную ночку и за вашу честную дочку". Поблагодарит отца с матерью. И вот разбивалась рюмка. И мать придёт — тарелку разобьёт»* [89 — 4: ЦРФ — 1055].

После ритуалов, свидетельствовавших о невинности молодой жены, начинаются испытания ее ловкости и сноровки. «*На второй день вот. Посуду били. Невеста мела — денежки собирала.* <Гости> *ничё не приговаривали — денежки кидали. Ну, нарочно-то пляску устроют, чтоб были по всем сторонам осколки-те.* <Частушки с картинками пели> *не все. Было как-то всё-таки скромно как-то. Не так, как вы теперь думаете. По телевизеру поглядите чего, а! Господи! Ой! И на первый день, и на второй — кто пел, а кто не пел»* [59 — 3: ЦРФ — 1028]. *«А потом какая она хозяйка-то будет? Шустрая или нешустрая? Вот кидали денежки. Мелкие по всем углам — как она быстро соберёт. Быстро собирает или нет невеста? Смотрели на невесту. Вот. И в это время, когда она бегает, они сзади глядят — не кривая ли, не горбатая ли? Сразу всё высмотрят»* [53 — 3: ЦРФ — 1025].

На второй день гуляют с кустом (красотой) ряженые мужчины и женщины (см. об этом выше). Наряженные невестой и доктором разыгрывают сценку лечения новобрачной. *«В невесту рядились. Ну, бывало, это доктором там нарядятся. Придут. "Врач! Плохо с невестой или с кем не то". — "Пришел доктор подлечить, а то молода заболела..."* <Доктор делал> *укол понарошку»* [59а — 7: ЦРФ — 1001].

В завершение второго дня молодоженов водили в баню. «*Когда уже кончается это — всё, значит. Куст, горшки когда били, деньги когда бросали, подметали веником. Она* <молодая> *собирает. Глядишь, там деньги. Собирает невеста. А уж это ходили после уж на второй день уж по деревне. Как кончалась свадьба,* <молодые ходили вместе в баню>». [61 — 3: ЦРФ — 1024]. *«Раньше вот, конечно-то, было. В баню их, это... Ну, после. После вот свадьбы. Вместе* <в баню водили>» [59 — 3: ЦРФ — 1028]. *«Водили, водили. Водила* <в баню> *их свахонька. Сваха водила. Чай, на второй день»* [18 — 3: ЦРФ — 1028]. На второй день свадьбы поют «скоромные» песни и частушки, содержащие эротические фривольности, но не имеющие обрядовой закрепленности. Так, почти повсеместно звучит в этот день свадьбы песня «Молодка»:

Молодка, молодка, молоденькая,
Не с кем мне, молодке, ночку ночевать,
Ночку ночевать, поспать, полежать.

---

[7] *Веселовский К.* Вьюнство в Мордвиновской волости //Владимирские губернские ведомости, 1863, № 41.

[8] Там же.

Лягу спать одна, без мила дружка,
Без мила дружка берёт грусть-тоска,
Грусть-тоска берёт, далеко живёт,
Далеко-далёко на той стороне,
На той на сторонке не близко ко мне.
Машет милый мой правою рукой... [59 — 3: ЦРФ — 1028].

(См. также: том 2, № 137 «Пошли девки за грибами, нашли яичек с мудами», частушки.)

Третий день после венчания

На третий день гостили у родителей молодой жены, где всех угощали блинами *«Ну, приезжали. В дом невесты. Бывало, называлось, на блины. На третий день. Там опять собирались близкие и опять гуляли»* [59 — 3: ЦРФ — 1028].

Вьюнство на Пасху

В конце XIX в. в заключение свадебного обряда было принято окликать молодоженов на Пасху, утверждая окончательно их семейный статус. *«На пасхальную субботу еще до восхода солнечного... собираются партии крестьянской молодежи – парней от 5 до 15 и более человек и начинают окликать сначала молодых своей деревни (если они есть), а потом переходят и в другие деревни, не пропуская ни одной молодой четы не окликанною»*[7] (см. также: том 2, № 53 «Что не пыль в поле пылит, не дубрава мать шумит»). Исследователь отмечает, что *«песню эту в продолжение всего года только и можно слышать в пасхальную субботу»* и что она сопровождается *«различными кривляньями и ломаниями поющих»*[8]. Молодожены выносят окликальщикам по нескольку монет, яиц и пряников или водки. Во второй половине дня к молодым приезжают гости со стороны жены, и устраивается застолье. Современные исполнители, к сожалению, не упоминают об этом ритуале.

Описанный выше свадебный обряд, существовавший в Гороховецком крае, может быть использован в качестве вспомогательного материала участниками художественной самодеятельности для фольклорно-этнографических постановок, демонстрирующих богатое культурное наследие региона. Возможно также включение отдельных эпизодов и текстов (в частности, приговоров) в современную свадьбу с целью ее философско-эстетического наполнения. Однако в этом случае необходимо очень корректно и неформально относиться к историческому материалу, чтобы избежать натяжек и безвкусицы при совмещении с реальным обрядовым действием, так как мировоззрение и культурный опыт современного человека отличаются от мировоззрения его предшественников.

В целом предложенный материал будет хорошим подспорьем всем любителям и почитателям традиционной народной культуры в ее изучении и просветительской работе.

В.Е. Добровольская

Похоронный обряд

Погребальная обрядность в той или иной форме сохранилась в традиции Гороховецкого края до настоящего времени. Более того, каждый исполнитель уверенно называет не только этапы похоронного обряда, но и их последовательность. Необходимо отметить, что единственным исчезнувшим элементом ритуальной практики являются причитания, хотя рассказы о них присутствуют у всех информантов.

В Гороховецком крае похоронный обряд был насыщен обрядовыми действиями, которые имели не только утилитарный, но и магический характер. Они были призваны защитить живых от умерших. Нарушение правил могло привести к трагическим для семьи умершего последствиям.

Похоронный обряд в традиционной культуре занимает большее, чем сами похороны, время. Начинаясь в момент смерти человека, он заканчивается в годовщину его кончины, когда для семьи покойного полностью восстанавливается разрушенная смертью граница между миром живых и миром мертвых. Обычно похоронный обряд принято делить на следующие этапы: от смерти до выноса тела из дома, уборка дома, дорога на кладбище, подготовка могилы, похороны, поминки, поминальные дни. Рассмотрим каждый из этих этапов подробнее.

Первым обрядовым действием, которое совершалось после смерти человека, было обмывание. Существовало поверье о том, что обмывать женщину должна женщина, а мужчину — мужчина. Если по каким-либо причинам происходило нарушение этого обычая, то существовало магическое действие, призванное защитить нарушителя от возможных несчастий. Он должен был встать над открытым подполом и окатиться водой: *«Обмывала я двоих, только на полу обмывала. Мужиков-то должны обмывать мужики, а у нас получилось, что прибежали за мной, и мужиков никого нету. У меня отец умер, так я его обмывала сама, мать мне и говорит:*

— Валька, скатись!

Открыла заподню (в подполье лазишь). Вот я над ней встала, окатилась, вода вся туда ушла и всё» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Обмывали человека на полу, при этом считалось, что обмывать на голом полу недопустимо: *«Обмывали всегда на полу. На пол обязательно клали. У кого одеяло такое тонкое или просто соломки постелили и тканюшкой какой-нибудь. Обмывали вот это только на полу»* [118 — 3: ЦРФ — 1017].

Вероятно, первоначально на пол стелили сено, которому приписывалась очистительная сила: *«Покойника клали не на чистый пол, а на сено, подстилали чего-нибудь и эту подстилку с сеном выносили»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Существовал обычай одаривать того, кто обмывал покойного. Считалось правильным, если человек помимо своего похоронного узелка приготовит и узел для обмывальщика, в который чаще всего входила одежда: *«Вот у меня тетя Нюра была. Так у*

нее всё было. Даже было тому, кто обмывает, на платье, и платок, и чулки, всё было заготовлено. Кто обмыл, тому надо отдать. Вот второй узелок» [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Предметы, с помощью которых обмывали покойника, а также подстилку, на которой его обмывали, выбрасывали. Полагали, что воду необходимо вылить на угол дома: *«Обмывали и вещи выбрасывали, а воду выливали на угол дома»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003], а всё остальное выбросить туда, где никто не ходит, или закопать в землю. *«Вот то из чего обмывали, и тряпочку, и мыло это выносили в сторонку, чтобы никто не ходил, а можно в землю закопать»* [118 — 3: ЦРФ — 1014]. Место, куда выбрасывали эти предметы, считалось нечистым. Полагали, что там может появляться покойник: *«Я помню у болотины это всё валялось, и обходили все. Нам казалось страшно — покойник тут был»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Гроб должны были изготавливать посторонние люди, так как в противном случае на семью могли обрушиться несчастья: *«Гроб должны делать чужие, своим гроб делать нельзя, а то покойники еще в доме будут»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. В то же время не видели ничего предосудительного в том, чтобы кто-то из родственников сделал гроб заранее: *«У бабушки нашей лет сорок два дубовых гроба стояли на чердаке. Мы туда зимой яблоки клали, рябину. Дубовые у нас гроба были»* [118 — 3: ЦРФ — 1014]. Считалось, что если гроб больше, чем нужно, в доме появится еще один покойник: *«Вот если гроб больше, чем покойник-то, то уж беспременно в доме еще покойник будет. Гроб на двоих-то»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В гроб клали сено или стружки, закрывали их белым материалом; сеном или стружками набивали подушечку под голову покойника: *«В гроб стружку клали, и эту стружку в наволочку клали, белым материалом покрывали и одетого клали, тапочки вот»* [118 — 3: ЦРФ — 1014]. В соответствии с восприятием гроба как дома его обустраивали внутри и, прежде всего, устраивали в нем *«постелю для покойника»* [59 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Вниз клали стружки и солому, затем на них укладывали березовые листья: *«В Духов день иду за березками, ломаю, двенадцать святых Апостолов, каждому Апостолу по веничку ломаю, привожу их домой, веники расстилаю в тени. Сорок дней пролежат эти березки, на сорок первый выношу, обрываю каждый листочек, кладу в коробьё. Умирает человек... насыпаю в сумку листочков этих... в гроб кладу листочки. В гробу четыре угла, всем четырем Апостолам листочек, мертвому под подушку в наволочку листочек кладу»* [51 — 3: ЦРФ — 1031]. Сверху стелили холст, а некоторые исполнители вспоминали, что их родители укладывали и лоскутки от савана: *«Моя мама, когда отца хоронили, саван на живую нитку шила, и лоскутья от него в гроб потом ложили»* [59 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Под голову покойнику клали березовый веник и подушку, набитую березовыми листьями или сеном, а некоторые женщины специально собирали все вычесанные за жизнь волосы, чтобы после их смерти ими набили подушку.

Одевали умершего в приготовленное им *смертное*. Каждый человек считал необходимым приготовить себе похоронный узел, в котором, помимо одежды, находятся покрывало и наволочка, платочки для одаривания на могиле и свечи: *«В похоронном узле вот нижнее белье всё, чулки, трусы, платье необновленное, платочек, тапочки, свечи»* [79 — 3: ЦРФ — 1018]; *«Узелки смертные заранее готовят. Вот я себе припасла. Ну, кладут белый материал, чтобы покрытие было, чтобы наволочка была белая, ну одежа, платье, или там кальсоны с рубахой, и костюмчик там, рубашка должна у женщин быть, платье, платочек. Всё новое»* [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Гроб устанавливали на лавке (реже на столе) в переднем углу. Наиболее правильным считается установка лавки под гроб наискосок: *«Покойника можно на лавку положить, у кого чего есть. Кладут его ногами на выход, головой вперед. На угол кладут. У нас впереди иконы, так и ставили на иконы. Головой под иконы, чтобы он глядел ногами на*

выход» [79 — 3: ЦРФ — 1018]. Голова покойника должна находиться в красном углу: *«Гроб стоял в переднем углу, иконы стояли, наискосок гроб стоял»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]; *«Под образа головой класть надо»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Несмотря на то что сейчас красного угла в избе может и не быть, икону в головах умершего устанавливают всё равно. Покойник обязательно должен лежать ногами к двери: *«Гроб как место есть поставят, только ноги все равно к двери»* [118 — 3: ЦРФ — 1014]. Считается, что он как бы идет на кладбище: «*Ногами вперед. Идти-то как же, вперед ногами»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Выносили покойника вперед ногами, ведь он же идет. Вот я, например, встаю на ноги и у меня ноги вперед идут. И ложат вперед ногами, и выносят»* [118 — 3: ЦРФ — 1018].

Вероятно, именно после установки гроба родные могли первый раз причитать в голос. К сожалению, в настоящее время нам удалось записать лишь смутное упоминание о том, что «положение во гроб» сопровождалось причитанием: «*Когда в гроб-то положат, положат во гроб и причитать начинают, до этого плакали только, а как в гроб положат, так в голос ревут»* [21 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Пока покойник находился в доме, над ним постоянно читали псалмы специально нанятые люди, чаще всего набожные старые женщины, не состоящие с покойным в родстве: *«Пели — я нанимала бабушек. У нас Тихоновы, они все религиозные, они все ходили по покойникам»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Для них устанавливали специальный стол, ставили на него укрепленные в банках с пшеном свечи, а также иконы. Псаломщицы читали над покойным, а приходившие с ним проститься приносили и оставляли на столе какую-либо еду: *«Дома обязательно поставят пшено и свечки горят. Тут одна, тут одна и тут одна, это пока молются. Молились над покойником. Ставят стол, там иконка и читают над покойником. И все несут: кто печенье, кто конфеты, кто хлеб, кто лук, кто что»* [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Эти приношения могли использоваться как плата псаломщицам или для поминального стола: *«Здесь уж как договорятся — или им* (псаломщицам) *дают деньги, или денег немного если, то еду со стола, а если только деньгами, то что принесли на поминки используют»* [11 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Баночка с пшеном, в которую вставлялась горящая свечка, должна была находиться в доме до тех пор, пока покойника не уносили на кладбище. После этого пшено выносили за ворота и скармливали птицам. Считается, что птицы поминают покойного: *«Ставят пшено, в баночку поллитровую пшена насыпят и свечку ставят, и стоит пока покойник в доме. Это пшено потом на еду не расходуют, птичкам выбрасывают»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]; *«Вот когда покойника вынесут, пшено-то выкидывают птицам. Надо на рассвете пойти за ворота и пшено выкинуть, а птички божие его склюют и помянут покойника»* [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В день похорон покойника выносили из дома ногами вперед, опасаясь, что в противном случае умерший будет возвращаться в дом к живым: *«Выносили покойника вперед ногами, чтобы не пришел, не возвратился»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]. Отмечали, что, когда не было машин, гроб несли на холстах: *«Раньше не на машине везли, а несли на холстах»* [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Считали, что умершего должны нести на кладбище люди одного с ним пола. При этом все исполнители указывают, что нельзя было подменять людей, несущих гроб: *«От самого дома до самой могилки не надо давать меняться. Если женщина умерла — ее женщины несут, а мужчину — мужчины»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

К сожалению, никто из исполнителей не говорил об отпевании покойника в церкви. Иногда сообщали о заочном отпевании: *«Мне ее отпели заочно, принесли венчик»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Вероятно, подобное выпадение весьма значимой

части похоронного обряда связано с разрушением церковной жизни сельской общины. В традиционной ритуальной практике церковное отпевание являлось чрезвычайно значимой частью похоронного обряда.

Существовал обычай «делать дорогу покойнику». «Дорогу» делали из еловых веток, которые бросали перед гробом: *«Вот гроб выносили и на улице елочки кидали. Эти елочки идут — провожают в дальний путь. У нас клали их как-то так маленько* (наискосок)*»* [118 — 3: ЦРФ — 1014].

После выноса тела оставшиеся дома люди совершали очистительные обряды. Самым распространенным был обычай мести пол, при котором необходимо было соблюдать меры магической защиты: мести от двери к окну — чтобы в доме не было новых смертей: *«Те, кто дома остается, полы моют и метут от двери»* [118 — 3: ЦРФ — 1014]; *«Мести надо от двери к окну, а то еще покойник в доме будет, еще кого-нибудь выметешь»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Пол могли не только мести, но и мыть, причем мытье начинали также от порога. Верили, что в таком случае покойник не будет возвращаться домой: *«Оставляли людей, когда покойника выносили, тут моют, подметают, моют, но мыть начинают от порога, чтобы не приходил покойник»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]. Помимо собственно уборки существовал обычай переворачивать мебель. Чаще всего перевертывали стол, а также выливали на него стакан воды, наклоняя стол к двери, чтобы покойник не приходил к живым: *«Когда покойника выносили, кто-то дома убирает. Я вот, например, стол переворачивала, когда вот у нас сестренкин муж умер. Вот стоит стакан с водой, его тоже на стол выливают, когда выносят»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Вот стол к двери наклонишь и стакан с водой льешь, вода чтоб к двери лилась, она льется и покойник выходит, больше ходить не будет»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

«Дорога покойнику», сделанная на кладбище

Когда гроб с телом покойного выносили из дома, то замечали, какая погода. Если шел дождь или снег, верили, что покойник безгрешный человек и его на тот свет провожают все святые: *«Если в похороны пошел дождик или снег, то это святой человек. Если солнце, то нет. А вот если со снегом*

и с дождем, то там ему будет очень хорошо. Все его святые провожают, так говорят» [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Особо значимым событием похоронного обряда считается *«первая встреча»*. Еще Г.К. Завойко писал: «При выносе покойника из дому хлопочут, чтобы "перву встречу" не забыть или "подорожину"... Перву встречу выносит из дому обыкновенно женщина впереди гроба и подает ее первому попавшемуся навстречу мужчине или женщине со словами: "Помяни новопреставленного раба Божия N" (или рабу Божию N, или младенца Божиего N); отказываться от принятия первой встречи никто не должен... Получивший перву встречу может отдать ее потом бедным. Принять перву встречу считается за счастье, так как принявшего встречу на том свете будет встречать первым покойник, от коего перва встреча подавалась; этой встречей... он будет загораживать от плохих путей — от огня, от смолы — и будет постилать ее по пути к местам блаженства»[1].

Практически все исполнители говорят, что «первая встреча» состоит из хлеба, свечки и ткани. Иногда оговаривают, что мужчинам дают полотенце, а женщинам платок: *«Первую встречу несут. Обычно дарят полотенце и там батон или булку, хлеб и полотенце — первая встреча»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]; *«Вот когда кто-то на дороге встречается, когда гроб несешь — перва встреча. Здесь отдают. В перву встречу отдаешь — платочек, если женщина, а то кусочек тряпочки»* [79 — 3: ЦРФ — 1018]; *«Первую встречу заворачивают. Значит, батон или буханку хлеба, свечку обязательно, и новое там полотенце или платок. Или кусок белого материала. И кто первый попадется, тому это всё отдают»* [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Отмечают, что «первую встречу» можно отдать, если сам не можешь или не умеешь молиться: *«Давали первую встречу. Это и теперь дают. Вот в этой первой встрече, вот мне эту перву встречу дали, мне лет наверное семь было, умер мальчик у соседей напротив, а я бежала с горы, на одной ножке прыгала, а они его выносят, Витенька помню был, годика два с половиной что ли было, выносят его, а я бегу, я откуда знала, и они значит мне дали какой-то сверток, я не беру, но мне все равно дали, я пришла домой:*

— Мам, — говорю, — мне Спирины чего-то дали.

Развернула, значит с метр белого материала, булка круглая и свечка. Мама говорит:

— Бери, отнеси бабушке, это тебе дали первую встречу, отдай бабушке, бабушка помолится.

Вот я побежала, дала бабушке своей. С тех пор я стала знать, что если несут покойника, то нельзя ходить. А то дадут, а надо молиться за это. За то, что ты взял, надо молиться» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Почти все исполнители говорили, что в настоящее время практически забыты обычаи, связанные с рытьем могилы. Указывали только, что рыть могилу должны чужие люди: *«Вот теперь как хошь рой. А раньше, если кто-то из своих умер, не надо своим рыть»* [79 — 3: ЦРФ — 1018]. Полагают, что в противном случае в семье может появиться еще один покойник: *«Могилу своим рыть нельзя, это ты можешь и себе могилу вырыть, свой покойник тебя утащит. Могилу чужие должны рыть»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Все остальные поверья, связанные с обвалом могилы, ее размерами, заполнением водой и др., если и упоминаются, то лишь как рассказы о событиях, предвещающих некую опасность: *«Вот у могилы край обвалился, или вот больше она, чем нужно, не рассчитал кто, какую надо рыть, или вода подступила, всё это нехорошо, а почему — не знаю. Мама всё говорила: "Плохо это"»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

---

[1] *Завойко Г.К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. №1—2. С. 94.

Гроб в могилу опускают на холстах, которые передаются из поколения в поколение и используются только на похоронах: *«Гроб опускают на холстах, холсты потом вынимают, несут, стирают. Это специальные холсты — только для покойника»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]; *«Покойника на холстах опускают. Холсты вот смотаны стоят, они только для покойника. Вот у меня и маму, и папу, и бабушку, да и пробабушку, наверное, на них опускали»* [101 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Поскольку с кладбища ничего нельзя брать: *«С кладбища ничего брать нельзя, а почему не знаю»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]; *«С кладбища ничего уносить нельзя»* [118 — 3: ЦРФ — 1014], — холсты подвергаются специальным очистительным обрядам: *«Вот холсты с кладбища принесешь, постираешь, и надо обязательно их в проточной воде полоскать, чтобы покойник с собой за холстину других не уволок. А если проточной воды нет, то холсты зимой на снег выкидывают, а летом на росу, чтобы всё на снег и росу ушло, и нового покойника не было»* [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Покойника опускали в могилу ногами на восток. Считалось, что, когда наступит день Страшного Суда, покойник встанет лицом к солнцу: *«Говорят, что он должен лежать ногами на восток, как солнышко всходит. Страшный Суд начнется, он встанет и прям туда на солнышко. Поэтому и кладут, и несут так»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Вероятно, в момент прощания с покойным присутствующие могли причитать в голос. Как было отмечено выше, похоронные причитания не были зафиксированы, однако многие исполнители упоминают о том, что на протяжении всего похоронного обряда было несколько моментов, когда причитали. Голосили при положении покойника в гроб, затем, пока гроб стоял в доме и с умершим приходили прощаться, далее причитали на кладбище и, наконец, в поминальные дни. Голошение в других случаях не запрещалось, но и не предписывалось традицией. *«Вот на кладбище принесли и пока прощаются, и в могилу опускают, и землю сыпят, можно голосить. Вот ревут в голос до тех пор, пока не засыпят гроб, а потом только на девять дней, на сорок дней ревут, а так просто плачут. Ну, в голос ведь ревут, когда в гроб ложат, пока гроб стоит дома, а после только на кладбище да в помины. Ревут только от прощания до того, как засыпят»* [23 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Похоронный холст

Иногда родственники приглашали людей, которые славились как умелые плакальщики: *«У нас мама любила голосить, и тетка голосила. Ну, причитают все. А некоторые звали маму даже поголосить»* [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Особенностью причитаний на кладбище было так называемое «передавание приветов». Покойника просили поклониться умершим родственникам, перечисляя их по именам: «*Кто недавно умер из родных, тому привет передавали. Прямо в голос кричали. И слезы льются»* [118 — 3: ЦРФ — 1014]; *«Вот когда на кладбище ревут, приветы передают родне, вот кто умер, вот все говорят, кто*

недавно умер, а вот у нас всех, кого помнят, называют и просят его им поклониться и привет передать» [4 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Сами причитания практически не сохранились, хотя, вероятно, нежелание голосить по просьбе собирателя обусловлено запретами. Один связан с тем, что голошение в неположенное время приведет к появлению нового покойника, а второй — с тем, что неурочное голошение доставляет покойнику неудобства на том свете: *«Я тебе голосить не буду, а то покойника наголошу»* [85 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Чего голосить-то так, не помин, не похороны — покойнику тяжело будет на том свете»* [23 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

После того как гроб опустят в могилу, считают необходимым бросить туда монетки, *«чтобы было, чем за место на том свете заплатить»* [4 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003], и платки, которыми утирали слезы: *«Вот есть у меня платок, я им утираюсь. Этот платок я и бросаю. Кто денежку бросает, кто-чего. Землю обязательно три горстки бросают»* [115 — 3: ЦРФ — 1019]; *«А вот те платочки, в которые плачешь, надо в могилку бросать. Слезы чтобы с тобой не были»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Полагают также, что в могилу нужно бросить длинный кусок материи, который на том свете превратится в ровную дорогу: *«Вот моя тетка, приготовила к смерти двенадцать метров гофрированного такого материала, говорила:*

— К Иисусу Христу я пойду по ровненькой дорожке.

Ей прямо туда бросили, чтобы она пошла» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Перед тем как закопают гроб, каждый из участников бросает в могилу по три горсти земли: *«Земличку бросают, по три щепотки.*

— Царство небесное, — говорят, — вечная память, вечный покой.

И бросают по три горсточки, это вроде каждый прощается» [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Существовал обычай одаривать ближайших друзей и родственников покойного. Так, например, женщины часто в свой похоронный узел вкладывают двенадцать носовых платков, чтобы родственники после смерти одарили присутствующих на похоронах: *«А когда хоронят женщину, надо двенадцать платочков раздать... Это так повелось. Вот у меня двенадцать белых платочков лежит»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Крест на могиле устанавливали обычно сразу. Ставили его в ногах покойного: *«У кого есть кресты, ставят сразу, прям закопают и его тут»* [84 — 3: ЦРФ — 1014]; *«Крест в ногах ставят, чтоб покойник на него смотрел»* [36 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

После возвращения с кладбища все садятся за поминальный стол. Полагается поставить на стол стакан с водой, положить кусок подсоленного хлеба и ложку для умершего, душа которого приходит навестить живых: *«Ставят стакан с водой, с водкой и куском хлеба, солят, накрывают. Чуть-чуть кусочек хлеба подсаливают»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]; *«Вот когда поминают, стакан с водой ставят, хлеба кусочек ставят, ложку кладут, соль. И оно стоит сорок дней»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Считается, что вода с хлебом должны стоять сорок дней, пока душа умершего окончательно не покинет землю.

Порядок блюд на поминальном столе был строго регламентирован и, несмотря на ряд нововведений, сохраняется до настоящего времени. Поминальный стол назывался «горячим обедом» или «горячим помином», и, соответственно, большая часть подаваемых блюд были горячими: «*Поминки — горячий обед у нас называют, приглашают на горячий обед»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]; *«Горячее раньше. Горячее самое основное. Горячий помин... Да, раньше было — горячий помин, эта похлебка»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Первым блюдом на поминальном столе является кутья, политая сытой: «*В первую очередь делали кутью, это рис варили, потом туда изюму клали и делали сыту. Сыта называлось — мед разводили с водичкой. И это всё поливали. Вот кутью этой сытой поливали.*

Вот есть начинали эту кутью, все по ложке брали. Ее из общей чашки подавали, и каждый брал своей ложкой по ложке. Вот этой кутьей поминали» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Кутья уж как кутья, она в первую очередь, берешь ее. Это она с исстари до сих пор. Самым первым, еще не выпьют, не закусят, ничего — самым первым берут вот эту кутью»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Затем на стол подавали суп, чаще всего щи. В пост они были грибные, в скоромные дни — с мясом: «*Обычно щи варили. Если пост, то с грибами, если не пост, так с мясом. Ну, закуску там какую-то»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Иногда вместо щей подавали окрошку. Была картошка с мясом, а затем на стол выставляли каши, обычно пшенную и гречневую, а также вареный горох, политый постным маслом: «*Окрошка, щи, потом каши две: пшенную и гречневую, кто делал картошку с подливкой. Если пост, то помажут постным маслом, а если нет — скоромным*» [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Затем подавали компот со сладкими пирогами, которые всегда делались закрытыми: «*Но сладкий пирог должен быть закрытым. Пироги вообще закрытые... Дырочку делают в середине, чтобы он пыхнул чуть-чуть»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Иногда на стол выставляли и пироги с другими начинками (например, с яйцом и луком, с мясом, с рисом, с грибами и т.д.), но и их тоже делали закрытыми: *«У кого блины, а у нас пироги. Закрытые пироги с начинкой»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Завершал поминки кисель. Перед его подачей на стол все участники поминок вставали и пели «Вечную память»: «*Пироги с компотом ели, а кисель самый последний. Перед ним вставали, пели "Вечную память"»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Почти в каждом рассказе о поминальном столе говорят о том, что раньше на поминках не употребляли водку. Основным напитком был квас, несколько позже на поминальных столах появилось красное вино: «*Раньше вина не было, это теперь все с вином, а раньше вина не ставили на стол. Квас делали, а вина не ставили»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Раньше только красное давали, а не пили как сейчас»* [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Надо отметить, что в настоящее время поминальный стол после похорон и поминальные столы на девять, двадцать и сорок дней чаще всего не имеют существенных отличий по набору блюд. Однако некоторые исполнители вспомнили, что отличительной чертой поминального стола на девятый день были блины, а главным блюдом сорокового дня был лапшевник: *«Блины пекут на девятый день. А еще лапшенник делали, крахмальный, на сороковой день. Берут сочни пекут из крахмала на молоке, яичко и посолить. Печешь как блины. Особенно в русской печке хорошо, на газу плохо получаются. Напечешь, разложишь, чтобы блин на блин не попадал. И потом режешь. Блин складываешь треугольником и режешь лапшу* <показывает на листе бумаги>. *И потом кладешь в чашку, в черепушку глиняную, заливаешь молоком, нет, яички размокаешь в молоке немножко, потом туда все ложишь, в печку. Горячее вынимаешь, маслом мажешь. Он как каша. Это на сороковой день»* [118 — 3: ЦРФ — 1014].

Основными поминальными датами были девять, двадцать, сорок дней и година. Считалось, что на девятый день душа умершего навсегда оставляет дом: *«На девятый-то день душа его дом покинет и больше туда не вернется»* [63 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

На сороковой день ждали, что покойник постучит в окно и можно будет узнать его судьбу в ином мире: «*На сороковой день все говорят стучат в окна, ждут, когда сороковой день покойник придет, постучит»* [118 — 3: ЦРФ — 1014]. (Подробнее о являющемся на сороковой день покойнике см. статью «Демонология».)

Если люди по каким-либо причинам не могли устроить поминальный стол, то они подавали тайную милостыню. Этот обычай сохранился до настоящего времени. На сороковой день надо тайно положить на крыльцо соседям кусочек хлеба и луков-

ку. Таких милостыней должно быть сорок: *«Кто поминает, кто нет. Но милыстыньку подают. Тайную милостыньку. Сорок милостынек. Кусочек хлебца и луковку. Ночью надо положить, чтобы никто не видел. На сороковой день»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Как было отмечено, обрядовые действия были призваны обезопасить живых людей от покойника. Однако случалось, что по тем или иным причинам покойник появлялся в мире живых. Если по покойнику много плачут, то он может прийти, потому что ему на том свете неуютно: *«Вот когда много по покойнику плачут, он придти может, потому что ему мокро от наших слез на том свете»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Иногда покойник приходит за забытой вещью: *«Вот у нас забыли положить деду нашему кисет, он за кисетом все приходил и просил, пока ему бабка на могилу не отнесла»* [4 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Кладбищенские ворота

Такие случаи не считаются опасными для жизни родственников умершего, так как покойник прекращает появляться, как только ликвидирован источник его дискомфорта. Совершенно иная ситуация возникает, когда женщина (или, значительно реже, мужчина) чрезмерно, с точки зрения традиции, оплакивает свою утрату. Тогда в образе умершего появляется нечистый дух, избавиться от которого значительно сложнее. От него исходит опасность для живых людей, которых он может «высушить» до смерти (подробнее об этом см. статью «Демонология»).

* * *

Похоронный обряд в Гороховецком районе сохранился в относительно полном виде. Безусловно, в силу разрушения традиции некоторые элементы ритуальной практики исчезли полностью, о некоторых сохранились лишь фрагментарные воспоминания. Однако большинство элементов не только хранится в памяти наших исполнителей, но и бытует сегодня.

В.Е. Добровольская,
А.Г. Кулешов

Кладбища в традиционной культуре Гороховецкого края

Концепт кладбища в традиционной культуре занимает особое место. Именно поэтому в рамках работы по изучению традиционной культуры Гороховецкого края были обследованы городские и сельские некрополи и записан комплекс суеверных представлений, связанных с ними.

Суеверные представления

Кладбище — обитель умерших

Прежде всего, кладбище воспринимается как место, где пребывают души умерших. По народным представлениям кладбище — это деревня (реже город) мертвых: *«Вот мы в деревне живем, мы живые — в деревне, а как помрем — снесут на кладбище, там наше обиталище будет до Судного дня. Там, значит, деревня мертвых. Живые в деревне живут, а мертвые — на кладбище»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Кладбище осознавалось как особый мир, и поэтому большое значение придавали его границам — воротам и ограде. Ворота были местом контакта с внешним миром. Открытые и закрытые кладбищенские ворота оказывались чрезвычайно значимой приметой: *«Если ворота кладбища открыты — покойника несут; если не несут, а они открыты — жди скорой смерти, кто-нибудь беспременно помрет, а может и не один. Помрет, кого и не ждали»* [97 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Этим поверьем объясняется запрет проходить в ворота кладбища не в составе похоронной процессии: *«Когда на кладбище помянуть идешь — надо через калитку идти, через ворота только покойника везут, если через ворота — значит, тебя самого скоро повезут»* [84 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Поскольку ворота — часть границы, то они требуют особого ритуального оформления, которое в определенной степени выполняет функцию символической защиты. На той и другой стороне кладбищенских ворот обычно висят образа. В праздники на них, как и на дверях домов, могут быть нарисованы кресты (на Крещенье); они могут быть украшены вербой или березовыми ветками (Вербное воскресенье и Троица); на верхнюю перекладину ворот можно класть яйца или яблоки (Пасха и Яблочный Спас). Считается, что в дни поминовения умершие ожидают живых у кладбищенских ворот: *«Когда поминать ходишь — только в калитку, через забор не лазь — родители тебя у ворот ждут»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Верят также, что *«вот кто умер последним — он у ворот сидит всегда, ждет, кто следующий помрет, тогда он уйдет к своей могиле, а тот сидеть будет»* [79 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Гроб и могила — дом умершего

Осознавая кладбище поселением, гроб и могилу воспринимают как дом умершего: *«Гроб — это дом, говорим, ведь — домовина. Гроб — дом для покойника»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. В силу этого его стараются определенным образом обустроить: *«Гроб с разумом надо делать — постоянна хоромина. До Страшного Суда лежать — удобно чтоб было»* [97 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Материалом для гроба могло быть любое дерево, за исключением осины: *«Из осины гроб делать нельзя — проклятое дерево, покойник являться будет»* [115 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. В основном предпочтение отдается дубу и сосне, хотя некоторых покойников считают правильным хоронить в березовых или кленовых гробах: *«Так-то гроб лучше из сосны делать, но вот если девка сосватана, померла, то ее невестой хоронить надо — тут уж гроб березовый делали»* [21 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Вот говорят, что колдунов надо в кленовый гроб класть, а то их черти и после смерти мучить будут, не дадут спокойно лежать. Надо в кленовый гроб класть, а то ходить будет, живых пугать»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Многие жители отмечали, что раньше считалось большим грехом использовать при изготовлении гроба железные гвозди: *«Моя бабушка говорила, что гроб гвоздями сколачивать нельзя — покойник не встанет на Суд Божий. Надо доски замком соединять или лыком связать»* [5 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Особое внимание уделялось размерам гроба: *«Гроб точно по размеру должен быть. Если больше — еще покойник в семье будет, если узок или тесно там — душа покоя не найдет»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. В Гороховецком районе существовал запрет родным участвовать в изготовлении гроба: *«Нельзя никому из родных гроб делать, а то в семье еще покойники будут»* [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Другое объяснение этого запрета гласит, что сам изготовитель гроба умрет: *«Если кто из родных гроб делает, то его покойник с собой и заберет»* [114 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. В то же время существовал обычай делать гроб самостоятельно и заранее. Полагали, что наличие такого гроба обеспечит его хозяину долгую жизнь: *«Вот мой дед себе гроб лет в семьдесят сделал и жил потом до девяноста. Все говорили, что он не помирает потому, что гроб себе сам сделал»* [5 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Такой гроб обычно оставляли на чердаке и использовали как емкость для хранения яблок или зерна: *«В таком гробу обязательно что-то хранить надо, а то в доме покойник появится, пустой если он стоит»* [117 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Большое значение придавали щепкам и стружкам, оставшимся от приготовления гроба. Их тщательно собирали и укладывали в гроб. Оставленные стружки *«мертвеца притягивают, он за ними ходит, пока не соберет, и живых может за собой увести»* [21 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В соответствии с восприятием гроба как дома его обустраивали и внутри, прежде всего, устраивали в нем *«постелю для покойника»* [59 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Вниз клали стружки и солому, затем на них укладывали березовые листья: *«В Духов день иду за березками, ломаю, двенадцать святых Апостолов, каждому Апостолу по веничку ломаю, привожу их домой, веники расстилаю в тени. Сорок дней пролежат эти березки, на сорок первый выношу, обрываю каждый листочек, кладу в коробьё. Умирает человек... насыпаю в сумку листочков этих... в гроб кладу листочки. В гробу четыре угла, всем четырем Апостолам листочек, мертвому под подушку в наволочку листочек кладу»* [51 — 3: ЦРФ — 1031]. Сверху стелят холст, а некоторые исполнители вспоминают, что их родители укладывали и лоскутки от савана: *«Моя мама, когда отца хоронили, саван на живую нитку шила, и лоскутья от него в гроб потом ложили»* [59 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Под голову покойнику клали березовый веник и подушку, набитую березовыми листьями или сеном, а некоторые женщины специально собирали все вычесанные за жизнь волосы, и после их смерти подушку набивали ими.

В Гороховецком районе до настоящего времени верят, что умерший сохраняет свои

прижизненные потребности, и поэтому в гроб кладут некоторые особо ценные для покойного вещи: табак — если покойный курил, палку — если хромал, топор — если умерший был плотником, горшок с водой — если покойница была повитухой и т.д. Считается, что если не положить какую-нибудь нужную вещь, то умерший будет беспокоить живых.

Подготовка могилы

Рыть могилу должны были посторонние люди, иначе «*вся родня уйдет в могилу*» [61 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Плохой приметой считалось затопление могилы грунтовыми водами. Предвещал несчастье и обвал могилы: верили, что с той стороны, где обвалилась земля, надо ждать следующего покойника. В могилу бросали предметы, призванные помочь покойнику попасть на тот свет и обезопасить живых: *«Вот как гроб опустят, в могилку-то кидают монетки — чтоб, значит, на том свете себе место выкупил; платочки кидают, которыми слезы вытирают, — чтоб, значит, слезы унес с собой; полотенце — чтоб реку огненну перейти, а если нет полотенца — катушку ниток перекинут через могилу, чтоб по нитке перешел»* [18 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Художественные особенности гороховецких погостов

Обустройству кладбища придавали особое значение. Погосты, находившиеся на специально выделенных для этого территориях (чаще всего рядом с храмами), всегда служили памятниками и материальной, и духовной культуры. Гороховецкие некрополи соединяют в своих мемориальных комплексах произведения разных исторических и художественных эпох и являются важным источником для изучения жизни, быта и нравов здешнего общества. Анализируя отдельные памятники, можно составить представление о многом: о местных вкусах и предпочтениях тем или иным стилевым решениям и формам; о деятельности местных мастерских, работавших в определенных материалах и техниках, социальном составе и сословном соотношении заказчиков-надгробий; о типологии, характерной для их художественного оформления в разные периоды. Памятники гороховецких погостов отличаются многообразием и материалов, и декоративных решений.

Надгробия на городском и наиболее известных сельских кладбищах четко разделяются по времени создания на следующие группы:

1. Единичные образцы надгробий, датированных концом XVIII — серединой XIX в.
2. Массив, состоящий из памятников второй половины XIX — начала XX в.
3. Надгробия советского и постсоветского времени.

Типологические особенности памятников каждой группы соответствуют специфике художественных стилей определенных исторических эпох. Так, надгробия первой группы, включающие стелы классического образца и памятники в форме античных саркофагов, подчинены стилистике классицизма.

Наиболее интересные из них находятся на Вознесенском погосте близ станции Чулково. Один из руинированных известняковых саркофагов, обнаруженных здесь (а их несколько), имеет на лицевой продольной стороне рельефное изображение двух урн, гирлянды и круглого медальона по центру (возможно, содержавшего прежде портретное изображение покойного или покойной). К сожалению, основание саркофага сильно повреждено, и имя погребенного установить не удалось. По довольно характерному

для этого времени оформлению памятник может быть датирован концом XVIII — началом XIX в.

К середине XIX в. относится памятник на могиле подполковника Николая Ивановича Коноплина на том же погосте. Он любопытен своими художественными особенностями и материалом. Надгробие значительно повреждено, но может быть реконструировано. Над литым чугунным основанием в виде усеченной пирамиды, которое хорошо сохранилось, некогда возвышалась объемная классического типа стела из известняка с небольшим фронтоном и акротериями по углам на лицевой и оборотной сторонах. Над стелой поднимался невысокий чугунный крест. На лицевой стороне по основанию данного памятника — четкая надпись, хорошо размещенная и отличающаяся красивым начертанием букв: *«Здесь покоится тело подполковника Николая Ивановича Коноплина. Родился 1786 года декабря 7-го, скончался 1856 года июня 15 дня»*. На оборотной стороне — прекрасно выполненное литое рельефное изображение, представляющее собой графский герб. Это картуш в обрамлении пышного дубового венка, увенчанный рыцарским шлемом. На торцовой стороне основания надпись: *«Господи! Прими дух его с миром!»* Подобного вида надгробия в последующий период значительно упростились или преобразовались в другой тип.

Из поздних надгробий, относящихся к упрощенному типу стелы, следует назвать надгробие Опаринских на Всехсвятском погосте в Гороховце. Это высокая плита из белого мрамора с черной поновленной надписью — Опаринский. Эпитафия размещается и на самой стеле, и на основании памятника, который когда-то завершался еще и чугунным крестом. Эпитафия гласит: *«Здесь погребены гороховецкий мещанин Иван Александрович Опаринский сконч.19 октября 1895 г. Жития его было 26 л. и 6 мес. и дочь его Ираида ск. 31 июля 1896 г. Жила 5 месяцев и 22 дня. В незабвенную память от жены на*

Графский герб на чугунном основании надгробия подполковника Н.И. Коноплина. Вознесенский погост близ ст. Чулково. Середина XIX в.

дорогую могилу мужа и дитя». На оборотной стороне памятника — надпись: *«Господи! Прими дух их с миром»*.

Памятники следующей группы в основном находятся в русле так называемых исторических стилей, характерных для второй половины XIX в. (исходят из образцов русского и европейского Средневековья). Одновременно прослеживается и влияние стиля модерн, который на рубеже XIX и XX вв. тоже отдавал дань увлечению древней национальной культурой. Черты «русского стиля» в разных его вариантах в итоге определяют образ многих гороховецких надгробий данного периода.

Типологически памятники второй хронологической группы состоят из нескольких разновидностей:

— увенчанный крестом каменный блок прямоугольной формы, стилизованный как придорожная часовенка-«голбец», с эпитафией на лицевой стороне или в основании. На лицевой стороне такого надгробия в специальном углублении могла укрепляться иконка из разных материалов, на оборотной стороне часто размещалось рельефное изображение Голгофского Креста и орудий Страстей Господних (губки и копья);

Рельефное изображение Голгофского Креста и орудий Страстей Господних на известняковом надгробии Иоанна и Вассы. Вознесенский погост близ ст. Чулково. Середина XIX в.

— литые чугунные памятники, в которых внутренняя часть оставалась свободной и воспринималась как сень для хранения иконы или распятия;

— высокий крест на четырехгранном пьедестале с эпитафией на основной стороне;

— немногочисленные надгробия священнослужителей, имеющие скульптурное оформление: тумба-«аналой» со спадающим платом и раскрытым Евангелием.

К ранним образцам надгробий типа часовенка-«голбец», который был довольно распространен во второй половине XIX в., относится памятник Иоанну и Вассе на Вознесенском погосте близ станции Чулково. Памятник относится к 50-м годам XIX в. Выполнен из белого известняка и отличается высоким качеством художественного исполнения. Над гладким основанием возвышается четырехгранный объем с арочными нишами на лицевой и оборотной сторонах. На лицевой, хуже сохранившейся и выполненной более сдержанно, помещена эпитафия: *«Упокой, Господи, души раб Твоих, Иоанна, Вассы»*, на оборотной — орудия Страстей Господних, кото-

рые располагаются по сторонам от Голгофского Креста, возвышающегося над могилой Адама. Это изображение выполнено в низком рельефе, но очень тщательно. Еще более тщательна резьба витых колонок и тройного орнаментального архивольта арки, а также оформление кровли в виде фронтона с акротериями по углам. Ступенчатый объем перекрытия «часовенки» служил прежде основанием для чугунного креста (как и во многих других памятниках; в данном случае он был утрачен). Эта сторона надгробия, по существу, воспринимается как главная: таково ее символическое содержание. Голгофский Крест с орудиями Страстей служил символом искупления грехов человеческих и воскрешения из мертвых. Кровь Христа, пролитая на череп Адама, воспринималась людьми как знак жертвенной его смерти и вечной жизни.

Более поздними примерами надгробий того же типа может быть памятник из белого мрамора Анастасии Ермолаевне Ермолаевой на Всехсвятском погосте в Гороховце (вторая половина XIX в.) и мраморный на чугунном постаменте памятник Дмитрию Ивановичу Мишатину на Вознесенском погосте (он датируется уже началом XX в.). Последний отличается большей стилизованностью и связан, скорее, со спецификой модерна. На лицевой его стороне под сенью арочного обрамления находится довольно большое углубление для иконки (возможно, мраморной или керамической).

Надгробия, полностью выполненные из литого чугуна (что свидетельствует о высоком уровне развития металлообработки в этом районе), связаны уже с поздним периодом, концом XIX — началом XX в. Они встречаются в основном на Всехсвятском кладбище, ведь только в городе и могла находиться мастерская, занимавшаяся сложными работами. Вероятнее всего, она существовала на базе местного судостроительного завода. Показательны в этом плане памятник Прасковье Николаевне Каузиной, выполненный в «русском стиле» в начале XX в., а также анонимный памятник этого же времени в готическом стиле.

Чугунная «сень» на могиле П.В. Каузиной. Всехсвятский погост Гороховца. Начало XIX в.

В надгробии Каузиной постройка-«сень», являющаяся основанием креста, находится на высоком постаменте, где размещена эпитафия. К постаменту подводят три большие чугунные ступени. Внутреннее пространство, кажущееся здесь подобием подкупольного, забрано решетками, словно это окна настоящего храма.

Анонимное надгробие в готическом стиле не менее интересно и характерно для эпохи эклектики и модерна. Оно имеет чешуйчатый высокий гребень кровли, как в архитектурных постройках «русского стиля» (их довольно много в Гороховце). Однако эта кровля неожиданно сочетается здесь с типично готическим по

духу сооружением самой «сени», которая имеет стрельчатые перспективные арки, имитирующие порталы храма. Она открыта внутри и, по-видимому, использовалась для свечей и распятия. Креста, служившего обычным завершением надгробий, данный памятник явно не имел. На основной стороне над аркой помещен медальон с изображением Христа, на другой стороне — медальон с изображением Богоматери. Это по сути развитие надгробий первого типа («часовенки»). Стилизация постройки, которую мы встречали в камне, при использовании литого чугуна превращается в объемное сооружение — «сень», воздвигнутую над святыней.

Третий тип распространенных во второй половине XIX — начале XX в. надгробий — высокий литой чугунный или кованый железный крест на четырехгранном каменном, а иногда чугунном основании. На нем располагалась эпитафия. Надписи придавалось в данном случае еще большее значение, чем прежде. Иногда она превращалась в довольно сложный текст, повествующий о добродетелях покойного и скорби близких. Функциональность и репрезентативность этого типа надгробий вскоре выдвинули его в первый ряд. Вместе с решетчатой оградой памятник составлял теперь целый комплекс, оформлявший порой довольно большой семейный участок. Наиболее прочным материалом считался литой чугун, но и твердый камень (в основном гранит) в сочетании с металлом тоже оказывался надежным и красивым. Непрочный, но более дешевый известняк в качестве основания таких надгробий использовали редко. Акцент в художественном решении всегда приходился на металлический, высоко поднятый крест: он был смысловой основой памятника. К сожалению, большая часть таких крестов была в послереволюционное время сбита, но те, что сохранились (даже фрагментарно), свидетельствуют о высоком искусстве местных мастеров, их вкусе и чувстве материала.

Примеров надгробий третьего типа довольно много. Из образцов, полностью выполненных в металле, можно назвать три надгробия на Всехсвятском погосте Гороховца. Это памятник Якову Стефановичу Севунову с чугунным основанием и литым, сложного рисунка, крестом, а также находящиеся на соседнем с ним участке два безымянных памятника: один — с литым ажурным крестом, в ячейках которого многократно повторяются равносторонние кресты, и второй — кованый металлический на чугунном основании. Близко этим памятникам и надгробие Вьюшкова на Вознесенском погосте близ станции Чулково. Оно тоже имеет чугунный постамент-основание и ажурный литой крест со сложным плетением, напоминающий произведения романского искусства. Все эти памятники относятся к концу XIX в., что подтверждают и сохранившиеся надписи (дата смерти Сивунова — 1898 г.). Интересна эпитафия на памятнике Вьюшкова. Она характерна для своего времени. Текст эпитафии следующий: *«Под сим крестом покоится тело... Вьюшкова... Род. 1835...*

Прощай, дорогой незабвенный родитель. // Ты скрылся от нас во святую обитель.

Дорогому отцу от благодарных детей.

Вечная память».

Из надгробий, имеющих гранитный постамент, выделим памятник вдове священника Надежде Павловне Никольской на Вознесенском погосте, умершей 28 октября 1908 г. Красивы не только постамент несохранившегося креста из полированного розового гранита с аккуратно выбитой на нем надписью, но и кованая ограда в стиле модерн, обрамляющая данный участок. Она является замечательным художественным произведением этого периода. Мотив спадающей ленты с извивающимися концами гармонично сочетается с изогнутыми ветками лавра. Они вплетаются через определенные интервалы в мерный, четкий ряд заостренных сверху вертикальных прутьев.

Особую, хотя и очень немногочисленную, четвертую разновидность памятников второй половины XIX — начала XX в. составляют надгробия священнослужителей. Они, как правило, выполнены из мрамора и имеют рельефную резьбу, немного обобщенную в своих формах, но достаточно выразительную. Каменный блок как бы повторяет своими очертаниями тумбу-аналой, с которой красивыми крупными складками спадает тяжелый атласный плат. На аналой с небольшим наклоном возложено раскрытое Евангелие, словно действие происходит во время службы в храме. Именно такой вид имеют надгробия протоиерея Андрея Иоанновича Богословского на Всехсвятском погосте (сконч. 10 августа 1894 г.) и протоиерея Андрея Павловича Бережкова на погосте в селе Фоминки. К этой же группе скульптурных надгробий принадлежит и еще один памятник конца XIX в. на том же погосте в Фоминках: плита из мраморовидного известняка с рельефным изображением скорбящей женской фигуры в покрывале. Она держит крест над аналоем с Евангелием. Плита с начертанной на ней эпитафией не сохранилась, т. к. памятник получил в дальнейшем вторичное использование.

Характерной для местной традиции особенностью является частое использование рельефно обработанного известняка, чугунного литья и кованого металла. Привозной камень, гранит и мрамор, которые, в частности, встречаются в надгробиях дворян и священников, нередки для этих мест и свидетельствуют о состоятельности разных слоев здешнего общества. Богатые люди были здесь не только в среде купцов, но и в среде мещан, даже крестьян, успешно занимавшихся торговлей и ремеслом. Из характерных крестьянских надгробий можно отметить известняковую плиту Анне Жуловой на погосте в Фоминках, надпись на которой выполнена со значительными огрехами.

Литой чугунный крест на чугунном основании с эпитафией на могиле Я.С. Севунова. Всехсвятский погост Гороховца. Конец XIX в.

Изучение гороховецких надгробий позволяет оценить работу двух-трех местных мастерских, как по обработке камня, так и по обработке металла. Ажурные литые и кованые кресты, цельные литые памятники из чугуна с художественно выполненными деталями свидетельствуют о высоком уровне мастерства и давних традициях обработки металла в этих краях. Это дополняет те сведения, которые дает изучение других памятников материальной и художественной культуры.

Довольно мягкий известняк обрабатывался примерно так же, как

и дерево. А искусством резьбы по дереву в Гороховецком крае, как известно, владели в совершенстве. Мы не имеем возможности проследить использование дерева в надгробных памятниках двух первых групп (дерево, даже при соответствующей обработке, — материал недолговечный), однако предполагать его применение вполне закономерно.

Следует отметить, что надгробия начала и середины XIX в. принадлежат преимущественно дворянам. Памятники второй половины XIX и начала XX в. относятся к захоронениям людей разных сословий: дворянства, купечества, мещанства и зажиточного крестьянства.

Памятники в виде часовенки с крестом наверху, имеющие более сложное символическое содержание, вероятнее всего, были связаны с просвещенными слоями здешнего общества (с дворянством и образованным купечеством, многие представители которого были старообрядцами). Имевшие определенную художественную ценность изображения Христа и Богоматери на вставных иконках (каменных, керамических, мозаичных или живописных, помещенных под стекло), рельефные изображения с Голгофским Крестом и атрибутами Страстей Господних на этих надгробиях требовали не только больших средств, но и большой осведомленности в области религии. То же можно сказать и о надгробиях в виде чугунной «сени». Более распространенной поэтому оказалась другая типологическая разновидность гороховецких надгробий — крест на четырехгранном основании с эпитафией. Этот вариант использовали и купцы, и мещане, и богатые крестьяне.

Мраморное скульптурное надгробие протоиерея А.И. Богословского с изображением аналоя с раскрытым Евангелием. Всехсвятский погост Гороховца. Конец XIX в.

Памятники советского и постсоветского периодов также имеют несколько разновидностей:

— обелиски, увенчанные звездой или крестом, с фотопортретом и эпитафией;

— стелы (прямоугольные со скошенным верхним краем или прямоугольные правильной формы) с крестом, звездой или фотопортретом;

— крест, укрепленный на основании, с эпитафией.

Материалы: камень, бетон, сварной металл, изредка дерево.

Несмотря на характерное для этого времени однообразие (унифицированность художественных решений и надписей), среди этих па-

мятников тоже встречаются оригинальные образцы. Они связаны с профессиональной работой в металле, прежде всего, с литьем и ковкой. Ажурные кресты и решетки порой отличаются затейливостью и мастерством исполнения. Примером может быть кованый крест на могиле Е.Ф. Шаплиной на Всехсвятском погосте (конец 80-х годов XX в.).

Искусство художественной обработки металла продолжает существовать в Гороховецком крае, хотя массовый материал свидетельствует о недостатке вкуса и индивидуальности у современных заказчиков: использование одних и тех же трафаретов при создании памятника, грубоватая упрощенность или, наоборот, несоразмерная перегруженность и стереотипность эпитафий.

Памятники современной типологии в большом количестве представлены и на Всехсвятском погосте, и на новом кладбище в Гороховце. Изредка встречаются памятники, в которых используются элементы старых надгробий. Анализ используемых в настоящее время частей старых монументов позволяет реконструировать несохранившиеся элементы руинированных надгробий, имеющих художественную и историческую ценность.

Эпитафии

Надписи, которыми снабжены памятники, чрезвычайно разнообразны. Они могут представлять собой простую констатацию фактов (рождение — смерть) или рассказывать о человеческих качествах покойного и о чувствах живых. Большинство дореволюционных памятников содержит надписи с двух сторон монумента. Так, например, белое каменное надгробие на старом кладбище Гороховца имеет на фасаде следующую надпись: *«Здесь погребено тело гороховецкого мещанина Николая Ивановича Карликова. род. 27 июля 1827 г. сконч. 23 октября 1892 г. Жития его было 64 г. 2 м. 26 д.»*, а на обороте расположена стихотворная надпись: *«Покойся прах души бесценной // Под сенью обители святой, // Ударит час конца вселенной, // И мы увидимся с тобой»*. Нижняя часть фасада украшена еще одной надписью: *«Великому попечителю обо мне и моих детях любимого брата Константина и любимому брату подарок /его уж нет и вот могила, молюсь и плачу о тебе. Я и моя семья»*. Надписей такого рода довольно много.

На современных памятниках текст располагается только на одной стороне, что объясняется местными жителями следующим образом: *«Ране везде писали, вот погляди — весь камень исписан. Нечистого боялись — от него буковки и защищали, а сейчас для людей пишут, чтоб знали — кто тут лежит. Раньше — раб Божий лежит, чтоб душу никто не беспокоил — понапишут со всех сторон, а сейчас с лица только — для людей»* [11 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Надписи на современных памятниках содержат по преимуществу сведения об имени, отчестве и фамилии умершего, дате его рождения и смерти. Иногда внизу памятника помещены следующие слова: *«Помним, скорбим, любим»*, *«Дорогому мужу и папе от жены и детей»*, *«Ты вечно будешь жить в наших сердцах»*. Реже встречаются развернутые эпитафии: *«Нашу скорбь не измерить, // Наших слез не излить // Мы тебя как живую // Будем вечно любить»*; *«Твои заслуги помнит Родина. Твою любовь помнит жена. Твою заботу помнят дети»*; *«Из жизни ты ушел мгновенно, но боль и память нам оставил навсегда»*; *«Подобно жаркому костру, // Что не пылает бесконечно, // Угас и ты, но только знай — // Для нас гореть ты будешь вечно»*.

Нормы поведения на кладбище

Народная традиция выработала целый ряд поведенческих норм, которые помогают живым безопасно вступать в контакт с миром мертвых. Считается, что кладбище обязательно надо посещать *«на Мясопустной неделе, на Масленой, на Фомину неделю во вторник, на Троицу, на годовщину смерти»* [59 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Местные жители верят, что именно в эти дни умершие ждут прихода живых: *«На Фоминой с яичком приходим — христосуемся с покойником, а на Масленой — блинком поминём. Покойник, он ждет, кто придет к нему»* [18 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Существует запрет посещать кладбище и поминать покойного в день его рождения: *«Покойника в день рождения не поминают, на кладбище не ходят и за столом не поминают — он являться начнет»* [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Для того чтобы покойник не беспокоил живых, существуют нормы, строго регламентирующие поведение на кладбище. Широко распространен запрет уносить что-либо с кладбища: *«С кладбища ничего уносить нельзя, а то покойник являться будет»* [106 — 3: ЦРФ — 1022]. Исключение составляли лопаты, которыми рыли могилы, и холсты, на которых опускали гроб, но и их приносили домой после совершения определенных очистительных обрядов: *«Лопаты, которыми могилу копают — сразу в дом не несут, они на кладбище должны полежать, три ночи лежат, на них три росы выпадет — тогда приносят домой, а то так и будешь могилы рыть, пока вся семья не помрет — если вот их сразу принесешь»* [36 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Холсты забирают с кладбища, но сразу стирают и на росу на ночь выкладывают, чтоб роса на них выпала, или обязательно в проточной воде полощут, а то покойники новые будут»* [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Существуют и другие правила. Так, идя на кладбище, лучше всего никого не встречать, а если встретил — не здороваться: «*Идешь на кладбище — не здоровайся со встречными, а то здоровье свое отдашь»* [18 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Когда возвращаешься с кладбища — не надо оглядываться, *«а то покойник за тобой уйдет, являться станет»* [5 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

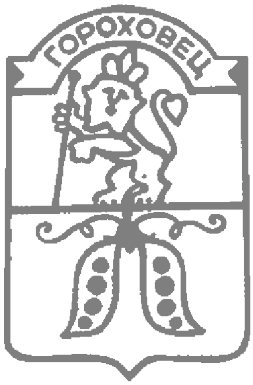
Когда уходят с кладбища, кланяются могиле и говорят: «Прощайте!», в противном случае *«сам покойником скоро будешь, если "до свидания" скажешь»* [36 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Проходя мимо кладбища, надо трижды поклониться; если мимо кладбища проходит дорога из церкви, то возвращающиеся от венца молодые должны пройти, а не проехать мимо него. Такое же правило распространяется на людей, возвращающихся с крещения.

Особые правила существовали для родственников умершего. Так, никто из семьи покойного в день похорон не должен был первым переступать границу кладбища, *«а то еще покойники будут»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Если женщина беременна, то ей нельзя приходить на кладбище — *«дите умрет»*. Если умирал первый ребенок, то мать не должна была его хоронить, *«чтобы еще раз родить, а то не разродится»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Большинство из приведенных в статье запретов и поведенческих норм неукоснительно соблюдаются и в настоящее время. Лишь немногие (прежде всего, связанные с изготовлением гроба и отчасти с его обустройством, а также суеверные представления о кладбищенских воротах) сохранились в памяти только пожилых исполнителей.

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

В.Е. Добровольская

Магические запреты

Магические запреты представляют собой систему правил, которые регламентируют как бытовое и обрядовое поведение, так и хозяйственную деятельность одного человека и всего коллектива в целом. Они относятся к области народного права и морально-этических норм. Вероятно, их надо рассматривать как особый разряд верований.

Логически запрет связывается с рекомендацией, предписывающей совершение определенного действия. Таким образом, классический вариант запрета имеет трехчастную структуру и состоит из собственно запрета, его мотивировки и предписания, рекомендующего совершение определенных действий. Результатом разрушения традиции становятся изменение структуры запрета и утрата одной из его частей, по преимуществу мотивировки. Кроме того, может забыться и сам запрет, и его мотивировка, а в народном сознании сохранится только предписание, которое функционирует как самостоятельная единица.

В контексте системы фольклорных жанров запреты не существуют изолированно. Обычно сообщение о существовании магического запрета предусматривает рассказ о нарушении запрета и о системе искупительных мер, избавляющих от последствий содеянного.

Содержание запретов охватывает всю сферу жизни и деятельности человека. Но необходимо отметить, что отдельные виды деятельности и определенные этапы человеческой жизни (прежде всего «переходные») наиболее богаты ими. Целью любого запрета является предотвращение угрожающих жизни и благополучию общины или отдельного человека событий.

Все магические запреты, записанные нами в Гороховецком районе, можно разделить на несколько групп.

1. Запреты календарного характера

Это наиболее распространенный тип запретов, связанный с тем, что в определенный день или в течение определенного календарного цикла нельзя совершать тех или иных действий. Так, например, после Крещенья нельзя гадать: *«После Крещенья уж не гадают. Нельзя. Грех это, нечистый заберет. Все говорили — не гадают после Крещенья: черт заберет»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. На Благовещенье существовал запрет работать: *«На Благовещенье девушка косы не заплетает, птичка гнезда не завивает. Работать было нельзя, не работали. На что было раньше строго, и то не работали. Тогда говорили, что работать нельзя, потому что вроде как грех»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Наиболее часто с календарными датами связаны именно запреты на работу. Широко распространен в Гороховецком крае запрет работать на праздник Казанской Божьей Матери, называемый в народе Казанская. Нам удалось зафиксировать не только

запрет на работу в летнюю Казанскую, но и довольно редкий вариант запрета работать на зимнюю Казанскую: *«А на зимнюю Казанскую тоже работать нельзя. Волки заедят... Скотину будут драть и человека могут заесть»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Существовали запреты и на другие виды деятельности. Так, широко известен запрет на купание после Ильина дня: *«С Ильина кончали купаться, только до Ильина дня. До Ильина дня купались, олень, — говорят, — в воду пукает»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

С календарем тесно связаны запреты пищевого характера. Прежде всего, это постовые запреты на употребление скоромной пищи: *«В пост скоромное есть нельзя. Грех это. Ни молоко, ни мясо»* [5 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Подвергалось запрету употребление той или иной пищи в конкретный день. Так, на Ивана Постного запрещалось есть круглые овощи (картошку, репу и т.п.): *«На Ивана Постного есть репу нельзя, картошку тоже. Всё круглое не едят. Это как голова Крестителя. Нельзя есть»* [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Запреты распространялись на употребление пищи в рамках определенного временного цикла. Так, до Яблочного Спаса нельзя было есть яблоки, а до Вознесенья — запекать яйца: *«До Яблочного Спаса яблоки есть нельзя. Нельзя, потому что если яблоки поешь до Спаса, то родителей ты будешь поминать – эти яблоки до них не дойдут, если не съешь яблоко, будешь на Спас поминать родителей, значит, они довольны»* [97 — 3: ЦРФ — 1021]; *«До Вознесеньева дня яйца печь нельзя, после Вознесеньева дня — можно печь»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

С календарем связаны запреты на исполнение определенных фольклорных жанров. Наиболее распространен запрет на пение в пост. Помимо этого, нельзя загадывать загадки на Святки: *«На Святки загадки загадывать нельзя — корова не разродится»* [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Часто календарный запрет на исполнение того или иного фольклорного жанра связан с конкретным днем. Он может носить очень узкий характер. *«На Ивана Постного плясать нельзя. Не токмо кадриль или, положим, краковяк, но и дробить не можно. На Постного никак плясать нельзя. Нельзя, потому что Саломея танцем Предтечу погубила»* [97 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Иногда запрет связан не с календарным циклом, а с календарным сезоном. Так, например, сказки нельзя рассказывать летом: *«Сказки летом рассказывать нельзя — скотина в лесу плутать будет»* [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Также летом нельзя загадывать загадки. *«Загадки летом не гадают — скотина домой ходить не будет или волк задерет»* [84 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Собиратели фиксируют строгую приуроченность к конкретным календарным датам гаданий и, соответственно, запретов, связанных с исполнением этого жанра в другое время: *«Гадать можно только в особые дни. На Святки, на Средокрестье, на Андреев день, на Троицку неделю, на Варвару. В други дни гадать нельзя — грех это»* [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Запрет на совершение определенных действий в рамках конкретного календарного цикла чаще всего связан со свадьбами. Так, исполнители отмечают, что до настоящего времени сохранился запрет на свадьбы в пост: *«Постом жениться нельзя — судьба не заладится»* [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Наряду с запретом «играть свадьбы постом» широко распространен запрет жениться в мае: *«В мае жениться нельзя, весь век будешь мучиться»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]; *«Вот на Масленицу были свадьбы, а уж тут Великий пост. Дожидайся мая — а в мае жениться — будешь маяться. В июне были свадьбы»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Иногда запрет распространяется на представителя одной профессиональной группы. Так, например, гончар на Святки не должен ездить по улице, если там идет мо-

лодежное гуляние: *«Горшечник не должен в гулянье попасть. Вот идет гулянье, девки там гуляют, парни. Горшечник проехал — всё! Девки цельный год замуж не выйдут. Слезто»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]. При этом в Покров появление гончара желательно: *«Если гончар проедет по порядку в Покров и девку встретит — все. Горшечник на улице — девки замуж»* [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. В то же время встреча в Покров с представителем другой профессии — дегтярщиком — предвещает девушке отсутствие жениха. Был зафиксирован и обратный сам запрет: *«Мой дед был гончар, хороший гончар, его посуду в Макарьеве на ярмарке покупали, так он никогда в Святки на улицу не выходил, говорил всегда: "Девка замуж не выйдет — что ж, не в этот год, так в другой! А я за круг (на Святки) не сяду, что-то случится обязательно. Нельзя гончару в Святки на улицу — без работы будет: или круг спортят, или глина плоха, или силы нет. Нельзя в Святки на улицу гончару ходить". И вот не ходил никогда»* [118 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

2. Запреты, связанные с временем суток

Запреты второго типа связаны с временем суток. По преимуществу они предписывают не совершать каких-либо действий в то или иное время. Широко известен запрет на исполнение заговоров: *«Молитвы абы когда говорить нельзя, вот приходить надо на заре или вечером, когда солнце зайдет, а днем говорить нельзя. Силы у них не будет»* [118 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

3. Запреты, связанные с днем недели

Самым известным запретом данного типа является запрет заговаривать по пятницам: *«В пятницу приходить нельзя. Ни утром, никогда. Я по пятницам молитву говорить не буду. Нельзя по пятницам. Молитва силы не имеет»* [118 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Широко распространен на территории Гороховецкого района запрет на выгон скотины в так называемые «тяжелые дни»: *«В понедельник скотину выгонять нельзя, в среду нельзя, в пятницу нельзя. В любые другие можно. Все говорили, неудачные это дни»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Зафиксированы также запреты на крещение и свадьбы в понедельник, среду и пятницу, которые считаюся тяжелыми днями: *«В понедельник, среду и пятницу нельзя крестить младенца и свадьбы играть – тяжелые дни это»* [101 — 3: ЦРФ — 1032].

К этой же группе относятся запреты начинать работу и работать в определенный день недели.

К первой разновидности можно отнести, например, запрет пастуху начинать сезон в пятницу: *«Вот, говорят, скотину выгонять в пятницу первый раз нельзя. Действительно нельзя — тяжелый день. Но, бывает, надо выгнать — пастух никогда выгонять не будет. Нельзя пастуху в пятницу выгонять — помрет он»* [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Наиболее известными запретами второго вида являются запреты, связанные с шитьем и стиркой. Гороховецкие жители говорят, что нельзя шить, прясть, вышивать и стирать по пятницам: *«Вот по пятницам шить нельзя — в пятницу шить — Богородицу гневить»* [115 — 3: ЦРФ — 1019]*; «Если девка в пятницу прясть села, Богородица ее без жениха оставит»* [118 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Вот у нас же здесь белье вышивали, строчка белая, известная была, заказывали все — а только какие б деньги ни предлагали, ни одна баба в пятницу за пяльца не сядет. В пятницу вышивать — Богородица накажет — или ослепнешь, или обезручишь»* [97 — 3: ЦРФ — 1021]; *«Стирать в пятницу нельзя — Богородице глаза щелоком забрызгаешь. Она беспременно покарает — дети болеть будут»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

4. Возрастные запреты

Самым популярным в этой группе является запрет на исполнение песен пожилыми женщинами: *«Я тебе песен петь не буду. Нельзя старухам петь. Скажут: старуха к смерти распелась»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]. Существуют и другие запреты данного типа. Например, считается, что молодым не надо исполнять духовные стихи: *«Канты-то молодые не поют, одни старухи. Молодым петь нельзя — к смерти это. Из близких кто помрет»* [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Иногда запрет, связанный с возрастом исполнителя, распространяется и на хозяйственные заговоры: *«Когда корову в дом вводишь, если молодая, то слова говорить нельзя. Старших кого попросить надо. Молодой нельзя — слова не помогут»* [101 — 3: ЦРФ — 1032].

Оппозиция «старый/молодой» может быть связана не только с возрастом, но и с социальным статусом исполнителя, поэтому зачастую «молодой» не только возрастное, но и социальное понятие. Причина этого очевидна, так как социальный статус в традиционной культуре тесно связан с возрастом человека. В настоящее время, с точки зрения информанта, 19-летняя замужняя женщина и 35-летняя незамужняя по возрастному критерию зачастую объединяются понятием «молодые», а по социальному — находятся в разных группах, причем замужняя может входить с информантом в одну группу, а незамужняя — противопоставляться. Например, заговор *«чтоб корова доилась»* должен произноситься только замужними женщинами. Здесь важен социальный статус исполнителя, поэтому существует запрет на произнесение такого заговора незамужней женщиной: *«Если ты девка, мужика у тебя нет, семьи, в девках ты, ну не замужем, одна живешь или с родителями, то молитовку эту, чтоб корова доилась, говорить нельзя, только молоко уйдет. Только бабе это говорить можно»* [101 — 3: ЦРФ — 1032].

Другой тип хозяйственного заговора, *«чтоб скотина домой ходила»*, связан с запретом на возраст исполнителя: *«Слова эти молодым говорить нельзя, девка ли, баба — все одно, если молодые, то нельзя, только старухам можно»* [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Именно из-за субъективности понятий «старый — молодой» запреты возрастного характера тесно связаны со следующей группой запретов, которые объединяются понятием «социальный статус человека».

5. Запреты, связанные с социальным статусом человека

Это самая большая группа запретов, актуальная для представителей самых разных сословий. Так, например, известно, что повивальные бабки передают свои знания дочерям или внучкам с очень раннего возраста. Практически все заговорно-магические действия, связанные с родильным обрядом, даже самые маленькие девочки могут передать весьма последовательно. Но практикующей повитухой может стать только замужняя родившая женщина: *«Вот, слова-то я знаю, а сама не повитушка я, мама у меня повитушка, а я нет. Своих дитёв нет, вот и не повитушка»* [101 — 3: ЦРФ — 1032].

Запрет этого же типа существует и на молодежные развлечения: *«Я песен много знаю, петь очень люблю. Вот, спрашиваешь, когда петь начинали, гулять когда начинали. У меня вот смешно было. Старши сестры гуляли уже. А я тоже петь хочу. А у меня на платное не пришло. Так меня не пускали. У других горе какое — на платное пришло, а у меня праздник, на гулянку пойду. Петь можно. А до тех пор пока платно не придет — нельзя петь»* [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Известен запрет незамужним девушкам присутствовать на втором дне свадьбы, т.е. присутствовать при исполнении песен и частушек эротического характера. Однако

существует и другой запрет — на исполнение этих жанров незамужними и неженатыми: *«Вот, если молодежь на второй день придет, сейчас-то все гуляют, они, почитай, больше нашего знают. Раньше замуж выходил — пока там разберешься что куда, а сейчас все девки знают. А раньше-то строго было. Вот придут на второй день, а сидят тихо, ничего не поют. Тут старшие празднуют. Девкам ничего петь нельзя, а то пригуляют до свадьбы»* [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Запреты данного типа связаны в основном с тем, что людям, не принадлежащим к определенной социальной группе, нельзя исполнять тексты того или иного жанра. Представители одной социальный группы не должны исполнять тексты другой, чаще всего молодые не должны использовать корпус текстов старшего поколения. Но иногда встречаются обратные запреты: старшие не должны заимствовать у младших. Так, существует запрет молодым женщинам участвовать в гуляньях: *«У нас девки-то на гулянья ходят, а как замуж вышла — всё. Только если где на каком празднике попляшешь, а так всё — дома сиди. Говорят, бабе плясать нельзя, на гулянку ходить будет — муж гулять будет»* [97 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Однако иногда этот запрет принимает следующую форму: *«На гулянку можно и бабой ходить, но только после первого ребенка. До того как сродила — ходить нельзя, спортить могут. А после — коли время есть — ходи»* [84 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Иногда данный запрет распространяется на способ ношения или цвет какого-либо элемента одежды: *«Вот девки цветные платки носят, а бабы — скромненьки, беленький там или темный какой, но не черный, а старухи — синий или черный. Если старуха цветной наденет — к смерти»* [101 — 3: ЦРФ — 1032]; *«Девке нельзя платок криво вязать, должна следить, как платком подвязалась — если криво повяжет, то жених хромой будет, а бабе все одно — только что неопрятно»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

6. Запреты, связанные с полом

Такие запреты не очень широко распространены и чаще всего связаны с тем, что представители одного пола не должны делать то, что разрешено делать другому. В основном эти запреты касаются мужчин, которые по какой-либо причине вынуждены делать женскую работу: *«Вот мужик воду носить не должен, что бы не было. Всегда в доме есть баба, которая воду принести может. Если мужик воду с колодца несет — всё, вся мужская сила у него пропадет»* [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Мужик полы мыть не должен. Это бабье дело. Если он полы помоет — к смерти, он обязательно кого-нибудь из дома вымоет»* [101 — 3: ЦРФ — 1032].

7. Запреты, связанные с верой

Эти запреты распространяются на два типа ситуаций. Первый представляет собой оппозицию «крещеный/некрещеный»: то, что можно делать крещеному, нельзя некрещеному: *«Вот раньше все гадали. Все крещены — все гадали. А сейчас есть и некрещеные ведь. Некрещеным гадать нельзя — их черт унесет»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Второй тип связан с принадлежностью к другой конфессии: *«Таки канты только филипповцы поют, а мы — православные люди, у нас поп в церкви есть, и мы этих кантов не поем»* [84 — 3: ЦРФ — 1021].

Считается, что некрещеные не могут заговаривать и изготавливать обрядовые предметы: *«Если ты некрещеный, то корову не раздоишь. Чтобы ни говорила, каки бы молитовки ни читала. Некрещеная, так и без толку»* [115 — 3: ЦРФ — 1019]; *«За святой водой только с крестом ходить можно, если ты некрещеный, то вода стухнет, хоть с молитвой брал, хоть без»* [118 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

8. Запреты, связанные с принадлежностью к общине (местный — не местный)

Этот тип запретов связан с тем, что человеку, находящемуся вне системы традиционных воззрений, не нужно им следовать, или наоборот: *«Вот если ты нашенская, то тебе робенка покажут, даже если совсем маленький. А если чужая, то не вынесут, унесут, даже если ты в дом войдешь.* — Нашенская, то есть родственница? — *Нет, если наша, из деревни нашей, из округи. Если нашенская, то робенка не спортишь»* [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

9. Запреты, связанные с выполнением профессиональных и домашних работ

Непосредственным объектом профессионального запрета может быть любой компонент бытовой, обрядовой или хозяйственной ситуации: время и место совершения действия, субъект или адресат, предмет или инструмент действия, реже — само действие. Можно выделить несколько видов профессиональных запретов: на начало работы, на определенные действия в течение работы, запреты, связанные с завершением работы, и т.д.

Запреты на начало работы

Существовал целый ряд запретов на определенные действия в начале работы. Так, например, начинать пахоту нельзя было в старых вещах: *«Как пахота начинается, так все новое надеваешь, ничего чтоб старого не было. Если хоть что-то старое в первый день будет — урожая, считай, нет. Или засуха, или зальет»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Среди женщин бытовало мнение, что, когда начинаешь ткать, нельзя оставлять печь открытой: *«Чтобы работа получилась, когда ткать начинаешь, нельзя печь открытой оставлять. Если печь открыта — работа впустую. Ткать начинаешь — закрой заслонку, чтобы работа удалась»* [118 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В Гороховецком крае существуют два запрета на несовершение необходимых действий. Эти запреты распространяются на представителей двух профессий: пастуха и кузнеца. Они предусматривают необходимость совершения действий, запрещенных в обычных условиях. Так, при первом выгоне скота пастух обязан был перецеловать всех женщин, выгонявших скотину: *«Вот когда пастух выходит первый раз пасти, он всех баб, что коров гонят, целует, крепко целует, страстно можно сказать, если он хотя бы одну пропустит — со скотиной случится что: или домой ходить не будет, или волки задерут. Нельзя, чтоб пастух баб не целовал — несчастье будет»* [84 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Что же касается кузнеца, то запрет, распространяемый на него, носит еще более радикальный характер: *«Кузнец себя блюсти должен, на баб особо не смотреть. Но вот прежде чем самому работать начать, ну сначало-то его учат, он как бы не мастер еще, а потом как сам работать начнет, перед первой-то работой, перед самой-то первой он девку подковать должен, так-то грех это — девок портить, а кузнецу един раз можно, а то какой он мастер, если един раз девку не подковал. Если он не переспал с ней, то работы у его не будет, плохой будет работник»* [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Два приведенных запрета интересны прежде всего тем, что предписывают совершить действия, недопустимые во всех остальных ситуациях: *«Вот это, говорят, портить девок — удаль, мол, плох тот мужик, что ни разу девку не спортил, а ведь это грех, если девку портишь — добра не жди, что-то обязательно случится»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]; *«Замужню бабу чужому целовать нельзя, даже куму нельзя, она чужа баба-то,*

оно, конечно, хочется, бывает, что такая красота идет, а нельзя — грешно, если чужу бабу целуешь: болеть будешь долго, а то и вовсе помрешь» [36 — 3: ЦРФ — 1060].

Таким образом, запреты, связанные с началом работы, могут декларировать необходимость «антиповедения».

Запреты на определенные действия в течение работы

Чаще всего эти запреты распространяются на мужские работы. Так, например, для пастуха и пахаря существует запрет на сексуальную жизнь в течение всего срока выполняемой работы: *«Вот когда в поле выходишь, то о бабе забыть надо. В поле вышел — пахай — если с бабой переспишь, урожая не будет. Вся сила в бабу уйдет»* [36 — 3: ЦРФ — 1060]; *«Пастух, когда пасьбу начал — всё — бабы побоку, да и какие у пастуха бабы, когда он все в поле да в поле. А с бабой нельзя, если с бабой переспит — всё, на скотину мор наподет»* [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Помимо сексуальных, существуют запреты и иного типа. Так, например, плотник не должен стоять против солнца, чтобы не заложить свою тень в фундамент дома: *«Вот плотник венцы когда кладет, он против солнца стоять не должен, он свою тень туда вложит и сам умрет»* [36 — 3: ЦРФ — 1060].

Пожалуй, самое большое число запретов рассматриваемого типа ограничивает деятельность пастуха. Ему нельзя в течение всего времени пастьбы собирать грибы и ягоды, отгонять мух, разорять муравейники, стричься, брать в поле нож и т.п. В случае нарушения всех этих запретов скотине угрожала опасность, чаще всего исходившая от лешего: *«Вот ежели пастух грибов соберет, то леший беспременно скотину уведет. Ищи потом!»* [36 — 3: ЦРФ — 1060].

Запреты, связанные с завершением работы

Запретов данного типа не очень много, и они распадаются на две группы. Первые связаны с окончанием трудового дня, вторые — с полным завершением работы.

Чаще всего запреты первой группы касаются оставляемой работы. Так, если мастерица оставляет ткань на пяльцах, она должна закрестить иголку, нитки и сами пяльцы, чтобы работу не испортил нечистый: *«Вот из-за пялец стала — работу так не оставляй, оставишь незакрещенной, нечистый нитки попутает, или затянет работу»* [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Точно так же гончарам предписывалось в конце дня закрещивать оставшийся на круге кусок глины, а также остатки глины одной партии: *«Если на круге чего осталось, нельзя так оставлять — закрести, а то черный в крынку залезет, всё в той посуде тухнуть будет»* [97 — 3: ЦРФ — 1021].

Запреты на использование орудий труда

В Гороховецком крае зафиксирован целый ряд запретов на использование орудий труда. В основной своей массе они однотипны — человек не должен пользоваться чужими орудиями труда. Так, например, считается, что если девушка доверила свою прялку или пяльцы подруге, то подруга уведет жениха: *«Вот нельзя свои пяльца чужим давать, даже подругам нельзя, вот ты на вечерке пяльца положила — следи, чтоб никто не взял работу, если кто твои пяльца взял и вышивает — всё, эта девка твово парня отобъет»* [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Нельзя пускать подруг и за ткацкий стан, хотя объяснение этому запрету было другое: *«Нечистый нитки перепутает или основу порвет»* [115 — 3: ЦРФ— Р — Э: — 0003].

Гончарам запрещалось пускать за круг не только посторонних, но и детей. Если запрет нарушался, считалось, что посуда, сделанная на таком круге, будет непригодной для приготовления и хранения пищи.

Запреты на завершение работы

Запреты такого характера единичны. Самым показательным является запрет плотникам полностью доделывать дом. Считается, что если плотник полностью завершил дом, то это его последний дом — всегда надо оставлять что-то недоделанным, в противном случае мастер подвергается угрозе скорой смерти (см. подробнее статью «Строительство и заселение в новый дом»).

Запреты на исполнение некоторых фольклорных жанров во время работы

Эта малочисленная группа запретов связана в основном с представителями таких профессий, как пастухи, мельники и пасечники. Всем им запрещается громко петь, а иногда и громко разговаривать, потому что *«леший стадо разгонит и оводов нашлет»* [97 — 3: ЦРФ — 1021], *«водяной колесо мельнично сломат»* [101 — 3: ЦРФ — 1032], а *«пчелы не будут роиться»* [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Пастухам запрещается также рассказывать сказки, *«потому что на скотину мор нападет»* [36 — 3: ЦРФ — 1060].

10. Запреты, связанные с физиологическим состоянием человека

В основном запреты этой группы распространяются на женщин. Они связаны с беременностью и регулами. Так, беременной запрещается прясть и, особенно, мотать нитки, потому что пуповина обмотается вокруг шеи ребенка. Нельзя было вышивать гладью и штопать, потому что родовые пути не откроются, нельзя было ткать, потому что ребенок может от стука берда родиться заикой и т.п.

Во время месячных женщине разрешалось делать лишь часть домашней работы. Список запрещенных дел чрезвычайно разнообразен: нельзя доить корову, мыть полы, протирать иконы, солить капусту, печь пироги, ткать, прясть, вязать и т.д. и т.п. Суть запрета сводится к следующему: *«Какую работу баба в платно ни делала — всё впустую»* [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Когда у бабы "гости на рубахе", чего б ни делала — всё впустую, всё переделывать будет»* [101 — 3: ЦРФ — 1032].

Пожалуй, к этой же группе надо отнести запреты кузнецу и гончару приступать к работе до того, как разрешившаяся от бремени жена не возьмет очистительную молитву, в противном случае вся работа будет сделана не с Божьим благословением, а с нечистым помыслом.

11. Ситуативные запреты

Это самая большая группа запретов, поскольку она связана с повседневной жизнью человека и затрагивает самые разные ее стороны: строительство и вселение в новый дом, покупку скотины, рождение и воспитание ребенка, свадьбу и похороны, поведение за столом и т.д. Некоторые из этих запретов рассмотрены в соответствующих разделах данного сборника.

* * *

Магические запреты охватывали все стороны жизни человека и выполняли прежде всего информационно-обережную функцию. Они словно предупреждали о том, что те или иные действия могут повлечь за собой неприятности. Обережная функция осознается и открыто декларируется всеми носителями традиционных типов запретов.

В то же время система запретов некогда отражала классификацию объектов и явлений по их ритуальной значимости. Фиксация ритуальной системы запретов в повсед-

невном восприятии людей подтверждала и социальную иерархию, которая была тесно связана с ритуальной стороной жизни человека. Именно эта актуализация основ социальной организации и, шире, классификации всего окружающего была когда-то второй по значению, неосознанной, но оттого не менее важной, функцией системы запретов. Вероятно, носитель традиции был способен объяснить, почему именно при нарушении запрета возникнет ущерб, ссылаясь при этом на тот или иной этиологический миф. Собственно рудиментами такого мифологического текста можно считать былички, повествующие о том, как нарушение запрета приводит к определенному ущербу. С разрушением традиции указанная функция была утрачена, и большинство современных носителей запрета рассматривают ущерб, вызываемый его нарушением, как «голый факт», не увязывая его с устройством мира и человеческого общества.

В.Е. Добровольская,
Н.Е. Котельникова

Строительство и заселение в новый дом

В системе традиционных представлений дом противопоставлен внешнему миру и именно поэтому является объектом разнообразных магических ритуалов. Они совершаются для защиты людей, обитающих в нем, для обеспечения их богатства и благополучия.

Обрядовые действия, связанные с домом, можно разделить на несколько групп. Первые — совершаются при строительстве дома; вторые — связаны с заселением в него, и, наконец, третьи призваны защитить обитателей дома от бед и нечистой силы.

Дом в д. Баландино. Начало XX в.

Строительство дома

Строительство дома образует в традиционной культуре самостоятельную группу окказиональных ритуалов. В Гороховецком крае лучше всего сохранились обряды, связанные с началом и окончанием строительства.

Прежде всего, внимание уделялось выбору строительного материала. Так, наши исполнители говорили о том, что для строительства дома никогда не брали одиночно стоящие деревья: *«Папа всегда говорил, что если дерево одно растет, его на дом рубить нельзя и на дрова даже нельзя — нечистый в нем прячется. Вот построишь дом — нечистый мучить будет семью»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Старались избегать и рубки конкретных видов деревьев. Так, никогда не рубили осину: *«Что ж проклятое дерево рубить — на ей Иуда повесился, что ж дом строить-то из ее»* (80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. В эту же группу входила и липа, так как считалось, что *«липа гром притягивает, в дом молнии бить будут, если там липовые бревна есть»* [69А — 3: 0003]. При выборе материала для дома избегали скрипучих деревьев: *«Если скрипучее дерево взять — в доме все скрипеть будет»* (69а — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Особый запрет распространялся на сухие деревья, так как полагали, что если в срубе есть сухое дерево, то в доме обязательно появится покойник: *«Вот если только в срубе сухое дерево, то вот даже если молодые дом построили, живут в нем молодые, то обязательно покойник в доме будет»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

До настоящего времени сохранились представления о наиболее благоприятных сроках заготовки деревьев для дома. Это — несколько недель после Троицы и день Николы зимнего: *«Вот после Троицы деревья рубить надо, чтобы дом построить, мужики после Троицы в лес ехали и рубили сосны на сруб»* [62 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Деревья на Николу зимнего рубили на дом. В лес едут на Николу и на санях потом везут на сруб»* [69А — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Дом Шорина. Начало XX в.

Важным моментом являлся выбор места для строительства дома, который должен был обеспечить благополучие всех проживающих в нем. Существовал запрет строить дом на перекрестке или на углу порядка: *«Дом на углу строить нельзя, плохо, когда он угловой-то. Стараются все в глубь порядка строить, а не на углу — в угловых домах всегда жизнь не ладится»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«На перекрестке не строили никогда, старались не строить, чтобы порчу не наслали, на перекрестке порча всегда»* [62 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В Гороховецком крае считалось, что лучше всего строить дом в пределах старой усадьбы, но не на месте старого дома: *«Лучше всего строить дом на старом дворе, место там обжитое — лучше там. Только не на старом фундаменте, не там, где старый дом стоял, там не надо. Особенно, если в доме кто помер или он сгорел от пожара там, или что. На новом месте, в другом углу»* [69А — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Запрещалось строить и на месте сгоревшего дома (см. статью «Стихийные бедствия и пожары»).

Особое внимание уделялось тому, чтобы рядом с будущим домом не было кладбища, одиноких могил, а также чтобы на территории усадьбы не было совершено убийство: *«Если рядом кладбище, како бы место красиво не было — не строили там. А уж если могила одинокая, то вообще боялись — покойник мучить будет, ходить будет. Если убили кого-то рядом с местом этим — тоже боялись строить»* [69А — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В Гороховецком крае нами не были зафиксированы гадания о правильности выбранного для строительства дома места, за исключением гаданий по снам. Так, считалось, что хозяин должен лечь спать на месте, которое он выбрал для строительства нового дома. И если во сне он видел что-то хорошее, то место считалось удачным: *«Надо лечь на том месте, где дом строить собираешься. Если сон хороший — праздник какой или просто что-то приятное — значит, строить можно, а если нет — другое место*

Подкова над окном

искали» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Верили также, что если уснувшего на месте предполагаемого дома хозяина разбудит крик петуха, то место для будущего дома выбрано удачно: *«Старались лечь спать там, на том месте, где дом строить хотят. Если утром петух разбудит — правильное место, счастливое, а если от крика или брани проснешься — плохое»* [62 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Особое значение придавалось времени начала строительства дома. Так, повсеместно считается, что нельзя начинать строить по понедельникам — *«тяжелый день»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003], средам и пятницам — *«постные это дни, тяжелые»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003], *«дни страстей Господних — начинать ничего нельзя»* [62 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003], а также в воскресенье: *«В воскресенье работать грех, а уж начинать строить — грех вдвойне»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Суббота также не считается удачным днем, потому что все дела, начатые в субботу, будут делаться только в этот день: *«В субботу лучше не начинать, она день-то хороший, удачный, только всё, что в субботу начинается, только по субботам и делается. Раз в субботу начал — целую неделю потом руки не дойдут доделать, опять субботы ждать»* [69А — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Таким образом, лучшим днем для начала строительства дома считался вторник: *«Дом начинали строить во вторник — легкий день, удача будет и строить будут без мытарств»* [69А — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Строительная жертва, как один из элементов строительного обряда, сохранилась в рудиментарной форме. Лишь наиболее пожилые исполнители помнят, что в основание фундамента закладывали деньги, шерсть домашних животных, хлеб: *«Когда дом строить начинают, в фундамент, под восточну сторону — три денежки кладут, чтобы деньги в доме были»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003], *«Когда дом строят, в фундамент шерстку от скотины кладут, от овечек, от коровок, от лошадей — чтоб скотина в доме велась»* [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003], *«Когда дом строят, в основание хлеб ложили, чтобы у хозяев хлеб всегда был»* [69А — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Завершение строительства не так богато магическими действиями. Повсеместно сохранился обычай оставлять какую-либо недоделку в новом доме. Считалось, что последний забитый гвоздь предвещает плотнику скорую смерть: *«Последний гвоздь дома — первый гвоздь гроба»* [36 — 3: ЦРФ — 1060]. Верили, что если мастер полностью завершил дом, то это его последний дом — всегда надо оставлять что-то недоделанным, в противном случае человек подвергается угрозе скорой смерти: *«Плотник не должен всё доделывать, какую-нибудь безделицу оставить должен, если всё доделает, то домовину ему делать будут, беспременно умрет»* [36 — 3: ЦРФ — 1060]. Окончание строительства отмечалось совместной трапезой всех, кто участвовал в работах: *«Как дом закончат, так обязательно всех за стол сажают, угощение устраивают — хозяева проставляются, чтобы дом хорошо стоял»* [69А — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Необходимо отметить, что если мастеров не устраивала плата, то они могли подшутить над хозяевами. Помимо плотников этим славились печники: *«Мне что было интересно. Как-то так запомнилось. Кто печки ложил. Вот если — как начинает — печник приходит, договаривается, его там угощали обычно чем-то, там, кормят или ещё, может быть, винцо подают рюмочку, другую. Когда хозяева жадные, то, говорит, бывало так, что бутылку или там горлышко оставят обязательно в трубе. И вот как ветер сильный, то, говорит, что хочешь делай — воет, как волком, завывает в трубу: "У-у!" Ну и знали уже — всё — недобрый был хозяин. Пришлось класть второй раз. Например, разбирать...* — Это сами мастера? — *Сами мастера. Потому что и люди-то знали, что не очень добрые, они же знали, говорили: "Напрасно идёшь, большую деньгу, там, например, не дадут". Ну а работать всё равно нужно. Ну они по-своему. Вроде бы так над людьми. И показывали другим, чтоб неповадно. Так, может быть, незло учили»* [75 –8: ЦРФ — 10].

Заселение в новый дом

В настоящее время заселение в новый дом не насыщено большим числом обрядовых действий. Практически все исполнители сообщали, что первыми в новый дом запускали петуха или кошку: *«Ну, построятся — или петуха, или кошку в дом вперед впускают»* [13 — 4: ЦРФ — 1018]. Некоторые из опрошенных отмечали, что первыми занесенными в дом вещами были икона и квашня: *«Молятся. Икону брали с собой, как переезжать. Кошку, квашню. Хлебы чтоб пекли»* [13 — 4: ЦРФ — 1018].

При заселении в новый дом хозяйки перевозили с собой и домового. Делали это следующим образом: хозяйка брала горшок, обматывала вокруг горловины веревку так, чтобы получилась ручка, и ставила горшок в печь. Затем она просила домового переехать вместе с ними на новое место: *«Дедушко-соседушко, поехали с нами жить»* [69Б — 3: ЦРФ — Р — Э:0003]. После чего она брала горшок за веревку и переносила в новый дом, где его вешала в сенях или во дворе. Иногда в тех же целях использовался лапоть (см. подробнее статью «Демонология»).

Магические действия, призванные обеспечить благополучие хозяев дома

Магические действия, связанные с обеспечением благополучия хозяев дома, распространены практически повсеместно. Они необычайно разнообразны и чаще всего используются как обереги. Так, чтобы обезопасить дом от нечистой силы, хозяйки рисуют на дверях и оконных рамах крестики: *«Чтоб нечисть не водилась в доме, крестики рисую углем или мелом, надо, чтоб эти крестики всегда были»* [1 — 3: ЦРФ — 1026].

Как оберег используют некоторые предметы домашнего обихода, прежде всего топор и веник. Для того чтобы из дома не забрали удачу, считалось необходимым держать под лавкой топор, а чтобы хозяйка по случайности не вымела из дома счастье, веник необходимо было ставить у входа рукояткой вниз: *«Чтобы удачу никто не увел из дому, надо топор под лавку класть. Тогда дома никто не сглазит»* [54 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Чтоб хозяйка счастье не вымела из дома, надо голячок у порога вверх ногами ставить»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Помимо обережных существовали магические действия, наделяющие обитателей дома счастьем. Так, чтобы жизнь в доме была счастливой, над окном прибивали найденную подкову: *«Чтобы счастье в доме было, надо подкову найти и над окошком прибить, чтобы счастье в доме велось»* [79 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Чтобы в доме водились деньги, под божницу клали мелкие деньги: *«Денежки должны под боженькой лежать, чтоб всегда в доме деньги были»* [69Б — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Н.Е. Котельникова

Покупка скотины и уход за ней

Жизнь крестьянина невозможно представить себе без домашних животных. В сущности, все календарные обряды были направлены на то, чтобы земля была плодородна, родилось побольше детей и велась «Богом данная скотинка». Но помимо календарно закрепленных обрядов, а также профессиональных пастушеских способов обращения со скотиной существовало и частично существует до сих пор множество магических средств и различных правил, используемых хозяйками в повседневном быту.

Нам удалось записать некоторые из них. Большинство полученных нами сведений относится к уходу за коровой, которая играла и играет важнейшую роль в крестьянском хозяйстве.

Например, нельзя выгонять корову в стадо с непокрытой головой: *«Вот запрещено скотину выгонять развязкой, это вот нам батюшка сам велит, вот не с покрытой головой. У нас ходят, доят косматкой, а батюшка сказал, не иметь права развязкой скотину доить. А пастухи ругались, что скотина убегает, кто развязкой. Я разок, когда вышла замуж в 1937 году, выгнала корову и "ну, пошла, ну, пошла", меня пастух: "Погодикось, молодая, ты с чем корову выгоняешь, что у тебя за ладони тут; вот обязательно голову повяжи и прутишко возьми". А вот в Агафонове пастух кнутом хлестал того, кто без повязки выйдет, вот скотину выгоняет, в полдень ли, встречает ли. Потому что глаза у скотины увеличены, да, она страх перед собой видит, вот так что обвязывайтесь коров доить»* [101—3: ЦРФ — 1032].

Выгонять первый раз скотину нужно в определенные дни: *«В понедельник скотину выгонять нельзя, в среду нельзя, в пятницу нельзя. В любые другие можно. Все говорили — неудачные эти дни. Они и считаются как постные эти дни по обычаю»* [115 — 3: ЦРФ — 1019], *«Скотину не выгоняли в тяжелые дни, в пятницу не выгоняли. Старались выгонять во вторник и четверг, в субботу. Вот в такие дни выгоняли. А все остальные считались неблагоприятными»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

На Егорьев день существовало много различных обычаев, связанных со скотиной (см. статью «Праздники»). Лошадям подстригали хвосты: *«Это лошадей. А коров выгоняют тогда, когда уже теплое там время, трава появилася, можно и выгонять, значит вот выгоняли. А лошадей — на Егория.* — А что делали с лошадьми на Егория? — *Подстригали их: и хвосты подрезали, и гривы.* — Их выгоняли пастись? — *Да, вот у нас раньше заливала вода, большие воды были, вот их отправят в лес и всё — и хозяева не знают. Вот в Егорий только найдут там вот подстригать хвосты или чего»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Выгонять скотинку нужно было освященной веточкой: «Освящали, да (ветку)? — *Ага.* — А потом куда эту веточку? — *К иконам поставим. Когда скотину выгоняешь первый*

день, вот эту веточку берёшь и втыкаешь в поле. — В поле? — *Ну да. Где скотина.* И там оставляешь? — *Оставляешь»* [102 — 4: ЦРФ — 1010].

Многие исполнители говорили об этом обычае: *«Что вот эта. Вербное воскресенье на амвон клали, к иконкам. И когда первых выгонят коров, с вербой выгоняли.*

— А для чего это делалось? Почему именно с вербой? — *Ну чтобы сохранилась скотина, не болела.* — На Егория выгоняли? — *Когда как. Как время покажет. С иконкой кругом обойдёт, с какой-то там с молитвой.* — Кругом стада? — *Кругом стада. И поди-те с Богом домой.* — Все, кто пригнал скотину? — *Да-да. И все коровы не привялись. Вот у нас раньше такие пастухи были. Эту вербу где скотина, так клали. Прямо в поле же клали.* — [88 — 4: ЦРФ — 1009].

"Верба-хлест, бьет до слез,
Верба бела бьет за дело.
Верба красна бьет напрасно.

Вот было, причитали, когда гонют скотину. Вербно воскресенье, это перед Пасхой. И вот, когда ее просветят, скотину выгонять, когда там будет, может через две недели погонют скотину. Вот святили» [99 — 5: ЦРФ — 1009].

В случае, когда возникают проблемы с тем, чтобы корова огулялась, возможно было, по словам исполнителей, применить следующее средство: *«Не гуляется корова. Погуляет с быком по всяко, погуляет. Вроде бы приняла. Пройдёт две недели, три недели — она опять подымается. Ломается. И вот такой способ был в народе. Взять мужские кальсоны там иль трусы и эту корову погладить этими трусами. Везде погладить. Поговорить с ней. "Ладно, мой милай, погуляла маненько, хватит. Теперь не быть тебе девицей, а быть тебе телицей. Телиться надо! Телиться надо! Хозяин любит скотинушку, чтоб она прибыль давала, чтобы ребятишек молочком кормила"»* [13 — 3: ЦРФ — 965].

Важным событием в жизни любой деревенской семьи является покупка скотины и размещение ее на новом месте. Только выполнение определенных правил поведения обеспечивало благополучное пребывание коровы или другого животного у новых хозяев. В противном случае новые хозяева могли остаться без молока, скотина не стала бы ходить в дом и т.д.

На вопрос собирателя «Что надо делать, когда скотину покупаешь?» женщины, хорошо разбирающиеся в этом вопросе, дали следующие советы: *«Ничего не надо делать. Надо только, чтобы хозяин до нее не дотрагивался. Вот обычно жалко корову, вот она ее погладит, она молоко и отнимет. Это уж поверье такое. И там вообще не надо дотрагиваться. Как уж завязала эта, хозяйка, которая купила, так сразу повела. Чтобы та хозяйка до коровы или там до лошади не дотрагивалась. Это такое поверье, вот»* [118 — 8: ЦРФ — 1041]; *«Хозяйка, которая скотинку продает, отдает с веревкой. А если корову, то еще крынку или банку трёхлитровую – чтобы молоко в дом»* [39-А — 5: ЦРФ — 0003]; *«Когда корову идти покупать, обязательно надо, чтобы хозяйка тебе с коровой дала новый горшок, не старый, а новый, чтобы молоко было»* [97 — 3: ЦРФ — 1014]; *«И когда корову ведешь, обратаешь, назад оглядываться нельзя. Кто гонит, тот и гонит, назад не оборачивайся»* [97 — 3: ЦРФ — 1014].

Соблюдать определенные правила необходимо и когда приводишь купленную скотину домой. Некоторые просят разрешения и одобрения со стороны домового. Другие делают иначе:

«Я этого не просила. Ни у кого ничего. А вот с "Богородицей", зааминила. А туда шла, вот молитвы держала:

Есть облако ходящее,
Есть облако летящее.
Под ним стрелицы,
Бьют-побивают
Колдунов, колдуниц,
Простоволосых девиц.
Аминь! Аминь! Аминь! Аминь!

И идешь, Богородица, Николай Угодник, скажешь: "Святитель Никола, помоги!". Вот и все будет благополучно, он же скорый помощник, быстрый...» [44 — 5, 8: ЦРФ — 1013].

Для хозяйки было очень важно, чтобы скотина исправно ходила домой, для этого необходимо произвести следующие действия с поясом: *«Опять поздно узнала. У меня с первой коровой чудеса были. Ходила к старушкам лечить. Оказывается, если надо, через порожек ремешок мужской и "Богородицу" читают, чтобы она свой дом не забывала. Как говорят: век живи – век учись.* — И как это: на порог кладут ремень, да? — *Поперек, вот порог у меня открытый, ну, ремень постелить и молитву читать, и скотинку прогонять.* — Скотинку вперед пускают, а сами за ней? — *Да, да. А я тоже недавно это узнала, года четыре вот. Я овец держала, они все убегают, убегают. Она говорит, тебе вот эдак надо было сделать»* [34 — 5: ЦРФ — 1010].

Этот же совет повторяют многие исполнители:

«С "Богородицей" через поясок во двор пускают. Поясок вот свой стелишь, как дверь открывается, через поясок и с "Богородицей". Твоя корова никуда не пойдет, она бежит домой. — Куда потом поясок? — *Можно убирать. Это сделать раза два-три и все»* [44 — 5, 8: ЦРФ — 1013].

Пастухи

Помимо пояса в магических действиях со скотиной применялся замок: *«Это мне хозяйка, тетя Паша сказала: "Чтобы у тебя корова не убегала и привыкла быстрее к вашему дому, корову, прежде чем завести во двор, открой замок с "Богородицей", положь его в подворотню открытый, а как корова зайдет во двор — этот замок обратно с "Богородицей" закрой".*

Вот я пришла, маме сказала, она эту "Богородицу" знала, она это все сделала, у нас корова с первого дня никуда не ходила» [97 — 3: ЦРФ — 1014].

Приведенные примеры демонстрируют сохранность в Гороховецком крае традиционных народных представлений. Использование в ритуалах, связанных с приучением скотины к дому, таких предметов, как замок и пояс, по свидетельству Н.И. Костомарова, имело место на Руси уже в XVI—XVII вв.: *«Кто животину купит приводную, мерина или корову, и приведши ко двору, велеть растянуть пояс женский от вереи до вереи, да замок положить к верее, а колоду замочную к другой верее, и проведши животину сквозь замок, замкнуть и пояс взять опоясаться, и через мужской пояс животину водят же, от вереи до вереи растянувши»*[1].

[1] *Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993. С. 256—257.

Л.В. Фадеева

Стихийные бедствия и пожары

В хозяйственной деятельности крестьян нередко случались чрезвычайные обстоятельства, при которых нельзя было рассчитывать только на свои знания и опыт. Каждое время года могло принести свою беду в быт земледельца. Если весна грозила половодьем, то лето засухой и пожарами, а значит, неурожаем, голодом. Чтобы преодолеть стихию, прибегали к церковным обрядам, просили Бога защитить посевы.

Обычай молебствовать в храме/часовне об урожае, а потом проходить крестным ходом по деревне, полям и близлежащим родникам, периодически останавливаясь для совершения водосвятного молебна, известен в России повсеместно. Такие службы совершаются в том случае, если на полях появляются вредители: «*А вот эта икона чудотворная с того пу́стыня, с того монастыря. Ну, вот у нас батюшка был тут, я с ним восемнадцать лет прослужил. Девять годов как он помер. Он рассказывал, что чудотворная икона оттуда. Исцеление в народе было. "Один раз, — говорит, — нападение как саранчи...". Как они называются? Саранча напала на поле, всё это поедала. И вот с этой иконой они ходили на поля. "И вот после молебна, после водосвятного молебна, после крестного хода, на обходе всем миром, и вот, — говорит, — все эти насекомые, все эти саранчи, все в сторону Клязьмы поползли"*» [15 — 3: ЦРФ — 1016]. Кроме того, требы могли быть направлены на *прекращение засухи и вызывание дождя.*

Летом молебны и крестные ходы нередко были специально приурочены к большим праздникам, особенно Казанской (8 / 21 июля) и Ильину дню (20 июля / 2 августа), которые в народном сознании связывались со стихиями воды и огня[1]. Такие молебны совершались с целью предотвратить засуху и неурожай, то есть имели профилактический характер.

Однако чаще требы, направленные против стихийных бедствий, назначались «по обстоятельствам», если беда уже случилась. Тогда жители деревни сами обращались к священникам с просьбой пройти крестным ходом: «*Вот, например, дождя нет — ходили в церковь. Это я мало застала, может, вот такой девочкой была, как вон идет. Шли в церковь, приглашали попов, шли в церковь. Приходили попы, делали. Вот они ходят по деревне с иконкой. Как только они уходят — глядишь, к вечеру дождичек собирается. Это в засуху делали*» [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Обход полей во время засухи или нашествия вредителей представлял собой интересное соединение языческих и христианских традиций. В его ритуальной основе — магическое огораживание/очерчивание места, нуждающегося в защите. Однако со-

---

[1] *Баранова О.Г.* Ильин день // Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2002. С. 214—215; *Громыко М.М.* Службы вне храма // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 105.

вершался он с непременным чтением и пением молитв и тропарей из специального чинопоследования, с поднятием икон (иногда особо почитаемых храмовых, иногда — домашних).

Участниками крестного хода, совершаемого во время засухи, как правило, были все жители деревни от мала до велика. Дети не только с любопытством следили за происходящим, но и становились самыми активными участниками шествия. По совету бабушек они старались как можно чаще пройти / сесть под иконами, что должно было обеспечить здоровье и благополучие: «*...Часовенки в дяревне у нас. В день рожденья* (sic!) *приходили с иконами. Вот молебны были. Когда, значит, нет дождя. Старухи начинают молебен. Пойдут к батюшке, подадут прошение. Батюшка даёт распоряжения выйти с иконами в такую-то деревню. Вот оне приносят такие больши-ие, на больших палках иконы. Ну, женщин-то много, молятся. Ходят. А мы под эти иконы садимся, маленькие были. А мы садимся всё. Сидим. Оне проходят — мы сядем. Опять оне прошли. Мы дальше бежим, опять сядем. Вот так по деревне.* — А почему маленькие садились под иконы? — *А не знаю, чего. Бегали там. Нам сказали старухи садиться.* — А не говорили, что это как бы здоровье будет? Счастье? — *Вот и главное-то — всё для счастья. Потом, уже потом, когда ещё этого не сделают, и батюшка идёт по деревне. Батюшка идёт по деревне — какой-то оброк называется. Кто чего даёт. Кто чего собирает.* — А вот как с этими иконами обходили <...>? — *По деревне. Молились и молились по деревне. И вот до часовенки дойдут. Обойдут, дальше пойдут. По деревне.* — А часовенка какому празднику была посвящена? Егорию? — *Да, наша — Егорию. Она часовенка — там и в Николу придут, и в Егорий придут, и на Масленицу приводят. Всё равно в часовенке.* <...>» [40 — 8: ЦРФ — 1036].

Обход деревни (дворов) и полей считался малоэффективным, если его участники не совершат молебствия у воды. Для этого обычно ходили к родникам. Если родника не было около деревни, служили у колодца: «*Когда не было дождя, ходили батюшку вызывали, ходили к колодцу, молились все. Из дому иконки все брали. И дети, и все молились у колодца. Ныне всё забыли*» [86 — 3: ЦРФ — 1032]. Просить дождя у родника или колодца — древний обычай, в основе которого лежат представления о единстве небесных и земных вод. В результате молебна происходило их воссоединение, поэтому и начинался дождь.

С закрытием храмов во многих деревнях проведение таких богослужений стало затруднительно. Не было священников, да и власти не одобряли подобных «инициатив» колхозников. Однако традиция не умерла, ведь речь шла о сохранении урожая: «*Вот в войну-то, знаешь, какой один случа́й был. Засуха, засуха, засуха. Всё сухо. Прямо страх. <...> Ведь Борис Николаич... тогда коммунисты были. Коммунисты боялись. Да что там — прямо в райисполком, да всё — снимут. И вот его уговорили все старухи: "Борис Николаич!". А у него мать-то прокурорша. "Борис Николаич, пожалуйста, дай нам... иконы возьмём и пойдём в поле. Погибаем. Дождя нету". Он говорит, Борис Николаич... Думал, думал на конном дворе и говорит: "Ну, женщины, сломали вы меня! Я еду в Гороховец, хоть и не надо в этот день — я ничего не знаю. Идите все". И вот они взяли, икон набрали.* — По домам? — *Нет, нет. Икон набрали... и все пошли в поле.* — А откуда иконы? — *У каждого есть. Домашние. Все пошли. Там молились очень долго, даже очень долго. И вот уж так совпало ли, так уж это дело было, что Борис Николаич едет вечером с Гороховца, и полил такой на Ва́жне... Начался дождик с Ва́жни.* — А Ва́жня, это что? — *Ва́жня — это вот тама два километра. <...> Маленька речушка такая — светлая вода, прям святая. И вот едет. Говорит: "И только я подъезжаю, — уж вон вот сам рассказывал мужикам, — подъезжаю — туча, — говорит, — такая накатилась. А я, — говорит, — уж и коммунист, — говорит:*

«Слава Богу!»". Дождь пошёл. Такой сильный был дождик — это уже... Мы всё: "Ой, ой — батюшки, слава Богу!". И все стоят: "Слава Тебе, Господи!". Все стоят, радовались — засыхаем. Вот это случа́й был такой» [1 — 3: ЦРФ — 1027].

В годы советской власти традиция служения молебнов о дожде значительно упростилась, что практически привело к отказу от кругового обхода полей. Теперь для молебна собирались где-нибудь в деревне. В отсутствие священников молитвы читали старые женщины, которые обычно пели по умершим: «Бывало такое, что очень долго дождя нет и засуха уже начинается? — *Бывало. И чего не было? Они знаешь чего собирались? Вот соберется вся деревня, и вроде Богу молятся. Обязательно молились Богу.* — А вот как они проходили, что они брали, иконы? — *Молились с иконами. Все, каждый свою иконку приносил. Каждый прямо приносил иконку из дому, да. И вот самый умный у нас читал, кто умрет, они читают. Вот они вместо попа у нас были. Вот и читают. У нас баба... баба Улита была. Ульяна ее звали. Маленькая была старушка. Вот она и читала, всё время ходила.* — А как-то за деревню выходили? — *Нет, не выходили за деревню. Прямо, да, собирались все и вот читали, молились тут. И долго молились, девчонки. Долго молились. И главное — на третий, на четвертый день дождик будет.* — Но поля не обходили? — *Нет, поля не обходили, нет*» [118 — 5,8: ЦРФ — 1041].

Естественно, что среди верующих традиция прибегать к молитве в случаях стихийных бедствий сохранялась. Более того, сила веры, а следовательно, и сила молитвы, могла заставить повиноваться даже реки и речки *во время паводка*. Подобные примеры хорошо известны из Священного Писания («Если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет»[2]). В легендах же, записанных в г. Гороховце, рассказывается о воздействии с помощью молитвы на реку, вышедшую из берегов: «*Мама умерла на девяносто втором году. В позапрошлом году она умерла монахиней Марией. И вот был такой случай. Позади нашего дома за огородом большая река течет, ну меньше Клязьмы, конечно, и вот, когда затор ледяной, затопляет наши огороды. А мы как раз вытащили пчел в сад. Если затопит вода, всё пропало. У нас отец инвалид был, уже с войны инвалид, только пчелы кормили нас. Медом жили, мед сдавали государству, немного получали и жили. Шестеро детей было. И что же, идем на Пасху, повернулись, смотрим на огород: как там река? Идет от реки вал, вот такой высоты, метр высоты даже больше. Видимо затор где-то был. Мама говорит: "Добежать мы не успеем, затопит всё равно". И говорит: "Во имя Господа моего Иисуса Христа — остановитесь воды". Три раза перекрестила, и повернулись и пошли в церковь. Даже про воду, про пчел мы не думали. Всю службу пропели, пришли домой, а папа инвалид, он ничего не смог бы делать, он даже и не старался. Вернулись домой утром, папа говорит: "Ой, какое-то чудо, — говорит, — у всех в подполах, у всех соседей вода, на улице вода, мальчишки в ваннах катаются, плавают, а у нас (пологорода было загорожено) даже в эту изгородь не вошла вода". Кругом вода и на улице вода, а огород остался*» [16 — 3: ЦРФ — 1016]; «*Потом, когда мы сюда переехали, через двадцать лет, наверное, у нее опять сильное затопление было. Пчелы были уже в подвале. А в подпол, чтобы ульи было легче нести, удобнее, прямо снаружи вход. И там низменность большая, чтобы в полный рост можно было входить. И вдруг затор, идет большая вода. Коза была, она в бане, встала на палатьи. Шерсть встала, прямо дыбом стоит, испугалась. А моя сестра друга, тоже монашка Галина, она говорит: "Мама, гляди, опять затопит, может затопить, воды подходят, иди поговори с ними". Она вышла и опять говорит: "Именем*

---

[2] Мк. 11, 23 (Цит. по изданию: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1992).

Создателя вашего, Господа нашего Иисуса Христа, повелеваю вам, воды, остановитесь, не входите дальше". И зашла домой. Галя вышла и говорит: "Мама, они тебя не слушаются. Опять прибавляется вода". Она вышла и говорит: "Я же не именем своим говорю, а именем Господа нашего Иисуса Христа, Создателя вод, говорю: остановитесь!". И всё. Больше не пошла вода. Ни в подвал, никуда. Опять на улице потоп была, а в подвале сухо, даже вот настолько близко не подошла. Потому что мама очень сильно веровала» [16 — 3: ЦРФ — 1016].

Среди бедствий, которые считались самыми страшными и влекли за собой наиболее тяжелые последствия, следует назвать *пожары*. Издавна жители деревень и маленьких городов, в которых все дома были выстроены из дерева, боялись разбушевавшейся огненной стихии. Не случайно с пожарами были связаны приметы, в том числе и календарно приуроченные: «*...В мае — 24-го, наверно, мая — был Макарий день. Вот по этому дню определяют. Вот. Если он красный, то будет пожар. Если он дождливый, то будут дожди. Если он, например, красный и дождливый, то лето будет такое и сякое. Хорошее.* — Ну, пожары — имеется в виду, что именно гореть будет? Или засушливое лето? — *Пожар. Гореть будет. Пожарное будет лето, жаркое. Будут пожары*» [7 — 8: ЦРФ — 1034].

Многие полагали, что для того, чтобы избежать огненной напасти, достаточно иметь дома специальный оберег. Таковым считалось освященное пасхальное яйцо: «<...>А до какого времени яйца лежали на божнице? — *Вот до какого положат, до такого и будут лежать. И год лежали.* — А при пожаре их не использовали? — *Вот, их оставляли, вроде, насчет пожара.* — Что с ними делать, если пожар? — *Не знаю, чего. Вроде, они загораживали от пожара, как будто защищало*» [59 — 3: ЦРФ — 1029].

Огонь могла принести молния. Поэтому во время грозы принимались специальные меры по защите дома: «<...> *Она вот, когда гроза, молния, она и говорит: "Ничего, ничего не будет. Ничё не бойтеся". И она скажет чего-то, как-то вот это... Откуда она* <знала>*, когда должна плохая быть, когда нет? Град — вот берёт кочергу, из окошка выкидывает, чтоб град скорей про... не подействовал на чего-то. А чего? Я и не знаю.* — А от грозы? — *"Господи Иисусе" и "Илья Пророк" она чего* <-то> *говорила. Илья Пророк просила. Я вот и не знаю...*» [122 — 8: ЦРФ — 1035].

Если пожара все-таки не удалось избежать, приходилось совершать специальные магические действия, которые были направлены на ограничение / остановку пламени, на защиту от ветра. Эти обряды известны повсеместно. Как правило, они связаны с использованием христианской атрибутики (икон, освященной вербы, четверговой свечи, пасхального яйца)[3]. Поскольку пожар нередко воспринимался как Божья кара, предотвратить его можно было только с помощью Божьего вмешательства. Предметы, снятые с божницы, обеспечивали такое вмешательство, о чем свидетельствуют многочисленные рассказы очевидцев.

Локализовать пожар, не допустить, чтобы он распространился на соседние дома, помогало всё то же пасхальное яйцо, которое бросали в огонь: «*А вот эти яйца, пасхальные яйца вот, говорят, как пожар загорится, надо одно бросить в пламя, и огонь никуда больше не пойдет*» [79 — 3: ЦРФ — 1018]; «А вот пасхальное яичко... не оставляли... на весь год? — *У меня сейчас три даже.* — Для чего оно может пригодиться? — *Оно даже от*

---

[3] *Агапкина Т.А.* Верба // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 69; *Белова О.В.* Икона // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 401; *Островский А.Б.* Прекращение пожара // Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2002. С. 445—447.

пожара хорошо. У нас когда горел дом <...>. Вот хоть она и не больно близко была. А крыши-то соломенные. И у домов соломенные крыши. И <аккуратно> на деревню искры летели. Принесли пасхальное яичко, бросили в пожарище — и всё столбом загорелось. — То есть в сторону не пошло? — *В сторону не пошло*» [66 — 8: ЦРФ — 1038].

Однако чаще для того, чтобы остановить пламя, обращались к помощи богородичных икон: «А в пожар с иконой не обходили дома? — *Ну, было.* — А какую икону? — *Божью Матерь.* — Любую Божью Матерь? — *Да. Иной раз тушат, не поддается пожар, вот с иконой как-то обходили, обходили с молитвами*» [59 — 3: ЦРФ — 1029]; «<...> *Обходила с иконами. Всё время с иконами. С Божьей Матерью — всё этот дом-то, пожар-то весь обходила.* <...>» [1 — 3: ЦРФ — 1027]. Большинство гороховчан, с которыми нам приходилось беседовать, указывали на то, что это должна быть икона Божьей Матери Неопалимая Купина: «От пожара как-нибудь оберегались?.. — *Не знаю. Не оберегались. Ничем не оберегались. Нет, какой-то иконой! Иконой — как её? Непалимая икона. Вот ходили с иконой. Если вот только, например, загорится дом, вот с иконой свой дом обходят, и на другие дома уже не перекидывается пламя. Икона Непалимая.* <...>» [7 — 8: ЦРФ — 1034].

Известно два композиционных типа этого иконописного образа. На первом, достаточно редком, Богоматерь с Младенцем Иисусом изображена над горящей купиной. Этот мотив восходит к ветхозаветному прообразу, указывавшему на Богородицу, которая «до рождества Дева, в рождестве Дева и по рождестве Дева»[4]. Неопалимая купина — терновый куст, который пророк Моисей видел горевшим в огне, но не сгоравшим[5]. Другое изображение Богородицы, также именуемое «Неопалимая Купина», получило более широкое распространение. На нем Божья Матерь с младенцем предстает в окружении восьмиконечной звезды, состоящей из двух четырехугольников — красного, символизирующего собою пламя, и зеленого, напоминающего о зеленом кусте. В углах звезды — человек, лев, телец и орел, а снаружи — Архангелы Михаил, Рафаил, Уриил, Селафиил, Варахиил и Гавриил. Иногда в руках Богородицы помещается лестница. Она напоминает о том, что именно Пречистая Дева возвела человечество от земли на небо[6].

Символика иконы не всегда была известна простым прихожанам. Однако образ Богородицы Неопалимой Купины часто использовался в богослужебных песнопениях. Чудо, явленное Богом, — не сгоревший в огне куст — запомнилось. Вера в то, что чудо это может повториться, придала иконе особое значение как защитнице от пожара.

С Неопалимой Купиной обходили дом, заключая его в круг и создавая таким образом непреодолимую преграду для огня. В одних деревнях совершали обход загоревшегося дома, чтобы не допустить дальнейшее продвижение пожара: «*Непалимая Богородица, такая иконка есть... И с этой Непалимой Богородицей вот кругом обойдёшь, и уже на другой дом не подойдёт*» [8 — 4: ЦРФ — 1052]. В других обходили свой дом, чтобы уберечь его от летящих со стороны пожара искр: «*...Какая-то есть Неопалимая, по-моему, икона... Вот когда пожар, всё обходят кругом, чтоб дом твой не загорелся. Сосед-*

---

[4] Сказания о чудотворных иконах Богоматери и о Ея милостях роду человеческому. Коломна, 1993. Т. 2. С. 564.

[5] Исх. 3, 2 (Цит. по изданию: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1992).

[6] Сказания о чудотворных иконах Богоматери и о Ея милостях роду человеческому. Коломна, 1993. Т. 2. С. 565.

ский горел — чтоб твой не загорелся. Вот наш дом горел. Я не знаю как. Вот этот дом чёрный был!<...> Наш дом сгорел» [27 — 8: ЦРФ — 1035].

Иногда обход-огораживание дома не был возможен. Тогда хозяйка с иконой вставала перед своим домом или ставила ее на подоконник: «*А вот у нас тут был пожар, два дома сгорели года три тому назад. Вот они на том порядке были. И мне муж говорит: "Иди домой вытаскивай всё!". Куда тащить?! Жара была невозможная. А у нас уехали за машиной. А у нас икона материна "Неопалимая Божья Матерь". Я вот икону взяла, да и поставила в окошко. Володя: "Да ты что!". Ну, я открыла шифоньерку, покрывало на пол, на него поваляла всё, узелком, и думаю: "А куда я понесу?". Вот поставила икону. Представляете: огонь выше крыши был, невозможный такой, потом раз — переклады все рухнули, и крыша железная была, и накрыло весь дом. Только два дома сгорело, а больше ничего не сгорело*» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Рассказов о том, как с помощью иконы удалось остановить огонь, существует немало. Чудесное спасение, которое происходит буквально на глазах, неизгладимо в памяти жителей деревни. Наиболее яркий момент — прекращение или отведение в сторону ветра с помощью иконы — становится своеобразной кульминацией таких воспоминаний о пожаре: «*Потом у нас один еще эти... как их... шашлыки делал. Поставил и ушел. По траве-то пошло, пошло и пошло в лес. Если б лес загорелся, вся б деревня сгорела. А огонь идет в проулок. Корову надо выгонять. Я опять эту икону взяла — кого выгонять-то? Не то корову, не то козлят? Взяла икону и вышла. И, милая, — повернул ветер на речку. И гляжу: тухнет пожар и тухнет*» [79 — 3: ЦРФ — 1018]; «*Пожар можно остановить иконой. Есть такая икона. Яичком не останавливали, а вот иконой я помню, как щас. Раньше ведь дрались очень. И вот раздрались в нашей деревне, и <...> очень одного парня избили, чуть до полусмерти. А мы с бабкой сторожили... она вот сторожила... всё ведь тогда свозили, всё зерно на ток, и его вот... машина такая была, снопы прямо туда совали, и это... А мы ребятишки... Так привод был, две лошади ходят вот так, ветошник крутится, и туда снопы. Как она называлась, машина-то эта? Да как уж это? Ты же... Молотилка, да. Ты сам же ходил за приводом-то! <...> И вот целый день походи с утра до вечера. Голова кружила-ась — не знаю как! И вот, значит это, мы с ней сидим на току, она говорит: "О-ой! Лидушка, гляди-ка, на Новой пожар". И как свечка. И загорелось. У нас стало тут видно только вот, а уйти нельзя. Знаете, как хлопья летели, прямо на ток ложились. Она все ветреницы сшибала эти вот как раз... И вот они сгорели. Всё. И... а мы жили на краю. Мне мама подбежала и сунула икону. Наша ли икона... Не шла, а то дом-то загорится, целая улица тогда сгорит. А мы с мамой на краю, я вам говорила, жили. И вот я стала с этой иконой... Вот век вот я Богу верую, забываюся, вот клянусь перед Богом... Вот стоит, и прямо ветер, вот прямо я — раз-раз-раз-раз, и пошел туда, прямо не в соседнюю деревню, а прямо вот туда на горо́ду.* — Это не то, чтобы обходили с иконой? — *Нет. Просто стоять. И она... ага... я вот... она мне дала в руки, я с ней стояла. И вот прямо туда унесло. Вот это я уж своими глазами. Очень хорошо помню, что это икона... вот пожарная какая-то. Есть специально от пожара икона <...>*» [118 — 5,8: ЦРФ — 1041].

Однако далеко не все рассказчики верят в то, что пожар останавливается заступничеством Божьей Матери. Многое в оценке происходящего зависит от их мировоззренческих установок: «*<...> Вот пожар был. Пожар — вот у нас два дома сгорело. Так вот одна ходила с этой... с какой-то иконой вокруг, чтоб дальше* <не было>. *А это возле Ваничкиных Маруся была. Господи, я их и не знаю, как фамилия-то. Он в Москве живет сам-то.* — То есть она с иконой их обходила? — *Обходила с иконами. Всё время с иконами. С Божьей Матерью — всё этот дом-то, пожар-то весь обходила. "Ты куда? Куда лезешь?". А она: "Отстаньте, отстаньте".* — И не перекинулся пожар? — *Да, не перекинулся. Мо-*

жет, он и перекинулся бы, конечно, сила воли ведь это всё, так нам думается. Ну, ведь три пожарных уж приехало. Вот и всё. И вся защита Божья» [1 — 3: ЦРФ — 1027];

«[Л.А.]: *Это было перед Казанской, за день. Мы колорадских жуков собирали в огороде, а у нас сосед, он немного дурной, и он так матом ругался, Божью Матерь вспоминал, ой! У меня сердце разрывается: "Господи, Пресвятая Богородица, как ты терпишь это, — говорю, — сердце разрывается, так он ругает".*

У нас дети тогда при себе были. Не уехали. Старшая тогда поступала как раз в музыкальное училище во владимирское. И вот мы вечерами долго сидели, чай пили и долго рассказывали про свою жизнь, как мы жили, чтобы их воспитать, сплотить и чтобы они любили нас и считали нас своими друзьями, сближение чтоб было. И каждый вечер так долго сидели. Сидели где-то до полдвенадцатого. В двенадцать легли.

Только-только заснули, как грохнул гром, весь дом затрясся у нас. И все проснулись разом. И света нет. Потом лежим: "Ой, гроза, — думаем, — чего делать!" И через некоторое время как бы плач слышим. Батюшка говорит: "Кто-то плачет". Я говорю: "Да не плачет, наверное". Спать не хочется, никому не хочется, лежим переговариваемся.

Он встал, батюшка, посмотрел в окно и говорит: "Не пугайтесь, — говорит, — пожар, и близко". Вот соседний дом горел. Соседний дом, белый дым идет. "Ну, — думаю, — белый дым". Выбежала на улицу, уже четыре пожарных машины приехали. "Четыре пожарных машины, — думаю, — белый дымок только из сеней идет, сейчас погасят". Да еще дождь, ливень. Я показала пожарным, где у них баллоновые газы, и свой баллон не так катаю, а — откуда силы взялись — перекидываю. Потом как стал разгораться пожар, очень сильно! Смотрим, мы уже стали петь со слезами все на коленях перед Неопалимой Купиной тропарь ее. А я говорю: "Господи, — говорю, — батюшка по́том заработал дом, не давай сгореть". Стекла у нас горячими делались.... Потому что тогда в Дзержинске не было церкви, нигде не было церквей, очень много крестин было. У него, он приходил из церкви в портфеле две мокрых рубашки, на смену рубашки брал. И говорю: "Батюшка по́том заработал этот дом, не дай сгореть".

Молились, молились, и он пошел, надел епитрахиль, вокруг дома три раза Неопалимой Купиной обошел. Это не старинная икона, обыкновенная, бумажная. Три раза обошел. Мы на Божью Матерь сильно надеялись: трое детей дома оставили, они заперлись внутри, ни один документ, ни одну бумагу не вынесли, ничего. Вытащили свою шлангу, и мы пошли тушить пожар к соседям, представляете. Вот тут у них сарай, покрытый гудроном. Я только думаю: "Если гудрон загорится, то нам несдобровать".

Я села туда верхом, на этот сарай, и поливаю. Себя поливаю и сарай поливаю. Сколько раз себя поливала, прям горячо-горячо, очень горячо. А пожарные, конечно, они тушили, эту шлангу в речку опустили, всё равно пять часов гасили, и не гасится никак. Потом, как уж погасили к утру (в час ночи это было, загорелось-то), один пожарник говорит: "Это не знаю, чего было: земля горела, вода горела". Но только уличком мне сказал: "Спасибо, Лидия Александровна, вы самоотверженная".

Но целую неделю очень сильно голова болела. <...> Но я подумала так, у нас вот стекла были горячие, дети рассказывают, краска полопалась, а Божья Матерь сохранила наш дом. А через два дома люди даже вещи выносили из дома.

[Г.Г.]: *Ну, это не совсем простая икона. Когда мы венчались, нам ее архиерей подарил. В день венчания. Это наша семейная икона. А потом я ведь с этой иконочкой ходил, лазил по крышам, отнимал у этих, у пожарников, шланги, сам залезал. Я весь мокрый до нитки, она даже не портилась в кармане. Я ее в карман положил, так и работал, да и забыл про нее. И не испортилась, не расклеилась. И до сих пор она у нас. Но мы стараемся петь каждый вечер тропарь*» [15,16 — 3: ЦРФ — 1016].

Место пожара даже по прошествии длительного времени оставалось отмеченным в сознании самих погорельцев и их соседей. Об этом свидетельствовали запреты строиться на пожарище. Считалось, что новый дом необходимо закладывать чуть отступя, чтобы он не повторил судьбы своего предшественника. Однако сегодня этот запрет соблюдают не все: «*Я слышала, так говорят, когда пожар будет, на этом месте, вроде, опасно ставить. Ну, ведь вот ставят. Всё равно ставят*» [7 — 8: ЦРФ — 1034].

* * *

Очевидно, что магические действия и запреты, связанные с прекращением пожара, зафиксированные в Гороховецком районе, лишены какой-либо специфики. Они вполне отражают ситуацию, которая сложилась с окказиональными обрядами, направленными на прекращение пожара, в центральных областях России. То же самое можно сказать и об обрядах, направленных на борьбу с вредителями и прекращение засухи. Описать в деталях последовательность действий, воспроизвести сопровождающие их слова молитв или заговоров, указать на пол и возраст участников обряда наши собеседники не смогли. Получить сведения о некогда совершавшихся обходах полей, как, впрочем, и обходах пожаров, сегодня можно только из меморатов. В них рассказчики воспроизводят собственные впечатления о событиях, свидетелями или участниками которых им довелось быть. И не случайно «пожарная тема» оказывается представленной наиболее ярко в местной фольклорной традиции.

ТРАДИЦИОННЫЕ РЕМЕСЛА И ПРОМЫСЛЫ

А.И. Скворцов

Народное зодчество

Крестьянское строительство в Гороховецком крае издревле было традиционным. По своему типологическому своеобразию оно относится к Поволжской этнографической зоне. Это вполне естественно, поскольку земли его непосредственно примыкают к нижегородскому Поволжью.

Наиболее яркие страницы в летопись деревянного зодчества Гороховецкого края вписали местные плотники, которые вошли в историю под именем «якушей» – по названию одного из сел уезда. В прошлом слава этих талантливых умельцев была настолько громкой, что Владимир Иванович Даль включил их в свой знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка», где они значатся как «долбежники, плотники, резчики для резки украс на избы и на суда»[1].

Корни этого промысла уходят в глубину времен. Одно из древних архивных свидетельств середины XVII в. содержит упоминание о плотниках села Нижний Ландех, вотчины князей Пожарских, в другом документе, составленном сто лет спустя, повествуется о том, что здешних плотников князья Ромодановские посылали на строительство в Петербург.

Работали якуши небольшими артелями, по четыре-пять человек, преимущественно в своей округе или в соседних уездах Нижегородской губернии, добираясь до Волги. Труд был сезонным. На работы расходились по весне.

Одно из первых письменных упоминаний о местных плотниках мы находим в записках известного русского путешественника начала XIX столетия Д.Шелехова. «Архитектура изб, — писал он, — необыкновенная... Над каждым домом возвышается светелка, как игрушечка, с затейливой резьбою, с колонками, с полукруглыми над карнизом окошками, со стрелами, из которых многие раскрашены, а другие и вызолочены. С давних времен укоренилось здесь искусство плотническое. Оно переходит из рода в род»[2].

Гороховецкий уезд стоял на первом месте во Владимирской губернии по площади, занимаемой лесами, поэтому плотничество было главным промыслом мужского населения. Сложилась даже поговорка: «Кабы не было топора, так топиться давно пора». Мастерство якушей ценилось довольно высоко. В конце XVIII в. бурмистр одной из гороховецких волостей представлял их следующим образом: «Если где они подряжаться будут как в казенные, так и в партикулярные работы плотничать, то подряжать без опасения, потому что они плотничному мастерству знающие и верить им в задаток до 400 рублев»[3].

---

[1] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 4. С. 676.

[2] *Шелехов Д.* Путешествие по русским проселочным дорогам // Библиотека для чтения. СПб., 1842. Т. 32. С. 30—31.

[3] Государственный архив Владимирской области (далее ГАВО), ф. 19, оп. 3, д — 342, л. 7 об.

*Жилой дом в д. Малые Лужки. Середина XIX в.**

Жилой дом в д. Большие Лужки. 1-я половина XIX в.

Жилой дом в д. Гаврилищи бывшего Гороховецкого уезда. Середина XIX в.

* Фотографии выполнены автором.

В основе планировки старого крестьянского жилища, которое еще можно увидеть в наши дни, лежит древняя русская структура дома, включающая в себя избу, сени и клеть.

Деревянные срубы ставились, как правило, на подклет. Он мог быть небольшим, когда до подоконка насчитывалось от четырех до шести венцов, и высоким — от девяти до одиннадцати венцов. Подклет использовался преимущественно под хозяйственные цели. Для одноэтажного трехкамерного сруба («изба — сени — клеть») служил невысокий подклет. Интерьеры такого жилища и сегодня сохраняют некоторые традиционные элементы: встроенные лавки, полати, «коники», «красный угол со столом», русские печи. Последние, как правило, располагались справа или слева при входе в избу. Двухэтажный сруб ставился на более высокий подклет. Он также имел трехкамерную структуру. Первый этаж представлял собой трехчастную связь, состоящую из избы, моста и клети («омшанника»), а второй — из избы, моста и горницы. Русская печь с «бабьим кутом» в таком доме располагалась на первом этаже.

Клети срубов перекрывались общей двускатной тесовой кровлей с большим выносом. Такой же кровлей, реже односкатной, перекрывался двор. Его располагали слева или справа от дома, иногда сзади. Поблизости от дома размещались все необходимые хозяйственные постройки (баня, колодец, погреб, амбар и др.). По фасаду дома чаще всего делали три окна, реже — два или пять. В XIX в. в связи с усовер-

шенствованием строительного дела древние «волоковые» окна стали заменяться на «косящатые», а «раздвижные» рамы — на «распашные».

Еще и сегодня в гороховецких селах можно встретить древний тип жилища. Дом с фасадом, сплошь рубленным из бревен, включая и фронтон, и покрытие по слегам с «курицами» — своеобразными крюками из корневища дерева в форме головы птицы, поддерживающими «поток», который выдалбливался из цельного бревна и служил для отвода воды с крыши. Про такие дома известный владимирский краевед XIX в. И.А. Голышев писал, что они «щеголяли затейливостью резьбы, резными коньками, карнизами, деталями, поясами, подзорами и всякого рода обломами; спуски с крыш делались с двумя концами со сквозными решетками в виде прежних вышитых русских полотенец»[4].

Декоративное убранство подобной избы было логическим продолжением всей конструктивной системы постройки. Отдельные элементы декора выполняли наряду с художественными вполне утилитарные функции. «Охлупень» в виде головы птицы или коня, венчавший конек дома, прижимал концы тесин к «князевой слеге»; загнутые концы «куриц» поддерживали водотечник; «причелины», имевшие форму широкой толстой доски, оберегали торцы выступавших наружу слег от загнивания; «полотенца», спускавшиеся

Жилой дом в д. Лучинки. 1860-е годы.

Амбар в д. Гаврилищи бывшего Гороховецкого уезда. Середина XIX в.

Колесный колодец в д. Мокеево. Середина XIX в.

[4] *Голышев И.А.* Памятники старинной русской резьбы по дереву. Мстера, 1877. С. 2.

вниз по бокам фронтона, предохраняли венцы сруба, так называемый «повал», на котором покоился фронтон дома; «огниво» скрепляло «гнеты», то есть толстые брусья на обеих сторонах ската кровли. Само содержание скромной домовой резьбы, которой украшались немногие детали, выполняло в этом случае вполне определенный «практический» смысл, рожденный верованиями крестьянина-земледельца. Круг или розетка символизировали собой солнечный диск, а спирали и волнистые зубчики являлись знаками охранения. «Солнышко» старались запечатлеть на наличниках окон, на причелинах и полотенцах, полагая, что тем самым надежно оберегают свое жилище.

Традиционным было украшение крыши дома изображением коня или птицы, которые тоже служили защитой жилища от враждебных человеку сил, поскольку олицетворяли солнечное божество. По этому поводу И.А. Голышев писал: «...привычка украшать вершины крыш конскими головами ведет свое начало от язычества, этим желали оказать почесть богу неба и вымолить от него дарование дождя и солнца»[5].

Образный строй такой резьбы глубоко фольклорен. В ней всё проникнуто значимостью и наполнено смыслом. Из глубокой старины ведет свое начало народное поэтическое сравнение декоративных деталей дома с названиями предметов крестьянского быта, украшений народной одежды, то есть с тем, что было дорого человеку. Фронтон дома нередко называется челом, его обрамлением служит «причелина»; спуски с крыш, «полотенца», называются «сережками»; наличники окон сравнивают с кокошником — красивым женским головным убором; резные доски, располагающиеся по свесам крыш, называют «подзорами», а «ветреницы», закрывающие вверху стык двух причелин, вырезают в виде кисти руки.

Русский этнограф Г.К. Завойко, исследуя крестьянский быт в селениях Гороховецкого уезда, отмечал: «Наружный вид более древних домов резко разнится от домов позднейших... Дома украшали обыкновенно дорогой и красивой резьбой "по телу"... На карнизах и косицах изображались разные "морские коты" — фантастические животные, похожие на львов; "фараоны" — человекообразные фигуры с рыбьим хвостом, "коневы головы" и прочее; значительная доля, кроме того, оставалась для разнообразного растительного и геометрического орнамента...»[6].

Жилой дом в д. Мордвиново бывшего Гороховецкого уезда. Фрагмент. 1860-е годы.

Постепенно в первой половине XIX в. в гороховецком крестьянском зодчестве сложился новый оригинальный стиль резьбы, получивший название «глухой» рельефной, или «корабельной», рези, так как впервые она появилась при украшении речных судов — барок, гусянок, белян, мокшан, расшив, тезянок, в большом количестве изготовляв-

[5] *Голышев И.А.* Указ. соч. С. 2.

[6] *Завойко Г.К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. М., 1914. № 3—4. С. 174—175.

шихся на Волге и ее притоках. Во Владимирской губернии такие суда делались на Оке, Клязьме, Тезе. Но впоследствии, когда пароходство запретило резьбу на судах, резчики полностью перешли на украшение деревенских изб.

В это время на искусство резчиков оказали большое влияние такие архитектурные стили, как барокко и классицизм. Но все заимствования перевоплощались в совершенно оригинальных вариантах, с соблюдением традиций народного творчества. Резные фигуры чудовищных драконов, например, как будто сошли со страниц русских сказок о Змее Горыныче. Львы, изображения которых размещались на лобовых досках карниза и ворот, призваны были охранять дом от врагов и играли роль «оберега». Такая же роль отводилась русалкам, их называли «берегинями». Эти и многие другие образы «глухой» резьбы необычайно поэтичны. В них серьезное постоянно переплеталось со здоровым юмором и шуткой, что весьма характерно для народного творчества. Львы часто наделяются чертами добродушных домашних животных, и тогда их уже называют в народе котами. Русалок иногда одевают в русские телогреи, а в рот вставляют курительную трубку — и вот уже из бывшей «берегини» получается смешная «фараонка». Неожиданной трансформации подвергаются городские заимствования. Так, изящная классическая ваза с цветами («вазон») получает форму крестьянской плошки или горшка, а классическая розетка превращается в распустившийся подсолнух.

Очень часто в свою резьбу якуши вводили точеные детали, поскольку здесь издавна был развит промысел по изготовлению токарных изделий: веретен, кеглей, балясин, церковных киотов, мебели, посуды и т.д. Точеными делались балясины лестниц, крылец, парапетов, а также колонки светелок, пилястр, наличников и многие другие детали. Своеобразное перетекание художественных навыков плотницкого дела якушей из одного вида резьбы в другой происходило постоянно.

Изменение внешнего вида крестьянских домов в этом крае было связано с изменением приемов строительства, и в первую очередь — с заменой «самцовой» конструкции дома легкой стропильной, в результате чего на фасаде появился декоративный фриз, а затем резной карниз городского типа, разделивший фасад на две части — бревенчатый сруб и дощатый фронтон.

Вплоть до середины XIX в. местные плотники крайне редко пользовались пилами. В строительстве применялись преимущественно тесаные доски, которые изготовлялись путем раскалывания бревен клиньями и топором. Позднее, употребляя продольные и лучковые пилы, а также коловорот, плотники стали пропиливать тонкую доску насквозь по заранее нанесенному на нее рисунку. Так появился новый вид декоративного убранства дома — пропильная резьба. Широкое использование в строительстве железных гвоздей повлекло за собой появление накладных декоративных украшений. Причелины, подзоры, наличники и другие детали стали приобретать многоступенча-

Фрагмент «лобовой доски» жилого дома в д. Мордвиново бывшего Гороховецкого уезда. 1860-е годы.

тый характер, что в сочетании с ажурной пропильной резьбой придало дому еще более узорчатый вид.

Основой гороховецкой резьбы является орнамент, мотивы которого очень разнообразны. Условно их можно подразделить на геометрические, растительные, зооморфные и антропоморфные.

Один из основных элементов геометрического орнамента пропильной резьбы — розетка — представляет собой солярный знак. Это рельеф в виде лучистого круга или его части (половины, четверти), который занимает место на наиболее важных участках фасада дома, как бы продолжая выполнять охранительную функцию. Очень близок к розетке круг, в который вписан крест или ромб. В резьбе повсеместно встречаются также ромбы и квадраты, поставленные на угол. Выражавшие некогда женское начало и символику плодородия в природе, ромбы давно утратили свое первоначальное смысловое значение, но традиция применять их на фасаде продолжает жить и заставляет мастеров неукоснительно соблюдать их формы.

В пропильной резьбе можно выделить целый пласт геометрических орнаментов, рожденных самой техникой резьбы. Прямые линии, треугольники, зубцы, полукружия, расположенные в определенном ритмическом порядке, создавали нарядные композиции. Одним из наиболее излюбленных мотивов геометрического орнамента является сердечко. Мотив этот бытовал еще в Древней Руси. Особенно часто он встречается в орнаментации изделий из дерева и просечного металла.

Простейший и наиболее распространенный элементом растительного орнамента — S-образный побег — встречается в резьбе издревле. Постепенно он стал «прорастать», приобретая «травный» характер. Когда один такой мотив сочетался с другим, получался пышный растительный побег, при этом как бы вновь появляются языческие символы с берегинями в центре композиции и древом жизни по ее сторонам. Виноградная лоза с гроздьями, широко распространенная в глухой резьбе, в пропильном декоре встречается редко, зато мастера охотно вводят в свои орнаментальные композиции хорошо им известные мотивы ромашки, колокольчика, подсолнуха, тюльпана, розы. Это придает орнаменту еще более жизнерадостный характер.

Образы животного мира для гороховецких мастеров всегда имели особую привлекательность. Птицы и животные олицетворяли собой силы природы, поэтому наделялись символическим значением. Глубоко поэтический смысл несли эти образы в фольклоре и народном изобразительном искусстве. Зооморфные мотивы включают в себя орнитоморфные мотивы (изображения птиц), собственно зооморфные (изображения животных) и тератологические (изображения фантастических существ). В пропильной резьбе особенно часто встречаются изображения петухов и кур, или, как их любовно называют в народе, «петунов» и «курушек». Они обычно расположены парно в центре (очелья) и повернуты головами друг к другу. Часто между ними древо, что указывает на традиционную символичность композиции. Из мира животных изображение коня занимает в резьбе основное место. Оно широко применяется в украшении наличника и фронтона кровли. Нередко встречаются такие изображения птиц и животных, когда реальные их черты сливаются с фантастическими, сказочными или когда происходит совмещение в одном изображении разных животных или птиц. Полуптицы, полуживотные всегда очень выразительно вписаны в композицию орнамента, придавая декору черты загадочности.

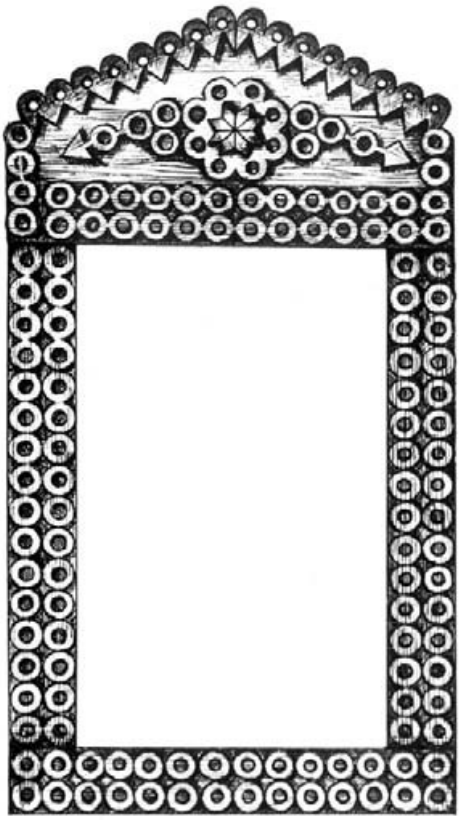
Большой интерес в этом отношении представляет изображение змеи, игравшей в древности роль оберега и считавшейся покровительницей дома. Теперь этот образ приобретает всё более сказочный характер и превращается в дракона. Это самый рас-

пространенный тератологический мотив. В конце XIX в. народным мастерам ближе был не отвлеченно-символический образ дракона, а более конкретный образ Змея Горыныча, хорошо знакомый им с детства по сказкам и лубочным книжкам с ярко раскрашенными картинками. Последние всегда находились у них на виду, поскольку были ходким товаром у коробейников, торговавших лубочной литературой. Сама иконография резных драконов очень напоминает лубочных: из пасти Змея Горыныча вылетают огненные стрелы. Постепенно из крылатого дракона Горыныч превращается в ползучего змея. Став ползучим, он легко мог вплетаться своими изгибами в орнамент, цепляться хвостом за растительные побеги, сливаться с ними, все более теряясь в общем орнаментальном строе. Стрелы становятся просто лиственным завитком, хвост пышно расцветает — и вот перед нами уже травное узорочье, где драконы и змеи почти окончательно потеряли свой первообраз.

Жилой дом в с. Егорье. 1913 г.

Примером такого удивительного перевоплощения может служить резной наличник одного из домов в с. Егорий Гороховецкого района. Его очелье с треугольным завершением представляет собою ярко выраженную центрическую композицию с предстоянием. Такого типа композиции, наряду с ярусными, имели в народном искусстве древние истоки и были связаны с изображением макрокосма[7].

Наличник окна жилого дома в с. Егорье. 1913 г. Реконструкция А.И.Скворцова

Центром всей композиции является солярная восьмилучевая розетка — древнейший и наиболее распространенный мотив народного искусства. Он связан с культом солнца. Число восемь расшифровывается как восемь суточных положений солнца. Но восьмилуче-

[7] *Вагнер Г.К.* О чертах космологизма в народном искусстве // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 323.

вая розетка, в свою очередь, наложена на круглый диск с восьмью кольцами по краям, что дает повод интерпретировать эти фигуры как небесную сферу и круговой ход солнца по небу[8].

По сторонам от центрального солярного мотива, непосредственно сливаясь с ним, расположены в позе «предстояния» фигуры, составленные из колец, идентичных с кольцами диска. Завершаются обе фигуры изображением стрел. Иконографически стрела является атрибутом вполне определенного образа в русском фольклоре — змеи-дракона. Подобными стрелами оканчиваются, например, хвосты у сказочных Змей Горынычей и Чуда-Юда, что в изобразительном плане хорошо можно проследить по лубкам XIX в., а также по иконам «Чудо Георгия о змие». Это могут быть и огненные стрелы, вылетающие из пасти чудовища. Но в таких случаях змеи-драконы являются олицетворением зла.

Как известно, в средневековый период многие народные представления о языческом боге-громовике были перенесены на образ Ильи Громовержца[9]. Воображение народа соединило образ Ильи Пророка с образом дождя и даже змея. В данном случае мы могли бы рассматривать стрелы как признак более поздней средневековой иконографии для выражения огненной стихии, но останавливает одно обстоятельство. Розетка окрашена в красный цвет, что символизирует солнечный свет, предстоящие же фигуры драконов выкрашены в желтый цвет. С Ильей Пророком связан красный цвет. На иконах он изображается одетым в красные одежды, в представлении крестьян он носил красную шапку. Следовательно, перед нами образ языческого змея-молнии, связанного с огненной и водной стихиями. В таком случае желтый цвет не противоречит символике небесного солнечного огня, являясь его разновидностью[10].

В целом следует признать, что крестьянин, исполнявший резьбу наличника, изобразил в рассматриваемой композиции стихию небесного огня и воды. Видимо, это не было случайным. Если принять во внимание, что обрамление наличника составлено из зигзагообразных зубчатых линий орнамента, трактуемых как символ воды, становится явным сознательный отбор мастером вполне определенных мотивов. Скорее, это было отражением непосредственных забот хозяина дома, интуитивно чувствовавшего в этих символах охранительную функцию.

Замкнутый уклад жизни сохранялся в селе очень долго, и древние верования в магическую силу природных явлений не забывались. Особое место занимали божества, связанные с водой. Это укрепилось и приняло более откровенные формы, когда летом 1912 г. почти все Егорье сгорело от большого пожара, начавшегося во время грозы[11]. Пожар случился в середине июня, в так называемую «русальную неделю», накануне дня Ивана Купалы, когда земле нужен дождь. Согласно славянскому календарю, это время летнего солнцеворота, делившего год на две половины. В купальской обрядности культ воды, огня и солнца достигает своего апогея. Не поэтому ли солнечная розетка на очелье наличника не только заняла центральное место, но и трансформировалась в изображение «двойного солнца», когда одна розетка была наложена на другую? Вполне возможно, что подобная иконография отражает опреде-

---

[8] *Даркевич В.П.* Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси. М.: Советская археология, 1960. № 4. С. 60.

[9] *Токарев С.А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. М.;Л., 1957. С. 112—114.

[10] *Василенко В.М.* О содержании в русском крестьянском искусстве // Русское искусство XVIII — первой половины XIX века. М., 1971. С. 179.

[11] *Соболев Н.Н.* Русская народная резьба по дереву. М., 1934. С. 150.

ленную связь с двумя периодами в году, когда солнце как бы меняет свой ритм движения. Стихийное бедствие вызвало к жизни древние космологические образы, которые в качестве оберега изображались на фасаде дома. Вызывает удивление столь поразительное знание мастером содержания уже давно, казалось бы, умерших языческих символов.

Дерево было удобным и дешевым строительным материалом, но недолговечным. Частые пожары в одночасье превращали в пепелища целые улицы и кварталы. Поэтому правительство активно насаждало в городах каменные постройки. Так, в царском указе 1701 г. строго предписывалось, чтобы «всяких чинов людям, которые погорели, или вновь кто хочет строить, им деревянного никакого строения не строить, а строить палаты каменные... а буде кому таких палат построить невмочь, им строить палаты в полтора и один кирпич...».

Гороховец — один из немногих городов России, где сохранилась гражданская архитектура XVII—XVIII вв. Причем среди семи сохранившихся каменных палат гороховецкого посада нет двух одинаковых. У каждой из них свой «ранг». Это и богатые хоромы, и дома купцов средней руки, и совсем простые каменные избы рядовых жителей посада. Вся социальная иерархия русской провинции нашла здесь свое отражение.

Самое представительное из этих строений — дом Ершова, сооруженный в 1680-е годы (ул. Нагорная, 4). Местоположение дома на склоне Пужаловой горы, в стороне от центральной улицы, дало возможность значительно возвысить его среди рядовой одноэтажной застройки, от которой он отгорожен высоким тесовым забором с дубовыми воротами.

Дом Ершова в Гороховце. XVII в.

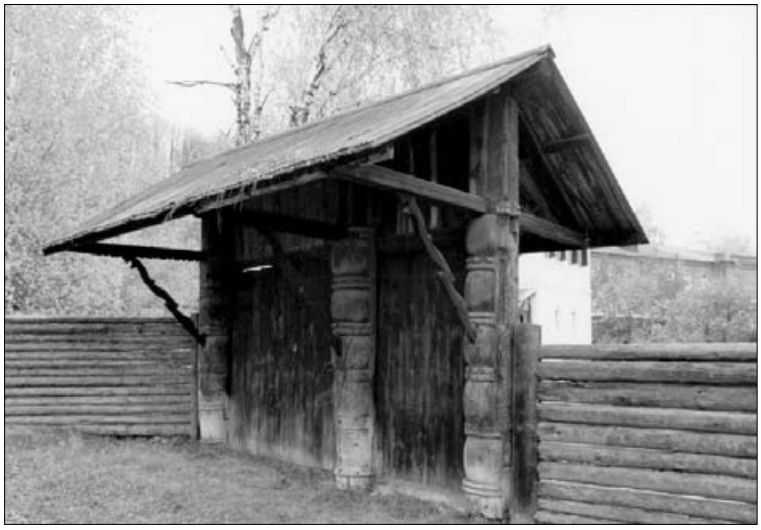
Дом трехэтажный, на высоком подклете. Объемно-планировочное решение дома традиционно: посредине сени с входом из крыльца, по сторонам — жилые комнаты. Все помещения перекрыты сомкнутыми сводами. Второй этаж дома — парадный. Здесь находились основные покои. В западной половине располагались две комнаты (хозяина и хозяйки), а в восточной — так называемая «красная» палата, где проходили званые пиры и торжественные события в жизни семьи. Первоначально третий этаж был деревянным, а в XVIII в. перестроен в каменный.

Русские люди издавна предпочитали жить в деревянных домах, поскольку это было полез-

Красная палата дома Ершова. XVII в.

Деревянные ворота дома Ершова. XVII в.

ней для здоровья. Когда же на Руси стали строить каменные палаты, строители по традиции возводили над ними еще один дополнительный — деревянный — этаж. Не остались в стороне от этого нововведения и жители Гороховца. Семен Ершов первым применил этот прием, за ним последовали и другие. Можно представить, сколь живописным было некогда завершение рубленых хором, имевших островерхие кровли с ажурными гребнями и флюгерами. Из хозяйственного первого этажа (подклета), где за крепкими замками хранились имущество и товары хозяина, наверх вела узкая внутристенная лестница.

Древний архивный документ характеризует первоначальный облик хором так: «...на оном о трех этажах полаты, крыты тесом, в исподнем две кладовые, у одной большой изнутри деревянные, а спереди створные, равно и у другой железные, в среднем в сенях и на крыльце двери железные, деревянной шкап, жилая полата, в оной перегородка дубовая, печь изращатая, в верхнем одна полата жилая с печью изращатою, внутри трое двери деревянные наборные дубовые, в кладовых в окошках решетки железные, а в жилых полатах и на верхнем крыльце в окошках, кроме одного, во всех оконницы и с решетками железными...»[12].

Органической частью единого комплекса всей усадьбы Ершова являются ворота, возведенные одновременно с домом. По отношению к воротам дом стоит под углом. Поэтому он открывается взору от главного входа в усадьбу во всем великолепии сразу с двух парадных фасадов — восточного и северного. Сложная проблема пространственной взаимосвязи отдельных элементов усадьбы решена здесь удивительно просто, но с огромным художественным эффектом.

Высота ворот более трех метров. Они состоят из трех мощных опорных столбов — «верей», перекрытых сверху высокой деревянной тесовой кровлей на два ската, которая поддерживается фигурными кронштейнами. У ворот два проема: большой двухстворный служил для проезда повозок, а маленький (калитка) для прохода людей. Дубовые столбы имеют форму резных «бусин», перехваченных рельефными валика-

[12] ГАВО, ф. 19, оп. 2, д. — 16, лл. 15—15 об.

ми, обработанными жгутовыми порезками, характерными для русской народной резьбы по дереву. Большой вынос кровли ворот, массивные столбы, четкая рельефная резьба создают впечатление монументальности этого сооружения, являющегося замечательным творением местных плотников. Образцы подобных ворот восходят к глубокой древности.

Дом Ширяевых в Гороховце. XVII в.

Дом Опарина в Гороховце. XVII в.

Глубоко традиционные черты просматриваются и в каменных постройках на центральной площади. Дом Судоплатовых и дом Ширяевых имеют планировку, идущую от крестьянского деревянного жилища. Это «избы со связью». Палаты, заняв место деревянных клетей, расположены по бокам сеней. Жилые постройки были некогда частью обширных городских усадеб. Дом Ширяевых, например, в описи 1760 г. числится «со всякими служебными и внутренними и с дворовым деревянным строением... Покоев жилых двенадцать, в них печей изращатых шесть, кирпичных четыре, кладовые три, ледник один, погребов два, всего восемнадцать покоев, в том числе служебных три, при оных в дву по кладовой полатке, сеней семь, в них нужных и порожних для поклажи всякой рухляди холодных небольших покоев двенадцать, при вышеописанных некоторых покоях железных десять дверей, у окон затворов железных десять же...»[13]. Первоначально третий этаж, как и в других посадских домах Гороховца, был деревянным. До наших дней дошло также древнее крыльцо со светелкой, где была девичья.

Притягателен для постройки каменных палат был живописный берег Клязьмы. Здесь в конце XVII в. усадебные хоромы для себя возвели купцы Опарины и Канонниковы. По описи 1783 г. дом Опарина имел следующий вид: «Дом каменной и с огородом... мерою в том дворе и с огородом длиннику в переднем тридцать пять с половиною сажен, поперешнику в переднем тридцать, а в заднем концах тридцать сажен, а на оном дворе каменного строения палаты о двух апартаментах крыты тесом, в верхнем четыре покоя теплых, в исподнем три кладовых... деревянного строения ветхого, а имен-

[13] ЦГАДА, ф. 479, оп. 2, д. 286, лл. 1—3.

Дом Канонникова в Гороховце. XVII в.

Дом Турулова (Румянцева) в Гороховце. XVII в.

но: светлицы, в них два покоя и сени, крытые тесом, приворотня пятистенная и при ней сени, крыта лубьем и дранью, амбары... баня пятистенная... кухня... конюшня... сарай... в огороде яблонный сад»[14]. Как видим, это была обширная усадьба, от которой до нас дошел только каменный двухэтажный дом с типичной для XVII в. планировкой палат «в две связи» (две палаты, разделенные посредине сенями). В прошлом над домом возвышалась деревянная жилая надстройка, подобная той, которая была когда-то над домами Ершова и Ширяева. Но она была утрачена в конце XVIII в. Сегодня дом завершен высокой кровлей, характерной для древнерусских построек. Своеобразие в архитектуру дома вносит красное крыльцо. Над ним, как и в доме Ширяева, разместилась светелка. Из крыльца вход по крутой белокаменной лестнице ведет в сени второго этажа и в светелку.

Всего в нескольких десятках метров от дома Опарина на одной линии с ним находится дом Канонникова, построенный в конце XVII в. Купцы Канонниковы жили скромнее, чем Ершовы или Ширяевы. Может быть, это сказалось и на отделке дома. Он менее притязателен на вид и даже аскетичен. Трезвость и расчет стояли на первом месте. И место было выбрано удачное — на берегу Клязьмы, возле городского собора. Семья была большой, и палаты строились вместительными. У них древняя трехчастная планировка. Среднюю часть первого и второго этажей занимают сени, по сторонам от них в первом этаже расположены жилая «людская» клеть и кладовая, а во втором — жилые покои хозяев. Сени перекрыты коробовыми сводами, остальные помещения — сомкнутыми. Новшеством для гороховецкого зодчества оказалась встроенная парадная лестница, ведущая из сеней первого этажа на второй. Четырехскатная высокая кровля с большими пологими полицами, дымниками и слуховыми окнами, лаконичные членения фасадов и немногие декоративные детали выразительно подчеркивают формы строгой архитектуры посадского дома.

Представление о древнем каменном жилом зодчестве города было бы неполным без знакомства с еще двумя каменными палатами посада. Это дома Турулова и Воро-

[14] ГАВО, ф. 19, оп. 3, д. 1, лл. 69—70.

нина начала XVIII в. Они уютно разместились на живописном склоне Никольской горы и смотрят своими окнами на Клязьму. Это характерные однопалатные каменные избы простых горожан. Их тип восходит к деревянному жилому дому «в одну связь» (сени и клеть), широко распространенному в Древней Руси. В конце XVIII в. подобные дома так и значились как «каменная о дву апартаментах жилая палата». По-иному решался и вход в помещения. В деревянные рубленые сени, пристроенные с юга, вело красное крыльцо на резных столбах. Дом завершался крутой деревянной двухскатной кровлей, где, вероятно, была устроена еще летняя светелка. Все эти характерные элементы жилого зодчества гороховецкого посада придают архитектуре дома самобытность.

Храмовая архитектура Гороховца

«Новоторговый устав», принятый в 1667 г., был для России знаменательным. Он открыл купечеству путь к быстрому экономическому процветанию. Церковный Собор, собравшийся в том же году в Москве, лишил патриарха-реформатора Никона его священного сана и вернул русскую церковь на более мирный путь. Оба события непосредственно отразились на жизни Гороховца. Богатые купцы, желая увековечить свое имя и продемонстрировать свое благосостояние, делают огромные вклады в строительство каменных храмов.

Но строить приходилось теперь по вновь заданному порядку. Когда в 1686 г. Семен Ершов обратился с челобитной к московскому патриарху Иоакиму на возведение монастырского собора на Никольской горе, в ответ он получил циркуляр с описанием внешнего вида будущей постройки: «...верхней бы церкви алтарь был над нижнею, чтоб нижней церкви алтарь был выпущен над алтарем верхним, а верх на тех церквах

Вид на Сретенский (на переднем плане) и Никольский (на заднем плане слева) монастыри и городской Благовещенский собор (справа) в Гороховце. XVII в.

сделать по чину прочих каменных церквей с освященным пятиглавием, а не шатровый...». Так и было сделано. В 1689 г. собор во всей своей красе взметнулся над горой, открыв собой эпоху каменного строительства в городе.

Но, почитая «освященную» старину, гороховецкие мастера не упускали случая, где это было возможно, показать и свои пристрастия. Они проявились в самых ранних каменных церковных постройках города.

В 1679 г. самый богатый купец города Семен Ершов строит каменный храм Знамения Богородицы с колокольней в заречном монастыре. В архитектурных формах сооружения много архаичного, неустоявшегося, но основные черты и приемы, которые потом примут стабильный характер, уже налицо. Церковь кубическая, бесстолпная, одноглавая, перекрыта сомкнутым сводом. Апсида трехчастная и по высоте доходит до середины четверика, карниз которого увенчан декоративными кокошниками, опирающимися на подзор из горизонтальных тяг и сухариков, — прием, использовавшийся потом во многих постройках. Шатровая восьмигранная колокольня поставлена на низкий квадрат первого яруса. Она еще тяжеловата по пропорциям, но ее «гороховецкий» тип уже сложился. О том, как воспринимали это сами гороховчане, можно судить по архивному документу, очень образно рисующему изобретение местных мастеров: «...колокольня до плеч четыреугольная, от сих с осьмою пролетами осьмигранная, над ними карнизы полукруглые, под главу сведено круто...». Такова шатровая колокольня уже упомянутого Никольского монастыря. Она тоже имеет ярко выраженную примету: явно заниженный четверик и подвышенный восьмерик. Впоследствии этот тип колокольни, идущий от деревянных построек, прочно закрепился в

Вид на Благовещенский собор (слева) и Никольский монастырь (на заднем плане справа). XVII — начало XVIII в.

местном зодчестве и стал ее характерной приметой. Примером является городской Благовещенский собор, увенчанный пятью главами и крытый железом на четыре ската. Он высится на центральной площади, как бы раздвигая в стороны мощью своего эпического звучания все разностилье толпящихся рядом построек. В 1700 г. его воздвиг тот же «гостиной сотни человек» Семен Ершов.

Всем своим видом церковь напоминает столичные соборы. В ее архитектуре чувствуется возвращение к традициям пятиглавых храмов XVI в. Об этом напоминают и гладкие пилястры, которые лаконично оформляют углы фасадов и делят стены на прясла, и вытянутой формы окна в широких нишах, и массивные барабаны, увенчанные луковичными главами, и трехчастная приземистая апсида с характерным для Гороховца декоративным поясом по карнизу. А рядом отдельно стоит шатровая колокольня типа «восьмерик на четверике». Она имеет необычно заниженный четверик по сравнению со стройным и легким по пропорциям восьмериком. Это чисто гороховецкая особенность постройки. Нечто подобное имеется и в колокольне Никольского монастыря.

Самобытна архитектура небольшой зимней церкви Иоанна Предтечи. Она расположена рядом с собором и построена в самом начале XVIII в. Пожалуй, наиболее полно всю значительность построек соборного ансамбля начинаешь ощущать тогда, когда оказываешься под низкими, как бы придавленными сводами этого храма. Его интерьер очень камерный, от него веет домашней простотой и уютом. Сам тип церкви восходит к местным жилым деревянным постройкам, имеющим трехчастную структуру. Посредством арочных проемов последовательно одно за другим раскрываются помещения трапезной, основного объема и апсиды.

Повторяемость приемов и узнаваемость облика храмов — самая примечательная черта строящихся церквей. Воскресенский храм, возведенный в конце XVII в. рядом с жилыми палатами Семена Ершова, построен по типу собора Никольского монастыря и близок ему по структуре. Его двухсветный четверик завершается четырехскатной кровлей и пятью стройными, широко расставленными барабанами с крупными наплывающими луковичными главами.

В целом объемно-пространственное решение Воскресенской церкви, основанное на живописном сочетании различных по высоте объемов и нюансов композиционного построения фасадов, необычайно динамично. Сочная лепка наличников и декоративных поясков, выразительный силуэт мощных столбов аркады и крыльца, стремительный взлет входной арки на второй этаж усиливают это впечатление, придают архитектуре здания живой скульптурно-пластический характер.

В соборе Сретенского монастыря, построенном в 1689 г., архитектурный и орнаментальный дар гороховецких мастеров нашел самое полное выражение. Типична для Гороховца и колокольня: тот же заниженный четверик и легко вздымающийся над ним граненый столп шатра с тремя рядами слухов.

Прямоугольный в плане храм имеет трехчастную структуру. По оси запад—восток размещены основной объем, трапезная и апсида. Центральный объем представляет собой стройный двусветный четверик, увенчанный пятью главами, барабаны которых оформлены колончатой аркатурой. Оконные проемы, забранные коваными решетками, богато декорированы наличниками разнообразной формы с сочной профилировкой в завершениях. Входы решены перспективными порталами с коваными металлическими дверями. Сами главы покрыты цветной черепицей, что создает очень живописную картину, особенно когда все это начинает играть и переливаться в солнечных лучах.

Стоящая рядом теплая церковь Сергия Радонежского имеет скорее гражданский характер. Лишь тяжеловатая луковичная глава на высоком барабане, украшенном арка-

Жилой дом Пришлецова в Гороховце. 1915 г.

турно-колончатым пояском, свидетельствует, что перед нами культовое сооружение. В трапезной церкви сохранилась печь XVIII в., облицованная яркими полихромными изразцами, оживляющими скромный интерьер, и придающая интерьеру еще более скромный домашний вид.

Артель гороховецких каменщиков, строивших храмы, явно исходила из традиций народного зодчества, на практике претворяя в жизнь его художественную специфику.

В середине XIX в. Гороховец насчитывал всего 2448 жителей и 327 жилых домов, из которых лишь 12 были каменными, остальные — деревянные[15]. Они и сегодня всецело определяют облик старого города. Уютно разместившаяся вокруг каменных храмов и палат деревянная застройка оттеняет белоснежные фасады древних зданий. Между ними найдена та ясная соразмерность, которая позволяет по достоинству оценить талант народных мастеров, создававших на протяжении нескольких столетий изумительный по своей цельности и колориту городской ансамбль.

В XIX в. в Гороховце, как и во всей округе, была развита барельефная (глухая) домовая резьба, выполнявшаяся с помощью долота. Дома в городе одевались в пышное травное узорочье. Особенно любили мотивы «вазонов» с произрастающими из них побегами аканта, а также самые разные по форме солнечные розетки, то тесно вплетавшиеся в листву, то рельефно выступавшие на глади доски. Здесь языческая древность соседствовала с элементами нового художественного стиля.

Дома отмечены печатью увлечения классицизмом. Мезонин со стройными колонками оформлен базами и капителями, строгий профилированный карниз обшит доска-

[15] ГАВО, ф. 445, оп. 1, д. 354, л. 23.

ми, как и весь дом, наличники выполнены в виде изящно профилированной рамы с лучковым завершением.

Под воздействием столичной архитектуры улицы Гороховца приобретали совершенно неповторимое обаяние. Его подчас трудно уловить, но оно присутствует постоянно. Это проявляется и в точно выверенных пропорциях построек, поражающих своей гармонией и уютом, в особой интерпретации классических мотивов, пленяющих своей безыскусственностью, и в повторяемости отдельных излюбленных форм.

Встречаются среди застройки и сказочные деревянные терема, выполненные в традициях затейливых форм русской архитектуры конца XIX — начала XX в. Таков дом Пришлецова. Неизвестный зодчий хорошо знал местные художественные традиции, поэтому он обильно украсил дом затейливой резьбой, в которой видное место занимают круглые розетки из цветочных лепестков, побеги аканфа и гроздья винограда, вазоны и гирлянды, а также изображения львов и фараонок («берегинь»). Старые сказочные сюжеты, уже начинавшие к тому времени исчезать из употребления в творчестве местных резчиков, вновь ожили на стенах этого дома. В местном своеобразии сюжетов находили вдохновение и создатели дома Морозова.

Наличник окна дома Пришлецова в Гороховце. 1915 г.

Центральная улица Ленина незаметно вливается в бывшее с. Красное, вошедшее в городскую черту, — своеобразный музей деревянного зодчества под открытым небом. Оно сохранило жилые постройки полутора столетий, причем самых разных слоев населения и самых разных архитектурных стилей — от крестьянских домов всех типов, принадлежавших самим жителям села, до затейливых особняков и загородных дач, построенных гороховецкими промышленниками.

Ярким своеобразием и индивидуальностью привлекают внимание многие жилые дома. Естественно, что в Гороховце искусство уже упомянутых якушей как преимущественно сельских плотников приходилось по душе прежде всего крестьянам и жителям городских окраин. Поэтому дома, украшенные деревянной резьбой, чаще всего можно встретить в районе улицы Московской. Самые ранние дома с такой резьбой относятся к началу XIX в. На ставнях их окон — архаические ромбы, символизирующие по преданиям животворящее солнце. Необычайно выразительным глубоким рельефом отмечен резной декор дома Беловой, создан-

Наличник окна дома Пришлецова в Гороховце. 1915 г.

Наличник окна дома Беловой в Гороховце (бывшее с. Красное). Середина XIX в.

ный уже в середине XIX в. Небольшой одноэтажный дом, рубленный «в обло», с тремя окнами «по лицу» построен в традициях простого крестьянского жилища, характерного для местного края. Он принадлежал небогатым огородникам, поэтому и располагался скромно, в ряду с подобными себе, на выезде из села в сторону Нижнего Новгорода. Но убранство дома выполнено с большим художественным вкусом и несет на себе следы воздействия архитектурного стиля ампир. Наличники имеют резные ставни и очелья, украшенные «солнышками». По фризу стелются пышные листья аканфа с вплетенными в них кистями, а карниз обработан лепестковыми розетками, напоминающими цветок подсолнуха.

Фасад дома всегда свидетельствовал о достатке его владельца: чем богаче хозяин, тем больше и просторнее его жилище, тем узорнее оно отделано. Такие постройки, как правило, представляли собой лицо села, располагаясь в центре и при въезде в него. Огромный двухэтажный дом богатых крестьянских торговцев Поляковых, возведенный в 1857 г., удачно разместился на живописном холме при въезде в село со стороны Москвы. Его основной фасад

Дом Поляковых в Гороховце (бывшее с. Красное). 1857 г.

всем своим видом показывает превосходство над окружающей деревянной застройкой. Красочная пластическая резьба на наличниках окон, карнизах и мезонине выдают руку талантливого мастера, хорошо знакомого с формами классической архитектуры. Об этом свидетельствуют пилястры в виде изящных завитков ионической колонны, обработка полиц карнизов своеобразными триглифами и метопами в виде различных по форме розеток, а также устройство мезонина, напоминающего четырехколонный портик.

Карниз дома Поляковых в Гороховце (бывшее с. Красное). Фрагмент. 1857 г.

Спустя два десятилетия был построен еще один дом Поляковых. Он стоит неподалеку. Это большой двухэтажный особняк, возведенный по типу первого. Его сруб сложен из толстых сосновых бревен, рубленных «в обло». На улицу выходит по пять окон на каждом этаже. Фасады обшиты тесом, что еще более подчеркивает выразительность резного убранства дома. По декору видно, что за прошедшее время искусство резьбы изменило свой стиль. Орнамент стал узорнее и уже сплошным ковром покрывал карнизы. Но в оформлении дома мастера по-прежнему широко использовали архитектурные формы классицизма: мезонин, пилястры, колонки с капителями и базами, а также характерные местные мотивы орнамента в виде вазонов, розеток, побегов аканта. В духе времени на фризе среди пышной листвы вырезана изящная монограмма владельца дома.

Рубеж XIX—XX вв. ознаменовался строительством в селе нескольких крупных особняков загородного типа. Завершение построек в форме «бочек», «шатров», «килей» свидетельствует о воздействии «русского» стиля. Но проникновение его принимает здесь своеобразный характер. Поначалу сохраняется распространенный ранее тип образцового жилого дома в четыре-шесть окон, имеющего гладкий карниз большого выноса. Элементы «русского» стиля как бы прорастают сквозь формы излюбленного ампира. Причудливые кровли легко и непринужденно ставятся на основной объем здания. Таков дом А.О. Полякова. Он поставлен на высокий каменный цо-

Дом Поляковых в Гороховце (бывшее с. Красное). 1890-е годы

Дом Кучина в Гороховце (бывшее с. Красное). Конец XIX в.

Дом Шорина в Гороховце (бывшее с. Красное). Начало XX в.

коль и обшит мелкоузорным тесом. Над кровлей в центре возвышается мезонин, а по бокам — декоративные башенки, одна из которых имеет бочарное покрытие, а другая шатровое. Башенки и мезонин, в свою очередь, завершаются высокими фигурными шпилями. Карнизы дома опоясаны широкими ажурными подзорами, а пилястры имеют резные капители. Окна обрамлены наличниками, очелье которых обработано резными классическими овами[16] и увенчано ажурным гребнем. Над входом когда-то располагалась веранда, от которой ныне сохранились перила с точеными балясинами. Дом походил на сказочный терем.

Формы «русского» стиля в наиболее чистом виде сохранил дом Кучина. Это типичный купеческий особняк конца XIX в. Он двухэтажный: низ каменный, верх деревянный. Над главным фасадом на крыше возвышаются фигурные башенки, покрытые железом «под чешую». Завершают их шпили с прорезными флюгерами. Наличники окон имеют характерные бусинообразные колонки и накладные «штучные» детали, а подзоры и карнизы обильно покрыты кружевом пропильной резьбы.

Оригинальный сплав «русского» стиля и модерна представляет собой загородный дом, построенный в начале XX в. крупным судовладельцем и заводчиком М.И. Шориным. Дом одноэтажный, поставлен на высокий кирпичный цоколь, в котором размещались хозяйственные помещения. Над основными объемами имеются мезонины, а углы лицевого фасада фланкированы башнями — квадратной и круглой в плане. Асимметричность здания, разновысотность его объемов и причудливость их завершений создают очень живописную и необычную композицию. Плавно закругленные углы крупных фигурных окон обрамлены резными наличниками, имеющими

[16] Элементы яйцевидной формы (греч.).

характерные для модерна «текучие» формы. Переплеты рам также расцвечены изощренным рисунком, напоминают витражи. При строительстве дома в полную силу проявилось высокое мастерство плотников, особенно в приемах возведения круглой башни из гнутых бревен, уложенных по диаметру ее круглых стен. В декоре дома широко использована пропильная и накладная резьба, которой украшены разнообразные подзоры, причелины, полотенца, карнизы. В основе их лежат местные орнаментальные мотивы.

Неотъемлемой частью декора народного жилища были кованые и просечные изделия из металла. До середины XVIII в. поставщиками железа здесь были такие крупные торгово-промышленные центры, как Ярославль, Нижний Новгород и Москва, где закупалось преимущественно иноземное немецкое и шведское («свейское») железо. С середины XVIII в. большое значение приобрело местное железо, изготовление которого было налажено на заводах Баташева, расположенных в районе реки Оки.

Первые сведения о кузнечном ремесле в Гороховце относятся к началу XVII в. Писцовая книга города за 1628 г. сообщает, что там было 15 кузнецов. Но со временем производство приобрело настолько большое значение, что в 1789 г. при городском магистрате была организована кузнечная управа, главой которой был избран Василий Колпаков, старостой — Дмитрий Шумилин, а старшинами — Яков и Андрей Мишатины. Часто кузнечное ремесло было потомственным и переходило на протяжении столетий из рода в род. Особенно прославились кузнецы Мишатины.

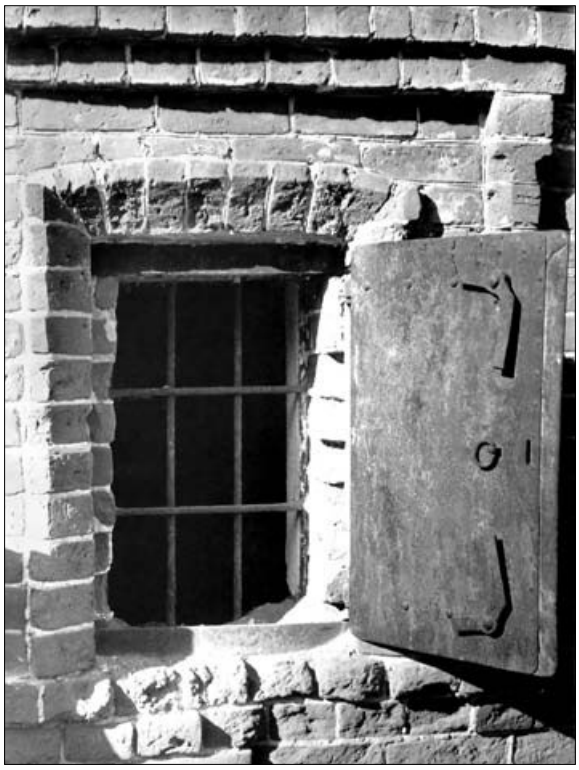
Кузнечное искусство в основе своей было здесь очень традиционно. Веками отлаживались технические приемы ковки, совершенствовались художественные формы изделий, расширялся их ассортимент. Кованые двери и ставни, жиковины, замки, ручки, щеколды, решетки, зонты — всё это исполнено с большим мастерством и вдохновением, с выдумкой и желанием преобразить сугубо практические вещи в высокопоэтические произведения.

Фрагмент двери Благовещенского собора в Гороховце. 1700 г.

Примечателен нарядный декор дверей XVII в. из Благовещенского собора в Гороховце, хранящихся ныне в местном музее. Вся их поверхность покрыта крупными пластинами, просеченными легкими кружевными узорами с блестящей подкладкой из цветной слюды. Поверх крупных накладок, как бы предохраняя их, наложены дополнительные полосы. В центре укреплены прорезные бляхи меньшего диаметра. Края дверных створок по всему периметру прикрыты мелкопросечным узором по железу. Двери часто украшались узорными «репьями» и фигурными заклепками. Таковы, например, двери Сретенского собора.

В связке с коваными дверями находились и кованые ставни. Они чаще всего выполнялись мастером одновременно и имели единое композиционное решение. Само понятие «ставень» происходит от слова «ставить». Первоначально оно обозначало специальный щит, устанавливаемый в окна для удержания тепла в помещении, а также для

Ставень окна дома в Гороховце. 1838 г.

Жиковина ворот жилого дома в Гороховце. Конец XIX в.

защиты от ветра и дождя, а ночью и для безопасности. Вначале ставни были деревянными, но в связи с широким употреблением железа в XVIII в. стали заменяться на металлические.

Кованые двери и ставни широко применялись в гражданских зданиях, особенно в домах с хозяйственными подклетами, а также в амбарах (кладовых), построенных из кирпича. Такие дома и амбары принадлежали преимущественно богатым купцам и предназначались для хранения товаров.

Издавна для навески дверей, ставней, ворот кузнецы изготовляли петли — жиковины. Они очень разнообразны по формам завершений. Наиболее распространены жиковины с заостренным копьем на конце. Часто жиковины завершаются кружком, напоминающим лепесток цветка. Иногда же концы обрубались в виде треугольника, или же их заостренный конец слегка загибался.

Наиболее древним типом жиковин следует считать изделия, имеющие завершение в виде отрогов и S-образных завитков, напоминающих усы жуков, отчего их называют еще «жуковинами». Орнамент насекался на поверхность полос в горячем состоянии различными инструментами: зубилом, кернами, пунсонами.

Выразительную художественную форму придавали кузнецы дверным и воротным ручкам, которые делались подвижными и неподвижными. Подвижные ручки подразделяются на два типа: ручки, которые были укреплены на подвижном шарнире и могли вращаться на оси, и ручки в форме кольца, продетого в петлю или укрепленного скобой. Наиболее ранними шарнирными ручками являются кованые ручки железных дверей Сретенского и Благовещенского соборов в Гороховце. Их можно датировать концом XVII в. Они имеют форму овала с крутыми завитками в месте соединения с шарниром. Середина их оформлена «бусинами» и «шишками».

Второй вид кованых ручек — неподвижные, в виде прямоугольной или скругленной скобы, завершающейся плоскими лепестками в форме кружков или сердечек.

Не ранее XVII—XVIII вв., когда городские, а затем и сельские дома стали огораживаться с улицы заборами, появляются приворотные калитки, а вместе с ними и кованые щеколды. Щеколда — функционально оправданный и рациональный вид запора. Снаружи она представляет собой ручку, которая связана посредством стержня с простым механизмом запора, расположенным с обратной стороны двери.

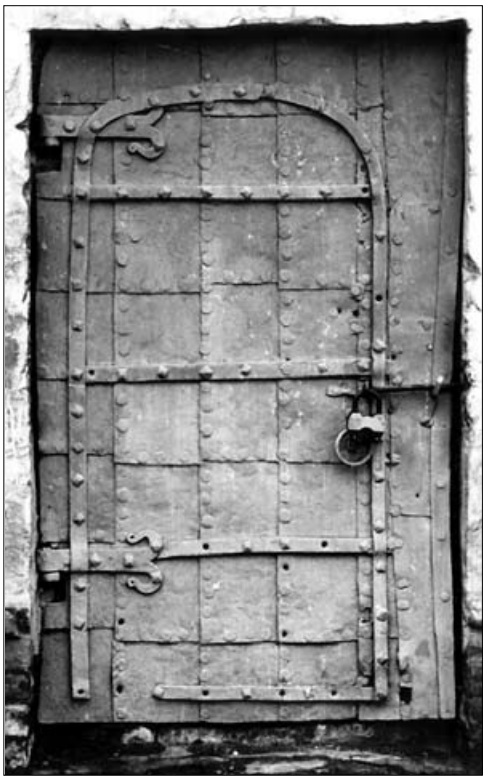
Художественная фантазия мастеров проявилась, прежде всего, при оформлении ручек. Наиболее часто использовались ручки в форме S-образных спиралевых завит-

ков, которые украшались точечно-насечным орнаментом. В совокупности с прихотливо изгибающимися завитками орнаментация придавала изделию очень нарядный вид. Иногда в конфигурации ручки лежит подковообразный мотив или мотив сердечка.

Распространены были также щеколды, имеющие «ложчатую» ручку (в виде ложки с выпуклой стороной вверху). Такая легкая пластичная форма была продиктована тем, что служила исключительно для поднятия внутреннего запора и открывания двери путем нажатия на нее сверху ладонью. Помимо «ложчатых», щеколды имеют иногда вид завитка, змейки, фигурки птицы.

Трудоемким процессом, требовавшим от кузнеца больших технических навыков, являлось изготовление кованых решеток для окон. Они отличаются большим разнообразием форм: простые прямоугольные, «шипообразные», «купчатые», «крещатые», «ромбовидные».

Уникальными произведениями гороховецких кузнецов являются «зонты» (навесы). Преимущественное распространение они получили в самом Гороховце. Возникновение их относится к последней четверти XVIII в. и связано с развитием типового жилого строительства. По существу, зонты заменили собой деревянные крыльца. Они защищали вход от дождя, но вместе с тем и украшали фасад дома. Кронштейны, поддерживающие кровлю зонтов, делались в форме упруго изогнутых растительных завитков или круглой розетки ампирного характера.

Кованая дверь дома Ширяевых в Гороховце. XVII в.

Щеколда калитки жилого дома в Гороховце. Начало XX в.

Не менее самобытны просечные изделия местного края. Ажурные дымники, подзоры, гребни, решетки, вазы, флюгера и другие детали архитектурного декора отмечены большим художественным вкусом и удивительной фантазией. Просечные изделия имели не только декоративный, но и функциональный характер. Большой интерес представляет металлический дымник. Он родился из потребности предохранить кладку кирпичной трубы от преждевременного разрушения, к которому неизбежно приводили дождь, снег, ветер, искры огня. Но само возникновение подобной архитектурной формы обусловлено длительным историческим процессом развития жилища, и в первую очередь системы его отопления. Вплоть до XVII в. деревянные и каменные жилые палаты даже богатых людей отапливались «по-черному». Удаление дыма производилось с помощью дымоволочных труб, которые устраивались в верхней части стены или над дверями, иногда же в кровельном пере-

Декоративная ваза и дымник жилого дома в Гороховце (бывшее с. Красное). 1890-е годы

крытии. Дымоволочные трубы («дымоволоки») делались из дуплистого ствола или же из тесовых досок. Завершались они обычно резными дымницами. Часто для выхода дыма, скапливавшегося в избе, на фронтоне устраивались специальные волоковые окна с задвижкой.

В XVII—XVIII вв. начался постепенный переход к отоплению помещений «по-белому». Печи складывались из кирпича вместе с каменными дымоходами. К этому времени относится и замена деревянных резных дымников на кирпичные трубы, завершавшиеся фигурными каменными дымниками.

С широким распространением во второй половине XVIII в. отечественного листового железа и развитием кровельного дела кирпичные дымовые трубы стали обшиваться жестью. В народное зодчество это пришло, видимо, одновременно с появлением металлических водосточных труб. Дымники имеют еще и другие названия: «флюгарки», «чехлы», «колпаки». Мастера кровельного дела изготовляли их чаще всего вместе с другими жестяными изделиями, используемыми для украшения здания.

Все встреченные нами на территории Гороховецкого края дымники достаточно стабильны по форме. Они сделаны в виде короба, которым обложена труба со всех четырех сторон. Короб завершается теремком. Углы каждого из четырех граней короба часто оформлены рельефными четвертями солнышка, а центр — розеткой, выполненными техникой выколотки. В целом такие дымники имеют ярко выраженный «архитектурный» характер. Наиболее распространены одноярусные теремки с восьмискатной кровлей на четырех столбиках с прорезным ажурным подзором внизу и гребнем вверху. Увенчиваются теремки шпилем в виде вазы с цветами. Такие дымники являются уникальными произведениями просечного искусства. Особенно широко они были

Просечной гребень светелки жилого дома в Гороховце (бывшее с. Красное). Начало XX в.

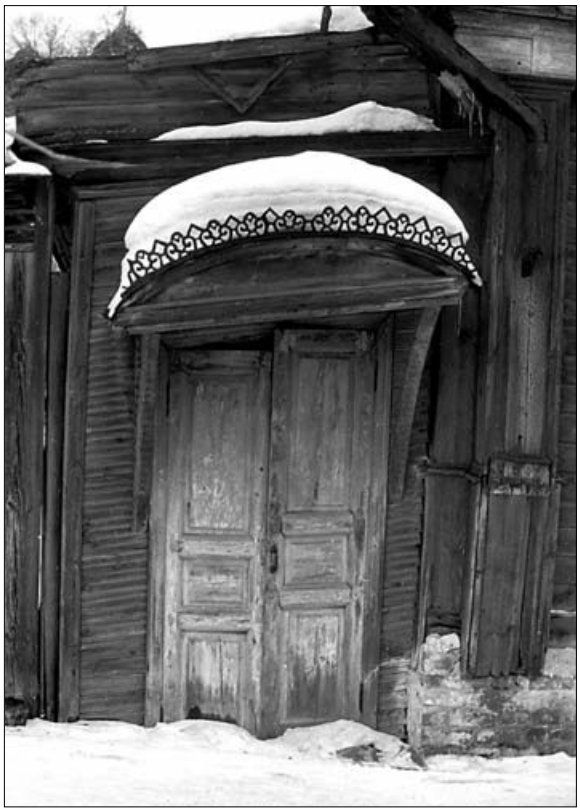

Просечной гребень светелки жилого дома в Гороховце (бывшее с. Красное). 1908 г.

распространены в самом Гороховце и с. Красном.

Помимо дымников, видное место в архитектурном декоре занимают просечные подзоры и гребни. Их происхождение связано с аналогичными формами деревянного зодчества, когда карнизы построек украшались деревянной резьбой. Вместе же просечные гребни и пропильные подзоры составляют единый декоративный ансамбль дома.

Повторяя конфигурацию двухскатного фронтона крыши и светелки, гребни центрируются посредине фигурным навершием в виде солнца с веерообразными лучами, круглой лепестковой розетки, так называемого «древа жизни», а также в виде шпилей, заканчивающихся сердечками или пиками, «шишками», «фонариками», солярными розетками, фигурками птиц, звездами, флажками с указанием времени постройки дома или инициалов его владельцев. В орнаментальном строе просечных гребней просматриваются мотивы, связанные как с древней народной символикой, так и с образами современности.

Просечной гребень крыльца жилого дома в Гороховце. Конец XIX в.

Искусство просечного металла — яркий и жизнерадостный вид народного творчества. Он полнокровно живет на древней Гороховецкой земле. Еще в 1978 г. на республиканской выставке «Металл и кружево», проходившей в Москве, посетители были поражены произведениями мастера Г.А. Тихонова из Гороховца. Изумительное по красоте декоративное убранство домов из просечного железа и по сей день можно встретить во многих селах. Природная одаренность народа и извечное стремление к прекрасному — залог творческого развития традиций древнего ремесла, способного преображать непритязательное народное жилище в жизнерадостное и высокохудожественное произведение искусства.

А.Г. Кулешов

Мужские ремесла Гороховца

Гороховец — город удивительный и запоминающийся, один из самых колоритных малых городов Поволжья и Заволжья. Он славится своими историческими памятниками, интересными архитектурными ансамблями XVII и начала XX в., замечательным музеем, располагающим богатой коллекцией, и очень развитыми древними ремеслами. Прежде всего это — все виды обработки дерева и металла — искусство, о котором знали далеко за пределами Владимирской и Нижегородской губерний. Целые артели гороховецких котельщиков, плотников и якушей[1] (так, вслед за волжскими болгарами, называли в Поволжье резчиков по дереву) с давних пор работали в разных районах России, вплоть до самого юга.

Строительное дело — область особой значимости. Плотники и резчики по дереву ценились очень высоко, а гороховецкие больше, чем другие, потому что умели не только быстро, красиво и надежно строить, но и оформлять свои постройки причудливой нарядной резьбой. Почти до конца XIX в. это была характерная для данных мест трехгранновыемчатая и так называемая корабельная — глухая рельефная резьба (та самая, которой издавна украшали речные суда на Оке, Клязьме и самой Волге). А в последние десятилетия XIX и в начале XX в. распространилась ставшая модной ажурная пропильная и вместе с ней накладная резьба, имитирующая трудоемкую рельефную.

Замечательные образцы знаменитой гороховецкой корабельной резьбы конца XVIII — XIX в. представлены в музее Гороховца и в других известных собраниях (в Нижнем Новгороде, Владимире, Городце). Об этом искусстве писали многие специалисты[2]. В основном, это рельефные фризы, так называемые лобовые доски, заполненные либо растительным орнаментом с излюбленными крупными цветами-розетками между красивыми резными листьями и изгибающимися стеблями, либо причудливыми сочетаниями растительных мотивов с изображениями львов, птиц, образами мифологических существ, таких как Китаврас, Русалка, Сирин. Поражают пластическая выразительность этих фризов, декоративное чутье, чувство материала. В экспозиции Гороховецкого музея есть достаточное количество памятников старого ремесла.

Похожие рельефные композиции мы встречаем и на старинных домах самого Гороховца, и на богатых домах в деревнях и селах этого района. Преимущественно это постройки второй половины XIX и начала XX в. Особенно интересны дома в самом

---

[1] Одно из селений Гороховецкого уезда, в котором мужское население поколениями занималось этим ремеслом, получило то же название. Однако оно с лингвистической точки зрения вторично по отношению к данному роду занятий: название места по названию ремесла, а не наоборот.

[2] *Воронов В.С.* Крестьянское искусство. М., 1924; *Званцев М.П.* Домовая резьба. М., 1935; *Званцев М.П.* Нижегородская резьба. М., 1969; *Жегалова С.К.* Русская деревянная резьба XIX в. М., 1957.

центре Гороховца (на ул. Ленина, Советской, Нагорной, Московской)[3]. Они органично вписываются в ансамбль города, сочетаясь с древнерусскими постройками и постройками в стиле модерн, которые часто создавались с использованием традиций народного искусства. Наличники окон, подзоры и карнизы в деревянных гороховецких домах выполнялись лучшими местными мастерами, которые работали и в городе, и в округе. Талантливые сельские плотники и резчики быстро перенимали их искусство и, переосмысляя на свой лад, использовали эти образцы, сохранявшие древние традиции края.

*Двухэтажный дом с самцовой кровлей и глухой корабельной резьбой в наличниках, д. Выезд. 2-я половина XIX в.**

Из наиболее ранних жилых построек Гороховецкого района, относящихся к архаичной типологии, с самцовой двухскатной конструкцией кровли, можно назвать несколько домов в деревнях Выезд, Баландино, Реброво, Юрово, Быкасово. Особенно выделяются богатые двухэтажные и одноэтажные на высоком подклете дома в деревне Выезд. Уже само название этой деревни говорит о том, что находилась она на тракте, население ее занималось извозом, на чем изрядно разбогатело. Окна в самых больших домах (и на первом, и на втором этажах) снабжены ставнями и обрамлены строгими прямыми наличниками с глухой корабельной резьбой в трапециевидных очельях. В одном из этих домов богатая рельефная резьба украшает и широкий подкарнизный фриз. Приемы строительной техники, типология, напоминающая северорусскую, и декор, сохранивший связь со стилистикой позднего классицизма, позволяют датировать эти постройки второй половиной XIX в. Интересны не только большие крестьянские дома с самцовой кровлей, но и обычные для того времени более скромные, с тремя окнами по фасаду. Их ставни, наличники и карнизы украшает та же глухая резьба.

Работа резчиков всегда индивидуальна, но избираемые ими пластические и орнаментальные формы, мотивы, их расположение могут отражать вкусы вполне определенного времени. И это иногда позволяет уточнить датировку памятника. Примером может быть зафиксированный нами немного перестроенный старинный дом в де-

* Фотографии выполнены автором.

[3] *Андреев Н.И., Скворцов А.И.* Гороховец. Ярославль, 1988.

ревне Реброво. Окна главного фасада этой поновленной избы обрамлены наличниками с очень лаконичной глухой резьбой. Мотив солярной розетки, выделенной розовым, сохранил, видимо, и первоначальную раскраску фона (он нежно-зеленый и контрастно сочетается с розовым). Этот мотив в таком его пластическом исполнении и раскраске особенно характерен для памятников середины XIX в., поэтому можно скорректировать предполагаемую дату данной постройки — не позднее 70-х годов XIX в.

Местные жители с уважением относятся к старым избам, иногда они даже становятся своеобразной достопримечательностью. В деревне Юрово, в частности, нам показали стоящий у переправы Дом перевозчика. Никто не помнит, когда именно он был построен, но за ним прочно утвердилось название «столетний дом». На самом деле, судя по целому ряду особенностей, этому дому более ста лет. Об этом свидетельствует резьба его наличников, выполненная в лучших поволжских традициях последних десятилетий XIX в.

Любопытен и необычен для этих мест тип постройки одного из домов в деревне Шубино. Известный теперь как Дом пчеловода, он принадлежал когда-то местному купцу. Происхождение этого человека неизвестно, но дом его явно выделяется из обычного ряда. Красивый, с мезонином и изящными резными колонками, он очень напоминает некоторые дома загородного типа в самом Гороховце, особенно на Московской улице, и приближается к образу небольшого дома мелкопоместной усадьбы второй половины XIX в. Для купечества желание подражать вкусам дворянства — особенность совсем не редкая.

В Гороховецком районе прослеживаются черты, которые характерны для строительного дела на рубеже XIX и XX вв. в целом. Типология крестьянского дома в этом районе остается почти неизменной, однако за счет внедрения пропильной резьбы заметно меняется его оформление в целом. Пропильная резьба постепенно вытесняет другие виды деревянной резьбы, распространенные здесь прежде (глухую корабельную, трехгранновыемчатую, накладную)[4]. И все-таки процесс этот протекает замедленными темпами, поэтому разные виды резьбы не только продолжают сосуществовать вплоть до наших дней, но и создают разнообразные интересные сочетания. А строят в гороховецких селах и деревнях и по-старому, и по-новому, приспосабливаясь одновременно к древней традиции и современным требованиям.

Для гороховецких домов рубежа XIX—XX вв. свойственны стропильный тип кровли — на четыре ската — и довольно сложное оформление фасада, комбинирующее разные техники резьбы. К рубежу XIX и XX вв. относятся характерные для этих мест богатые пятистенные дома в деревнях Реброво, Баландино, в селах Чулково, Фоминки, Гришино. Высокие окна этих домов, в духе городских (такие постоянно встречаются среди построек Гороховца), отличаются довольно сложным решением наличников, особенно очелий. Часто это выдвинутые вперед красивые кокошники с уступчатой мелкой просечной и пропильной резьбой, которая хорошо сочетается с более крупными деталями рельефной и накладной резьбы в нижних частях наличника. Встречающаяся в этих домах форма обрамления окон с так называемыми ушами-подвесками, или серьгами, очень древняя и восходит к образцам XVII столетия. Увлечение пропильной резьбой, модной в конце XIX в., проявляется в этих постройках прежде всего в решении широких ажурных карнизов. Они удивительны по многообразию мотивов и виртуозности исполнения.

---

[4] *Скворцов А.И.* Русская народная пропильная резьба. Л., 1984; *Скворцов А.И.* Искусство плотническое // Золотые ворота. М., 1985.

Из молодых плотников и резчиков, работающих в настоящее время в Гороховецком районе, можно назвать Андрея Ивановича Ляху — тридцатилетнего мастера, живущего в селе Чулково. Он строит и для себя, и для соседей, осваивая местную традицию. Иногда модернизирует, иногда точно повторяет старые образцы. А в этом селе есть чему поучиться: здесь работали когда-то прекрасные старые плотники и резчики. Более строго соблюдает местную строительную традицию другой молодой мастер — Михаил Алексеевич Евдокимов (1975 г. р.), живущий в селе Фоминки. Он работает и как плотник, и как столяр. Прекрасно режет по дереву, серьезно увлекается токарным делом, изготавливает интересную мебель. На его примере хорошо видно, насколько тесно связаны между собой разные виды деревообрабатывающих ремесел, как плодотворно использование старых традиций в наше время и как необходим творческий подход к художественному наследию прошлого.

Местные гороховецкие столяры-мебельщики, как и мастера из других районов, всегда работали в основном с оглядкой на город и городскую моду. Однако и древние русские формы, характерные для предметов XVII—XVIII в. (а в Гороховце культура этого периода оставила глубокий след не только в архитектуре), полностью, видимо, никогда не исчезали. Их трансформировали, но продолжали сохранять. В деревнях и селах со старообрядческим населением, строго соблюдавшим связь с древней традицией не только в церковных обрядах и образе жизни, но и в быту, древнерусские формы предметов повторялись на всем протяжении XIX и в начале XX в. Простая, очень функциональная в своем решении деревянная мебель, напоминающая очертаниями ту, что используется в воссозданном сейчас интерьере палат Ершова (Сапожникова) XVII в., все еще бытует в таких местах, как Фоминки, Митино, Юрово, Рождествено, Реброво, Быкасово. Местные столяры привычно повторяли древние формы при изготовлении столешницы, скамьи, сундука, рамы для зеркала. Эти формы снова стали популярны в искусстве в эпоху модерн и варьировались в произведениях городских интерьеров конца XIX — начала XX в., что не могло не отразиться и на изделиях сельских мастеров.

И все-таки большая часть предметов старинной гороховецкой мебели выполнена под влиянием традиций позднего классицизма. Прежде всего это проявляется в поставцах — шкафчиках-«горках», которые встречаются буквально в каждом доме. Несколько интересных предметов такого типа мы видели в деревнях Рождествено, Золотово, Юрово. Они могут быть и одностворчатыми, и двустворчатыми в верхней части, а в нижней — двумя дверцами или выдвижными ящиками, как в комоде. Могут быть сделаны из тонированного темного отлакированного дерева, напоминающего дорогие сорта (орех, красное дерево), или из светлого (чаще всего из березы). Все они имеют классицистические вытянутые пропорции, строгую профилировку, рельефные накладные детали токарной работы по углам в виде изящных балясин, иногда — фигурное завершение или рельефный резной фриз. В деревне Юрово, кроме хорошо сохранившихся образцов, относящихся к рубежу XIX—XX вв., нам встретился и очень любопытный ранний поставец. Он может быть датирован второй половиной XIX в. Завершающий его верхнюю часть фриз состоит из ряда продолговатых узорчатых листьев, выполненных в технике глухой рельефной миниатюрной резьбы. К сожалению, части этого поставца теперь не только разрознены, но и покрашены бежевой масляной краской, что мешает представить вещь в ее первоначальном виде. О том, какие замечательные поставцы делали местные мастера в XVIII — первой половине XIX в., можно судить по прекрасному в своей сохранности расписному шкафчику в экспозиции Гороховецкого музея. Это настоящий памятник народного искусства — столярного и живописного одновременно.

Стулья, диваны и кресла в большинстве гороховецких домов и в сельских домах — покупные, современные, старые встречаются довольно редко. Однако нам повезло. В деревне Выезд, в доме А. Данилевич мы не только познакомились с интересными предметами рубежа XIX—XX вв., но и узнали об известном здесь мастере-мебельщике, который создал эти вещи. Василий Федорович Чесноков (1870—1957) — потомственный резчик. Учился он у отца и деда, мебель делал больше в молодые годы. Потом — в 20—40-х годах, в трудное время, потребности жителей изменились, и он переключился на изготовление сельского инвентаря, выполнял бондарные и токарные работы, благо имел опыт и в этом деле. В 50-е годы уже работал мало, в его 80 лет это было трудно. Тем не менее считают, что именно он с кем-то из молодых мастеров вырубил дубовую колоду для местного источника-родника, имеющего целебные свойства. В праздник Крещения из него всегда берут воду, и не только жители этой деревни. Выдобленная из ствола колода сохраняет чистоту этой воды, делает удобным пользование.

Дом со стропильной кровлей и богатым оформлением пропильной резьбой в наличниках и карнизе, д. Выезд. Конец XIX в.

Небольшой диван в доме А. Данилевич сделан по образцу тех предметов, которые использо-

Дом А.И. Ляху, д. Чулково. 1990-е годы

вались в помещичьем быту еще в дореформенное и послереформенное время. Они создавались повсюду руками местных мастеров и встречаются в разных районах Поволжья. Видимо, подобные вещи когда-то делали дед или отец Василия Федоровича, он же повторил их, но с большим мастерством и чувством стиля. Следует назвать и другие его работы — шкаф темного дерева и раму для зеркала. Она имеет необычную квадратную форму и профилированные приставные углы, которые делают ее пластически более выразительной. Тонированная темным и лакированная, она контрастно выделяется на фоне стены.

В наше время мастерство гороховецких столяров-мебельщиков продолжает развиваться, и то, что они делают, не только не уступает по своему качеству и оформлению современным фабричным изделиям (отечественным и импортным), но часто превосходит их. Каждый предмет — плод индивидуального творчества, обладает своими художественными достоинствами, оригинальностью решения, интересным использованием местной ремесленной традиции, которую здесь все сохраняют и чтут. К известным в Гороховце мебельщикам относится, в частности, семейство Барцовых, отец и продолжающий его дело сын — оба потомственные столяры.

Отец, Барцов Леонид Филиппович (1916—1990), занимался изготовлением мебели в традиционных для второй половины XIX и начала XX в. формах, с богатыми украшениями глухой рельефной резьбой. Это — буфеты-«горки», столы, стулья, кресла, диваны, платяные шкафы, с зеркалом и без зеркала. Прообразом для многих произведений этого мастера служила мебель эпохи эклектики и стиля модерн, которую Барцов-старший знал по городским интерьерам Гороховца. Интересно проследить, как он сочетает традиции местной народной деревянной резьбы с элементами современного стиля. Иногда он делал по заказу целые гарнитуры. Их даже давали в приданое невестам, ценили исключительно высоко. Один из таких гарнитуров Л.Ф. Барцова мы видели в доме Морозовых. Он состоит из буфета, зеркального шкафа и дивана с высокой резной спинкой. Все эти предметы выполнены из березы. Все хорошо продумано, пропорционально и проработано в деталях. Дерево обработано олифой, покрыто лаком, выглядит золотисто-желтым, прекрасно выявлен его фактурный рисунок. В рельефной резьбе этот мастер обращается преимущественно к растительным мотивам, которые он варьирует в разных предметах, объединяя их благодаря этому приему в целостную композицию. Излюбленные мотивы повторяются им и в вещах, изготовленных для собственного дома (буфет и шкаф с зеркалом). Во всех горизонтальных элементах в верхних частях предмета мастер чаще всего использует изображение виноградной лозы — символа плодородия и богатства (виноградная гроздь в окружении больших узорных листьев); в вертикальных, боковых частях обычно применяет высокий раздвоенный стебель розы с крупным цветком и бутонами. Особенность, характеризующая стиль данного мастера, — сочетание в декоре глухой, детально проработанной рельефной резьбы и скульптурных, объемных элементов в обрамлении (ряды мелких балясин по углам и более крупных — в решетках).

С 50-х годов Леонид Филиппович уже работал вместе с сыном Геннадием (1940 г. р.), которому постепенно передал все навыки семейного ремесла. В дальнейшем Геннадий Леонидович стал работать самостоятельно. Во многом его изделия напоминают манеру и стиль отца, но имеют и свои особенности. Они проявляются в усилении чисто живописных эффектов в его декоративных решениях. В композиции с глухой традиционной резьбой он вводит темные фоны, которые создают впечатление инкрустационной техники, популярной на рубеже XIX—XX вв. и снова вошедшей в моду в последнее время. В технике исполнения, декоре, в принципах изображения и мотивах наблюдаются явная преемственность, связь с местной традицией.

Диван работы Л.Ф. Барцова. Глухая рельефная резьба в оформлении, материал — дерево березы, Гороховец. 1950-е годы

То же можно сказать и о столярных работах других гороховецких мастеров: из поколения Барцова-старшего, из поколения Барцова-младшего и из современного поколения, работающего в наши дни. Поэтому есть основание сделать вывод: промысел как таковой в этих местах действительно не угасает, он продолжает развиваться.

Из старейшин данного промысла можно назвать еще и потомственного мастера Ивана Егоровича Кренделёва (1905—1982), жившего в селе Фоминки. Он известен своей добротной, красивой мебелью, а также многочисленными плотницкими работами (строительство и украшение домов в самих Фоминках и близлежащей деревне Осинки). Нам показали сделанный им платяной шкаф, «горку» и вполне современную по виду этажерку. Во всех этих вещах отчетливо прочитывается традиционная основа — в формах, пропорциях, сочетании столярных и точеных токарных деталей.

Представителем среднего поколения мастеров является Владимир Алексеевич Фоминых, тоже живущий в с. Фоминки (1956 г. р.). Он уже 10 лет делает мебель (до этого мебели не делал). Судя по его высказываниям, всегда ориентируется на лучшие местные образцы, на опыт мастеров старшего поколения. В отдельных своих вещах использует трехгранновыемчатую и глухую резьбу, а иногда даже живопись. Она напоминает в своих мотивах лаковую миниатюру Мстёры, Холуя, Палеха (оформление спинок деревянных кроватей, обрамление дверных проемов).

О самом молодом мастере из села Фоминки мы уже упоминали. Это Михаил Алексеевич Евдокимов. Он тоже, как повелось здесь, одновременно и плотник, и мебельщик. Ему еще нет тридцати, а его уже почитают как первоклассного мастера. По своим формам его мебель напоминает и традиционные, и покупные фабричные вещи. Некоторые имеют совершенно иное, чем прежде, назначение (столик-тумбочка под телевизор, тумбочка для магнитофонных кассет). Кажется, все уже по-новому, всё не похоже. На самом же деле, модернизируя старые формы, он составляет предмет из тех же деталей, что и прежние мастера, чередует столярные и очень аккуратно, красиво выполненные токарные элементы. В результате получается современная вещь, но выполненная в традиции, с хорошим чувством материала, формы и стиля. Традиционны технология резьбы, вариативность приемов и деталей, сама типология.

Очень любопытно творчество еще одного гороховецкого столяра, Виктора Алексеевича Елшенкова (1940 г. р.). В последние годы (особенно после выхода мастера на пенсию) оно отмечено преимущественным интересом к мелкой пластике. Увлечение скульптурой пришло к нему не вдруг, «только прежде и страх перед этим делом был, и времени на серьезное занятие не хватало». Поначалу он только любовался изделиями богородских, городецких и своих гороховецких мастеров. Потом попробовал что-то делать сам — получилось, а теперь без этого не мыслит своей жизни.

Деревянная скульптура-игрушка В.А. Елшенкова «Цапли», Гороховец. 1990-е годы

Когда-то, в первой половине и в 60-е годы XIX в., в Гороховце делали деревянную плотницкую игрушку. Местные плотники и столяры между делом отдавали дань этому увлечению; в результате возник игрушечный промысел. Однако просуществовал он только пятьдесят лет, в послереформенное время уже не фиксировался. Старинные гороховецкие игрушки находятся в известном Музее игрушки в Сергиевом Посаде и в некоторых других коллекциях, о них в свое время писали и А.И. Скворцов, и Н.В. Тарановская[5]. По своему характеру эти игрушки близки богородским, но отличаются от них и типажом, и техникой исполнения. Они более архаичны, грубоваты по форме и раскраске, экспрессивны и очень фактурны. Считалось до сих пор, что традиция игрушечного дела в этом крае давно прервалась. Теперь же, просматривая работы В.А. Елшенкова, пожалуй, можно оценить это иначе. Отдельные мастера-игрушечники, видимо, были в Гороховецком районе всегда, так что традиция поддерживалась, а сейчас она неожиданно начинает возрождаться.

Виктор Алексеевич Елшенков делает и отдельные фигурки, и целые скульптурные композиции, скульптурные группы. В основном он варьирует анималистическую тематику и любит изображать птиц. Это так называемые куры, которые похожи у него на райских птиц, кроме того, красивые длинноногие журавли и цапли, утки, голуби, маленькие певчие птички. Традиционные мотивы русского фольклора также привлекают его внимание. В качестве примера можно привести рельефную композицию «Лиса и журавль», где он проявляет себя и как живописец. Он не только раскрашивает созданные фигурки, но и вводит пейзажный сказочный фон, делающий все построение в целом очень декоративным. Открытый мазок, активное применение пробелов-«оживок» свидетельствуют о владении приемами старинной народной росписи, которой так славится Нижегородская земля.

В современной жизни Виктора Алексеевича больше привлекают жанровые мотивы. Это гротескные фигурки рыбаков, охотников, туристов, которые всегда представлены за своим занятием. Примечательно, что многие резные фигурки у него составные, как у традиционных народных мастеров (в деревянной игрушке, в «ветряках» и куклах-марионетках народного театра, аналогии которым мы находим в разных музейных коллекциях, прежде всего — в Сергиевом Посаде). Многие детали даются мастером в свободном крепеже, поэтому фигурки приобретают подвижность, особую занимательность (руки человеческих фигурок, крылья птиц, которые поднимаются и опускаются, поворачивающиеся головки птиц).

[5] *Скворцов А.И.* Гороховецкая игрушка // Декоративное искусство СССР. 1974. № 8. С. 50—51; *Андреев Н.И., Скворцов А.И.* Гороховец. Ярославль, 1988. С. 102—105.

Чаша работы Е. Лисенко, тонированное дерево, д. Крутово. 1990-е годы

Елшенков всегда использует яркую, контрастную раскраску своих изделий, выразительность природных материалов, служащих дополнением его скульптурных изображений («обыгрывает» сучки, веточки, коряжки, пеньки). Все это усиливает фактурность его образов, их декоративность. Изображения мастера выявляют его огромную любовь к природе, способность увидеть и почувствовать мотив в простых непритязательных формах окружающего мира, который раскрывается для него во время прогулок по лесу или берегу реки. В этом смысле он выступает как «наивный художник». Он оригинально мыслит, фантазируя, сопоставляя и развивая свои темы и образы, несколько отрываясь от коллективного по характеру, традиционного народного творчества. Это типичное явление для наших дней, когда народный художник работает на грани традиционного и индивидуального, фольклорного и авторского в искусстве.

Среди современных гороховецких резчиков есть и такие, которые получили специальное художественное образование. Они владеют всеми техниками деревянной резьбы и используют свои знания при исполнении всевозможных заказов, в частности при оформлении интерьеров. В Гороховце это Владимир Юрьевич Городничев, который закончил Абрамцевское художественное училище, в самом районе — молодой мастер Евгений Лисенко, живущий в деревне Крутово (он закончил художественное училище в городе Коврове). Оба мастера делают и разнообразные предметы для дома (киоты, портретные рамки, разделочные доски), и сувениры (ковши и чаши по старым образцам, древнерусским и более поздним). Особенно интересны чаши у Е. Лисенко. Они оригинальны по форме и очень красивы в материале. Лисенко делает еще и деревянную скульптуру. Здесь в полной мере проявляются его умение, вкус и декоративное чутье. Показанная нам фигура кабана удивила всех пластической разработанностью, тщательностью исполнения. Это настоящее художественное произведение, интересный анималистический образ.

Недавно умерший В.Ю. Городничев был известен в Гороховце как исполнитель рельефного цикла на тему Страстей Господних для престола в храме Никольского монастыря. Он же вырезал и герб города. Эта его работа была отмечена особо, так как представляла лицо всего края. Поле герба разделено на два равнозначных регистра, в которых вписаны: фигурка коронованного льва, опирающегося на крест (символ власти, укрепленной верой) — в верхней части доски и переплетающиеся стебли гороха — в нижней (знак плодородия и богатства этой земли). Красив материал, светлое дерево березы, поражает четкость самого изображения, выполненного в традиционной для этих мест технике глухой резьбы. Все свидетельствует о высоком мастерстве.

Среди народных мастеров-самоучек особое место занимает Василий Яковлевич Маслов. Он тоже живет в самом Гороховце. Ему 72 года, но он полон творческой энергии и много работает. Окружающих удивляет и своим мастерством, и изобретательностью.

Делает красивые вещи (ларцы, коробочки, оклады для икон, кресты) из отходов, из того, что считается мусором. Использует деревянные панели старых телевизоров, элементы проводки, пластиковые детали. Наиболее удачны его ларцы, повторяющие старинные формы теремка, стульчика. Подбирая материалы по фактуре, применяя раковины, цветные стеклышки, перламутровые и цветные пуговицы, бусины и бисер, он добивается очень выразительных и вовсе не китчевых решений.

* * *

На протяжении всего XIX в. и даже в начале века XX (не говоря уже о более раннем времени) в Гороховецком крае из дерева делались многие предметы крестьянского быта. Образцы их в большом количестве представлены не только в экспозиции Гороховецкого музея и музея в селе Фоминки, но и в старых домах района.

Остановимся на тех предметах, которые имели повседневное использование. Начнем с утвари, предназначенной для хранения и ношения воды, и утвари, употреблявшейся при мытье и стирке белья. Воду часто носили, как и в древние времена, в деревянных ведерках и бадейках на крутом коромысле. А хранили ее в высоких деревянных кадках. В таких же кадках, больших и маленьких, хозяйки солили грибы и огурцы, квасили капусту, мочили яблоки, бруснику и клюкву. Коромысла делали дужники. Все остальное из названных предметов — местные бондари, которые работали в крупных селах и деревнях и торговали своей продукцией на местных ярмарках и базарах. Мылись и стирали белье обычно в деревянных корытах, сделанных из цельного ствола; они были с округлым дном и невысоким бортиком. В таких же точно корытах готовили и пищу для скота. Рукомойники в избах тоже могли быть бондарные, они сохра-

Ларец и инкрустированная коробочка работы В.Я. Маслова, Гороховец. 1990-е годы

нялись, даже когда в употребление вошли металлические, медные или чугунные, которые привозили из разных мест, например с Урала (из Нижнего Тагила). Как и везде, при полоскании белья здесь применяли деревянные вальки из липы или березы, а гладили его, пользуясь скалками и рубелями.

Для хранения одежды, белья, продуктов в этих местах использовали берестяные и лубяные короба; они могли быть большого и малого размера (особенно заплечные). Иногда короба украшались росписью, чаще всего в городецкой свободно-кистевой манере. Пример такого лубяного короба с полустершейся росписью травным узором мы видели в музее села Фоминки. Маленький берестяной короб с крышкой нам показывали в Гороховецком музее, а крупный берестяной короб для одежды — в одном из домов села Гришино. В прежнее время такие короба встречались часто, особенно в зажиточных избах.

Более надежным местом для хранения одежды был деревянный сундук, он же мог служить и предметом мебели. На сундуках, покрытых домотканой пестрядью или грубым сукном, любили сидеть, как на лавках или деревянных диванах. В этих местах встречаются и старинные деревянные крашеные павловские сундуки, обитые железом, приобретенные на знаменитых Макарьевской и Нижегородской ярмарках, и сундуки местной работы. В одном из частных домов в деревне Реброво мы видели типичный павловский темно-зеленый сундук, окованный металлом, оформлен в традиционной манере, со штампованным орнаментом в виде точечных розеток в крупных квадратах.

Безусловный художественный интерес представляет другой памятник — деревянный сундук, обнаруженный в деревне Рождествено. Он не совсем обычен по форме, потому что напоминает предметы XVII—XVIII вв., кроме того, отличительной его особенностью является использование крупной корабельной резьбы. Она украшает его широким растительным фризом. Точно такие же фризы мы находим и на старинных гороховецких домах (в городе и районе). Образцы подобной резьбы с близкими по характеру растительными мотивами, как уже говорилось, можно увидеть и в экспозиции Гороховецкого музея. Они относятся, в основном, ко второй половине XIX в. Сундук из Рождествена, видимо, датируется тем же временем. Очень выразительны рельефные розетки в его фризе, хотя они даются довольно обобщенно, почти как в архитектурных деталях. Каждый цветок на стенке сундука вписан в четко вычерченный круг, образованный изогнутым стеблем с листьями. Повторяющиеся крупные элементы создают строгий ритмический ряд, подчеркивающий конструкцию вещи. Встречаются в этих местах и переносные деревянные сундучки с ручкой. Они в еще большей мере близки по форме предметам XVII—XVIII вв. Для Гороховца, где пласт древнерусской культуры был велик, эта связь с традициями прошлого кажется особенно органичной. Именно такой дорожный сундучок с ручкой, предназначенный для документов и ценностей, хранится в деревне Рождествено, причем в том же доме, что и сундук с корабельной резьбой. Возможно, изготовление таких сундуков и сундучков связано с одной и той же артелью резчиков, которая поставляла свой товар на местный рынок. Может быть, эти мастера занимались параллельно и домовой резьбой, украшавшей постройки снаружи.

Для хранения продуктов в Гороховецком крае постоянно использовались не только вместительные берестяные короба, но и небольшие туеса. Их применяли для хранения ягод, соли, молочных продуктов. Туеса часто украшались штампованным орнаментом или росписью, о чем уже упоминалось выше. Они были и местного происхождения, и привозные из северных губерний, особенно славившихся их производством.

Из дерева делались и предметы, необходимые в застолье, и те, что использовались издавна для приготовления пищи. Это разделочные доски разной величины, скалки для раскатывания теста, легкие деревянные ухваты (пример — деревянный ухват в музее

села Фоминки), ступы с пестиками токарной работы (одна из таких ступ есть в коллекции Гороховецкого музея). В старину использовались деревянные миски, поставцы и блюда, солонки в виде стульчика и, конечно, ложки и черпаки. В одном из частных домов в селе Фоминки мы видели деревянное блюдо и старую расписную хохломскую ложку (она может относиться к 20—30-м годам XX в.). Сохранились также пряничные доски с фигурными изображениями (Гороховецкий музей). Они использовались для обрядового печенья, например на свадьбах (так называемые пряники-«разгони»).

Из дерева были сделаны многие предметы, использовавшиеся при мужском крестьянском труде (дуги, оглобли, телеги, сани, бороны), и традиционные орудия женского труда (веретена, прялки, ткацкие станы). Привлекают внимание местные и привозные (городецкие) гребневые прялки. Замечательны не только художественно оформленные, инкрустированные или расписные широкие донца этих прялок, которые по окончании работы пряха могла повесить на стену своего дома как картину, но и сами гребни, с тонкими длинными зубьями, виртуозно выточенными мастерами-гребенщиками из мягких пород дерева (клена или березы). Интересны и точеные стройные стояки этих гребней, вставлявшиеся в трехгранное гнездо донца, и сами веретена. Иногда веретена тоже оказываются произведениями народного искусства. Размер этих предметов совсем невелик, а назначение сугубо функционально. Тем не менее они могут быть очень изящны. Наборные, из многих составных частей, с инкрустациями и раскраской, некоторые веретена становились нарядной и забавной вещицей, радовавшей глаз пряхи. Городецкие по происхождению донца с традиционной для этого центра росписью (из Дома народного творчества в Гороховце и музея в селе Фоминки) и городецкий мочесник (тоже из музея в селе Фоминки) свидетельствуют о тесных связях района с Нижегородской землей.

Исключительной тонкостью исполнения отличались большие деревянные ткацкие станы, которые в прежние времена дорого ценились. Изредка они и теперь встречаются в гороховецких селах, так же как и ножные веретена-самопрялки. Самопрялки мы видели во многих местах: в селе Чулково, в деревнях Баландино и Арефино (в доме Марины Николаевны Каюковой, 1963 г. р.). Самопрялки и ткацкие станы, фиксированные нами, датируются, в основном, концом XIX — началом XX в. Может быть, к более раннему времени, ко второй половине XIX в., относится только ткацкий стан, выставленный в музее села Фоминки, и уникальный стан прекрасной сохранности в селе Чулково (в доме Анны Ивановны Ганн, 1918 г. р.). Уникальность этого стана не только в высоком уровне его исполнения, но и в оформлении. Крупные его детали покрыты миниатюрной глухой орнаментальной резьбой растительного характера, напоминающей прочие гороховецкие памятники с фризами, выполненными в этой технике.

В наши дни, разумеется, нет потребности в таком широком ассортименте изделий деревянной утвари, как прежде, однако деревообрабатывающие ремесла в Гороховецком крае продолжают существовать: выполняются и токарные, и бондарные работы, создаются резные изделия, изделия из луба и бересты, которые используются в быту. Как и раньше, в хозяйстве необходимы кадки и бадейки, корытца для рубки капусты и кормления птицы, разделочные доски, скалки, поставцы, ложки, черпаки и солонки. Деревянные тарелки, чаши и ковши местные мастера продолжают делать, но они, как уже отмечалось, имеют в основном не функциональное, а декоративное, сувенирное значение. Этой же особенностью отличаются изделия из луба и бересты. Лубяные хлебницы еще изготавливаются и встречаются в домах, но берестяные изделия крупных форм уже не создаются. Бытующие туеса, по существу, давно не применяются для хранения продуктов. В основном они используются как декоративное убранство в интерьере.

Наиболее популярным, повсеместно распространенным видом ремесла в Гороховце и районе в наше время, пожалуй, остается плетение (преимущественно из лозы, т.е. из ивовых прутьев), в котором непосредственным образом продолжаются древние местные традиции. Мастеров лозоплетения много, они вполне удовлетворяют все потребности местных жителей в корзинах разного рода, от очень больших, предназначенных для овощей, до самых маленьких — для ягод. Крупные корзины имеют удлиненную округлую форму с широким краем и горизонтальные ручки с двух сторон. Их назначение требует устойчивости и прочности, поэтому дно таких корзин делается очень плотным. Стенки имеют более свободное, но тоже прочное плетение. Их наращивают по кругу из толстых ивовых прутьев, плетут очень надежно, хорошо скрепляя с днищем, чтобы под тяжестью оно не отпало или не прохудилось. Грибные корзины имеют здесь, как и в других областях России, несколько разновидностей. Их делают круглыми и овальными, высокими и низкими, но всегда с одной дугообразной ручкой. Такие корзины могут служить и для переноса овощей, но они не рассчитаны на большую нагрузку. Плетут их, плотно укладывая гибкие прутья. Корзинки для ягод меньше грибных по размерам, но напоминают их по форме. Их плетут из очень тонких прутьев и предпочитают овальные формы, более удобные для сбора ягод. В малых формах используются самые разнообразные рисунки плетения, что делает эти предметы нарядными, декоративными.

В гороховецких селах многие мужчины, старые и молодые, занимаются плетением и делают это с большим мастерством. Славятся корзины из деревнь Юрово, Ивачево, Рождествено, Выезд, Морозовка. В деревне Выезд, например, работает известный здесь мастер Михаил Антонович Щербаков (1913 г. р.). Он делает очень красивые, крепкие и разнообразные по форме корзины, большие и маленькие, используя при этом старые образцы. Четкое, аккуратное плетение, владение разными его рисунками и техниками свидетельствуют не только о прекрасной выучке, но и о художественном вкусе. То же можно сказать и о другом гороховецком мастере — Сергее Михайловиче Дружкове, который живет и работает в деревне Морозовка. Его продукция тоже очень разнообразна, так как он использует лучшие старинные образцы. Еще один интересный мастер — Борис Васильевич Забелин, прежде шофер, теперь пенсионер, живущий в деревне Быкасово. Он прекрасно плетет корзины, лапти, делает прочные веревки. Свитые им толстые веревки отличаются такой крепостью, что с их помощью вытаскивали не то что легковую машину — застрявший трактор. Плести веревки его научили дед и бабушка, которые занимались этим ремеслом, так что его можно считать потомственным мастером. Деревня Быкасово издавна славилась плетением лаптей, этим жили здесь многие. В доме ближайшего соседа Бориса Васильевича нам удалось увидеть весь комплект предметов, позволяющий представить себе процесс их изготовления: деревянные колодки разного размера, кочедык и клубки лыка.

В Быкасове всегда были большие стада, и поэтому здесь развито пастушество. Борис Васильевич и местные пастухи показали нам в действии здешние деревянные пастушьи музыкальные инструменты (гудки и так называемые барабанки). В этнографическом отношении это чрезвычайно ценный материал.

В гороховецком Доме народного творчества много делают в наши дни для популяризации деревообрабатывающих ремесел и плетения. Здесь увлекаются, в основном, узорным, декоративным плетением, но осваивают параллельно все техники и формы. Народные художники делают и высокие красивые напольные вазы, и большие панно, ажурные блюда и подставки, мелкие сувенирные корзиночки. Занимаются даже корешковым плетением (плетением из корня березы и сосны). Такое плетение, распространенное в здешних местах на рубеже XIX—XX вв., высоко ценилось прежде. В наши дни оно почти исчезло (и материал труднодоступен, и процесс слишком трудоемок).

Прекрасные памятники корешкового плетения (так называемые корноватки) демонстрируются теперь только в экспозициях музеев. Важно отметить особое значение этих экспозиций в деле возрождения местных ремесел. Изучение лучших образцов древних традиционных промыслов, бытовавших в этом районе, может помочь в практической деятельности народных художников.

Гороховецкая деревянная резьба, которой так славился этот край, конечно, имела определенную связь с еще одним видом народного искусства, некогда весьма развитом здесь. Речь идет о резьбе по камню, о белокаменной резьбе, которая так выразительна в памятниках древнерусского искусства: и в гороховецких храмах на территории монастырей, и в палатах XVII в. (лучшие из них — палаты Ершовых—Сапожниковых, Опарина, Ширяевых)[6]. Местные мастера работали и самостоятельно, и вместе с приглашенными, владимирскими и нижегородскими. Они, конечно, оставили свой след в образном решении всех памятников. Известно, что белокаменная резьба в древности испытала влияние деревянной и наоборот.

На рубеже XIX и XX вв. белокаменная резьба снова нашла применение в постройках так называемого русского стиля, и это отразилось в некоторых сооружениях Гороховца, в зданиях из красного кирпича с деталями из белого камня (торговые ряды, больница, гимназия, телеграф). Продолжал использоваться белый известняк и в гороховецких надгробиях разного типа, которые мы находим на здешних погостах. Однако уже в начале XX в. становится очевидно, что ремесло камнерезов вряд ли сможет подняться на прежнюю высоту: начиналась новая эпоха в архитектуре.

Еще одно ремесло, оставшееся для Гороховца в прошлом, — это гончарство. Когда-то это искусство было здесь очень развито. Об этом свидетельствуют разные данные: множество памятников искусства и сохранившиеся письменные предписания местным гончарам. Наверное, при таком налаженном производстве изразцов (а применялись они при кладке местных монастырских печей и печей в богатых домах) можно предположить и существование разнообразной бытовой керамики и глиняной игрушки, которая всегда была тесно связана с гончарством. Керамические старые изделия есть в музее Гороховца и в частных домах, но остается до сих пор неясно, какова доля участия в их изготовлении именно гороховецких мастеров, потому что керамические изделия привозились сюда с разных ярмарок. Преобладает красноглиняная керамика среднерусской обычной типологии, а она была распространена очень широко.

Второй областью после деревообработки, в которой так ярко и интересно проявили себя гороховецкие мастера, была металлообработка. Тесные связи богатых посадских людей, местных купцов с осваиваемыми в то время территориями Урала и Сибири, с быстро развивавшимся металлургическим производством этих районов не могли не отразиться на жизни города. Судостроительное дело и металлообработка с XVII в. занимают в Гороховце ведущее положение, обеспечивая преуспевание и в других ремеслах. Не будь судостроительства, не было бы здесь и знаменитой гороховецкой корабельной резьбы. Не будь судостроительства, металлопроизводства, металлообработки и торговли, невозможно было бы здесь и широко развернувшееся строительство, оставившее внушительное число архитектурных памятников.

Именно с XVII в. Гороховец славится своими литейщиками, кузнецами, котельщиками, жестянщиками. В здешних мастерских делали медные котлы и утварь, церковную и светскую, отливали колокола, ковали чугунные решетки, выполняли все-

---

[6] *Тиц А.А.* По окраинным землям владимирским (Вязники, Мстера, Гороховец). М., 1969. С. 81—140; *Тиц А.А.* Русское каменное жилое зодчество XVII в. М., 1966; *Тиц А.А.* Каменные жилые дома XVII — нач. XVIII века в Гороховце // Памятники культуры. Вып. 4. М.;Л., 1963. С. 44—55; *Андреев Н.И., Скворцов А.И.* Гороховец. Ярославль, 1988. С. 48—96.

возможные накладки из металла, простые и фигурные, украшавшие деревянные изделия. Экспозиция Гороховецкого музея в палатах Ершовых воспроизводит интерьер богатого жилища того времени. Предметов из металла очень много. Это ендовы и братины, обитые железом сундуки и подголовники, кованные светцы и решетки на окнах, замки и фигурные жиковины на дверях. Все эти предметы дают представление о высоком уровне гороховецких металлообрабатывающих ремесел.

Уникальным памятником вне музейной экспозиции являются западные двери Благовещенского собора, находящегося в самом центре города. Как и храм, они относятся к концу XVII — началу XVIII в. Створки дверей кованные, с просечными узорными накладками. Ажурный их убор выделяется на фоне слюдяной красной и синей подложки, укрепленной на берестяной основе. В сходной технике, с использованием слюдяной подложки под ажурный берестяной убор делались в то время и дорогие туеса, однако там мастера имели дело с мягкой корой, а здесь — с металлом. Ажурные накладные пластины из просечного железа украшают и большой подголовник — высокохудожественный памятник, характерный для этого времени.

В жилой архитектуре XVII—XVIII вв. в основном использовались кованные металлические детали, просечной металл применялся преимущественно в церковных сооружениях. Широкое использование просечного металла в жилой архитектуре начинается только с середины XIX в. В это время заметно увеличивается производство кровельного железа, и цена его становится более доступной, в связи с чем меняется характер покрытия кровли городских и богатых сельских домов. Кровельное железо, более прочное и красивое, приходит на смену тесовым кровлям. Увеличивается и число украшений из просечного железа. Поначалу они испытывают явное влияние со стороны деревянной пропильной резьбы. Эти искусства и в самом деле очень близки, однако пути их со временем расходятся. Дело не только в специфике самих материалов, но и

Дымники из просечного железа работы Г.А. Тихонова, Гороховец. 1960-е годы

в функциональных задачах. Простые и строгие украшения фронтонных гребней, печных труб («дымников»), водосточных труб, характерные для более раннего периода, с течением времени вытесняются более сложными и модными в рисунке. К концу XIX — началу XX в. это не просто сложные композиции из многих растительных и геометрических мотивов с включением фигурных изображений, это целые комплексы, связывающие в единое целое все части декора: и в просечном, и в кованном металле, в пропильной и рельефной деревянной резьбе. Парапеты, фронтонные гребни, флюгеры, решетки, зонты-навесы, дымники и водостоки — всё это хорошо сочетается и составляет интересное художественное целое[7]. Богатые гороховецкие дома, построенные в стиле модерн, модном на рубеже XIX и XX вв. не только в столицах, но и в губернских, уездных городах России, могут быть хорошим примером. Таких домов в Гороховце много: прежде всего, известный дом начальника земской управы, дом Кучина, дом Поляковых-Шугуровых, дом Шориных. Над их украшением работали лучшие местные мастера[8].

Украшением более скромных домов могли быть только дымники и навершия водостоков, изредка — еще и флюгеры. Среди этих предметов народного ремесла есть подлинные произведения настоящего искусства. Просечные узорные дымники возвышаются над трубами десятков гороховецких домов, без них трудно представить себе картину этого города. Встречаются разные фасоны и типы: и в виде красивой беседки с причудливой кровлей, и в виде вазона, который кажется фантастическим, сказочным сооружением. Мы даже знаем имя одного гороховецкого мастера, который в течение нескольких десятков лет делал на заказ такие металлические диковины, постоянно варьируя на разные лады их традиционные элементы. Его дымники и сейчас вызывают удивление не только горожан, но и заезжих художников из крупных городов. Это Геннадий Александрович Тихонов. Родился он под Нижним Новгородом в 1929 г. С малолетства пристрастился к работе с металлом, потому что этим занимались его дед и отец. Опыт у него огромный и фантазии хоть отбавляй. Работы его всегда ценились, и недостатка в заказах не было. А знали его не только в Гороховце. Геннадий Александрович был участников Всероссийской выставки «Металл и кружево», проходившей в 70-е годы. Он получил почетный диплом за свои работы, диплом Союза художников РСФСР.

На котельном заводе Шорина, который потом был переименован в Судостроительный завод, уже в XIX в. строили металлические баржи для наливных грузов, большие морские баржи, пароходы, изготавливали металлические конструкции шлюзов, котлы и многое другое. Артели гороховецких котельщиков, заходившие далеко на юг, работали даже в Баку и других городах Кавказа и Закавказья. Они собирали опоры для нефтяных вышек, маяков, водонапорных башен, акведуков и мостов. В XX в. фронт этих работ был достаточно широк[9].

Народные умельцы в области металлообработки не перевелись в этих краях до сих пор. Здесь по-прежнему делают решетки, флюгеры, украшения водосточных труб, ажурные кресты и ограды для кладбищ. В наши дни традиционные для этих мест ремесла, связанные с работой в металле, может быть, еще недостаточно востребованы, но для города и сельских мест они будут важны в дальнейшем, особенно если учесть планы по благоустройству и реконструкции города, намеченные гороховецкими архитекторами.

---

[7] *Андреев Н.И., Скворцов А.И.* Гороховец. Ярославль, 1988. С. 105—108; *Рождественская С.Б.* Русская народная художественная традиция в современном обществе. М., 1981. С. 96—127.

[8] *Андреев Н.И., Скворцов А.И.* Гороховец. Ярославль, 1988. С. 91—95.

[9] Там же. С. 105—108.

Г.А. Федорова

Браное ткачество и строчевышивальные промыслы Гороховецкого уезда и сопредельных территорий

БРАНОЕ ТКАЧЕСТВО

Народное ткачество Владимирской губернии — явление малоизученное. Уходят последние поколения мастериц этого вида творчества. У большинства жителей молодого и среднего возраста представление о народном ткачестве связывается лишь с домотканными половиками, снова вошедшими в моду. Возродить ткачество половиков мечтают во многих домах народного творчества и ремесел, в кружках и студиях, собирают по чердакам сохранившиеся еще станки. И чаще всего ни наследники бабушкиного достояния, ни довольные находкой руководители кружков не подозревают, что на тех же станках полтора века назад талантливые крестьянские девушки ткали для своего приданого редкой красоты полотенца, такие, каких не видывали в других губерниях, прославленных в свое время народным браным ткачеством. Как оказалось, явление это было локальным, сосредоточенным лишь в двух уездах бывшей Владимирской губернии: Вязниковском и Гороховецком.

Нам известна единственная публикация, затрагивающая проблему исследования узорного ткачества Владимирской губернии. В каталоге выставки Государственного Русского музея (ГРМ) «Русское народное ткачество и керамика» автор вступительной статьи Э.А. Корсун пишет: «Среди многоцветных и сложных узоров народных тканей центральной полосы России выделяются своим тонким колоритом тканые изделия Владимирской губернии. Рисунок в виде человеческих фигур, геометризированных деревьев, ромбов выполнен белым или розовым утком по белому фону. Экспонируемые на выставке полотенца отличаются сложностью композиции, изысканностью цвета»[1]. В главе «Владимирское ткачество»[2], очень небольшой по сравнению с разделами, посвященными, например, ткачеству архангельскому или вологодскому, приведены фотографии двух полотенец. Они приобретены экспедицией ГРМ в 1960 г. в деревне Малые Лушки бывшей Красносельской волости Гороховецкого уезда. Было установлено имя автора — З.И. Каратыгина (1860 г.р.). Полотенца сотканы ею в 1870-х годах.

---

[1] Русское народное ткачество и керамика: Каталог выставки (Государственный Русский музей). Л., 1976. С. 10.

[2] Там же. С. 32—35.

Поиск и исследование браного ткачества Владимирской губернии начинался совершенно независимо от находок ГРМ, о которых мы узнали значительно позже.

В фольклорно-этнографической экспедиции в Вязниковском районе участвовали студенты-заочники Московского государственного университета культуры (экспериментальная группа выпускников Владимирского областного колледжа культуры и искусства), Государственный республиканский центр русского фольклора (О.В. Дьяконицына) и Владимирский областной центр народного творчества (Г.А. Федорова).

Маршрут начался с деревни Перово, что на реке Клязьме (на границе Вязниковского и Гороховецкого районов). Алексей Борисов, директор перовского сельского Дома культуры, с гордостью водил нас по домам местных мастеров. Замечательная создательница лоскутных одеял, Клавдия Григорьевна Седунина (1912—1997), «в девчонках» и кружева на коклюшках плела — искусство, малознакомое владимирским крестьянкам. В ее доме я впервые увидела полотенце[3], положившее начало многолетнему поиску, до сих пор незавершенному. Полотенце висело по сторонам большого зеркала, расположенного между окнами. Обычай украшать зеркало полотенцем — довольно распространенное в старину явление. Некоторые полотенца специально для этого и создавались.Техника, в которой выполнено полотенце К.Г. Седуниной, называется двухуточным браным ткачеством на верхнем цепу[4]. Предположительно оно было создано не позже 1870—1880-х годов. Размеры полотенца — 33 х 187 см. Узорные концы состоят каждый из пяти орнаментальных полос общей высотой 42 см. Край, как у полотенца из ГРМ № Т-3049, вырезан зубцами, обшитыми белой тканью. Верхняя и средняя более узкие полосы имеют легкую розовую подцветку тонким красным рабочим утком, что особенно хорошо видно на изнанке. Кроме того, они отделены от широких орнаментальных полос пухлой розово-красной «перетыкой»-пунктиром. (*Фото 1 на вклейке*).

Традиционное браное ткачество выполняется чаще всего красными нитками по белому фону. Оно является практически ткацким аналогом традиционной вышивки набором, но, в отличие от вышивки, белая ткань и красный застил-орнамент создаются параллельно[5].

Браное ткачество на верхнем цепу дает более быстрый результат не только из-за счета меньшего числа выбираемых нитей, но и потому, что толстый орнаментальный уток не ложится «над» и «под» тканью, а везде, кроме выбранных участков, зажимается между нитями основы и своей массой интенсивно наращивает длину ткани. Ткань становится плотной с репсовым рубчиком на фоновых участках орнамента с лицевой стороны изделия. На изнанке создается иллюзия вышивки плотной репсовой ткани стягами без ажура. Происходит это за счет сближения орнаментальных утков, расположенных по сторонам выступающих на лицевую сторону орнаментальных же утков. Они частично заполняют собой образовавшиеся пустоты под выбранными на лице-

---

[3] *Федорова Г.А.* Вязниковские находки // Народное творчество. 1996. №3. С. 15—16.

[4] Набор нитей на дощечку-бральницу осуществляется при нажатой подножке, открывающей ткацкий зев. Перебирается лишь половина нитей основы — те, что находятся в приподнятом вверх положении, т.е. «на верхнем цепу».

[5] Занавеска, вышитая традиционными двусторонними швами или декорированная традиционным браным ткачеством, в русской крестьянской избе отделяла бабий кут от «чистой» избы и служила украшением и там, и здесь, т.е. равноправно «работали» обе ее декорированные поверхности, ни одна из них не воспринималась как изнанка. Более поздний рационализированный способ одностороннего декорирования браным ткачеством мог применяться для стеновых полотенец, рубах. *Смолицкий В.Г.* Русь избяная. М., 1993. С. 73.

*Полотенце П.И. Терехиной**

вую сторону маленькими шишечками. Слегка измененные в этих местах положение и длина нитей основы делают эти нити на изнаночной стороне похожими на стяги. Это особенно хорошо проявляется на разбеленном розовом фоне, т.е. при использовании тонкого красного рабочего утка.

Второе полотенце было найдено 1 сентября 1995 г. благодаря фотографии первого. Оно хранится в Вязниках у младшей дочери Пелагеи Ивановны Терёхиной (в девичестве Полянской; умерла в 1957 г. в возрасте 85 лет), учительницы Александры Васильевны Каманиной (1920 г.р). Обратим внимание: самая широкая из четырех орнаментальных полос в точности повторяет нижнюю полосу на полотенце К.Г. Седуниной.

Отец Пелагеи Ивановны, имевший ткацкую светелку, поощрял особую любовь старшей дочери к ткачеству и вышиванию. Он заказал специально для нее прелестный, «весь резной и точёный» ткацкий станочек. Александра Васильевна показала еще одно полотенце материнской работы, концы которого украшены строчевой вышивкой.

«Липовская образцовая усадьба» (таково было раньше ее официальное название) была одной из почти 200 образцовых усадеб России, созданных для работы детей из семей удельных крестьян (крепостные царской семьи, но не самого царя и наследника престола). Отобранные местными удельными конторами мальчики, вернее, юноши, проходили 5-летнее обучение в Земледельческом училище департамента уделов близ Петербурга (было создано в 1832 г.). Их обучали не только рациональному полеводству, животноводству, огородничеству и садоводству, но и пчеловодству, и другим ремеслам. Особенно поощрялось стремление самостоятельно разрабатывать и создавать несложную сельскохозяйственную технику. Предполагалось, что пример рационального хозяйствования обученных удельных крестьян поднимет производительность труда и в сосед-

* Фотографии выполнены автором

Полотенце Д.А. Полянской

них удельных селениях. Григорий Иванович (фамилии удельных крестьян указывались в редчайших случаях) был причислен в Липовскую образцовую усадьбу в 1845 г., несколько других выпускников — в 1842 г. Были созданы крепкие крестьянские хозяйства, построена мельница[6]. Почти полтора века потомки первых Полянских сохраняют промысел валяния валенок из шерсти собственных овец, разводят пчел[7]. Сохранился и один из старинных домов Полянских, фасад которого украшен глухой корабельной резьбой.

Население всего вязниковского левобережья Клязьмы значительно поредело. Раньше эта неширокая почти безлесная сухая полоса берега шириной в 5—10 км вплоть до границ огромного заболоченного Ярополческого бора была густо покрыта деревнями Ведомства Уделов.

Сейчас в Липовской усадьбе живет несколько семей Полянских. Есть полотенце, концы которого также украшены браным ткачеством на верхнем цепу. Над прошвой из тонкого коклюшечного кружева мелким крестом вышито: «И Бог где правда любовь там». Вероятно, это полотенце украшало икону. Дия Андреевна, взятая замуж из-за реки, получила полотенце в семье мужа. Умелой ткачихой была и Анна Степановна (1877—1971), мать одного из нынешних старейших жителей Липовской усадьбы Федора Ивановича Полянского, подружившаяся с Пелагеей, тогда еще девушкой на выданье. Она была родом из старообрядческой семьи из деревни Горное Татаринцево Гороховецкого уезда (теперь там живут одни дачники). Венчали ее по церковному обряду, а похоронили по старообрядческому: в белом холщовом сарафане, белой рубахе, с белым шитым пояском. У нее тоже были полотенца с браным ткачеством на верхнем цепу, но не сохранились. Александра Васильевна вспоминала, что Пелагею Ивановну Терёхину похоронили по ее желанию в свадебном черном[8] сарафане и белой рубахе, рукава которой были украшены таким же узорным ткачеством, как полотенце ее работы.

[6] В 1858 г. у 3 «хозяев» Липовской усадьбы было 3 лошади, 15 голов рогатого скота, 15 овец, 2 колоды пчел, 108 яблонь, урожаи овощей и сена — «очень хороши». Для сравнения: в нескольких других усадьбах выпускников Земледельческого Училища (Владимирская губ.) также у 3 «хозяев» было в среднем 2—3 лошади, 4—6 голов рогатого скота, 0—6 голов овец, пчел не было.

[7] Заметим, что и в Илевниках было выделено место для усадьбы выпускников Земледельческого Училища. Возможно, именно там были истоки профессии мужа Пелагеи Ивановны, его умения находить хорошую воду и строить колодцы.

[8] *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX века. М., 1984. С. 32. Подвенечный сарафан невесты нередко был синего или даже черного цвета. Есть упоминания о том, что красный сарафан в семьях, соблюдавших традицию, надевали на второй день свадьбы: он был как бы символом супружества.

В 1996 г. в деревне Малые Удолы Евдокия Ивановна Трошина подарила нам сшитые вместе в виде салфетки неширокие браные концы белого полотенца. Объяснение таково: после войны пошли в ход и старинные полотенца, жесткие концы которых (браного ткачества на верхнем цепу) отрезали и отдавали играть детям. Полотенце принадлежало матери, Кузиной (1894—1977).

В деревне Сельцовы деревеньки Львова Людмила Семеновна (1925 г. р.) показывает полотенце с пришивными концами, более узкими, чем холст посередине. Интересно, что женские «фигуры» достаточно позднего характера, расположенные в полосе с арками и колоннами, заменены в верхнем фризе на деревца, что повышает сакральный смысл позднего орнамента. (*Фото 2 на вклейке.*) В аркатурно-колончатом поясе фасадов Дмитриевского собора во Владимире (конец XII в.) между колоннами помещены древа с геральдическими зверями, над ними фигуры святых, выше — растения и птицы. При этом колонны уподобляются пальмам с прямыми высокими стволами и раскидистой метельчатой кроной[9]. Арочная конструкция порталов и колончатого пояса, в формировании которого участвуют пальмовидные схемы, раскрывает двойную символику арки (как входа победившего смерть Христа) и арки как ограждения христианских святых, победившим смерть Христом[10]. Глубокий смысл рельефного текста храма мог быть близок и понятен идеологам старообрядчества. Постепенная трансформация сюжетных мотивов в узорном ткачестве могла привести к сочетанию поздних бытовых подробностей с древнейшей композиционной структурой.

Третье более длительное посещение деревни Перово в июне 1996 г. дало возможность обследовать и соседние деревни. От разных информаторов мы слышали, что в Перове в начале XX в. «все старухи ткали брань». В конце 20-х годов было до пяти светелок на одной улице, на 8—12 станов каждая. Есть сведения, что браным ткачеством украшались и рукава рубах (белым и красным), причем рукава могли быть к запястью и узкими, и широкими на сборках.

У Нины Ивановны Ледневой (1926 г. р.) наряду с другими интересными вещами увидели мы необычное полотенце — текст на полотняных полосках, разделяющих три орнаментальных ряда, был не вышит крестиком, как на уже встречавшихся экземплярах, а соткан: «Кого люблю того дарю милъ утирайся а не милъ не примайся люблю сердечно дарю вовечно». Это полотенце было дано в приданое матери Нины Ивановны Анастасии Васильевне Уставниковой в 1925 г. (*Фото 3 на вклейке.*) Ткали его сестры маминого отца Василия Андреевича — Уставниковы Анна Андреевна (1860—1917) и Мария Андреевна (примерно 1867—1926). Обе они были старообрядками и жили в деревне Ботулино Гороховецкого уезда. У семьи была ткацкая светелка. Станки были с восемью подножками, следовательно, в семье занимались и многоремизным ткачеством.

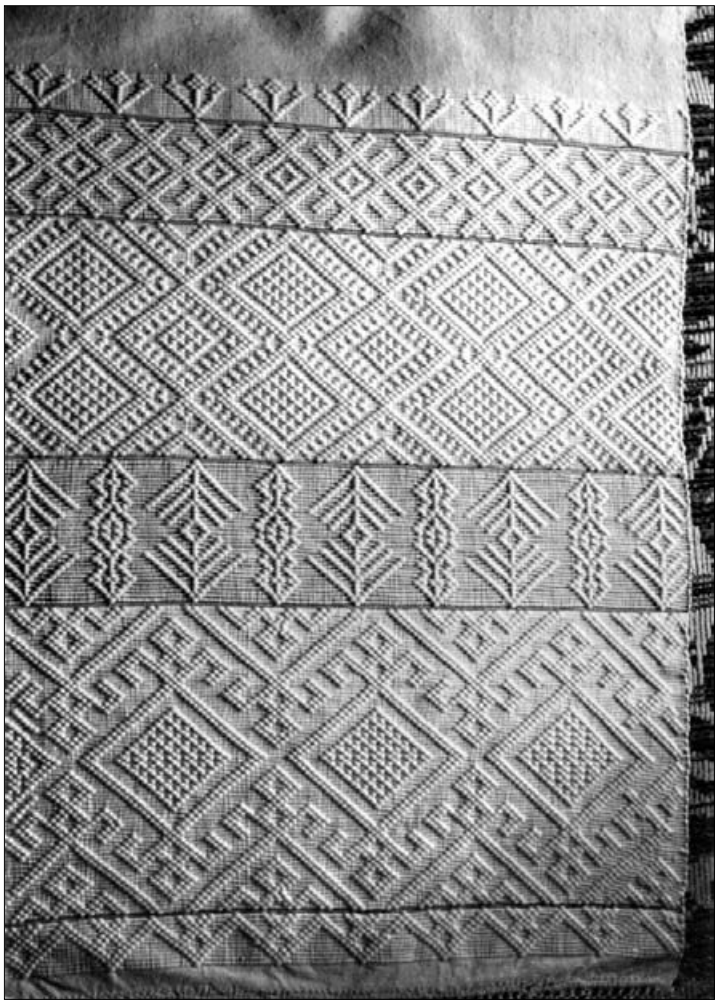
Деревня Ильина Гора вплотную соприкасается с деревней Перово, теперь это фактически северо-западный конец очень длинной перовской улицы, проходящей почти параллельно реке Клязьме. В ильинском конце Клязьма совсем подступает к усадьбам. С другой стороны — Ильина Гора. Домам тесно. Старожилы объясняют: по преданию, раньше деревня располагалась на гребне пологой горы, но в Ильин день она

---

[9] Благодарю Александра Александровича Ковзуна, канд. филол. наук, зав. сектором редких книг и рукописей Владимирской областной научной универсальной библиотеки им. М. Горького, указавшего мне на эту аналогию.

[10] *Гладкая М.С.* Материалы Каталога рельефной пластики Дмитриевского собора во Владимире // Дмитриевский собор во Владимире / Материалы и исследования. Вып. 1. Владимир, 2000. С. 54—65.

неоднократно сгорала в грозу. После очередного пожара погорельцы перенесли деревню под гору. Мария Яковлевна Старостина (1921 г. р.) согласилась на разговор только после обещания ничего не просить продать или подарить, но фотографировать разрешила. Полотенце браное на верхнем цепу уступало в совершенстве композиции орнаментальных полос экземплярам К.Г. Седуниной и П.И. Терёхиной. Оно имело явные сбои при выполнении некоторых элементов орнамента. Однако нижняя полоса узорных концов этого полотенца практически повторяла полосу с берегинями. Тонкий полотняный край завершался тонким же и не очень выразительным коклюшечным кружевом. Размер полотенца 35 х 216 см. Ряд весенних веточек-проростков похож на верхнее завершение узорного конца полотенца П. И. Терёхиной, а расположенная под веточками полоса ромбов с продленными сторонами практически идентична. Эта находка важна тем, что подтверждает «бродячесть» отдельных орнаментальных мотивов. Жительницы соседних сел могли копировать их друг у друга, сочетая понравившиеся узоры с большим или меньшим успехом в зависимости от опытности и природного чутья. Произвольно комбинировать порядок узорных полос могла и опытная ткачиха, приглашаемая в соседние деревни помочь рассчитать и заправить нужным образом ткацкий стан.

Полотенце М.Я. Старостиной, д. Ильина Гора

Уникальной была другая вещь, показанная Марией Яковлевной. К сожалению, теперь это было уже не полотенце: М.Я. Старостина сшила из него передник для внучки — «чтобы в клубе выступать». В следующий приезд в июне 1998 г. обнаружилось, что передника в доме уже нет, и редкостный узор сохранился только на фотографиях. (*Фото 4 на вклейке.*)

Орнаментированные концы бывшего полотенца были высотой 40 см, шириной 36 см каждый. Во всю высоту орнамента — ряд монументальных самоваров, изображенных «в профиль», чтобы виден был кран, под краном — совсем маленькая по сравнению с этим великаном чайная чашка. Крохотные фигурки людей на заднем плане лишь подчеркивают весомость самоваров и демонстрируют уважение к этому символу крестьянского благополучия и семейного достатка. Верхняя узорная полоса несет на себе отголосок языческой символики. Но образец, на который ориентировалась ткачиха, был, возможно, испорчен: произошла какая-то неурядица с головами ведомых под уздцы лошадей. Сравним человеческие фигуры нижнего ряда с фигурами на полотенце из деревни Сельцовы деревеньки. Если там изображены женщины в укороченных

пышных одеждах, то эти фигурки представляют, скорее, «солдатиков» в узких заправленных в сапоги штанах. Уж больно коротки их одежды для женщин, недопустимо подчеркнута талия под широкой грудью. Колонки, разделяющие фигурки, тоже довольно специфичны: они резко истончаются в верхней части. Они напоминают огнестрельное оружие с примкнутым штыком. Размещено оно на какой-то подставке, похожей на «укоренение» при архаическом изображении традиционного древа. Если это действительно воинский сюжет, возвышение над головой — наиболее заметная часть форменного головного убора, а декор на груди — награды. Даже точки под «носом» находят объяснение — это «усы». Работа восхищает своим наивным реализмом, подчиненным диктату требований текстильной техники. Она представляет собой не часто встречающийся образец художественного примитива в узорном ткачестве последней четверти XIX в.[11] Датировать вещь позволил рассказ Марии Яковлевны. Ее мать, Мария Васильевна Крюкова (1884—1963), была выдана замуж в деревню Ильина Гора из Олтушева, большой деревни на Клязьме, северо-западнее от Перова. Кстати, мать-старообрядку Федора Ивановича Полянского привезли невестой из деревни Горное Татаринцево Гороховецкого уезда в Липовскую усадьбу после того, как она познакомилась с женихом, когда гостила у знакомых в Олтушеве. Семья Марии Васильевны была старообрядческой.

Мария Яковлевна была девятой из десяти детей, бабушку почти не помнит, однако утверждает, что полотенца были сотканы ею для своего приданого и затем переданы дочери. Следовательно, создавались они в конце 1870-х — начале 1880-х годов.

В деревне Олтушево в течение нескольких дней мы побывали во многих домах, видели множество красивых ситцевых головных платков, предметы традиционной женской одежды, столешники ремизного ткачества и только два полотенца браного ткачества на верхнем цепу. Одно из них очень длинное, но с узенькой полоской браного (всего 6 см при общей длине 330 см, ширине 40 см) показала Александра Федоровна Никонычева (1923 г.р.). Ткала Александра Семеновна Вакустова (1870 г. р.), «церковная», вероятно, себе в приданое.

Еще одно полотенце показала нам Наталья Константиновна Панфилова. Мать ее, Ломакина (1880—1972), происходила из деревни Большие Удолы, вышла замуж в деревню Ильина Гора в 1903 г. Наталья Константиновна считает, что это полотенце — материнской работы, так как она была хорошей ткачихой и при ней уже здесь, в Олтушеве, продолжала ткать холсты, ремизные столешники, а потом уже половики.

Орнамент этого чисто-белого полотенца интересен тем, что в нем, кроме ромбов с продленными сторонами и ромбов, пересеченных крестами, присутствуют полусвастики — как «правосторонние», так и «левосторонние»[12]. Это старинный полноправный элемент традиционных текстильных орнаментов. Маленькие ромбики, на которые разбивается большой ромб, пересеченный косым крестом, центрированы выпуклыми точками, что обычно интерпретируется как символ «засеянного поля». В верхней полосе орнаментированного конца полотенца вытканы не маленькие весенние

---

[11] На полотенце из деревни Борисково Рязанской области (50—60 км на юг от границы с Владимирской областью) семь мужских фигурок-«солдатиков» в среднем орнаментальном ряду ничем не отделены друг от друга. Они вышиты красной нитью набором — имитация браного ткачества. Сапоги вышиты черным. Черным же сделан акцент на вершине ромбика-«головы», маркирующий какой-то значимый головной убор. В верхнем ряду вышито девять деревьев, еще два ряда заполнены вышитыми ромбиками. Полотенце из фондов ГВСИАХМЗ — В № 14672.

[12] *Багдасаров Р.В.* Свастика: священный символ / Этнорелигиоведческие очерки. М., 2001. С. 305. Считается, что правосторонняя, центробежная, разворачивающаяся свастика «сеет» благо; левосторонняя, свертывающаяся, собирающаяся свастика — «стяжает» благодать.

Полотенце Н.К. Панфиловой, д. Олтушево

веточки-проростки, а развесистые растения с цветами или плодами, очень похожие на «деревья» в верхней полосе полотенца № Т-3051 из Государственного Русского музея[13], приобретенного в Гороховецком районе.

* * *

Солидный экспедиционный материал был значительно дополнен при обследовании фондовых музейных коллекций.

Анализ полотенец, хранящихся в фондах Вязниковского историко-художественного музея (ранее — Вязниковский районный краеведческий музей, ВРКМ), дал интересные результаты в плане изучения орнамента. В большой коллекции полотенец четыре имеют концы, полностью или частично сотканные в технике браного ткачества на верхнем цепу. Самое раннее поступление — 1967 г. (ВРКМ № 2335, размер 37 х 233 см). Приобретено через закупочную комиссию, легенды нет. Сотканные отдельно и пришитые через ажурную (строчка по перевити, или вышивка «строкою») прошву концы полотенца демонстрируют нам варианты орнамента утраченного полотенца-передника М.Я. Старостиной, на котором ведомые под уздцы кони тесно расположены по высоте в средней полосе. Их головы как бы обрезаны тонким полотняным пробелом, сильно искажены, но еще угадываются[14]. Над спинами коней — ма-

[13] Русское народное ткачество и керамика. Указ. соч. С. 33.

[14] Вспомним, что и в экземпляре М.Я. Старостиной головы коней были искажены, но несколько иным образом. Возможно, работы обеих ткачих восходят к одному прототипу орнамента, но у каждой через свой ряд посредников.

ленькие деревца, а не птички, как у М.Я. Старостиной. Это более традиционный вариант, ведь во многих сюжетах дерево заменяет богиню-всадницу. Такое же деревце выткано и между «солдатиками», что отсылает нас к традиционному построению орнамента: в центре — объект поклонения — священное дерево или богиня, по сторонам — всадницы. Верхняя полоса с «солдатиками» и «ружьями» также более декоративна: по сторонам фигур — деревца. Условные «деревья», изображенные в нижней полосе, почти утратили связь с традицией, но в целом нижняя орнаментированная полоса уравновешивает верхнюю, что позволяет выделиться главной, средней полосе, символику которой ткачиха, возможно, воспринимала как свадебную.

Полотенце ВРКМ № 3109 поступило в 1971 г. также через закупочную комиссию и не имеет легенды. Белые браные концы на разбелённом розовом фоне высотой 26 см сотканы одновременно со средней полотняной частью. Размер полотенца 38 х 230 см. Следует отметить, что в отличие от полотенец К.Г. Седуниной, П.И. Терехиной и М.Я. Старостиной в широкой полосе с «берегинями-рожаницами» женские фигуры вокруг ромбов-«полей» заменены на «елочки». Как уже отмечалось, в традиционном орнаменте такая замена вполне возможна.

Полотенце ВРКМ № 4022 поступило в 1989 г. от Лебедевой из Вязников (традиционный ткацкий район бывшей деревни Ярцево, где было много светелок), размер его 34 х 220 см. Концы высотой 27 см сотканы отдельно и пришиты через вязаную крючком прошву к средней части полотенца большей ширины. Вероятно, заготовки браных концов полотенца были привезены когда-то из другой деревни.

Нечто новое можно увидеть на концах полотенца ВРКМ № 3999, поступившего в 1989 г. от Гавриловой из Вязников. Размер полотенца 34 х 178 см. Концы высотой 39 см, каждый декорированы в двух разных браных техниках. Четыре полосы белого браного ткачества на верхнем цепу с белым же тонким рабочим утком во второй и четвертой полосах и тонким красным в первой и третьей полосах чередуются с четырьмя полосами традиционного браного ткачества с красным узорным утком. На изнаночной стороне хорошо видны различия этих двух техник узорного ткачества: браные концы — цельнотканые со средней частью полотенца. (*Фото 5 на вклейке.*)

Забегая вперед, можно сказать, что несколькими годами позже удалось обнаружить подобное сочетание двух разных техник браного ткачества в одной вещи. Это полотенца из бывшей Костромской губернии, из ее Юрьевецкого уезда, непосредственно граничившего с Гороховецким уездом бывшей Владимирской губернии. Теперь эти земли входят в состав Ивановской области. Полотенца эти хранятся в фондах РЭМ в Санкт-Петербурге.

Работа в фондах Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (ГВСИАХМЗ) в 1995—1996 гг. имела целью *уточнение границ распространения белого браного ткачества на верхнем цепу.* Из 37 просмотренных полотенец Собинского, Юрьев-Польского, Муромского, Вязниковского, Гороховецкого и Селивановского районов интересующая нас техника ткачества была обнаружена лишь на нескольких полотенцах, поступивших из трех названных последними районов. Приведем их обзорные характеристики.

Полотенце В — № 18180 приобретено в 1975 г. в деревне Большие Удолы Вязниковского района у А.Н. Гуськовой. Напомню, что Большие Удолы расположены примерно в километре от теперь более крупной по населенности деревни Малые Удолы в сторону Липовской усадьбы, за Удольским озером. Это полотенце имеет много общего с полотенцем К.Г. Седуниной. Отсутствует узкая верхняя полоса с веточками — «весенними проростками». Расположенная под ней широкая полоса из двух с половиной тонко разработанных ромбов — почти такая же, но «сияние», направленное внутрь ромбов, тоньше: не из двух линий выпуклых точек, а из одной линии. Сред-

Полотенце из фондов Вязниковского историко-художественного музея (ВРКМ №2335)

Полотенце из фондов Вязниковского историко-художественного музея (ВРКМ № 3109)

Полотенце из фондов Вязниковского историко-художественного музея (ВРКМ № 4022)

няя полоса, напротив, массивнее: ромбики с «сиянием» вовне и «головастицами» по вершинам повторены дважды друг над другом. «Сияние» здесь также более массивное, в две линии выпуклых точек. Вследствие этого центральная полоса стала не относительно узкой, т.е. промежуточной, а самой широкой. Нижняя полоса из-за этого перестала привлекать основное внимание, тем более что фигуры «берегинь» здесь искажены: они лишились верхних частей «торса», загнутые «ручки»-крючочки исходят непосредственно из сторон ромба. «Берегини-рожаницы» в углах между ромбами вместе с верхними частями «торса» лишились и «ручек». Тонкий рабочий уток во всех орнаментальных полосах — белый, но сами полосы отделены друг от друга тонкими красными акцентами по краям полотняных пробелов. Интересная деталь: по середине каждого из этих узких пробелов проходят полоски очень узкой мережки — прием, не встречавшийся нам на полотенцах такого рода. Быть может, это случайное применение мережки, но не исключено, что отголосок древней традиции[15]. Край полотенца

[15] *Русакова Л.М.* Образ мира в геометрическом орнаменте на полотенцах русских крестьянок Алтая // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 99—101.

По мнению автора, основные орнаментальные мотивы, способы их сочетания, отдельные приемы композиции на стеновых полотенцах являются общими для всех русских. Но полотенца бухтарминских старообрядцев она считает эталонными по ясности смыслового содержания, что позволяет использовать их для реконструкции архаических представлений человека об окружающем мире. Основные три части конца полотенца выполнялись отдельно в разных техниках (вышивка-строчка, браное, или закладное, ткачество, вышивка-роспись). Подрубленные края отдельных частей сшивались вместе или швом «через край», или своеобразным ажурным кружевным швом при помощи обычной иглы. Возможно, мережчатое разделение орнаментальных полос является воспоминанием об этой когда-то общей старообрядческой традиции.

соткан в форме зубцов и мог бы быть обработан аналогично полотенцу К.Г. Седуниной. Но, как и у некоторых других полотенец более позднего времени, здесь применено связанное крючком плотное кружево с мысами.

Полотенце В — № 28846 было приобретено в 1980 г. в Вязниках у З.И. Шмельковой. В нем можно найти определенное сходство с орнаментом полотенца ВРКМ № 3109 из Вязниковского музея: нижняя полоса с деревцами вместо женских фигур совпадает почти в точности, но выполнена виртуознее. Вместо тонкой обводки расчерченного на мелкие клеточки ромба-«поля» — очень красивая тонкая линия обводки с расположенными на ней точками-зернышками. Слегка изменена и форма деревца: оно стало более стройным за счет укорочения нижних веточек. Полоса, соответствующая второй более узкой орнаментальной полосе полотенца из ВРКМ, расширилась за счет усложненной и несколько вычурной разработки как контуров самих ромбов, так и их взаимного пересечения между вершинами деревьев. Появилась и третья орнаментальная полоса, менее широкая. В ее узоре ромбики-«поля», расчерченные на мелкие клеточки, «засеяны» выпуклыми центральными точками — «зернышками». Довершает картину необычная красно-черная вышивка, выполненная очень мелким крестом. В широком нижнем полотняном пробеле вышито девять красных верблюдиков с черными небольшими кустиками между ними. В верхнем более узком полотняном пробеле вышита черная тонкая извивающаяся веточка с красными гроздочками (то ли виноград, то ли искаженная ягода-малина). Край полотенца ровно подшит сразу же под нижней орнаментальной полосой и не украшен никаким кружевом. На наш взгляд, кружевного завершения этому полотенцу и не требуется. Оно производит впечатление работы городской мастерицы. Нужно отметить, что тонкий рабочий уток на протяжении всех орнаментальных полос остается белым, что делает вышивку еще более контрастной.

Полотенце В — № 26044 приобретено в 1979 г. в Гороховецком районе у А.П. Егоровой. Деревня Литовка находится в 5 километрах от той деревни Малые Лужки, где созданы полотенца, хранящиеся в Государственном Русском музее. Размер полотенца 34 х 180 см. В оформлении его нет ничего уникального. Все три орнаментальные полосы общей высотой 21 см выполнены по разбеленному розовому фону, т.е. с использованием тонкого красного рабочего утка.

Полотенце В — № 13140 стоит выделить особо. Оно было приобретено в 1971 г. у В.С. Плехановой в деревне Боровицы Муромского района. Раньше здесь была южная оконечность земель Гороховецкого уезда Владимирской губернии. По правому же берегу Оки простирались земли Муромского уезда: граница его с Нижегородской губернией проходила на 15—20 км юго-восточнее нынешней. Это полотенце интересно тем, что оно цельнотканое, т. е. основа у него из белых ниток. Но в отличие от всех встречавшихся ранее полотенец браное ткачество на верхнем цепу здесь выполнено объемной красной нитью. Нить от времени пообтерлась, особенно у кромки, где уже не воспринимается как красная (в музейной карточке толстая уточная нить определена как льняная, что объясняет ее недостаточное прокрашивание в красный цвет). Датировано это полотенце началом XX в. Весьма необычно и вязаное крючком красное кружево, скорее напоминающее по узору кайму современной вязаной шали. Возможно, это кружево выполнено значительно позже, чем ткачество. (*Фото 6 на вклейке.*) Для нашей темы важен сам факт использования красного узорного утка в браном ткачестве на верхнем цепу у южной оконечности бывшего Гороховецкого уезда.

Завершим обзор избранных полотенец из фондов Владимиро-Суздальского музея-заповедника экземпляром В — № 16435/29, приобретенным в 1974 г. у И.В.Тито-

вой в деревне Чертково Селивановского района. Во времена существования Владимирской губернии узкая полоска земли вдоль речки Мотры (Замотринский приход с деревнями Алешково, Иваньково, Чертково и Курково) разделяла Гороховецкий и Судогодский уезды и относилась к расположенному севернее Вязниковскому уезду. Как и полотенце из Боровиц, это полотенце имеет красные орнаментированные концы, браные на верхнем цепу. Основа, рабочий уток — красные; красный орнаментальный уток в нешироких полосках сверху и снизу заменен на желто-оранжевый. Концы сотканы отдельно и пришиты к белой середине. Размер полотенца 36 х 225 см. Плотное кружево связано крючком. В музейной карточке полотенце датировано концом XIX в. (*Фото 7 на вклейке*.)

Как показали наши экспедиционные находки, в деревнях Замотринского прихода бытовали красные наподольницы женских рубах, украшенные браным ткачеством на верхнем цепу. Их дополнительно вышивали шерстяными нитками малинового, вишневого, зеленого, синего, фиолетового, желтого, черного и белого цветов. При тканье использовалась красная основа. В деревне Иваньково удалось сфотографировать неразрезанную заготовку, содержащую два полных комплекта наподольниц. Четыре полосы шириной по 7 см каждая и четыре полосы шириной по 8 см каждая, красные браные и вышитые, отделялись каждая друг от друга густо-розовыми (белый уток по красной основе) нешироками полосками полотняного переплетения. Разрезанные по этим полотнянкам и подшитые с обеих сторон, четыре полосы сшивались в кольцо и пришивались к подолу праздничной или обрядовой рубахи. Владелица этой заготовки (ей было около 40 лет) предполагала, что это салфетка, и удивилась, услышав о традиционном назначении узорных полос.

Экспедиционные наблюдения 1996 г. выявили, что жители деревни Медведево бывшего Гороховецкого уезда (теперь Вязниковского района), где было очень много старообрядцев, в старину дразнили жителей деревни Чертково «карамарами». Эти сведения получены от Ксении Васильевны Шабановой (1902 г. р.) (ее отец был учителем пения по крюкам в старообрядческой общине). Объяснить происхождение этого слова она не смогла, но связала прозвище с любовью чертковцев ко всему красному, яркому: издали было видно, когда в праздничный день приближались они к торжку или ярмарке. Подтверждение сказанному услышала я в деревне Курбатиха также бывшего Гороховецкого уезда (теперь Вязниковского района, на самой границе с Селивановским районом) от Анастасии Герасимовны Блохиной (1926 г. р.). В ее интерпретации дразнилка звучала как «карамыры». По словам А.Г. Блохиной, у них в семье когда-то тоже были браные бело-розовые полотенца. Можно предположить, что белые и разбелённые розовые полотенца, браные на верхнем цепу, в этом регионе предпочитали старообрядцы, а красные — все остальные жители. Так, в семье Домны Алексеевны Тулюсиной (около 1903 — конец 1960-х годов) в деревне Чертково бытовали полотенца с пришивными концами браного на верхнем цепу или ремизного ткачества. В качестве толстого орнаментального утка использовались фабричные шерстяные нитки, окрашенные в яркий малиновый цвет, а также в зеленый и синий. Основа — красные и белые нити через одну, тонкий рабочий уток красный. Такое полотенце я видела в деревне Чертково у снохи Домны Алексеевны — Лидии Ивановны Тулюсиной (1929 г.р.). Два других подобных же полотенца показала нам в соседней деревне Курково родная дочь Домны Алексеевны Тулюсиной — Александра Андреевна Сокова (1937 г.р.). Интересно отметить, что у нее же увидели мы полотенце, браное на верхнем цепу белым по белому. Это сшитое концами вместе полотенце размером 35 х (2 х 90) см на икону подарила Александре Андреевне ее свекровь, Дарья

Ивановна Сокова (1900 г.р.). Ткала полотенце она сама («была очень горазда ткать»). В Куркове Дарья Ивановна жила после замужества, а родилась и выросла в деревне Михальчугово, что находится всего в 2 км от Курково, но за речкой Мотрой. Раньше это был Гороховецкий уезд, теперь Муромский район. В Михальчугове всегда было много старообрядцев.

В настоящее время южная часть бывшего Гороховецкого уезда нами еще тщательно не обследована, поэтому трудно делать определенные выводы, но чувствуется тенденция смены с севера на юг белого и бело-розового браного на верхнем цепу ткачества по преимуществу розово-красным и красным. Подчеркнем, что речь идет только о полотенцах.

* * *

Последние экспедиции (2000—2002 гг.) проводились по территории нынешнего Гороховецкого района.

Немногочисленные найденные полотенца дополнили сложившуюся в целом картину. Антонина Алексеевна Дмитриева (1928 г. р.), в девичестве Андреева уроженка деревни Тарханово, живет в Митино с 1948 г. — вышла сюда замуж. Вся семья Андреевых была старообрядческой. Размер полотенца, которое хранится в их семье, — 35 х 257 см. Орнамент концов полотенца мелкий и не особенно выразительный. На лицевой стороне красный рабочий уток лишь слегка подцвечивает розовым белый браный орнамент. Ткала его тетка по матери, Наталья Ивановна Андреева (1875—1954). В семье были и другие браные на верхнем цепу полотенца.

В том же Митино Ольга Степановна Логинова (1922 г.р.) показала нам полотенце из приданого матери, Елены Васильевны Сосниной, происходившей из деревни Рудильницы Вязниковского уезда. Ольга Степановна предполагает, что полотенце было сделано на заказ. Это полотенце интересно тем, что оно цельнотканое. Концы его выполнены в технике браного ткачества на верхнем цепу, а средняя часть — в технике ремизного ткачества. Если при ткачестве концов использовался пухлый уток в несколько сложений (белый или красный в разных полосах), то при ремизном ткачестве середины — обычный тонкий рабочий уток. Поэтому ремизный зигзагообразный узор получался на сравнительно тонкой ткани, значительно более тонкой, чем плотные браные концы.

Интересные находки ожидали нас в Гороховце. Галина Алексеевна Маслова, директор Областного центра народного творчества, хранит два полотенца, принадлежавшие ее матери Анне Андреевне, в девичестве Руновой (1919—1987). Родилась Анна Андреевна в деревне Мелкашево (что в 10—12 км на юг от деревень Литовка и Малые Лужки, на берегу реки Курша). Там же, вероятно, и были сотканы эти полотенца[16]. Мать Анны Андреевны, Степанида, умерла очень рано, детей воспитывала бабушка Лукерья (1860 г. р.). Возможно, именно она и ткала для своего приданого эти полотенца.

Рассмотрим первое полотенце, показанное Галиной Алексеевной. Размер полотенца 36 х 210 см. Широкая орнаментальная полоса почти в точности совпадает с нижней полосой на полотенце ВРКМ — № 3109 из Вязниковского музея, также вытканной по тонкому красному рабочему утку. На полотенце В — № 28846 из Владими-

[16] Заметим, что на правом берегу реки Суворощь был огромный заболоченный лес, принадлежавший Ведомству уделов, а по ее левому берегу в удельных деревнях было много старообрядцев.

Полотенце на икону, д. Михальчугово

ро-Суздальского музея-заповедника почти тот же орнамент выткан белым по белому. Широкое кружево, вязанное крючком, пришито к полотенцу значительно позже — матерью Г.А. Масловой, Анной Андреевной.

Второе полотенце (размер его 36 х 200 см) имеет менее торжественное украшение браным на верхнем цепу ткачеством, общая высота орнаментированного конца — около 18 см. Принцип построения орнамента в широкой полосе этого полотенца имеет аналогию со средней полосой на разбеленном розовом фоне на полотенце М.Я. Старостиной.

Полотенца, хранящиеся в фондах Гороховецкого историко-архитектурного музея, к сожалению, не несут информации о месте их создания и бытования, но представляют интерес как варианты уже известных орнаментов.

Полотенце В — № 29328 (размер его 33 х 230 см) цельнотканое, полностью белое, украшено семью (традиционное число) несомненно женскими фигурками в технике браного ткачества на верхнем цепу, но здесь нет ни пальмовидных колонн, ни арки, и над фигурами нет никакого традиционного завершения — бордюра.

У другого полотенца цельнотканой является верхняя орнаментированная полоса. Женские фигурки с непропорционально длинными шейками имеют наивно-отстраненный характер. Через прошву из коклюшечного кружева пришита еще одна браная на верхнем цепу полоска. Птички-петушки здесь могут восприниматься как вполне современные, но следует заметить, что почти так же они могли выглядеть и на ручной масляной набойке XVIII в. или на вышивке перевитью в помещичьей усадьбе XVIII—XIX вв. Полотенце завершено пятью зубцами — это машинное кружево нача-

ла XX в. Обратим внимание, что подрубка краев тонкого полотна вокруг плотных браных полос — мережчатая, что в данном случае функционально оправдано, в отличие от ранее прокомментированного варианта применения очень узкой мережки на полотнянке между браными полосами на полотенце из деревни Большие Удолы (В — № 18180).

В Музее быта села Фоминки и его округи (музей — это одно из подразделений Центра традиционной культуры) представлено большое разнообразие техник ткачества.

Полотенце ГФМ — № 117 интересно сочетанием разных техник

Полотенце Г.А. Масловой. Гороховец. Орнамент средней узорной полосы сходен с орнаментом полотенец ВРКМ № 3109 и В — № 28846

Полотенце Г.А. Масловой. Гороховец

в одной вещи. Набор использованных приемов ткачества здесь шире, чем на полотенце ВРКМ № 3999 из фондов Вязниковского историко-художественного музея. Верхняя и нижняя широкие красные орнаментированные полосы — традиционное двустороннее браное ткачество; широкая белая орнаментированная полоса между ними — браное ткачество на верхнем цепу, тонкий рабочий уток — белый. Четыре узкие красные полосы между широкими красными — браное ткачество на верхнем цепу, толстый узорный и тонкий рабочий утки — красные. Орнаментированный конец полотенца был соткан отдельно и пришит к более широкой центральной полотняной части полотенца, следовательно, середина и концы полотенца были изготовлены разновременно или в разных деревнях. Край полотенца украшен бахромой.

Полотенце ГФМ — № 113. Концы полотенца — цельнотканые, т.е. основа — белая. Крупные узоры в каждой из трех полос незамысловаты. Полосы нетрадиционно построенного орнамента сотканы браным ткачеством на верхнем цепу. Толстый узорный и тонкий рабочий утки — красные. Необычно и то, что по центральной полотняной части полотенца проложен с переменным ритмом красный толстый узорный уток (один проброс челнока в каждой полоске), выбранный на верхнем цепу простыми точками-шишечками. Это, вероятно, очень поздний прием оформления, перенесенный на полотенце с каких-то других тканых изделий. Пришитая бахрома также весьма необычна: она состоит из двух слоев ниток — красного и белого, пробранных наискосок, что образует белые, красные и розовые треугольники, скрепленные пятью горизонтальными нитями-закрепами.

Показали мне в Фоминках и еще одно полотенце, достаточно характерное для данной традиции. Концы его, браные на верхнем цепу, сотканы отдельно. Тут все красное: и основа, и тонкий рабочий уток, и объемный узорный. Орнамент очень прост — ромбическая сетка. Концы пришиты к белой льняной середине полотняного переплетения. Завершение полотенца — тонкое машинное сине-голубое кружево.

В Фоминском музее во множестве представлены тканые наподольницы, причем утверждается, что они нашивались не только на подолы женских рубах, но ими могли украшать и низ праздничных мужских рубах. Большинство из этих наподольниц соткано на верхнем цепу, иногда в сочетании с закладным ткачеством. Некоторые из них вышиты также цветной шерстью. Ширина 7—12 см. Орнаментальный уток — объемный красный, основной тонкий — красный или белый. Основа использовалась самая разная: иногда она полностью белая или полностью красная, а в некоторых наподольницах она белая и красная через одну нить. Наподольницы из округи села Фоминки мало отличаются от обнаруженных во время экспедиции в деревне Иваньково Селивановского района (юг бывшего Вязниковского уезда).

В Музее ткани Московского государственного текстильного университета в феврале 2002 г. была рассмотрена довольно большая коллекция полотенец, но не удалось обнаружить ни одного полотенца, декорированного белым браным ткачеством на верхнем цепу. Единственное полотенце, сотканное в этой технике, но с использованием толстого красного узорного утка и тонкого красного рабочего утка, было привезено экспедицией педагогов и студентов в 1967 г. из Вологодской области Вохомского района — из деревни Масленикове (№ 7237). Пришивные концы этого полотенца украшены двумя сложными ромбическими фигурами, разделенными продленными ромбами-скобками. Выше и ниже — узкие бордюры из цепочек мелких ромбов.

Полотенце из фондов Гороховецкого историко-архитектурного музея (В 29328)

Полотенце из фондов Гороховецкого историко-архитектурного музея

В Российском этнографическом музее (РЭМ) в январе 2002 г. удалось выявить три группы полотенец, созданных с применением интересующей нас техники ткачества.

Первую группу составляют два полотенца из села Кромы на севере бывшего Гороховецкого уезда, почти на границе с бывшей Костромской губернией (теперь это Ивановская область). Их приобрел в 1905 г. по заданию Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III владимирский ученый-агроном Александр Прохорович Черный[17]. Кроме них, он купил еще несколько полотенец, украшенных строчевой вышивкой.

У полотенца № 782—24 цельнотканые концы. Мелкий браный белый узор по разбеленному розовому фону явно сложился под влиянием либо строчки по выдергу, либо начинавшего распространяться к концу XIX в. вязания крючком. Один и тот же нетрадиционный мотив шириной чуть более 1 см повторен без изменений по всей ширине полотенца. Нетрадиционно выполнены и бордюры. Общая ширина этой узорной полосы — 15 см. Выше расположились еще две неширокие узорные полосы белого браного ткачества на верхнем цепу с белым же рабочим утком. Средняя часть полотенца — ремизного ткачества.

У полотенца № 782—25 средняя часть ремизного ткачества. Цельнотканые концы, браные на верхнем цепу, имеют по две полосы с тонким красным рабочим утком. Сотовый узор широкой нижней полосы образован пухлым белым утком, а человекоподобный орнамент верхней полосы — красным. Фигурки плотно сдвинуты в ряд, плечом к плечу, их более двадцати по стандартной ширине полотна. Край полотенца завершен длинной бахромой из нитей основы. Отдельные пряди перевязаны узлами в некое подобие ячеек-сотов, удачно вторя браному узору.

Вторую группу составляют полотенца из Юрьевецкого уезда Костромской губернии, привезенные в 1903 г. сотрудником Этнографического отдела Русского музея Евгением Александровичем Ляцким[18]. Все три отобранных мною полотенца бытовали в самом г. Юрьевце (РЭМ, коллекция 321, № 1, 3 и 4). Два полотенца демонстрируют *сочетание двух разных техник ткачества — традиционного браного и браного на верхнем цепу (как у полотенца ВРКМ № 3999 из Вязниковского музея)*. Орнаменты полотенец 321—1 и 321—4 похожи между собой, но узорные полосы отличаются шириной. Узорные концы полотенец сотканы одновременно с полотняной серединой.

Можно сделать заключение, что на юге Костромской губернии, для которой в целом характерно традиционное красное браное ткачество (что подтверждают и сотрудники Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь»), в конце XIX в. довольно неуверенно использовали понравившуюся новую ткацкую технику соседней Владимирской губернии — белое браное ткачество на верхнем цепу.

Совершенно неожиданной оказалась находка одной из витрин РЭМ: наряду с образцами разных способов ткачества выставлен узорный конец полотенца, привезенный из Ленинградской области. Знакома техника ткачества, знаком орнамент в по-

---

[17] Подробнее об А.П. Черном и его работе по сбору этнографических коллекций см. с. 288, 345 настоящего сборника.

[18] Костромская губерния не была раньше обследована, Е.А. Ляцкий привез более 500 экспонатов, часть из которых была редкой уже для того времени, например памятники старообрядческого быта населения Костромского уезда. (*Молотова Л.Н.* Е.А.Ляцкий и его деятельность в Этнографическом отделе Русского музея // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России. СПб., 1992. С. 14—25.)

Витрина музея Центра традиционной культуры, с. Фоминки. Слева — полотенце ГФМ № 117. В центре — полотенце ГФМ № 113. Внизу слева — наподольницы

лосках-заузорках ниже и выше главной полосы — это ромбики и косые кресты. А вот орнамент центральной полосы — непривычен, есть в нем что-то северное[19]. Это не целое полотенце, а только парные пришивные концы полотенца. Привезены они экспедицией 1965 г. из деревни Мотохово Киришского района Ленинградской области. Размер каждого 40 х 38 см. Указано, что работа начала XX в. «Девушки в Захоже (так назывался куст деревень, куда входило и Мотохово) пряли мало, так как занимались исключительно кружевоплетением, но на посиделки с парнями брали прялки — с "клубком" (подушка для кружевоплетения) неудобно сидеть рядом с женихом». Прялочки же были особые, золоченые. Экспедиция привезла эти уникальные прялки в музей. Точили и расписывали прялочки местные иконописцы. Вот в таком культурном контексте возникло и белое чудо *узорного ткачества на верхнем цепу*. Подзор к простыне, созданный в той же деревне Мотохово (коллекция 7573, № 131), также был выткан в технике *браного ткачества на верхнем цепу белым по белому*. Он сшит из пяти точей, общий размер 180 х 38 см. Следовательно, каждая из пяти частей могла быть использована и в качестве узорного пришивного конца полотенца. Широкая браная полоса с «кружевной» воздушностью орнамента[20] через узкие пробелы полотнянки дополнялась сверху и снизу изящными полосками браных заузорок. Завершался этот богатый, видимо свадебный, подзор крупными фестонами сцепного коклюшечного кружева.

Кружевной промысел сложился в 1870-х годах в Захожской волости Новоладожского уезда Петербургской губернии. Современные искусствоведы считают, что «в художественном отношении захожские узоры представляют собой особую группу чисто народного кружева»[21]. Кружево это имело древние корни, даже называли крестьянки свои изделия не кружевом, а «галунцами». И хотя плели они эти «галунцы» из грубоватых льняных ниток собственного производства, узор называли «серебрянским». Был еще узор — «царёва голова». Внимательный наблюдатель Л.И. Свионтковская-Воронова еще в 1949 г. высказала предположение, что занесено было искусство кружевоплетения в Захожскую волость из монастырских мастерских: из Белозерска или из Кириллова[22].

Итак, браное ткачество на верхнем цепу было распространено во Владимирской губернии во второй половине XIX — первой трети XX в. в Вязниковском и Гороховецком уездах в неширокой полосе, прилегающей к реке Клязьме. Было это преимущественно домашнее ремесло в крестьянских семьях с определенным достатком, вряд ли оно выходило на уровень промысла, хотя работа на заказ и не исключается. В семьях, имевших ткацкие светелки для промыслового производства ткани (чаще простого холста), браным ткачеством на верхнем цепу занимались девушки для своего приданого и часто старые девы для приданого девушкам-родственницам. Не исключена причастность к распространению этого вида узорного ткачества старообрядчества[23], которое поддерживало контакты с единомышленниками в других губерниях,

---

[19] РЭМ, коллекция 7573, № 130/ 1—2.

[20] Орнамент напоминает ремизный.

[21] *Фалеева В.А.* Русское плетеное кружево. Л.,1983. С. 170—176.

[22] *Свионтковская-Воронова Л.И.* Кружево Киришского района // Из научного наследия Л.И. Свионтковской-Вороновой / Сб. статей из архива Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства. М., 2001. С. 67—72.

[23] Изощренное рукоделие осмыслялось как своеобразная форма аскезы для женщины.

в том числе на западе и на севере, активно занималось предпринимательской деятельностью и текстильной промышленностью в частности. Технические приемы нового способа узорного ткачества могли распространяться преимущественно в старообрядческой среде через родственников и знакомых, что должно было способствовать выработке особой эстетики, связанной с предпочтением белого и бело-розового колорита. Со временем новая технология могла заимствоваться и нестарообрядческими семьями. Требует дальнейшей проверки предположение о возможной связи этого рационализированного вида браного ткачества с системой удельных имений в регионе с традиционным занятием льноткачеством. Требует также уточнения источник получения высококачественной белой хлопчатобумажной пряжи для пушистого узорного утка при близком соседстве Иваново-Шуйского региона, производящего ситцы. Нужно продолжить и поиск источника и путей распространения браного ткачества на верхнем цепу в Россию: возможно, через Польшу или другие страны Восточной Европы, через Прибалтику.

СТРОЧЕВЫШИВАЛЬНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Для современного читателя искусство ручной вышивки на Владимирской земле ассоциируется прежде всего с Мстерой: это тончайшая белая гладь и крупные, броские красные верхошвы. Однако мстерская вышивка появилась в XX в. Иван Александрович Голышев, краевед и издатель, ревностно собиравший в 80-х годах XIX в. все замечательное, что находил в Богоявленской слободе (нынешняя Мстера), не упоминал о белой глади как местном промысле, не говоря уже о совсем поздних верхошвах. Действительно, самые ранние вещи в коллекции Мстерского художественного музея датируются 1906 г. В то же время И.А. Голышев приводит историю возникновения местного золотошвейного промысла в начале 60-х годов XIX в.: один из богоявленских иконописцев привез издалека жену, умевшую шить золотом. Стала она вышивать предметы церковного назначения. От нее научились этому ремеслу в семьях других иконописцев, так возник локальный золотошвейный промысел, дававший заработок женской части населения Богоявленской слободы[1]. Виртуозным искусство мстерских золотошвей назвать было нельзя, особых исследований ему не посвящали, но упоминания о нем все же встречаются.

По мнению исследовательницы из числа всероссийских земских деятелей К.Г. Беренс, в XIX в. в святи с развитием до уровня кустарной промышленности строчевышивальных промыслов Гороховецкого уезда и слободы Холуй Вязниковского уезда «совершенно особое место по интересующему нас вопросу занимает Владимирская губерния»[2]. Мы можем добавить, что гороховецкие промыслы послужили образцом для интенсивного развития подобных промыслов в сопредельных территориях Нижегородской губернии и в соседнем Юрьевецком уезде Костромской губернии[3].

---

[1] Сведения получены от директора Мстерского художественного музея Валентины Владимировны Поздняковой и главного хранителя музея Галины Николаевны Дугиной.

[2] *Беренс К.Г.* Вышивальный промысел в России // Кустарная промышленность России. Женские промыслы. СПб., 1913. С. 381—423.

[3] *Копылова С.* Женские рукодельные промысла в Нижегородской губернии // Нижегородское хозяйство. Н.-Новгород, 1927. С. 103—106.

Строчка по полотну или холсту имеет древнее происхождение и в некоторых местностях сохранила свое прежнее название: «шитье по выдергу», «шитье по перевити». В коллекционных описях Российского этнографического музея (начало XX в.) применительно к вещам из Гороховецкого уезда употребляется термин, который собиратель коллекции Александр Прохорович Черный слышал в 1905 г. от самих ремесленниц или от их односельчан: «Вышивка строкою белой бумажной нитью на стольких-то рядах» (например, на 35—100 рядах на шести образцах вышивки из села Нижний Ландех)[4].

В фондах Гороховецкого историко-архитектурного музея достаточно объемно представлены работы строчей Гороховецкого уезда. Выделим нарядные «рукава»[5], украшенные строчкой и кружевом. Их приобрели в 1969 г. у Е.И. Генераловой из деревни Овинищи, что расположена на берегу одной из стариц в двух километрах от Оки, почти на границе с нынешней Нижегородской областью. Скорее всего, Овинищи — это лишь место бытования характерной детали праздничного традиционного костюма Гороховецкой губернии рубежа XIX—XX вв. Если владелица костюма сама шила «рукава» и украшала их строчкой, то она не была работницей промысла, так как в это время большинство женщин деревни Овинищи имели другой промысел: они вили веревки на продажу[6].

Владимирские архивные источники относят время возникновения строчевышивального промысла в Верхне-Ландеховской волости Гороховецкого уезда к началу 80-х годов XIX в., а в Нижне-Ландеховской — несколькими годами раньше[7]. Превращение домашнего занятия вышивкой в труд ради сбыта на сторону связывают с именем некоего г. Нешина: он первым стал платить крестьянкам Нижнего Ландеха за вышивку, раздавал хорошее полотно для выполнения на нем строчевых узоров.

Интересные сведения, проливающие дополнительный свет на историю возникновения промыслов в Гороховецком уезде, мы получили из публикации 1927 г. по материалам обследования Нижегородской губернии Советом содействия кустарной промышленности НГСНХ[8]. Женские рукодельные промыслы (по строчке и шитью гладью) были сконцентрированы в Городецком уезде и в Василевской (Катунском, Беловском и Новинском районах) и Пуреховской волостях. Важно отметить, что промысел этот был «занесен» в Катунки из соседнего Гороховецкого уезда в 1880-х годах. В 1927 г. старожилы еще помнили времена, когда в Катунском районе было всего 3 строчеи, а к 1905 г. их работало уже более 1,1 тыс. человек. По земской переписи 1917 г. строчкой и гладью здесь было занято около 2,5 тыс. женщин и более 1,6 тыс. детей.

Справедливо было бы предположить, что прежде чем стать образцом для подражания в другой губернии, строчевой промысел в Нижнем Ландехе должен был получить широкое развитие и укрепиться. Ведь для хорошего усвоения навыков художественного шитья требуется не один год. Поэтому начало строчевышивального промысла во Владимирской губернии следовало бы отнести к более раннему периоду времени.

В основном экономические причины вызвали распространение женских промыслов. В конце XVIII в. население Пуреха, Василева было занято на солеварнях. С падением солеваренного промысла к 20-м годам XIX в. начинает развиваться кожевенное

---

[4] Российский этнографический музей. СПб. Коллекция № 782. Образцы № 80, 81, 84, 85, 86, 87.

[5] Гороховецкий историко-архитектурный музей. № Т—16.

[6] Промыслы крестьянского населения // Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. V. Гороховецкий уезд. Вып. III. Владимир, 1901.

[7] Владимирские губернские ведомости. 1869. № 3.

[8] *Копылова С.* Указ. соч. С.105.

и связанное с ним клееваренное (из обрезков кожи) производство. С 50-х годов и этот промысел начинает истощаться из-за конкуренции петербургских кожевенных заводов и недостатка собственных капиталов. Мужчины стали бурлачить, затем и бурлачество пошло на убыль в связи с развитием пароходства. Так как земли в этих местах малоурожайные, собственного хлеба крестьянам хватало лишь на полгода. Женщины тоже должны были заняться промыслами. Успех гороховецких крестьянок вызвал желание позаимствовать их опыт. С уверенностью можно оказать, что переносу этого опыта способствовали и скупщики. Самым крупным скупщиком был некто Малев, проживавший в деревне Бубнове Василевской волости, что в 12—15 верстах от Катунок. На Малева работали целые селения Владимирской и Нижегородской губерний, преимущественно глухие деревни. Торговые обороты Малева до революции были весьма серьезными. Он вел дела главным образом с крупными московскими купцами: Щукиным, Комковым и др. В годы Гражданской войны Малев перешел на скупку деревянных ложек и веретен, а с 1921 г. восстановил скупку строченых изделий. Заминки в сбыте он не чувствовал благодаря гибкости своей торговой политики.

Но вернемся к жителям Нижнего Ландеха. Прокормиться одним земледелием и здесь не могли, поэтому испокон веку мужчины села, как и всей округи, офенствовали — были коробейниками, «ходебщиками», продавали «красный товар»: ленточки, иголки, кружева. Может, и строченый товар попадался... С развитием лавочной торговли по стране офенство перестало быть доходным занятием. Спад офенства стал заметен уже в 60-х годах XIX в. В 1869 г. Владимирские губернские ведомости констатировали: «Офеня стал у нас в Гороховецком уезде самым редким явлением»[9]. Женщины Нижне- и Верхне-Ландеховских волостей раньше традиционно занимались прядением льна как промыслом: его интенсивно выращивали на продажу в других, южных, по другую сторону Клязьмы, волостях Гороховецкого уезда вплоть до 60-х годов. Затем последовало несколько неурожаев льна, мужчины-«мнецы», выполнявшие предварительную обработку льняного сырья, вынуждены были менять свое ремесло на более прибыльную работу в отходничестве, становились котельщиками, каменщиками. Льна-полуфабриката стало значительно меньше. Вот тут-то и подоспел на выручку новый строчевышивальный промысел. Из сопоставления исторических сведений можно заключить, что произошло это на рубеже 60-х и 70-х годов XIX в. С годами промысел рос и расширялся, вовлекая крестьянок окрестных деревень. К концу XIX в. в самом Нижнем Ландехе трудились около 70 человек (они украшали строчкой главным образом простыни). Впечатляет перечисление окружающих деревень Нижне-Ландеховской волости, в каждой из которых шили строчкой: Леденята и Старая, Макарово, Ионово, Загарье, Климово, Василево, Ушево, Демидово, Лыткино, Шиловская, Обрядино, Мешалкино, Першино, Гришино, Дерябино, Романово, Логиново, Нестерово, Климово, Кленки, Вашеевская, Сосновица да еще Дубята, Соболята, Воронята, Филята и Струнята. Всего в этом кусте промысла были заняты около 500 женщин и подростков. Строчили также в Верхнем Ландехе и его окрестных деревнях, в селе Мыт и в Мытской волости; всего, по сведениям 1898 г., были зарегистрированы в Гороховецком уезде 1052 строчечницы[10]. Здесь же упоминается, что позднее промысел проник в Кромскую волость[11].

---

[9] Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. I—XVI. СПб., 1879—1887.

[10] Промыслы крестьянского населения // Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. М. Гороховецкий уезд. Вып. III. Владимир, 1901.

[11] *Миклашевский С.* Итоги полувековых толков о помощи кустарю. СПб., 1891.

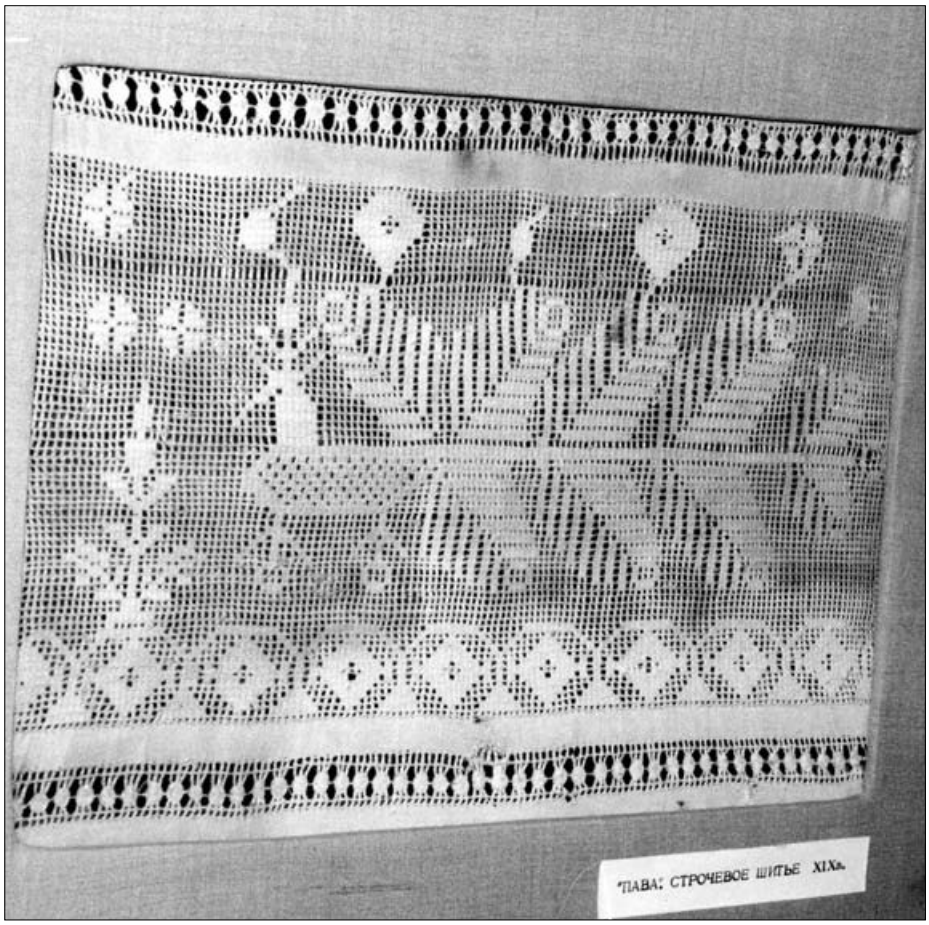
В 1905 г. А.П. Черный по заданию Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III (теперь — Российский этнографический музей) во время поездок, связанных с исследованием почв Владимирской губернии, закупил во Владимирском, Муромском, Судогодском, Ковровском, Вязниковском, Меленковском, Александровском и, особо выделим, Гороховецком уездах большую коллекцию из 168 образцов домашней утвари, орудий труда, женских головных уборов и предметов промыслов. Среди немногочисленных вещей из Гороховецкого уезда меня заинтересовали пять полотенец-утиральников. Четыре из них были приобретены А.П. Черным в селе Кромы. Лишь одно из этих полотенец украшено «строкой» белой нитью. Это рядовая работа, мало чем отличающаяся от многочисленных полотенец в коллекции Гороховецкого краеведческого музея.

Другое, необычное полотенце имеет пришитые ажурным швом концы, шитые счетной белой гладью. Орнамент состоит из 2,5 больших ромбов. В каждый ромб вписаны крест, прямоугольник и малый ромб. Треугольники между ромбами расчленены сеткой из ажурных цепочек, идущих параллельно сторонам ромбов. При обычной строчке выдергиваются по счету нити основы и утка полотна. Оставшиеся нити обвиваются так, что получается ажурная сетка с ячейками, параллельными утку и основе. Орнамент выполняется застилом или штопкой выделенных ячеек. На данном полотенце продержки нет, ажурные цепочки по косой выполнены стягами сдвоенной ниткой так, что на изнанке видна лишь косая полоска из дырочек, образовавшихся между раздвинутыми нитями ткани. В край пришито коклюшечное кружево-прошва. Орнамент плетеного кружева напоминает архаический текстильный: сдвоенный косой крест и перекрещенная косым крестом фигура из частично наложенных друг на друга ромбов, ажур внутри которой выделяет лежащую полусвастику. Это полотенце уникально по красоте и изысканности шитого белым по белому полотну узора.

Декор еще двух полотенец перекликается с узорным ткачеством Гороховецкого и Вязниковского уездов: они имеют тонкую узорную среднюю часть (ремизное ткачество) и не пришитые, а иначе сотканные утяжеленные концы. Эти концы выполнены в технике двухуточного браного ткачества с использованием тонкого красного основного утка, создающего узор пухлого хлопчатобумажного белого утка пасмой в несколько нитей. Уток прокладывается «на верхнем цепу»: орнамент пробирается лишь на половинном числе нитей основы при раскрытом зеве. Поэтому выразительный узор получается лишь на лицевой стороне полотенца, но при хорошем качестве нитей и достаточном мастерстве ткачихи создается необыкновенно красивая фактура. Орнамент как бы выложен белым матовым бисером по розовому фону. Полотенце № 24 завершается вязаным крючком кружевом с мелкими мысками-городками, что очень соответствует характеру тканого орнамента. У полотенца № 25 нити основы на концах превращены в бахрому, перевязанную тремя рядами узлов, что образует ячейки, перекликающиеся по размеру и форме с ячеистым тканым орнаментом. Все это говорит о замечательном художественном чутье крестьянок села Кромы, о разнообразии их технических приемов.

Пятое полотенце приобретено А.П. Черным в 1905 г. в деревне Луполово Гороховецкого уезда. Строчевой узор выполнен на более грубом холсте. При обвивке сетки плотное перекрестье невыдернутых нитей выступает на лицо крохотной «лепешечкой». В орнамент, кроме белого, введен и красный цвет: им выделены решетки в серединках цветов. Скорее всего, эта работа для себя, а не на продажу.

Скупщики дифференцировали оплату труда строчевниц в зависимости от качества: работа на заказ оценивалась примерно в 1,5 раза дороже. Но и исполнение заказанной вещи требовало особого внимания и большего времени, так что выигрыш был неве-

лик. Зато выигрывали скупщики: они представляли от своего имени коллекции вышитых предметов на российских и заграничных выставках. Заказчик строчеям Верхнего Ландеха г. Елисеев получил за их изделия бронзовую медаль на Чикагской выставке; большую бронзовую медаль — на Нижегородской выставке 1896 г. Строченые изделия из Верхнего Ландеха получили золотую медаль на Парижской выставке[12].

Рисунки ординарных работ были довольно однообразны, строчеи годами шили узоры из одного и того же набора. В распоряжении скупщиков, обслуживавших Гороховецкий уезд, тоже не было специальных орнаментов, разработанных под строчевую вышивку. Но они находили приемлемый для себя выход из этого положения. Смышленый мальчик, постепенно набравшийся опыта, приспосабливал продававшиеся узоры для двухцветной вышивки крестом по канве[13]. И их-то скупщики предлагали как новинки деревенским строчеям. Одни ячейки сетки заполнялись настилом, другие — легкой перевивкой. В результате строченая работа приобретала большую легкость и воздушность благодаря игре и мерцанию оттенков белого цвета.

Если нанести на карту весь известный нам ареал распространения строчевышивальных промыслов Гороховецкого, Вязниковского и Шуйского уездов Владимирской губернии, Катунской волости Балахнинского уезда Нижегородской губернии и южной части Юрьевецкого уезда Костромской губернии[14], можно заметить, что села и деревни с этим промыслом довольно плотно заполняют территорию протяженностью 70—100 км как с юга на север, так и с запада на восток. К. Беренс пишет, что в Костромскую губернию строчевышивальный промысел был занесен из Катунков. Что же касается Порздневской, Якушевской и самой западной — Дьяконовской волостей, то, думается, здесь имело место прямое заимствование из Гороховецкого уезда. Постепенно развиваясь, в отдельных местностях при благоприятных условиях промысел обогащался технически и художественно, обретая свою неповторимость. В число популярных среди строчей узоров наряду с шаблонными включались орнаменты, имевшие

[12] Промыслы крестьянского населения. Указ. изд. С. 35.
[13] Там же. С. 36.
[14] *Беренс К.Г.* Указ. соч. С. 393.

глубокие корни в традиционной культуре, порой восходящие ко времени заселения этих территорий славянами, а иногда и к еще более древним временам местной финно-угорской культуры[15]. В других же селениях, волостях и даже уездах промысел постепенно «задыхался». Возникшие первыми строчевышивальные промыслы Гороховецкого уезда в XX в. почти не разрастались численно, в то время как в Костромской губернии с 1900 до 1912 г. количество строчей выросло более чем в два раза. Возможно, серьезную роль в этом процессе сыграло стремление хозяев разнообразить узоры строчки. Они выписывали образцы строчки кустарей Крестецкого уезда Новгородской губернии, а также Полтавской, Рязанской и других губерний. С другой стороны, быстрый рост числа работниц промысла сократил заработок каждой на четверть или на треть из-за превышения предложения над спросом.

Состояние кустарных промыслов стало предметом внимания и заботы земских деятелей России в 70-х годах XIX столетия. Создавались комиссии по исследованию кустарной промышленности, печатались «Труды...»[16], «Очерки...», «Доклады...»[17]. Кустарную промышленность стали представлять на крупнейших выставках: Казанской научно-промышленной (1890), Нижегородской, на Всероссийских кустарных выставках (1902, 1913). Для помощи кустарям в реализации их продукции, для уменьшения их зависимости от хозяев-скупщиков земствами и меценатами создавались склады кустарных изделий, кустарные музеи. Иногда такие кустарные склады создавали и сами просвещенные скупщики, например, Иван Никитич Сироткин, уже упоминавшийся нами как скупщик по Гороховецкому уезду. В 1912 г. он открыл кустарный склад в Нижнем Новгороде[18]. Условия расчета с работниками у него были гораздо более честные, чем у местных скупщиков, поэтому сразу объявилась масса желающих работать. Но среди них отбирались только лучшие мастерицы. К.Г. Беренс объясняла, «что предприятие это возникло не с целью наживы, а главным образом с целью поднятия кустарного дела». С. Копылова сообщает: «Лишь с организацией в Н.-Новгороде в 1912 г. кустарного склада изделия стали экспортироваться непосредственно за границу»[19].

Создавались частные и земские школы и училища, ориентированные на повышение профессионального и эстетического уровня производимых изделий. Не осталось в стороне от забот о нуждах кустарных промыслов и земство Владимирской губернии. Губернское земское собрание 1911 г., «рассматривая общее направление деятельности Владимирского губернского земства по кустарной промышленности, признало необходимым распространение профессиональных знаний, содействие кооперативам, открытие кустарного музея и выставки кустарных изделий»[20]. Был открыт ряд учебно-показательных мастерских: по плетению корзин и некоторых видов мебели в Муромском и Меленковском уездах, по скорняжно-красильному промыслу в

---

[15] *Шангина И.И.* Сюжетная вышивка Вологодского края (К истории заселения Вологодского края) // Материалы по этнографии. Т. 1. СПб., 2002. С. 175—194.

[16] Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. I—XVI. СПб., 1879—1887.

[17] Доклады-отчеты Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1912 г. (По кустарным мероприятиям и профессиональному образованию). Владимир, 1912.

[18] *Беренс К.Г.* Указ. соч. С. 397.

[19] *Копылова С.* Указ. соч. С.105.

[20] Доклады-отчеты Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1912 г. (По кустарным мероприятиям и профессиональному образованию). Владимир, 1912.

Из коллекции Гороховецкого историко-архитектурного музея

Шуйском уезде, по шелкоткачеству в г. Киржаче. Было также принято решение об устройстве учебно-показательной мастерской по вышивке гладью и строчке в селе Холуй Вязниковского уезда. В 1912 г. губернская земская управа констатировала, что вышивка гладью и строчка как промысел — основное занятие большинства женского населения слобод Мстеры, Холуя Вязниковского уезда, села Васильевского Шуйского уезда, сел Верхний и Нижний Ландех Гороховецкого уезда. Промысел также встречается в ряде селений, расположенных по соседству с вы-

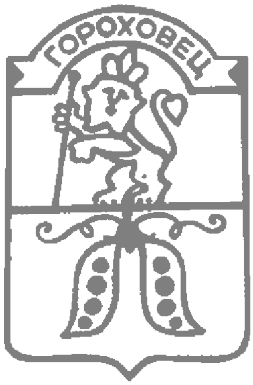

шеперечисленными (всего более 1,6 тыс. человек). Отмечается зависимость от скупщиков и неинтересность большинства исполняемых мастерицами рисунков.

Местом расположения мастерской было избрано село Холуй, как селение со сравнительно развитым промыслом и находящееся в центре всего района: 27 верст от Мстеры, 30 верст от Нижнего Ландеха, 45 — от Верхнего Ландеха, 40 — от села Васильевского. Рассчитана мастерская на 25 постоянных мастериц (не моложе 12 лет, окончивших сельскую школу), срок обучения — 2 года (для малоуспешных — 3). Чтобы крестьянские девочки могли учиться с отрывом от семьи, предлагалось учредить для них стипендии по 40 рублей в год. Вязниковское уездное земское собрание, признавая учреждение мастерской очень желательным, внесло необходимые средства в дополнение к отпускаемым Владимирским губернским земством и учредило пять годовых стипендий. Шуйское и Гороховецкое земское собрание постановило стипендий не учреждать.

Через год началась Первая мировая война, за ней — революции. Было уже не до забот о подъеме художественного уровня строчевышивальных промыслов Гороховецкого уезда. Послереволюционный передел территорий административных единиц вывел строчевышивальный промысел за пределы Гороховецкого района, и воспоминание о нем осталось лишь в коллекциях Гороховецкого историко-художественного музея.

ФОЛЬКЛОР
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Т.В. Евтушенко

Фольклор в деятельности учреждений культуры

На протяжении последних десяти лет в Гороховецком районе реализуется Программа сохранения, возрождения и развития культуры села. В ее осуществлении участвуют 21 клубное учреждение, Дом народного творчества и ремесел, районный Дом культуры и спорта, Центр традиционной культуры, Детский клуб «Радуга», Центральный дом культуры, 141 любительское объединение, 8 фольклорных ансамблей и народных хоров, работающих в большинстве домов культуры и в сельских клубах на территории 10 сельских округов и в г. Гороховце.

Деятельность культурно-просветительских учреждений невозможна без глубокого знания истории, традиций, фольклора, промыслов и ремесел края. Обращение к истокам служит более точному и красочному воссозданию культурно-досуговых форм, проведению их на подлинных аутентичных образцах. Огромное значение придается развитию ремесел, некогда бытовавших на нашей территории и имевших огромное художественное, воспитательное и экономическое значение.

В укладе крестьянской жизни жителей Гороховецкого края особая роль принадлежала и принадлежит праздникам и обрядам. К ним готовились загодя, в частности, шили праздничную одежду, а также тканые, украшенные вышивкой предметы. Обрядово-календарные традиции в осенне-зимний период времени, с одной стороны, и отсутствие полевых работ — с другой, позволяли женской части населения уделять много времени традиционным ремеслам. Шерсть, пряжа и другие материалы, которые использовались для изготовления изделий, доставлялись в Гороховец по реке Клязьме благодаря широким торговым связям.

Исследователь Д.П. Шелехов отмечал, что Гороховецкий край «удивителен разнообразием ремесел и промыслов, замечателен своей предприимчивостью, прозорливыми соображениями и оборотами мены и торговли». Главным направлением гороховецкой промышленности он называл изготовление льняной пряжи, из которой прядут «удивительной тонины нитки для кружев»[1].

В XVIII в. в Гороховце возникают две фабрики — «полотняная» и «каломенковая». Полотняная принадлежала местному купцу Андрею Сапожникову. Здесь на двенадцати станках ткали «ревендук», который продавали в Москве[2]. Во второй половине XVIII в. во Владимирской и Костромской губерниях было налажено производство льняного «ревендука». Он различался как тяжелый, толстый и тонкий. Чисто льня-

---

[1] *Шелехов Д.П.* По русским проселочным дорогам. СПб., 1842. С. 28.

[2] *Тиц А.А.* По окраинным землям владимирским. М., 1969. С. 86.

ной «ревендук» (тонкие его сорта) производится и ныне под названием «льняной холст»[3]. Интересно, что «ревендук» — ткань полотняного переплетения из различных видов пряжи (от голландского «тонкая парусина»).

В старину не было избы, где не стоял бы ткацкий стан. А все члены женской половины семьи обязательно умели вязать, вышивать («жених во двор — пяльца на "стол"»), прясть и ткать полотно (простейший вид ткани). «Отбеленное солнцем, прохладное в летний зной и сохраняющее тепло в зимнюю стужу льняное полотно шло на самые разнообразные повседневные нужды, оно же служило основой для более сложных рукоделий — набойки, узорного ткачества, вышивки. Каждый из этих видов народного искусства имеет свои выразительные средства, особенности орнамента и приемы его исполнения. Каждый из них бытовал в определенных районах, где с течением времени складывались его неповторимые местные черты»[4]. Образ вышивающей девушки часто встречается в фольклоре:

В руках она держит тонко бел полотенце о четырех углах,
Первый угол вышивала: светел месяц со звездами,
Второй угол вышивала: красно солнце с маревами,
Третий угол вышивала: круты горы со лесами,
Со лесными со зверями...
Она первый узор вышивала:
Не утреннюю зарю с белым светом;
Она другой узор вышивала:
Несходимое красно солнце со лучами;
Она третий узор вышивала, —
Что светел да млад месяц со звездами...»[5]

Льноткачество явилось основой для возникновения вышивки — одного из наиболее ярких художественных явлений в народном декоративном искусстве.

К.Г. Беренс в своей статье «Вышивальный промысел в России» писала, что в Гороховецком уезде приблизительно в 48 селениях до тысячи вышивальщиц и строчей с малого возраста строчат и что это умение было известно женщинам издавна. В Мытской и Верхне-Ландеховской волостях строчат 98 мужчин, 458 женщин и 670 подростков по заказам местных торговцев [6].

Несмотря на характерные локальные особенности, в технике исполнения гороховецкая вышивка имеет большое сходство с нижегородской («горьковская мушка») и с ивановской («белая строчка»). По этим особенностям техники можно проследить взаимопроникновение художественных культурных особенностей между соседними областями. Большое влияние на крестьянскую вышивку оказали усадебные и монастырские вышивальные мастерские Знаменского и Сретенского женских монастырей в Гороховце. Мастерицы-крестьянки, работавшие в таких мастерских, со временем переходили к работе на свободный рынок, а группа таких мастериц могла стать основой большого вышивального промысла.

---

[3] *Кирсанова Р.М.* Костюм в русской художественной культуре. М., 1995. С. 229.

[4] *Богуславская И.Я.* Северные сокровища (о народном искусстве Севера и его мастерах). Архангельск, 1980. С. 54.

[5] *Чечеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957. С. 154.

[6] *Беренс К.Г.* Вышивальный промысел в России // Кустарная промышленность России. Женские промыслы. СПб., 1913. С. 409.

Праздник Масленицы в г. Гороховце

Изделия бывших помещичьих и монастырских вышивальщиц отличались безукоризненной техникой исполнения, изысканными орнаментальными элементами. Мастерство искусных рукодельниц оказало большое влияние на вышивальный промысел в целом[7]. Широко использовались гладь, счетная гладь; на рубеже XIX—XX вв. появились вышивка крестом, многоцветная гладь, тамбурный шов и ажурное шитье. В Гороховецком уезде были очень распространены художественное узорное вязание, узорное ткачество и кружевоплетение. Вязание было развито в селе Пистяки, где чулки и варежки из шерсти вязали не только женщины, но и мужчины при помощи одной иглы или четырех спиц. Ткачество получило распространение в селе Верхний Ландех, где ткали синюю пестрядь для крестьянских рубах. Кружево всегда плели в самом городе Гороховце при помощи крючка, им украшали концы полотенец.

В настоящее время женские ремесла приобретают новые формы, диктуемые современностью.

В 2002 г. экспедиция Государственного республиканского центра русского фольклора выявила в Гороховце нескольких мастериц: А.И. Ганн (1918 г. р., село Чулково), которая занимается тканьем половиков и вязанием подзоров; Е.И. Коротыгина (1926 г. р., г. Гороховец), которая вышивает салфетки цветной гладью и вяжет крючком варежки, носки, лебедей. В деревне Золотово был обнаружен подзор в технике «горьковская мушка», в селе Фоминки — фартук со строевым шитьем и полотенца, выполненные в технике «браное ткачество».

Учреждения культуры переносят в день сегодняшний не только ремесла, но и всеми любимые и хорошо известные на Руси красочные праздники: Рождество и рож-

[7] *Мамонтова Н.Н.* Истоки народных художественных промыслов Ивановской области // Народные художественные промыслы Ивановской области. М., 1994. С. 15.

дественские встречи, Масленицу, Троицкие народные гуляния, престольные праздники, Пасху, Красную горку.

Элементы игрового театрализованного фольклора используют в мероприятиях Юровский, Гришинский, Крутовский, Великовский, Галицкий, Чулковский, Быкасовский, Арефинский сельские дома культуры, Центр традиционной культуры с. Фоминки. Успешно проводятся праздники народного календаря в Доме народного творчества и ремесел для туристов Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Владимира.

Большую популярность завоевали Дни сел и деревень, День пожилого человека, благотворительные акции милосердия, а также определенные праздники в учреждениях культуры: Новолинский дворик в ДК «Радуга», «Капустные посиделки» в Чулковском и Гришинском домах культуры, «Веселые Русалии» в быкасовском Доме культуры, праздники фольклора и ремесел в Доме народного творчества и ремесел, детском клубе «Радуга».

Сохранение традиций русской культуры требует заинтересованного творческого участия самодеятельных художников, певцов, музыкантов, танцоров. Их деятельность является яркой необходимой составной частью в работе клубных учреждений района, и, как показывает опыт, значительное число талантливых людей продолжают приходить в клубы и дома культуры после трудового дня, чтобы пообщаться с друзьями, приобщиться к прекрасному. В двадцати самодеятельных коллективах нашего района участвуют люди самых разных жизненных позиций, профессий, разного возраста, но всех их объединяет любовь к народной культуре: танцу, музыке, песне.

Особой популярностью в Гороховецком районе пользуется ансамбль «Раздолье» районного Дома культуры и спорта (муниципальное учреждение культуры, директор — М.А. Ульянычев). Профессиональное мастерство руководителя ансамбля Натальи Морозовой позволило создать высокохудожественный коллектив, который известен во всем крае и за его пределами. Коллективу всего пять лет, но он уже успел стать желанным гостем на районных, областных и региональных мероприятиях. Репертуар ансамбля весьма разнообразен. Признание творческих успехов коллектива пришло благодаря неустанному труду его участников — людей разных профессий, бескорыстно отдающих себя любимому делу. За высокое исполнительское мастерство ансамбль отмечен званием Лауреата премии в области культуры, искусства и литературы Гороховецкого района.

Огромный песенный материал накоплен с 1981 г. в Хоре русской песни гришинского сельского Дома культуры (директор — Н.Б. Макарова). Представлены все песенные жанры: лирические, старинные, народные, массовые, а также песни, записанные от местных исполнителей (например, «Я знаю, ворон, твой обычай»; запись сделана от Анны Павловны Сашиной 1912 г. р.)

Важную роль в деятельности певческих коллективов играет творчество местных самодеятельных авторов, что способствует созданию своего особого образа песенного ансамбля, помогает расширению репертуара. В таких произведениях затрагиваются актуальные для текущего момента темы, вырабатываются формы, близкие участникам ансамбля. С самого начала существования организованной самодеятельности на селе прослеживается любовь к песням, созданным в своей среде, в работе чисто этнографических коллективов.

Примером является творчество ансамблей «Рябинушка» и «Родничок» быкасовского сельского Дома культуры (художественный руководитель — Н.К. Романова). Наталья пишет и музыку, и слова к своим песням, иногда перекладывает на музыку,

Хор русской песни ПКиО г. Гороховца

Фольклорный ансамбль «Селяночка» с. Фоминки

понравившиеся стихи; ее песни — основная часть песенного репертуара ансамбля «Рябинушка».

Убедительное свидетельство того, что народные традиции, талант, певучесть и задор людей не убавились, а, наоборот, умножаются и одухотворяют современную жизнь, — ежегодный районный фестиваль народного творчества, в 2002 г. прошедший уже в двенадцатый раз.

Ансамбли и хоры русской песни сегодня в некоторой степени оказались на перепутье. Их участникам по душе мелодичные лиричные песни с красивыми и осмысленными словами, близкие русскому человеку. Однако предлагаемый репертуар не отвечает этим требованиям. Более того, к сожалению, телевидение, радио предлагают «образцы», которые не могут стать эталоном для подражания. Поэтому работникам культуры в таких условиях очень сложно вести кропотливую собирательскую, реконструктивную деятельность, связанную с сохранением собственно фольклорного творчества.

Собственно фольклорное направление в развитии самодеятельного творчества в Гороховецком районе осуществляют созданное в 2001 г. муниципальное учреждение Центр традиционной культуры с. Фоминки (директор — В.Н. Исковяк) и фольклорный ансамбль «Селяночка» с его бессменным художественным руководителем, энтузиастом и несомненно неординарной личностью, заслуженным работником культуры России Александром Ивановичем Исковяком.

Этнографический ансамбль был создан четырнадцать лет назад и объединил сохранившийся певческий коллектив, состоящий в основном из женщин пенсионного возраста. Многолетняя плодотворная работа ансамбля, глубокие познания и изучение местной традиции дали возможность создать детский коллектив «Селяночка», который постепенно начал работать вместе с этнографическим ансамблем и непосредственно у него перенимать фольклорную традицию. Однако формирование программ для детского коллектива на основе одной, пусть даже очень богатой местной, традиции сопряжено с большими трудностями режиссерско-сценического порядка. Поэтому в репертуар «Селяночки» включаются образцы фольклора не только Фоминского края, но и других территорий Владимирской области и регионов России. В ходе работы дети знакомятся с традиционными музыкальными инструментами, с техникой их изготовления, с народным костюмом на основе имеющихся этнографических образцов.

Сегодня ансамбль «Селяночка» широко известен за пределами Владимирской области, является лауреатом III Всероссийского конкурса самодеятельного народного творчества, лауреатом областной премии 1994 г., дважды лауреатом Всероссийского фестиваля-конкурса народных хоров и ансамблей «Поет село родное», лауреатом Международного фольклорного фестиваля «Славянский базар» в г. Чехове, обладателем гран-при Всероссийского фестиваля народных хоров и ансамблей «Поет село родное» в г. Суздале, лауреатом районной премии в области культуры, искусства и литературы, лауреатом Всероссийского фестиваля детских фольклорных коллективов «Кубанский казачок» в г. Сочи 2002 г.

Активно используют народные праздничные традиции и народные игры в клубе «Берендеи» Дома народного творчества г. Гороховца. Как и в большинстве коллективов района, в основе построения программ лежат различные опубликованные сценарии, которые изменяют в соответствии с местными условиями проведения мероприятия, составом исполнителей; иногда добавляют то, что слышали и видят вокруг себя. Дети выступают прежде всего для детей — в школах, лагерях отдыха, во время прове-

дения праздников. Самыми популярными в их репертуаре являются народные игры, большинство которых совпадает с местными: «Золотые врата», «Челноки», «На горячей сковородке», «Мы веселые ткачихи», «Бояре», «Пузырь», «Маша-Яша» и др.

Говоря о приобщении детей к традиционной культуре, нельзя не обратить внимания на детский клуб «Радуга», работающий в г. Гороховце. Здание, в котором расположен клуб, примечательно тем, что было выстроено специально для детского клуба. В клубе «Радуга» находят себе дело по душе более трехсот человек — и дети, и взрослые. Их деятельность охватывает различные направления и творческие жанры. Большинство детей занимаются параллельно в нескольких кружках и студиях.

К традиционным и современным видам рукоделия детей приобщают опытные преподаватели, которые обучают их вышивке (владимирские верхошвы), шитью (в технике аппликации), вязанию варежек, носков. «Не учи безделью, учи рукоделью», — гласит русская народная пословица.

Традиционные виды ремесел в Гороховецком крае существуют прежде всего как проявление живой народной фантазии и наследуемой традиции, так как «все ремесла несут в образных решениях форм и декора изделий то эстетическое начало, в котором отражено отношение народа к природе как жизнедающей силе и выражено основное этическое начало — жизнеутверждение»[8].

Традицию совместной работы и общения продолжают «Новолинские посиделки», на которые собираются все желающие без всяких возрастных ограничений. На ежегодный праздник художественных ремесел (14 ноября) на Кузьминки, да и на другие праздники участницы посиделок непременно собираются вместе, накрывают «русский стол» из своих припасов. Клуб «Радуга» служит центром непрерывных культурных традиций в самом широком смысле: навыков совместного творчества, человеческого общения, праздничной культуры.

Праздники проводят на улице, на детских площадках, вовлекая в действие зрителей. На Пасху проводят праздник «Пасхальные забавы», а перед началом праздника устраивается конкурс расписного яйца, а еще раньше — «Вербный базар», для которого специально готовят игрушки, поделки. Для того чтобы сделать праздники «живыми», стараются применить все, что помнят сами из своего детства. Например, сделали деревянную горку, воспроизводящую земляной холмик, лунки для катания яиц, как их запомнила Г. Маслова — первый руководитель коллектива; внесли усовершенствование — снабдили лунки «очками».

Нельзя не признать, что получившие широкое распространение фестивали и праздники фольклора (народного творчества) становятся формами культурно-досуговых мероприятий и направлены в основном на показ определенных ритуально-обрядовых действий. Действующие лица представлений и участники фестивалей демонстрируют свое мастерство, слушатели оценивают его. При этом на первом месте — эстетика действий (красивый сценический шаг, новый яркий наряд, добротная бутафория, поставленный голос и др.), забота о внешнем восприятии обряда, пения, декламации и др. Таким образом традиционная культура становится фактом сценического искусства.

Опыт различных фольклорных объединений показывает, что ансамбль, ориентированный на концертную деятельность, не дает возможности для подлинного сохранения и возрождения народных традиций. Синкретическая природа фольклорного

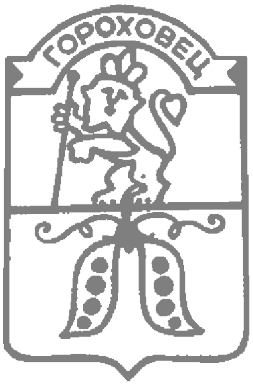
---

[8] *Рождественская С.Б.* Русская народная художественная традиция в современном обществе. М., 1981. С. 183.

искусства предполагает более поливалентные формы работы с населением. Возможно, одной из таких форм может служить фольклорно-этнографическое любительское объединение, в котором могут равноправно существовать различные направления: собирательское, песенное, танцевальное, инструментальное творчество, изучение и воссоздание народного костюма, традиционных ремесел, реконструкция обрядов и практика традиционных видов досуговой деятельности и народных праздников.

Поэтому работникам культуры района еще многое предстоит сделать для сохранения и развития культурного потенциала и культурного наследия родного края, обеспечения преемственности местных традиций и многообразия народной культуры.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Г.А. Федорова

Из истории одежды жителей Гороховецкого уезда в контексте культуры России XVII — начала XX в.

ОДЕЖДА КУПЕЧЕСТВА
(вторая половина XVII в.)

Вторая половина XVII в. Россией с 1645 г. правит второй царь династии Романовых — Алексей Михайлович (1629—1676). Мы привыкли именовать коренным преобразователем России Петра I (1672—1725), но многие новшества появились еще при его отце, Алексее Михайловиче, и старшем сводном брате, Федоре Алексеевиче (1661—1682). Именно при царе Федоре в 1682 г. в России было отменено местничество, мешавшее общественному развитию. Сподвижниками Алексея Михайловича были подготовлены, а им утверждены Торговый устав (1653) и Новоторговый устав (1667), дававшие большие привилегии российским купцам перед иноземцами. Отныне «...прибыльные торги считаются между первыми государственными делами». Весьма вероятно, что именно эти преобразования так резко изменили жизнь тихого деревянного городка, каким был Гороховец до середины XVII в.

В XVII в. в русском государстве еще строго различались «город» как укрепленная крепость и «посад» как поселение торгово-ремесленное. Не во всех городах были посады. В 1678 г. из имевшихся в стране 173 посадов в 136 население мужского пола не превышало 1 тыс. человек в каждом, лишь в 11 самых крупных было более чем по 2000 мужчин. Например, в Ярославле было около 6 тыс. жителей мужского пола, в Костроме — немногим более 2 тыс. Москва, конечно, была вне конкуренции: население всех сословий составляло около 200 тыс. человек. Поэтому посад Гороховца, по меркам того времени, был далеко не маленьким. В 1678 г. на посаде числился 231 двор, жителей мужского пола — около 800 душ. Для сравнения: Владимир — около 1,2 тыс. посадских жителей мужского пола, Суздаль — около 1,5 тыс., Шуя, Юрьев-Польский — примерно по 500 мужчин в каждом из посадов[1].

Прибыльные торги не только укрепляли русскую казну (главная цель принятия уставов), но и позволяли быстро богатеть предприимчивым людям. На капиталы нескольких купцов менее чем за полвека выстроено все каменное великолепие Гороховца: Благовещенский собор, церкви и сказочные жилые палаты-терема, каких и в Москве

[1] *Водарский Я.Е.* Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII века // Города феодальной России. М.,1966. С. 271—282.

в то время было не очень много. Семен Никифорович Ершов — один из купцов — основных жертвователей на это строительство.

Мы по привычке употребляем термин «купец». В качестве самостоятельного сословия купечество формируется лишь в XVIII в. Ранее слово «купечество» обозначало торговую деятельность, а не группу людей, а термин «купец» относился не столько к продавцу, сколько к покупателю и не имел социального содержания. Во второй половине XVII в. происходила трансформация термина «торговый человек» в сторону определения его сословной принадлежности: «торговый иноземец», «торговый посадский человек», «торговый крестьянин»[2].

В переписи 1678 г. братья Ершовы отмечены как первые среди посадских торговых и ремесленных людей г. Гороховца. С 1669 по 1689 г. иждивением Семена Никифоровича Ершова построено три церкви: Знаменская, Троицко-Никольская и Сретенская.

Сохранилась Грамота патриарха Иосафа благословенная посадскому человеку Семену Ершову на построение каменной Знаменской церкви в г. Гороховце 7178 (1669 г.), октября 23. В ней говорится, что города Гороховца посацкой человек Семен Никифоров сын Ершов бил челом Патриарху Московскому и Всея Руси и обещался на новом месте за рекою Клязьмою на гриве воздвигнуть новую церковь во имя Знамения Пречистыя Богородицы с двумя приделами. Патриарх благословил С.Н. Ершова на строительство храма, но велел приделы устроить требуемым им, патриархом, образом, да чтоб верхи «были не шатровые». Если выстроят шатровые верхи, он не позволит освятить церковь[3].

Свое состояние братья Ершовы составили на винных откупах. «Высиженный» на своих винокурнях продукт они подряжались поставлять казне в крупные центры потребления подрядного вина: в Среднее и Нижнее Поволжье, на Северную Двину, в Москву. Разовые поставки, выполнявшиеся «своими работными людьми», были весьма велики: например, в отдельные годы в Астрахань — 10 тыс. ведер, в Архангельск — 5 тыс. ведер, в Казань — 9 тыс. ведер[4].

В русском государстве производство вина из хлеба началось на рубеже XV—XVI вв. Готовили и продавали его держатели корчмы, платившие оброк. В середине XVI в. было предписано ликвидировать корчмы и заменить их кабаками, где напитки и прибыль принадлежали казне или феодалам. В первой половине XVII в. кабаки имелись во всех городах, многих слободах, иногда и в деревнях. При концентрации торгово-промышленного населения в городах сухоно-двинского пути, Среднего и Нижнего Поволжья резко возрос спрос населения на вино, он не удовлетворялся местным производством в этих нехлебородных регионах. Это вызвало развитие подрядной системы поставок вина. Самые ранние сведения о строительстве собственных винокурен подрядчиками относятся к 20-м годам XVII в. (Великий Устюг). Кабацкой реформой 1652 г. была установлена *монополия государ-*

---

[2] *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке: 20-е — начало 60-х годов. М., 1999. С. 5—7. *Голикова Н.Б.* К вопросу о составе русского купечества во второй половине XVII — первой четверти XVIII века // Русский город: Проблемы городообразования. Вып. 3. М., 1980. С. 40—42.

[3] *Георгиевский В.* Флорищева пустынь: Историко-археологическое описание с рисунками. Вязники, 1896. С. 310—311.

[4] Эти цифры были любезно сообщены Татьяной Борисовной Соловьевой, научным сотрудником Российского государственного архива древних актов (РГАДА). В русле создания специальных справочников о должностных лицах и сословиях граждан средневековой Руси готовится справочник о привилегированном купечестве (3-й выпуск), в котором будут опубликованы найденные материалы о члене гостиной сотни, а потом госте Семене Ершове. *Соловьева Т.Б.* Привилегированное купечество в России второй половины XVI — первой половины XVIII в. (гости, гостиная и суконная сотни) // Археографический ежегодник за 1996 г. М., 1998.

ства на продажу вина потребителям. Вместо кабаков создавались кружечные дворы с торговлей навынос (ведрами, кружками, тройными чарками). Казна стала оптовым покупателем, и это стимулировало резкий рост подрядного винокурения. В середине XVII в. было уже не менее 20—25 купеческих винокурен, все они размещались в городах на посадской земле. Сложившуюся в это время *монополию купцов на производство и поставку* подрядного вина нарушил сам царь Алексей Михайлович, взяв крупный подряд на поставку вина в казну. На дворцовых землях на рубеже 50—60-х годов по его распоряжению было организовано пять винокуренных заводов, один из них — в дворцовом селе Красном под Гороховцом (они были ликвидированы после смерти Алексея Михайловича в 1676 г.). Возможно, посадские люди Ершовы занимались «рощением» солода для царских винокурен и лишь потом организовали у себя полный цикл производства вина. Подрядное винокурение было очень выгодным делом: в конце 70-х — начале 80-х годов XVII в. на «кабацкие расходы» ассигновалось не менее 270—280 тыс. рублей ежегодно. Казна платила вперед, т. е. фактически авансировала каждого подрядчика на 50—100%[5].

Уже в 1678 г. на одном из дворов братьев Ершовых было учтено переписчиками 13 семей работных людей (32 души мужского пола)[6]. В производственный комплекс Ершовых входили и солодовни, и винокурни. «Рощение» солода требовало меньших затрат труда, так как главными здесь являлись биохимические процессы, требовавшие только наблюдения и поддержания оптимальных условий. Поэтому наличие 32 работных людей говорит о масштабах производства: обычно их было 6—7 человек, из них примерно 75% составляли квалифицированные винокуры, остальные — подсобные водоливы[7]. Производство росло. Летом многие жители посада, кормившиеся «работою своею», нанимались у Ершовых на груженые струги и барки в качестве кормщиков, бурлаков, коноводов. Зимой к их услугам были местные крестьяне, готовые на своих санях и подводах везти вино по другим городам. Были у Ершовых и свои крепостные. Именно из них назначались приказчики, не смевшие выйти из воли хозяина. Вскоре Семен Никифорович Ершов вместе с братом были приняты в гостиную сотню, среднюю из трех высших привилегированных корпораций торговых людей в Русском государстве XVI — начала XVIII в. («гости», «гостиная сотня», «суконная сотня»). Это ставило братьев Ершовых в исключительное положение среди посадских людей г. Гороховца.

Новые исследования показывают, что «гости» и «гостиная сотня» в XVII в. были, по сути, уже единой корпорацией служилых людей «*по прибору» (т.е. не по наследству, а по добровольной записи)*, призванных к исполнению поручений правительства в торгово-финансовой сфере. Часть представителей гостиной сотни имела особое звание, или чин «гостя». Исполнение специфических «государевых служб», вытекающих из обладания званием члена гостиной сотни, позволяло претендовать на некоторые групповые льготы, как то: «Всякое питье про себя держать безпенно и безвыимочно, и стояльцов всяких людей и иноземцов на дворех их не ставить» (что естественно для винопромышленников, а также при частых служебных разъездах хозяина дома). При Алексее Михайловиче перечень общих льгот был расширен за счет предоставления свободы от местного воеводского суда[8].

---

[5] *Волков М.Я.* Очерки истории промыслов России (вторая половина XVII — первая половина XVIII в.): Винокуренное производство. М., 1979. С. 25—36; 49—51.

[6] Ссылка на архивное дело содержится в статье: *Волков М.Я.* Ремесло и промыслы посадских людей города Гороховца: XVII — первая четверть XVIII в. // Промышленность и торговля в России в XVII—XVIII вв. М., 1983. С. 69.

[7] *Волков М.Я.* Очерки истории... С. 145—151.

[8] *Кистерёв С.Н.* К характеристике купеческих корпораций России в конце XVI — первой половине XVII века // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время. М., 2001. С. 206—214.

Неудивительно, что главный каменный храм города — Благовещенский собор (освящен в 1700 г.), строился в те годы иждивением С.Н. Ершова. Стремление к храмосозиданию на собственные деньги вообще стало отличительной чертой русского купечества, в менталитете которого не было культа богатства. Не лишним будет подчеркнуть, что в сословном государстве при приоритетном положении дворянства именно храмосозидание обеспечивало купцу общественное признание. Осознавалась также «греховность» капитала: «деньгами души не выкупишь», «богатому черти деньги куют», — тем более капитала, нажитого винными откупами, как у Семена Никифоровича[9]. Особенно резкое неприятие вина и табака характеризовало купцов-старообрядцев (вспомним, что вязниковские, а за ними и гороховецкие земли станут одним из оплотов старообрядчества), но в XVII в. эта тенденция только обозначилась.

Войдем в жилые палаты именитых посадских людей. Они воздвигнуты в 1670—1680 гг., когда торгово-предпринимательская деятельность Семена Ершова уже развернулась в полную силу. Здесь разместился теперь Гороховецкий историко-архитектурный музей. Экспозиции построены в основном на предметах XVIII — начала XX в. В книге знатока архитектуры Алексея Алексеевича Тица показаны и авторская реконструкция каменного дома с деревянной в то время надстройкой, и интерьеры, и утварь XVII в.[10] Наша задача — представить, как могли изменяться одежды членов семьи Ершовых по мере накопления капитала: ведь богатое платье поднимало простолюдина не только в мнении окружающих, но и в собственных глазах. Как выглядели они дома в интимной обстановке и при выходе на улицу, в церковь? Представим себе, в каких одеждах мог принимать Семен Никифорович у себя в парадной горнице — «крестовой палате» — дорогого гостя, первого настоятеля Флорищевой пустыни Иллариона, с которым был связан деловыми отношениями[11]. Напомним, что Илларион (1631—1707), будущий митрополит Суздальский и Юрьевский (с 1682 по 1707 г.), был близок к царю Федору Алексеевичу, имел на него значительное влияние, именно по совету Иллариона царь выбрал себе второй женой Марфу Матвеевну Апраксину[12].

Отношения Семена Ершова и строителя Флорищевой пустыни не всегда были благостными. Когда оба они были молоды, в один голодный год настоятель послал инока к богатому купцу с просьбой занять денег или 20 мер жита, но не для самих монахов, а для приходящих в пустынь странников и богомольцев. Ответ посадского человека был зафиксирован и дошел до нас: «Он хочет весь свет прокормить, никому у него отказу нет, и пусть он кормит всех, чем знает». Илларион сам было отправился в Гороховец достать хлеба, но по дороге богатые богомольцы его вернули и дали в пользу монастыря 10 фунтов серебра. В Гороховце был закуплен целый струг хлеба. Между тем Семеном Ершовым овладело раскаяние, он пригласил Иллариона к себе в дом, просил прощения и дал в монастырь 50 мер жита. С тех пор купец стал часто ездить в тогда еще очень бедный монастырь за благословением к подвижнику. Много лет спустя, когда Илларион стал митрополитом Суздальским, но продолжал заботиться о своем бывшем монастыре и часто приезжал во Фло-

---

[9] *Преображенский А.А.* Русское купечество XVII века: Социальный облик, самосознание // Купечество в России: XV — первая половина XIX в. М., 1997. С. 78—79. *Семенова А.В.* Национально-православные традиции в менталитете купечества в период становления российского предпринимательства // Там же. С. 98. См. также: *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1990. С. 100.

[10] *Тиц А.А.* По окраинным землям владимирским: Вязники, Мстера, Гороховец. М., 1969. С. 102—115.

[11] *Андреев Н.И.* Гороховецкая историческая хроника: Сб. историко-краеведческих очерков. Владимир, 1991. С. 47.

[12] *Гордеев С.П.* Илларион // Владимирская энциклопедия: Биобиблиографический словарь. Владимир, 2002, С. 196.

рищеву пустынь на монастырские праздники, Семен Никифорович выстроил там для братии двухэтажный каменный корпус[13]. Род Семена Ершова был вписан в Синодик Флорищевой пустыни за XVII—XVIII вв. Родители Семена Никифоровича стали схимниками Никитой и Февронией (при пострижении меняли имена). Схима — это монашеский чин, налагающий самые строгие правила. В роду были и другие схимонахи: Иона, Александр, Иосиф, Параскева, Серапион[14]. Быть может, в старости и сам Семен Никифорович ушел в монастырь.

Итак, мы в какой-то мере воссоздали духовный облик С.Н. Ершова. Перейдем теперь к одежде. Русские одежды того времени, как мужские, так и женские, были многослойными, и не только в холодное время. Дородность почиталась одним из достоинств, и, надевая много одежд одну на другую, демонстрировали «доброту» фигуры и степень состоятельности рода.

Нижняя, нательная одежда: мужская, женская, детская — это рубаха, или сорочка. Рубахи мальчиков, даже совсем маленьких, в богатых семьях отличались от мужских только своими размерами. Например, отреставрированная детская рубашечка XVI в., которая выставлена в экспозиции Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника в Суздале. Мужские рубахи XVII в. стали короче, чем рубахи знатных людей в Древней Руси: так, известная рубаха князя Дмитрия Пожарского — не ниже колена. Интересно, что принципы кроя туникообразных мужских рубах XVI—XVII вв. в основном сохранились до начала XX в. в обрядовой одежде старообрядцев, в частности на востоке Владимирской губернии. Подтверждением этому служит свадебная рубаха из деревни Кулаки Меленковского уезда (сбор Г.С. Масловой во время этнографической экспедиции 1927 г.), она хранится в фондах Муромского историко-художественного и мемориального музея[15]. В старообрядческих семьях Гороховецкого уезда вполне могли бытовать такие же рубахи. Как и всегда, в основе кроя лежал модуль — ширина холста. Центральное полотнище без плечевого шва переходило спереди на спину. Согнутые вдоль пополам по всей ширине холста отрезки составляли рукава и бочка рубахи. В шов рукава и разрез бочка (т.е. везде параллельно нитям основы) вставлялась квадратная ластовица. Округлый или прямоугольный вырез горловины плотно прилегал к шее. Разрез шел по центру, но мог смещаться вправо или влево (на рубахе Муромского музея — правосторонний разрез). Как в XVI—XVII вв., так и в начале XX в. под плечи, грудь и верхнюю часть спины подшива-

*Мужская рубаха XVII в.**

---

* Фотографии, рисунки и перерисовки выполнены автором.

[13] *Георгиевский В.* Указ. соч. С. 51—52.

[14] Синодик Флорищевой пустыни (рукопись). Владимиро-Суздальский музей-заповедник. В 5636/157. Инв. № 126. Л. 21; 64, об.

[15] *Уколова М.Г.* Этнографическая экспедиция Г.С.Масловой 1927 г.: К вопросу о традиционном костюме Муромского уезда // Рождественские чтения. Вып. II. Ковров, 1995. С. 109—112.

лась упрочняющая подкладка — подоплека (причем не только в крестьянской рабочей или свадебной рубахе, но и в рубахах высшего сословия и в свадебных крестьянских). При практическом тождестве кроя, рубахи XVII в. резко отличались от более поздних своим декоративным оформлением[16].

Во-первых, это разрез-прореха спереди в низу рубахи — для широкого шага или верховой езды. Во-вторых, это застегнутые на пуговки разрезы у плечей на рукавах, утилитарное назначение которых неясно. Возможно, они как-то соотносятся со всевозможными разрезами, вырезами и неполностью зашитыми проймами в одеждах с откидными рукавами. В зависимости от богатства владельца горловина и разрезы украшались полосками золотосеребряной или шелковой вышивки, позументом и застегивались на мелкие пуговки, свернутые из плетеной тесьмы. Из той же тесьмы делались горизонтальные нашивки и петли. Все конструктивные швы в зависимости от ценности рубахи подчеркивались выпушками-торочками из золото-серебряной или шелковой плетеной тесьмы, что одновременно служило оберегом, украшающим и упрочняющим элементом (в археологических находках именно эти содержащие металл торочки и нашивки позволяют реконструировать всю рубаху, так как растительные волокна практически не сохраняются). Спрос на такие украшения вызвал появление узкой специализации ремесленников: нашивочников, торочечников, продававших свои изделия в торговых рядах в Москве и других крупных городах.

Мы уже можем представить себе рубахи Семена Никифоровича Ершова, более или менее праздничные: из тонкого, хорошо отбеленного гороховецкого льна или из дорогой заграничной хлопчатобумажной ткани — плотной или совсем тоненькой, как кисея. Парадная рубаха могла быть сшита и из привозного шелка.

Мужские штаны (порты) XVII в. также хранятся в фондах Государственной Оружейной палаты в Москве. И их покрой сохранился в крестьянской одежде до XIX в. Русские порты кроились недлинными (они заправлялись в сапоги или у крестьян в онучи) и неширокими — штанина шириной в одну точу холста. При необходимости вверху они расширялись подкройными клиньями. Штанины соединялись вместе вставками из треугольников и закреплялись на торсе плетеным или витым шнурком — гашником. Постепенно в быту происходила дифференциация этого вида одежды на нижнее белье — подштанники, а также собственно штаны[17].

Слово «порты» произошло от слова «портно» — узкий, грубый холст. Первоначально оно означало «платье, одежда или сшитое портно». Но наряду с этим в древности так могли назвать и драгоценную ткань: «порты златоглавые», т. е. шелковая ткань со звериным орнаментом, головки зверей затканы золотом. В подобную ткань, например, было обернуто тело князя Андрея Боголюбского при погребении. При перезахоронении тела князя извлеченные фрагменты хорошо сохранившейся ткани попали в несколько разных коллекций. Более позднее значение — «порты или портки — холщовое исподнее, мужское платье, гачи, штаны, шаровары»[18]. В XVI—XVII вв. в царском быту термин «портяное исподнее платье» использовался расширительно — как для мужского, так и для женского белья. Прачки-портомои мыли царское белье в подклетном этаже в специальных портомойных

---

[16] *Левинсон-Нечаева М.Н.* Материалы к истории русской народной одежды // Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — нач. XX в.): Определитель. М., 1971. С. 353. *Ефимова Л.В.* Древнерусская одежда и русский народный костюм XV — начала XX в. // Костюм в России XV — начала XX в.: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2000. С. 14—15. Рис. 7, 8.

[17] *Левинсон-Нечаева М.Н.* Указ. соч. С. 352—353. Рис. 239.

[18] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1990. (СПб.—М., 1882). Т. III. С. 322—323.

палатах, через особые портомойные ворота в Кремлевской стене носили его в портомойную избу на берегу Москвы-реки. Полоскали белье на специальном плоту у Водовзводной башни, а затем сушили на сквозных чердаках с решетками, «прописанными по-стекольному».

Порты крестьян, небогатых посадских жителей шились из холста, из крашенины, пестряди. Более нарядным материалом считалась набойка. В Гороховце, конечно, были собственные крашенинники, но число их в XVII — начале XVIII в. не росло, а сокращалось (8 крашенинников в 1623 г., 3 — в 1646 г., 2 — в 1722 г.). Они не выдерживали конкуренции крашенинников из соседнего нижегородского села Павлова и крашенинников и набойщиков из Ярославля[19].

На сохранившихся храмовых фресках XVII в. в Ярославле очень многие персонажи бытовых сцен одеты в гладкокрашенные рубахи и порты, ткань которых украшена ручной набойкой. Это крупный изощренный цветочный орнамент, отпечатанный красной, вишнево-коричневой, изумрудной красками по белому фону. Иногда охристой или вишнево-коричневой красками отпечатан фон, и по нему расцветают все те же причудливые, но белые цветы. Иногда это диагонально расположенные узорные полосы или некрупные ромбы, центрированные простыми цветочными розетками. В общем, это узнаваемые узоры ручной масляной набойки XVI—XVII вв. Изографы конца XVII в. достаточно смело отражали в своих фресках бытовые реалии жизни населения набиравших экономический и политический вес посадов, пользовались любой возможностью, чтобы включить в религиозные сюжеты сцены из современной им жизни. Поэтому мы можем рассматривать и одежду, и изображенные персонажи как документальное свидетельство конца XVII в.[20].

В набойчатых порточках могли ходить и щеголи гороховецкого посада, в том числе и Семен Никифорович в молодости. Знаток старинного русского быта П.И. Савваитов писал, что в богатом быту штаны, надеваемые поверх исподницы, могли быть сшиты из таких заграничных тканей, как объярь, камка, атлас, тафта; штаны могли быть холодными, без подкладки; на зиму шились теплые: стеганые или на меху (брюшки белок, соболей, песцов) [21]. Вероятно, в солидном возрасте и С.Н. Ершов тоже мог себе позволить богатые шелковые штаны. Отправляясь зимой в поездки «по государевым службам», носил штаны с меховым исподом.

Русский человек не мог не подпоясать рубаху (иначе про него могли сказать: «Беспоясный татарин»). Пояс давался ребенку при крещении и хранился им всю жизнь. Он служил оберегом и выполнял много других функций. Пояс в Древней Руси воспринимался и как отцовское благословение. Один и тот же «пояс великий золот с каменьем с женчуги» князь Иван Данилович Калита в 1328 г. передал старшему сыну Ивану Красному, а тот, в свою очередь, в 1356 г. своему старшему сыну Дмитрию. Дмитрий Донской в 1389 г. наделяет драгоценными поясами своих сыновей Василия, Юрия, Андрея, Петра, Ивана, называя при этом имена мастеров, создавших новые пояса («пояс Макарова дела», «Шишкина дела»)[22]. Характерно, что на таком драгоценном поясе крепилась калита, т.е. кошелек для денег.

---

[19] *Волков М.Я.* Ремесло... С. 66—67.

[20] *Басова В.Г.* Гурий Никитин. М., 1982. С. 155, 160, 161. *Блажевская С.Е.* Церковь Богоявления в Ярославле. М., 2002. С. 44, 48. 49, 55.

[21] *Савваитов П.* Объяснительный указатель к описанию старинных царских утварей, одежд, оружия, ратного доспеха и конского прибора // Записки Императорского Археологического общества. Т. XI. СПб., 1865. С. 580—581.

[22] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. I. М., 1813. С. 32, 40, 61.

В регламенте семейной, хозяйственной и религиозной жизни средневекового дома, зафиксированном в XVI в. («Домострой»), чин (т.е. порядок) свадебный предписывает: «...тесть дружку отпустит к новобрачному с мыленными дарами... а приехав к мыльне, разбирает и дает людям держати на руках сорочка, порты, пояс с мошною, в мошне золотые, нижний пояс...»[23]. Наверняка через такой ритуал прошел в свое время и Семен Никифорович Ершов. Конечно, рубаха в быту, хоть и богатом купеческом, подпоясывалась гораздо более простым, чем у князей, поясом, шерстяным или шелковым. Таков был и «нижний пояс». Он мог быть витым, «дерганым» (техника плетения с помощью пальцев обеих рук с резким ритмическим разведением рук в стороны для уплотнения плетения), тканым на дощечках, на нить — все эти техники были издавна известны русским (они в какой-то мере интернациональны) и сохранились до начала XX в.[24].

О совершенстве, до которого могла быть доведена техника ткачества на дощечках в XVI — XVII вв., можно судить по парадному конскому убранству, сохранившемуся в царской Конюшенной казне. Это великолепие экспонируется в Государственной Оружейной палате Московского Кремля. Ремни-подпруги, которыми седло для верховой езды укреплялось на лошади, в парадном варианте делались двухслойными: на кожу наклеивались пояса шириной около одного вершка (4,45 см, длина фаланги указательного пальца), сотканные из толстых цветных нитей шелка-сырца на большом количестве дощечек с взаимным ритмическим перебросом последних. Мастеровые люди Конюшенного приказа (76 человек в 1673 г.) четко делились по специализации, кто-то из них, возможно, «плетный» мастер, владел и этим достаточно сложным ремеслом. Седло с тканными из шелка на дощечках подпругами из Оружейной палаты будет теперь экспонироваться и во вновь открывшемся Историческом музее Владимиро-Суздальского музея-заповедника во Владимире, в витрине, посвященной князю, а потом боярину Дмитрию Пожарскому.

Шелк-сырец был одним из главных товаров, ввозимых в XVII в. через Астрахань (ардаш, лежа, шарбат, ряшский, гилянский, ардевильский, кашанский и другие сорта). Но в самом русском государстве он находил малое применение — для изготовления шнуров, поясов: московские и другие мастерицы умели сучить шелк руками. В конце XVII в. часть шелка использовалась для первых проб русского шелкоткачества. Основная масса шелка-сырца вывозилась дальше через Архангельск в Западную Европу. Это отвечало стремлению Алексея Михайловича монополизировать европейскую торговлю с Персией[25].

Бывая по своим торговым делам в Москве, в Ярославле, на Макарьевской ярмарке, Семен Никифорович мог увидеть и приобрести для подпоясывания праздничных рубах очень красивый, виртуозно сработанный пояс, а в будни довольствоваться тем, что, вероятно, умели соткать или сплести его жена или работница.

Обут был Семен Никифорович, конечно, в сапоги. В молодости, наверное, он носил сапоги работы гороховецких посадских сапожников: в 1623 г. их было 6 человек, в 1646 г. — 4 человека[26]. Почти наверняка они были сшиты из юфти (юфтевые или юфтяные, иначе — юхотные). Юфть (юхоть) — это кожа рослого быка или коровы, выде-

---

[23] Домострой. М., 1991. С. 153.

[24] *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.// Восточнославянский этнографический сборник: Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. XXXI. М., 1956. С. 499—509. Ткань. Ритуал. Человек: Традиции ткачества славян Восточной Европы. СПб., 1992. С. 15—17.

[25] *Бакланова Н.А.* Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. Без места и года издания (до 1934 г.). С. 31—37.

[26] *Волков М.Я.* Ремесло... С. 63, 66.

лываемая по русскому способу на чистом дегте. От них шел «юфтевый дух» — запах дегтя. С.Н.Ершов — член гостиной сотни, видимо, уже носил сапожки сафьяновые — из тонкой и мягкой козловой кожи, окрашенной в красный, желтый или зеленый цвет, которую в те времена везли персидские купцы через Астрахань. Выделывался сафьян и в Казани.

Древнерусские сапоги были на мягкой подошве, а к XVI—XVII вв. стали преобладать сапоги на жесткой подошве и на каблуках. Щегольские сапожки украшали узором из золоченых серебряных гвоздиков в области пятки, голенища расшивали шелком и золотными нитями, а в царском и боярском быту — и жемчугом. Носки этих сапог были заострены и загнуты вверх, чтобы не застревать в стременах. В верхних одеждах, шубах, например, специально делались по бокам у подола разрезы, чтобы сквозь них можно было продемонстрировать богато изукрашенные сапожки.

На рубаху со штанами Семен Никифорович мог надевать одну за другой несколько распашных одежд. Сначала надевался один или несколько кафтанов: коротких (до колен) или длинных (до щиколоток). Самый первый, нижний кафтан — зипун. Он мог быть летним — «холодным» (на одной подкладке) и теплым, стеганым или даже подбитым мехом. Скошенная правая пола зипуна заходила на левую полу и застегивалась сбоку. В зависимости от назначения и от степени состоятельности семьи зипун шился из льняной или шерстяной крашенины или более дорогой и потому престижной восточной хлопчатобумажной ткани. Поверх зипуна надевался собственно кафтан, достаточно прилегающий в талии и раскошенный клиньями к подолу. Семен Никифорович вряд ли мог носить так называемый «становой» кафтан с широкими укороченными до локтя рукавами, так любимый, например, художниками современной лаковой миниатюры, — это кафтан самых привилегированных сословий. Не носил он по той же причине и другой короткорукавный кафтан — терлик. Его кафтан был «русским», отрезным сзади и сосборенным по талии, так как расширяющие его нижнюю часть клинья были у талии не острыми, а трапециевидными. Он тоже мог быть теплым или холодным. Симметричные полы кафтана застегивались на медные, оловянные, серебряные или позолоченные пуговицы или коралловые костыльки. Петли-нашивки делались из цветных шерстяных, шелковых шнуров, иногда оканчивающихся кисточками. Кафтаны шились из самых разнообразных тканей. Волков М.Я. пишет о том, что в 1623 г. гороховецкие посадские портные мастера составляли 10 человек, а в 1646 г. — 4 человека[27].

Мелкие посадские ремесленники могли вытесняться конкуренцией работавших на торг оброчных монастырских, дворцовых и княжеских крестьян и бобылей (безземельных). Эта конкуренция могла проявляться в двух формах. Непашенные крестьяне-ремесленники сами являлись на посадский торг со своими товарами и иногда вели себя весьма агрессивно: «...крестьяне... ходили с топорками, и с кистенями, и с ослопы, и с кольи... похваляясь нас, сирот государевых, убийством». С другой стороны, из среды крестьян выделялись торговые крестьяне-скупщики, которые отвечали на появление крупного спроса объединением в своих руках мелкого раздробленного сбыта, что облегчало борьбу за рынок. Крупные скупщики торговали на ярмарках, везли товары в Сибирь[28]. В начале 1640-х годов был ограблен крестьянин Шуйского уезда Николо-Шартомского монастырского села Колачево. Разбойники взяли у него холсты беленые и суровые, сукна сермяжные, зипуны сермяжные, кафтаны, рубахи мужские и женские, сарафаны крашенинные[29].

---

[27] *Волков М.Я.* Ремесло... С. 63, 66.

[28] *Муравьева Л.Л.* Деревенская промышленность Центральной России второй половины XVII в. М., 1971. С. 73, 142.

[29] Владимирские губернские ведомости (далее — ВГВ). 1859. № 9. С. 36.

Кафтаны С.Н. Ершова — члена гостиной сотни — должны были стать богатыми. Это уже не местное сукно, а тонкое, хорошо отделанное, заграничное («анбурское», «аглинское»). Шились дорогие кафтаны из узорных шелковых тканей и парчи.

Главным покупателем заморских товаров в Архангельском порту была казна, так как в Москве все стоило гораздо дороже. Закупка поручалась члену гостиной сотни, обычно в ранге гостя. Расплачивался он казенными же товарами: пенькою, смольчугом и прочими. Например, в 1659 г. было куплено в казну более 20 тыс. аршин шелковых материй и бархата, около 15 тыс. аршин сукна. Предназначались эти ткани на жалованье служилым людям, а также на меновую торговлю с Персией. Кроме Москвы, ткани распространялись преимущественно по таким маршрутам: Великий Устюг — Кострома — Нижний Новгород — Казань — Вятка — Пермь — Сибирь[30].

Довольно широко известен обычай украшать парадный кафтан съемным воротником-«козырем», богато расшитым золотом и шелками, жемчугом и самоцветами. Такой воротник можно видеть на портрете XVII в. князя-полководца Михаила Васильевича Скопина-Шуйского (1586—1610), отравленного в Москве после победы над Лжедмитрием II. Воротник-козырь был знаком высших сословий, но есть документальные свидетельства, что козырь, и не один, можно было встретить и в сундуках богатых посадских людей, например «козырь шит золотом и серебром по белому атласу»[31].

Кафтан опоясывался кушаком. Этот пояс уже не воспринимался как оберег. Кушаки, весьма разнообразные по материалу, украшениям и стоимости, могли быть сделаны из кумача, из тафты, из дорогих иранских и турецких шелковых тканей с золотной ниткой. С будничным кафтаном мог употребляться широкий шерстяной пояс-кушак домашнего производства. К богатому кафтану Семена Никифоровича требовался кушак из числа самых престижных.

В XVI—XVII вв. славились кизылбашские (персидские) шелковые узорные кушаки. Окаймленная средняя часть пояса обычно бывала заткана мелким травным, цветочным или геометрическим узором, а концы — букетами или венками из цветов. Такие пояса были дорогими — до 2 рублей штука. Для сравнения: в самом конце XVII в. недалеко от Гороховца был ограблен человек из вотчины князя Черкасского (видимо, тоже крестьянин-скупщик). У него, в числе прочего, было отнято:

пуд шелку — цена 40 рублей;

25 кумачей — 25 рублей;

3 тысячи аршин гарусу шерстяного — 1,5 рубля;

50 очелий золотных — 15 рублей;

1000 пуговиц медных — 26 алтын 4 денги[32].

Один алтын серебром равен 3 копейкам или 6 денгам, т.е. в одном рубле 200 денег. Поэтому за 2 рубля в конце XVII в. можно было бы купить один кизылбашский шелковый кушак, или 8 тафтяных кушаков, или около 2,5 тыс. медных пуговиц.

Следующей надеваемой на кафтан одеждой Семена Никифоровича могла быть однорядка, похожая на кафтан, но более длинная. Будучи однобортной, застегивалась на пуговицы, как кафтан, либо завязывалась на завязки из шелковых шнуров с кисточками. Чаще шилась без воротника, рукава могли надеваться или быть откидными, т.е. руки продевались в незашитые проймы или специальные прорези. Термин «однорядка» интерпретируют как «сшитая в один ряд, без подкладки»[33]. Как легкая осен-

---

[30] *Бакланова Н.А.* Указ. соч. С. 15—20, 32—33.

[31] *Суворов Н.И.* Опись имения богатого вологжанина, посадского человека Ивана Скрябина, составленная в 1672 г. СПб., 1861. С. 4.

[32] *Муравьева Л.Л.* Указ. соч. С. 187.

[33] *Кирсанова Р.М.* Костюм в русской художественной культуре. М., 1995. С. 187.

няя одежда однорядка шилась преимущественно из сукна. В дождливую погоду поверх кафтана или однорядки можно было надеть епанчу — широкий просторный плащ или накидку без рукавов. Шили епанчу из толстого сукна или войлока и пропитывали олифой, чтобы она не пропускала влагу. «Япанча белая валяная» была и среди имущества уже знакомого нам обладателя воротника-козыря. Епанча могла быть и с капюшоном. Под тем же названием мог фигурировать и плащ-накидка из шелка.

В хорошую погоду и в торжественных случаях на кафтан или однорядку надевался опашень — обычно шелковая на подкладке легкая свободная одежда, которую носили внакидку, «на опашь» (поэтому длинные узкие внизу рукава висели свободно, руки продевались в проймы или разрезы). Опашень был дорогой одеждой, его носили лишь знатные или очень богатые люди. Возможно, настоятеля Иллариона Семен Никифорович Ершов встречал у себя дома именно в шелковом опашне, украшенном дорогими серебряными золочеными пуговицами. Опашень обычно сзади доходил до щиколоток, а спереди был более коротким.

> Настоятель не выразил бы ему порицания. Сам он носил одежду иноческую и скудную. В 1677 г., при первом, совершенно неожиданном для бывшего в Москве Иллариона приглашении в царский дворец к Федору Алексеевичу, настоятель не хотел садиться в богато убранные сани, считая это несовместимой с его иноческим званием роскошью, и уступил только усиленным просьбам царедворца Языкова[34].

Завершает все это великолепие шуба. Шуба с царского плеча — престижнейшая награда как для самого богатого и знатного подданного, так и для представителя иной державы. Шубы в XVII в. (и вплоть до конца XIX в.) шились исключительно мехом внутрь. Сверху они крылись самыми разнообразными материями. Так называемые «нагольные» шубы (кожей наружу) носили в быту только самые бедные люди. Но нагольные шубы служили и обрядовой одеждой, тогда их в некоторых случаях выворачивали мехом наружу. Цитированный выше перечень «мыленных даров» жениху в «Домострое» завершается так: «...зипун, шуба нагольная, шапка черевья...»[35].

> Меха в XVII в. раскраивались на части, отдельно сшивались полсти из спинок — «хребтов», другие полсти из брюшек — «черевов», третьи — из лапок, из хвостов. Соответственно, дорогая тяжелая прочная шуба могла быть «на хребтах», легкая и мягкая — «на черевах»: бобровых, лисьих, беличьих (черевий, черевчатый, брюшный, брющатый мех).

В зависимости от состоятельности семьи и назначения шубы, как мужской, так и женской, ее крыли простой крашениной или шелком, парчой или драгоценным рытым бархатом. Шубы были объемными, длинными, с большими воротниками, с рукавами, очень широкими в прямых проймах и узкими внизу. Спущенный рукав шубы защищал от холода[36]. Наверняка, у Семена Никифоровича было несколько шуб: попроще — для домашнего употребления и парадная — для посещения церкви в большой праздник, для приема высоких гостей, для престижных визитов по «государевым службам» в гостиной сотне. Вспомним и о разрезах внизу по бокам парадной шубы для показа богатых сапожек.

Соответственно, различались и шапки С.Н. Ершова. Шапки характеризовали сословную принадлежность, были знаком мужской чести. Снять с кого-то шапку на торгу — значило заявить его всенародно мошенником. Обрядовые шапки жениха, перечисляемые в «Домострое»: нагольная, черевья, подскорная (крытая меховая). Труд

---

[34] *Георгиевский В.* Указ. соч. С. 58—59.

[35] Домострой. М., 1991. С. 153.

[36] Были в употреблении также меховые рукавицы и перчатки («рукавки персчатые»).

своих посадских шапочников — мелких ремесленников в Гороховце был слабо востребован: в 1623 г. числился лишь один таковой, в 1646 г. их не было вообще, в 1722 г. вновь действовал один шапочник[37]. Следовательно, шапки шили дома или покупали на торгу. Возможно, дома Семен Никифорович носил маленькую круглую шапочку — тафью, закрывающую макушку. Богатые тафьи, шитые шелками, золотом, украшенные жемчугом и каменьями, носили царь, бояре, опричники. Об этом писал английский посланник Джайлс Флетчер, направленный королевой Елизаветой к Федору Иоанновичу для заключения дружественного союза. Он был внимательным наблюдателем, не склонным к поверхностной фиксации экзотики: «Цель моя... записать для себя приметы более важные, нежели забавные, и преимущественно истинные, а не странные»[38]. Тафья — это «род скуфьи». В.И. Даль приводит и шутливый вариант — «наплешник»[39]. Тафьи С.Н. Ершова могли быть разными: суконными и шелковыми, более или менее украшенными.

«Тафейку робячью», по-видимому, могли носить не только мальчики в состоятельных семьях, но и девочки. Есть свидетельства, что тафейки носили дочери царя Михаила Федоровича: приобретались драгоценные камни «государыни царевны на тафейку»[40].

Как и одежды того времени, шапки могли надеваться одна на другую. Поверх тафьи могла быть надета шапка-колпак, а могла и шапка-мурмолка. Адам Олеарий, участник голштинского посольства, начавшегося в 1634 г. и длившегося с перерывами несколько лет, отметил, что простые русские граждане, т.е. посадские жители, летом носят шапки из белого войлока, а зимой из сукна, подбитого простым мехом[41]. Войлочная (валяная) шапка тоже представляла собой колпак, более или менее высокий. В нижней части он мог быть или просто отогнут и слегка завернут наверх, или иметь при этом один или два разреза — один спереди, другой сзади. Подобный же колпак мог быть сшит и из ткани, своей стоимостью соответствующей сословному положению и богатству владельца. В исключительных случаях колпак богато декорировали, нашивая драгоценные украшения. Шапки-мурмолки распространились среди зажиточных слоев населения в конце XVI и в XVII в.[42]. Мурмолка не имела больших принципиальных отличий от богатого колпака, разве что неширокие отвороты ее могли быть украшены мехом. Отвороты, разрезанные спереди, удерживались в верхнем, но не приплюснутом к тулье положении с помощью пуговиц, продетых в петли, или пряжек. Тулья, довольно высокая, конусовидная, уплощенная сверху, шилась из шелка, бархата или парчи.

Мурмолки были выбраны в XIX в. славянофилами одним из символов «русскости» в их костюмах, демонстративно противопоставленных господствующей моде. Прочно обосновались мурмолки и в исторической поэзии и прозе. В.И. Даль вообще считал *мурмонку*, или *мурмолку* чуть ли не легендарной шапкой, поминаемой только в сказках и песнях[43].

---

[37] *Волков М.Я.* Ремесло... С. 63, 66.

[38] *Флетчер Дж.* О государстве русском. СПб., 1905. С. 3, 125. Название в оригинале: «О государстве русском, или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским), с описанием нравов и обычаев жителей этой страны». Лондон, 1591.

[39] *Даль В.* Указ. соч. Т. IV. С. 214.

[40] *Кологривов С.Н.* Государева Большая Шкатула. СПб., 1903. С. 29. В этой книге опубликованы подробнейшие записи о приобретениях и перемещениях царских драгоценностей в 1627—1654 гг.

[41] *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. М.,1996. С. 185.

[42] *Рабинович М.Г.* Одежда русских XII—XVII в. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 84.

[43] *Даль В.* Указ. соч. Т.II. С. 360.

Семен Никифорович в разные годы носил колпаки и мурмолки, а также теплые зимние шапки «на черевах» беличьих, собольих и горностаевых. Вероятно, в мороз в дальнюю поездку он мог надеть и меховой треух.

Сохранились свидетельства, что в 1671 г. через Архангельск было завезено 10 250 штук «немецких» шляп, следовательно, они могли быть довольно популярны в русском государстве[44]. Действительно, в описи имения все того же посадского человека — владельца двух воротников-козырей и епанчи, числится «двадцать шляп немецких черные»[45]. Возможно, они были приобретены для перепродажи, но не исключено, что и сам богатый вологжанин носил немецкую шляпу. Представим себе, что бывали ситуации, когда и набиравший силу Семен Ершов мог надеть черную «немецкую» шляпу.

Что точно не мог носить Семен Никифорович, так это высокую черную шапку-столбунец из соболя, — это было прерогативой только высших сословий. Мы знаем, как легко могли быть преодолены сословные границы в эпоху Петра I: торговец пирожками Александр Меншиков (1673—1729) стал светлейшим князем и генералиссимусом. Торговец и в XVII в. мог стать думным дворянином, как нижегородский торговец мясом (говядарь) Козьма Минин (?—1616), но причиной тому были исключительные заслуги его перед страной и перед династией Романовых. Членства в гостиной сотне было недостаточно для ношения шапки-столбунца.

Как были одеты женщины в патриархальной семье купцов Ершовых?

Женская парадная рубаха XVII в. шилась во весь рост и имела очень длинные, суживающиеся к запястью рукава, которые, по заметкам иностранных путешественников, укладывались по всей длине поперечными частыми складками (эта рубаха надевалась на женскую исподнюю рубаху с рукавами до запястья). Были ли сборки у горловины, установить трудно, так как верхние одежды были вырезаны также под горло. Эта рубаха фактически соответствовала платью; она могла быть сшита из тонкого белого льна, крашенины или гладкокрашенного заморского шелка.

Такую розовую рубаху мы можем увидеть на ярославской иконе 1680-х годов «Кирик и Улита» — одном из малоизвестных шедевров XVII в., хранящейся в фондах Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника[46]. Так же как церковные фрески, иконопись XVII в. полна реалистическими мотивами. Туникообразная рубаха опоясана, длинные, суживающиеся к запястьям рукава удерживаются богато расшитыми по ткани зарукавьями. Подол рубахи тоже украшен узорной полосой. Поверх рубахи надет оливкового цвета плащ с капюшоном, шитым серебряными нитями.

Замужняя женщина не должна была никому, кроме мужа, показываться в неприкрытой другими одеждами рубахе. Напомним, что невольное нарушение этого неукоснительного требования беременной женой царевича Ивана Ивановича привело к бурной ссоре и нечаянному убийству Иваном Грозным своего старшего сына — наследника престола.

Одеждой, надеваемой непосредственно на рубаху, была телогрея. Она могла быть домашней или предназначенной для выхода. Обратимся к «Домострою». Чин свадеб-

---

[44] *Бакланова Н.А.* Указ. соч. С. 97.

Среди боярынь, сопровождавших царицу Елену (Глинскую), мать Ивана Грозного, некоторые изображены в шляпах явно нерусского происхождения: с невысокой полусферической тульей и совершенно плоскими полями шириной 1—1,5 вершка. Эти шляпы надеты поверх традиционного убруса, свисающего по сторонам. (см.: *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI—XVII столетиях. Т.2: Домашний быт русских цариц. М., 2001. Рис. IV (3).)

[45] *Суворов Н.И.* Указ. соч. С. 4.

[46] *Буганов В.И.* Мир истории: Россия в XVII столетии. М., 1989. С. 313 (полная репродукция). *Басова В.Г.* Указ. соч. С. 127—129 (фрагменты).

ный предписывает, что после венчания и пирования, когда новобрачным идти в сенник, с новобрачной снимают парадный наряд за завесою, и перед двумя дружками, да двумя свахами, да постельничим новобрачная должна быть «...в телогрее да в шапках в горлатных...»[47]. Именно телогрея XVII в., по предположениям исследователей, могла стать одной из прародительниц русского косоклинного распашного сарафана XVIII в.

В большинстве русских одежд XVII в. проймы были прямыми, т.е. уточная нить рукава пришивалась к основной нити стана. В 1935 г. при строительстве первой линии метрополитена в Москве в кладке Китайгородской стены была обнаружена распашная телогрея второй половины XVII в. с выкройными проймами и рукавами, настолько узкими в нижней части, что продеть в них кисть руки было невозможно. В верхней части рукавов, фактически в плечах, были сделаны овальные прорези[48]. Если совсем удалить рукава, останется конструкция, очень похожая на безлямочный («глухой») косоклинный сарафан XVIII в., даже организация застежки та же. Пуговки на правой поле сделаны из узелков шнура. Петли ответвляются от такого же шнура, нашитого вертикально на левую полу. Телогрея была праздничной, так как сшита из дорогой китайской ткани — камки (только благодаря окрашенному шелку она и смогла сохраниться в течение двух с половиной веков, спрятанной в стене).

Домашние телогреи шились из крашенины, теплые — из сукна. Пуговицы могли быть медными, оловянными, в богатых семьях — серебряными и позолоченными, а также финифтяными. Телогреи, как и другие верхние женские одежды XVI—XVII вв., не подпоясывались. Подпоясанной должна быть рубаха.

Женская одежда под названием «сарафан» существовала, как полагают исследователи, уже в XVI — первой половине XVII в., но конструкция ее неизвестна (в более ранние времена «сарафан» упоминался исключительно как одежда мужская, царская).

Мы получили возможность всматриваться в мелочи повседневной жизни наших предков, в том числе в старинные бытовые вещи, вслед за научным руководителем Исторического музея в Москве Иваном Егоровичем Забелиным (1820—1908)[49]. Он фактически первым с 40-х годов XIX в. тщательно изучил остатки архивов кремлевских хранилищ, значительно пострадавших от вандализма солдат Наполеона (чтобы согреться, они жгли в кострах старинные документы, набивали ими матрацы; то, что уцелело, собирали потом по всему Кремлю). Забелин процитировал записи хранителей дворцового имущества. В 1629—1633 гг. царицыным шутихам («дуркам») и юродивым покупались в торговом ряду уже готовые сарафаны крашенинные лазоревые, а «старице» княжне Мстиславской[50] шились в царицыной мастерской сарафаны из дорогих тканей — тафты виницейской (венецианской) гвоздичного цвета или из объяри, т. е. шелка с эффектом муара, таусинного цвета, считавшегося самым нарядным. Исследователи полагают, что таусинный цвет соответствует темно-синему или сине-лиловому («павлиний» цвет). Возможно, что это название, закрепившееся на Руси, было связано с цветом одного из любимейших синих драгоценных камней, привозимых из Персии — сапфира-«тауси», что значит «павлин». Но иногда

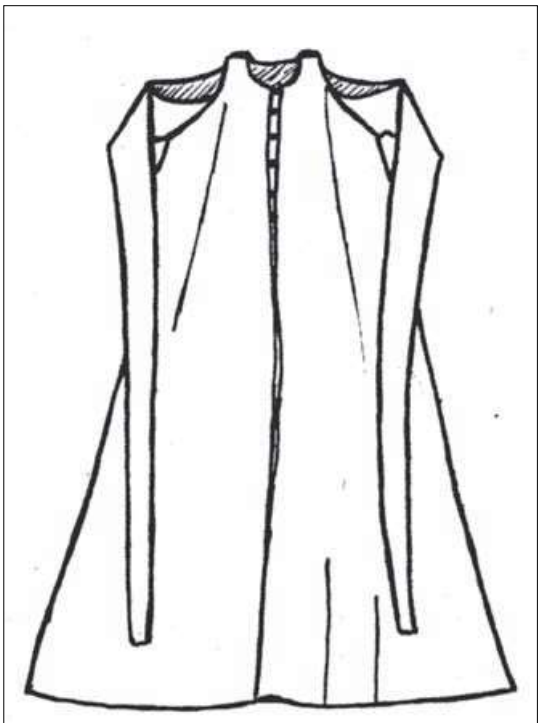
[47] Домострой. М., 1991. С. 150—151.

[48] *Левинсон-Нечаева М.Н.* Указ. соч. С. 358. *Ефимова Л.В.* Указ. соч. С. 20—21. Рис. 13.

[49] *Коноплева Р.Г.* Забелин И.Е.// Владимирская энциклопедия. Указ. изд. С. 175. *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI—XVII столетиях. Т. 2: Домашний быт русских цариц (Приложение «Материалы»). М., 1869. С. 119, 151, 152.

[50] Княжна Мстиславская, возможно, внучка Ивана Федоровича Мстиславского из древнейшего рода Гедиминовичей, главы регентского совета при царе Федоре Ивановиче, душеприказчика Ивана Грозного. За попытку развести Федора Ивановича с неплодной Ириной Годуновой и женить на своей дочери пострижен в монахи Кирилло-Белозерского монастыря. Сын его Федор Иванович Мстиславский после отставки отца стал первым боярином Думы и главным воеводой в армии.

под таусинным могли иметь в виду и вишневый цвет[51]. Таким образом, одежда под названием «сарафан» уже вошла в быт представительниц как низших, так и высших сословий. Десятилетием позже крашенинные же сарафаны были украдены у крестьянина достаточно близкого к Гороховцу шуйского села Колачево[52].

Телогрея XVII в.

Вероятно, именно телогреи были самыми привычными одеждами женщин в хоромах Семена Никифоровича Ершова. В них ходили и жена его, и дочери. Возможно, и они носили «сарафаны», но вряд ли те значительно отличались от телогрей, и уж точно, не были похожи на сарафаны с узкими лямками XVIII—XIX вв., их можно увидеть в «исторических» картинах некоторых современных художников. Поверх телогреи при выходе на улицы посада, в церковь например, женщины и девушки Ершовы могли накинуть на плечи, не вдевая в рукава, верхние одежды типа опашня, шитые из сукна или шелка на подкладке и украшенные огромными пуговицами, иногда величиной с грецкий орех. Женские шубы семьи Ершовых могли быть и недорогими, на зайцах, на бельих черевах. Они могли быть крыты ярославской крашениной или набойкой, а также более дорогой восточной хлопчатобумажной тканью — киндяком. Но ершовские шубы могли быть и драгоценными. Например, шуба на куницах, крытая шелковой камкою и украшенная золото-серебряным металлическим кружевом.

К тому времени искусство плетения кружева на коклюшках, всего век назад изобретенное в Италии, уже было освоено русскими мастерицами. При этом тонкие шелковые западные кружева превратились в массивные металлические, подстать монументальным формам традиционных русских одежд. Кстати, украшением могло быть и не кружево, а *круживо*, т.е. драгоценная вышивка, окружающая, «окруживающая» подол одежды.

Среди русских женских одежд XVI—XVII вв., пожалуй, самым необычным и эффектным был так называемый «летник». Летник — одежда высших сословий, но свадебный чин в «Домострое» дает нам повод описать летник и применительно к семье купца, члена гостиной сотни, а потом гостя, С.Н.Ершова. Ведь даже в крестьянской среде XVIII—XIX вв. жених и невеста в день венчания назывались «князем» и «княгинюшкой». Можно предположить, что богатый посадский человек XVII в. на свадьбе дочери постарается выполнить предписания «Домостроя» буквально. В таком случае перед венчанием «...на невесте был бы венец, летник желт, шубка червчата...» (червчатый — окрашенный особо обработанными насекомыми — червецом, т. е. кошенилью, — в очень красивый красно-малиновый цвет) [53]. Женщины со стороны невесты: «... одна держит на блюде кику, другая — покров на блюде, третья на блюде ж волосник, подубрусник и иное, четвертая — осыпало на блюде...»: хмель, собольи и шелковые лоскутки и серебряные мелкие монетки. После обручения «...сваха головы чешет, и косу расплетает, и кику кладет...». Далее следуют венчание, пир и сенник. «А назавтре положат

---

[51] *Бахилина Н.Б.* Цветообразование в русском языке. М., 1979. С. 249—250.

[52] ВГВ. 1859. № 9. С. 36

[53] *Бахилина Н.Б.* Указ. соч. С. 249

на новобрачную летник бел, шубку золотную обычную, шапку горлатную, и идет, накапками накрывся, в хоромы...». На заключительном пиру у свекра и свекрови со званными тестем и тещей новобрачную нарядят в «большой наряд», в том числе, золотный летник[54]. Итак, летнику и символике его цвета отводится особая роль в свадебном чине.

Летник — это накладная (т. е. надеваемая через голову) просторная одежда, длинные до полу рукава которой, изначально узкие, были устроены особым образом: в вертикальный разрез рукава спереди от самого низа до локтя вшивалась богатая отделка (так называемая «вошва»). Ее более узкие концы оказывались внизу, почти у пола, а петлеобразно согнутая широкая середина — над локтевым сгибом руки. Вошвы, как правило, были богато расшиты по бархату серебром, золотом, канителью (это свитая тончайшей пружинкой серебряная или позолоченная проволочка); иногда для отделки употреблялись жемчуг и самоцветы. Чтобы демонстрировать это великолепие во всей красе, нужно было держать руки согнутыми в локтях, с кистями на уровне груди. В сохранившихся документах нередко вошвы упоминаются отдельно (как самая драгоценная часть одежды, которую можно отпороть и переставить на новую вещь; с другой стороны, возможно, вошвы можно было не только изготовить на заказ, но и купить на ярмарке готовые). Семен Никифорович мог привезти вошвы для свадебного костюма дочери из торговой поездки, например из Москвы.

Шубка червчатая или золотная, которую следовало надеть вместе с летником, — это не то же, что шуба. Скорее всего, это холодная одежда, т.е. легкая, на одной подкладке. Она должна быть распашной. Возможны два варианта: либо она просто наброшена на плечи, не застегнута, и вошвы частично видны из-под нее спереди, либо шубка застегнута снизу до пояса, и кисти рук слегка выставлены над застежкой. Уже цитированный Джайлс Флетчер писал, что летник носили под опашнем, что соответствует первому варианту ношения шубки. Кстати, он же отмечал, что под летник надевали «ферезь земскую», что соответствует телогрее или сарафану.

В 1661—1662 гг. в России побывало австрийское посольство во главе с бароном фон Мейербергом, при котором были отличные рисовальщики. Альбом Мейерберга, найденный в Королевской библиотеке в Лейпциге, был издан в Санкт-Петербурге в 1827 г. способом перерисовки. Имевшие место искажения вызывали противоречивые трактовки, в том числе и у И.Е.Забелина[55]. В 1903 г. А.А.Суворин воспроизвел рисунки фотоспособом[56]. Поэтому мы можем апеллировать к ним как к подлинному свидетельству очевидцев. Среди рисунков есть и изображение боярыни в летнике. Мы лишь слегка изменили ракурс, в котором показан правый рукав летника, для лучшего понимания его конструкции.

Художники запечатлели и московских посадских девушек. У одной из них волосы заплетены в косу, конец которой украшен кистью-накосником. Волнистые, не длинные волосы другой украшены повязкой на жесткой прокладке, которая незамкнутым кольцом охватывает голову, оставляя открытым темя (обе девушки изображены сзади). Эти свидетельства важны, так как И.Е. Забелин подробно описывает прически и головные уборы лишь девушек-царевен: торжественной прической были подвитые распущенные волосы,

---

[54] Домострой. М., 1991. С. 145, 146, 153, 156.

[55] *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI—XVII столетиях. Т. 2: Домашний быт русских цариц. М., 2001. С. 478. Рис. XVIII. Эта книга — первое полное переиздание второго тома труда И.Е. Забелина после почти векового перерыва. К сожалению, в ней опущен раздел «Приложение: Материалы». Рисунки вновь воспроизведены в том же перерисованном виде.

Витые жгуты, украшавшие девичий головной убор, перерисовщик, работавший в Дрездене, принял за две висящие сзади косы и изобразил соответственно. И.Е.Забелина смутило сочетание в девичей прическе коротких до плеч волос спереди и сбоку с длинными косами сзади.

[56] Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенные в натуральную величину с подлинника 1661—1662. СПб., 1903. С. 59.

а в комплект девичьего головного убора вместе с венцом входил и накосник[57]. Поэтому мы с полным основанием можем предполагать, что посадские девушки Гороховца тоже могли носить как распущенные до плеч и слегка подвитые волосы, так и заплетать длинные волосы в косу с накосником. Головными уборами девиц Ершовых могли служить ленты, перевязки и шапки. И те и другие могли быть украшены золотным шитьем и жемчугом. В XVII в. мелкого жемчуга в северных реках и озерах было предостаточно, он широко продавался на торгу. В 1644 г. у богатого шуянина Василия Собакина в числе прочего были украдены головные уборы его дочерей — «две перевяски низаных широких»[58].

Парадная женская одежда XVII в.

Особым образом убиралась голова замужней женщины высших сословий в XVII в. В употреблении был так называемый волосник — особая шапочка, состоявшая из мягкой кольцеобразной «ошивки», более или менее украшенной шелковой или золото-серебряной вышивкой, и кружевного сетчатого верха.

Как ни покажется странным, ни в одной из богатейших музейных коллекций не было волосников, хотя другие редчайшие экземпляры женских головных уборов XVII в. сохранились, например, шитая серебром и золотом, украшенная жемчугом сорока в Государственном Историческом музее в Москве[59]. И.Е. Забелин и П.И. Савваитов могли представлять себе волосники XVI—XVII вв. лишь по рисункам и описаниям. Теперь благодаря работе археологов и реставраторов мы можем увидеть обнаруженные во вскрытых захоронениях подлинные волосники цариц, боярынь и других жительниц Москвы. Самый ранний из известных волосников, принадлежавший в XV в. царице Софье Фоминичне (Палеолог), хранится в фондах Оружейной палаты в Московском Кремле. Волосник одной из жен Ивана Грозного, окончившей жизнь в Покровском монастыре в Суздале, можно увидеть в исторической экспозиции Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Еще один волосник экспонируется в Музее истории Москвы. Самая большая коллекция волосников женщин из рода бояр Романовых хранится в Звенигороде[60]. В оформлении большинства к этому времени обнаруженных волосников применялись червчатый шелк (что подтверждено физико-химическими исследованиями) и пряденые золото и серебро.

---

[57] *Федорова Г.А.* Девичий накосник XVI—XVII в. как стартовая тема в приобщении к традиционной русской культуре девочек 9 — 12 лет // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 10. Приобщение детей к традиционной культуре: Народный костюм / Сб. материалов научно-практической конференции. М., 2001. С. 40—44.

[58] ВГВ. 1859. № 9. С. 36

[59] *Ефимова Л.В.* Указ. соч. С. 24—25. Рис. 19.

[60] *Ёлкина А.К., Ёлкина И.И.* Положити кику, да подубрусник, да волосник...// Знание — сила. М, 1998. № 5. С. 40—46; Усыпальница прародителей царского дома Романовых в Московском ставропигиальном Новоспасском монастыре: Церковно-археологический очерк. М., 1997. С. 20—42. *Ефимова Л.В.* Указ. соч. С. 21. Рис. 15.

Волосник использовался вместе с полотенчатым головным убором — убрусом. Более драгоценный волосник могли надевать поверх убруса и наоборот. Тогда нижний волосник можно было назвать подубрусником. В семье Семена Никифоровича были в употреблениии домашние, куда более простые в оформлении волосники[61]. Концы убруса украшались вышивкой или браным ткачеством или просто акцентированы красными полосками. Очелье убруса расшивалось золочеными или серебряными нитями, жемчугом, к нему могло быть пришито неширокое металлическое кружево. Рисунки XVII в.[62] показывают, что внутри помещения женщина, даже знатная, могла ограничиться убрусом и волосником. Зимой или в торжественном случае на пару убрус — волосник надевалась невысокая женская шапка. Она была опушена дорогим мехом, а ее вершок расшивался золото-серебряными нитями, канителью, жемчугом. Сзади к шапке могла прикрепляться меховая пластина, закрывающая шею. В высших сословиях это был черненый мех бобра, в купечестве — менее престижный. Теплая зимняя шапка называлась «каптур» — это род мехового треуха, закрывающего и уши, и шею[63].

Девушки из состоятельных семей зимой носили высокую меховую шапку, например лисью. Девушки в XVI—XVII вв. не носили ни убрусов, ни платов, ни покрывал вплоть до просватанья. Покрывало («покров») было принадлежностью замужней женщины. Его могли сделать из тонкого льна, из восточной хлопчатобумажной кисеи. Цвет был преимущественно белым. Западные путешественники упоминали и фаты — покрывала огненно-красного цвета.

На одном из рисунков в альбоме Мейерберга жена посадского жителя или купца изображена в телогрее — долгорукавной одежде, украшенной очень крупными пуговицами. Под покрывалом, наброшенным поверх высокого головного убора, угадывается форма кокошника владимиро-суздальского типа, известного по более поздним изображениям и по подлинникам XVIII в. Такой кокошник могли носить после свадьбы, будучи «молодухами», т.е. до рождения ребенка (или потом по праздникам), жена или дочери С.Н. Ершова.

Посадские женщины второй половины XVII в. носили обувь на высоких, набранных из кожи и обитых, а также подбитых железом каблуках, покрашенных зеленой, красной, голубой или черной краской[64]. Каблуки на туфлях цариц и царевен могли быть обиты золотом.

В XVII в. и девушки, и замужние женщины, и мужчины носили большое количество съемных украшений: ожерелья, зарукавья, серьги, кольца. Мужчины носили одну серьгу, женщины — две. И зарукавья, и ожерелья представляли собой полоски ткани, в разных техниках декорированные жемчугом, драгоценными и полудрагоценными камнями, цветными стеклами, золото-серебряной или мишурной вышивкой и канителью[65]. Крестьянки носили медные серьги и кольца.

Итак, мы постарались представить себе одежды «на все случаи жизни», которые могли употребляться в семье богатого гороховецкого посадского человека, затем члена привилегированной корпорации — гостиной сотни, а потом и ее верхушки — «гостя» Семена Никифоровича Ершова: его самого, жены, дочерей. С достаточной уверенностью можно предположить, что взрослых сыновей, которые могли бы унаследовать и

---

[61] Не исключено, что замужние женщины в семье Ершовых, еще не достигшие особого положения на посаде, могли носить кичкообразные головные уборы. Волосник-кичка будет рассмотрен в главе, посвященной XVIII в.

[62] *Забелин И.Е.* Указ. соч. Рис. I (1; 3—5); рис. II (9, 10); рис. IV (2).

[63] Там же. Рис. II (16).

[64] Альбом Мейерберга. Указ. соч. С. 59.

[65] *Кологривов С.Н.* Государева Большая Шкатула. СПб., 1903.

продолжить успешно развивавшееся дело, в этой семье не было. Возможно, и в этом была одна из причин щедрых пожертвований С.Н. Ершова на храмовое строительство. В 90-х годах Семен Никифорович начинает сворачивать свое винокуренное производство, продает две винокурни И.А. Ширяеву[66], который становится самым крупным винопромышленником Гороховца (в марте 1693 г. Иван Ширяев был «порутчиком» С.Н. Ершова; он должен был привезти в Астрахань 3 тыс. ведер недопоставленного Семеном Никифоровичем вина)[67]. Чуть позже братья Ширяевы организуют параллельно с винокуренным и крупное кожевенное (юфтевое) производство, отправляя оптовые партии этого товара сначала в Архангельский, а с 1721 г. — в Петербургский порты для вывоза за границу. Дело И.А. Ширяева унаследовали сыновья Алексей и Петр. В том же 1721 г. некий Клим Андреевич Ершов (скорее всего, «человек» братьев Ершовых, получивший свободу после их смерти, — за ним закрепилась фамилия бывших хозяев)[68] заложил жилые хоромы со всем добром и остатки недавно прибыльного производства за 500 рублей и, не вернув долга, «отъехал в Ярославль»[69]. Возможно, что одной из причин, по которой К.А. Ершов прекратил винокуренное производство в Гороховце, было сокращение со стороны казны авансирования подрядов. Задолженность в 500 руб. была в 20-х годах XVIII в. весьма значительной суммой: лишь очень небольшой процент посадских людей располагали капиталом более 50 руб.[70]. В дальнейшем фамилия Ершовых среди именитых посадских людей г. Гороховца не встречается.

Замужняя посадская женщина в телогрее и кокошнике владимиро-суздальского типа под покрывалом. XVII в.

XVII век, век богатства и меценатства, недюжинной торгово-промышленной деятельности и традиционного русского домашнего уклада жизни семьи Семена Никифоровича Ершова закончился. Палаты Ершовых переходят сначала к Опариным, а затем к Ширяевым. И церкви на посаде в Гороховце строятся теперь уже их «иждивением». Братья И.А. Ширяев и Г.А. Ширяев были зачислены в Гостиную сотню в 1713 г. Им, согласно указу Петра I о перемене платья, положено было носить уже совсем другие одежды.

---

[66] *Волков М.Я.* Ремесло... С. 69.
[67] Сведения сообщены Т.Б. Соловьевой.
[68] *Волков М.Я.*, Ремесло... С. 70.
[69] *Тиц А.А.* Указ. соч. С. 118.
[70] *Волков М.Я.* Очерки истории... С. 37, 125.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОДЕЖДА
(XVIII — начало XX в.)

Одежды иностранного образца примерялись на себя русскими людьми и в Смутное время, и в долгие годы царствования Алексея Михайловича Романова. Крутой во всех своих преобразованиях, царь Петр Алексеевич сделал перемену платья принудительной. Одновременно с введением европейского летосчисления Петр I своим Указом запретил ношение русского традиционного платья «...царевичам и боярам и окольничим и ближним и всяких чинов служивым и приказным людям и *гостям и гостиных и суконных сотен и черных слобод* и иных самых нижних чинов и скудным людям...» (курсив мой. — *Г.Ф.*). Ослушникам он грозил «...ссылкой в Азов на каторгу на вечное житье...»[1]. Этот вариант Указа Петра I от 1 июля 1700 г., «писанный на столбцах», был доставлен из Шуи замечательным краеведом Владимиром Александровичем Борисовым (1809—1862), обедневшим потомком гороховецких купцов[2]. Запрет на ношение русского платья не касался крестьян и священнослужителей с их семьями. С тех пор именно в крестьянской и отчасти в церковной среде продолжали сохраняться, видоизменяться и развиваться русская национальная одежда и традиционные головные уборы.

Произошли изменения и в административном делении страны. Основной административной единицей русского государства в XVII в. оставался уезд (к середине столетия было около 250 уездов, затем их число еще выросло). В конце XV в. (1485) Гороховец был еще центром Гороховской волости Нижегородского уезда, в 1591 г. в жалованной грамоте царя Федора Иоанновича упоминается уже Гороховский уезд[3]. Примерно с середины XVII в. намечается объединение групп уездов под ведением одного воеводы (так называемые «разряды», например Казанский разряд).

Петр I в 1708 г. впервые ввел разделение России на губернии. Первоначально губерний было восемь. Прежнее тяготение Гороховца к нижегородским землям делает понятной причину включения его вместе с Нижним Новгородом, Муромом, Вязниками, Арзамасом и Касимовом в Казанскую губернию. Владимир, Суздаль, Юрьев-Польский, Шуя, Переславль-Залесский, Кострома, входившие раньше в Замосковный край, были включены в Московскую губернию[4]. В 1719 г. при разделении губерний на провинции в Московской губернии была образована Владимирская провинция с городами Владимиром, Муромом и Гороховцом[5].

Росло государство, присоединялись новые земли. К концу 1795 г. Екатерина Великая закончила деление России уже на 49 губерний (наместничеств), одну область (Таврическую) и Земли Войска Донского[6]. Владимирская губерния была создана в 1778 г. Таким

---

[1] Владимирские губернские ведомости (ВГВ). 1846. № 43.

Это один из самых ранних указов Петра I о перемене одежды. Всего их до 1724 г. было около 20. Только в ранних указах предписывалось принять за образец венгерские кафтаны, более или менее привычные для русских с XVI в. и успевшие уже частично обрусеть (как и польские). В последующих указах Петр I требовал ношения одежды на голландский, немецкий и французский образец. (См.: *Кирсанова Р.* Пошлина на штаны // Родина. 1997. № 1. С. 41—46).

[2] *Максимова Н.Д.* Борисов В.А. // Владимирская энциклопедия: Биобиблиографический словарь. Владимир, 2002. С. 73.

[3] *Андреев Н.И.* Гороховецкая историческая хроника: Сб. краеведческих статей. Вып. 2. Владимир, С. 6.

[4] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Изд. I. Т.4. СПб., 1830. С. 2218.

[5] ПСЗ. Т. 5. С. 3380.

[6] *Тен В.Э.* Население России по пятой ревизии: Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. Т. 1. М., 1902. С. 131.

образом, около двух столетий Гороховский уезд был неразрывно связан сначала с провинциальным, а потом с губернским городом Владимиром.

Каковы характерные черты традиционного костюма крестьянского населения Гороховского уезда? Были ли отличия в одежде, головных уборах и обуви по сравнению с крестьянами других уездов Владимирской губернии? Как менялся костюм от века XVIII к XIX и далее к XX ? Сохранилось мало реальных предметов одежды, особенно начала указанного периода, к тому же это — разрозненные вещи, из которых трудно составить целостные костюмные комплексы.

К счастью, существуют два полноценных и почти синхронных источника сведений о крестьянском костюме Владимирской губернии последней четверти XVIII в.

В 1784 г. Екатерине II был поднесен рукописный «Атлас Владимирской губернии с топографическим описанием, состоящий из 14 карт», — первый источник. Ныне он хранится в Центральном государственном Военно-историческом архиве в Москве (ЦГВИА). § 17 этой рукописи[7] представляет собой уникальный очерк о крестьянской одежде, головных уборах и обуви. Приведем его дословно, но в соответствии с современной орфографией:

«Одежду на себя крестьяне делают из своих домашних серых сукон, кафтаны до колена, назади с борами, сверх которых опоясываются кушаками. В летнее время для лучшей прохлады носят сделанные из холста легонькие понитки такового же, как и серые их кафтаны, покроя, а в зимнее время под кафтаны надевают овчинные шубы. Шапки носят или того же сукна, или другого цвета, высокие, наверху коих четвероугольная площадка с небольшими рожками, а внизу опушенная или мерлушкою, или для всегдашнего употребления черною овчиною, на коей два разреза с небольшими мысами. Обувь у крестьян обыкновенные онучи, то же серое сукно длиною аршина в три, кое начинают увивать с пальцев ножных по самое колено, а после, надев лапоть, веревками оного укрепляют сие обернутое около ноги сукно; зажиточные же крестьяне для праздников и выездов одеваются в суконные синие и прочих цветов кафтаны, надевая на ноги сапоги с медными скобами, а на голову с высокой тульею шляпу, обложенную по тулье разными лентами.

Из женского пола девки носят сарафаны или ферези китаешные или кумашные, перепоясываясь или шелковыми астраханскими поясами, или покромками от тонких сукон. Голову убирают, заплетши назади волоса в косу, к концу оной на ленточках прицепляют сердце, сделанное из шелковой материи и обложенное оборкою, что называется у них косником; лоб перевязывают золотыми и шелковыми разных цветов нарочно для сего тканными лентами с поднизьми, а ноги обувают в коты с медными скобами.

Убор замужних жен весьма разнится, ибо живущие в Володимирской и Судогодской округах за рекою Клязьмою к Мурому женщины большею частию одеваются в поньки, кои весьма сходствуют с юбками, но только половина оных должна быть или синяя, или красная, а другая белая. На голове носят сороки двоякие: с двумя рогами и без рог.

Что касается... Переславской, Вязниковской, Гороховской, Ковровской и Шуйской округ, то в оных женщины носят сарафаны и ужасной величины кокошники: спереди или круглые — назади с двумя рогами, или напереди с одним большим рогом, которые снизу везде по достатку своему стараются украшать жемчугом, золотом и прочим, присовокупляя к оному жемчужные и бисерные поднизи. Немалым щегольством у сих больших кокошников почитается иметь рубахи с предлиннейшими рукавами.

---

[7] ЦГВИА, Ф. 846. Оп. 16. Д. 18629. Л. 6, об.; 7; Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 г./ Издание Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1906. С. 9 — 10; *Федорова Г.А.* Традиционная одежда жителей Владимирской губернии. Свидетельства очевидцев из XVIII века // Материалы областной краеведческой конференции: (Владимир, 14 мая 1999 г.). Владимир, 2000. С. 190—195.

В прочих же уездах употребляют или сарафаны с длинными рукавами, кои назади перевязывая накрест, затыкают под пояс, или просто без рукавов, а на голове носят небольшие, наперед с наклоном, сороки золотые и шелковые.

В городах же купеческие жены большею частию употребляют белые полотняные, миткалевые и шелковые длинные покрывала, кои они перевязывают поверху кокошника сзади».

Отмеченное резкое отличие одежды и головных уборов замужних крестьянок «за рекою Клязьмою к Мурому» — это не в последнюю очередь отголосок далекого прошлого, когда земли северной и южной частей будущей Владимирской губернии колонизировались разными племенными союзами славян: с северо-запада к Клязьме подошли кривичи, а с юго-запада — вятичи. Различались и финноугорские племена, жившие на этих территориях к моменту появления пришлых славян. Как раз на юге будущего Гороховского уезда, вероятно, проходила граница расселения мери (северо-запад или север) и муромы (юго-восток или юг)[8].

Применительно к Гороховскому уезду можно сделать следующие заключения.

1. Крестьянские женские обрядовые и праздничные костюмы (так называемый «сарафанный комплекс с кокошником») всей северной части Владимирской губернии от Переславля-Залесского до Шуи и Гороховца имели общие черты.

2. Земли Гороховского уезда простирались на юг за Клязьму к Мурому, поэтому во времена Екатерины Великой там тоже могли носить поневы и двурогие сороки, позже оттесненные сарафанным комплексом ближе к границе с Рязанской губернией. Для юга Гороховского уезда должно быть не лишним сравнение с муромским вариантом сороки.

Второй универсальный источник сведений об обрядовом и праздничном крестьянском костюме северной части Владимирской губернии — это жанровые картины вновь открытого в начале XX в. прекрасного живописца Михаила Шибанова «Крестьянский обед» (1774) и «Празднество свадебного договора» (1777)[9]. Картины были написаны по заказу небогатого помещика Петра Матвеевича Нестерова в его имении Старое (Барское) Татарово, которое теперь практически слилось со Мстерой. Отсюда примерно 60 км по прямой до Гороховца и того менее до границы бывших Гороховского и Вязниковского уездов.

Высокая степень доверия к реалистическому мастерству М. Шибанова и, в частности, к отображению манеры ношения кокошников подкреплена исследованиями, проведенными автором в фондах Российского этнографического музея (далее РЭМ) в Санкт-Петербурге, в коллекции головных уборов Владимирской губернии, а также в фондах музеев, расположенных на территории бывшей Владимирской губернии. Уникальность этих живописных полотен состоит еще и в том, что Михаил Шибанов запечатлел один из интереснейших моментов развития русского национального костюма. С одной стороны, основные формы костюма к этому времени уже сложились. С другой, костюм достаточно быстро включал в число активно используемых только что появившиеся на крестьянском рынке русские материалы мануфактурного и кустарного производства и органично «переплавлял» все это в новую эстетическую целостность. Обилие материалов, недоступных ранее для крестьян, еще не вело к саморазрушению традиционного костюма.

---

[8] *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961.

[9] *Алексеева Т.В.* Михаил Шибанов по новым материалам // *Алексеева Т.В.* Исследования и находки. М., 1976. С. 7—35.

Благодарю сотрудников Государственной Третьяковской галереи за помощь в изготовлении высококачественных фоторепродукций при осуществлении проекта, поддержанного грантом Президента Российской Федерации в 1999 г., и за разрешение их дальнейшей публикации.

Третий синхронный источник, материалы которого мы будем привлекать к рассмотрению по мере необходимости, — это иллюстрированная рукопись 1776 г. секунд-майора Н. Суморокова, сохранившаяся в копии 1926 г.[10]. Среди материалов этой рукописи особый интерес для нас представляют изображения крестьянских девушек и замужних женщин Костромского уезда Костромской губернии и посадских жительниц г. Костромы.

Головные уборы замужних женщин

Головной убор — знаковая часть русского традиционного костюма.

Сопоставление изображений с текстом §17 из «Атласа Владимирской губернии» поможет понять сложную фразу о кокошниках. Вычленим: *"...женщины... Вязниковской, Гороховской... округ носят... «кокошники... спереди круглые — назади с двумя рогами...»* Это точное описание кокошника на молодой женщине, кормящей грудью ребенка — «Крестьянский обед» (*фото 8 на вклейке*), и на замужней женщине, стоящей позади невесты — «Празднество свадебного договора» (*фото 9, 9а на вклейке*). *Именно наклонное положение кокошника позволяет острым его концам-откосам превратиться в два направленных назад рога.* При этом округлая верхняя часть очелья расположена именно *спереди*, а декор ее (жемчуг, золото, добавим: золотный галун) оказывается *снизу*. Кокошник в данном случае опирается на «присовокупленную» жемчужную и бисерную поднизь.

В сочетании с вышивкой на тыльной стороне головного убора особых языческих символов такой кокошник по народным представлениям должен был стимулировать новобрачную на рождение первенца (и молодуха носила кокошник с соответствующим сарафанным комплексом все время — в идеале — до рождения ребенка). Родившая женщина должна была носить двурогий кокошник только по праздникам, а состарившись, сменяла его на другой головной убор или сороку.

Языческая символика, соответствующая такому обрядовому назначению рогатого кокошника, имеется на тыльной стороне хранящегося в РЭМ[11] убора из знаменитой коллекции Натальи Леонидовны Шабельской[12]. Отметим, что тыльная сторона в пришитом состоянии образует снизу довольно большой напуск, что позволяет надеть этот кокошник достаточно глубоко и с наклоном вперед.

Массивная распластанная фигура в верхней части композиции — это богиня всеобщего плодородия, в том числе и женского, — «рожаница»[13]. Две пары птиц, больших и маленьких, — это, с одной стороны, символика небесных сфер, типичная для женских головных уборов, а с другой — птицы-матери и птенцы. Средний нижний мотив, переходящий на затылок и шею, — это символическое дерево, древо жизни. Все вместе — это и благопожелание рождения всех благ, и целенаправленная сила, которая должна была помочь чадородию и тем самым защитить саму женщину. Мы знаем о горькой судьбе не-

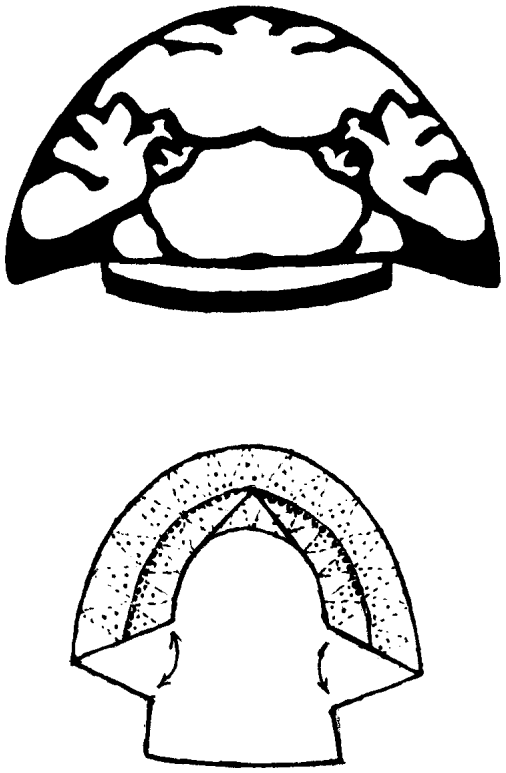
---

[10] Цит. по: *Бабаянц Г.Н., Комлева Г.Н.* Женские и девичьи головные уборы Костромской губернии // Сообщения Государственного Русского музея. Вып. XI. М., 1976. С. 163—168.

[11] РЭМ. Коллекция 5500. № 10.

[12] *Молотова Л.Н.* Н.Л. Шабельская и ее коллекция в Государственном музее этнографии народов СССР // Сообщения Государственного Русского музея. Вып. XI. М., 1976. С.169—173.

[13] Еще в XIV в. устраивались общественные ритуальные пиры («ставление второй трапезы Роду и рожаницам»), которые приурочивались к следующему дню после Рождества Богородицы, т.е. 9 сентября, после обмолота урожая. (см.: *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.,1980. С. 466—470).

Языческая символика на тыльной стороне кокошника владимиро-суздальского типа. XVIII в. РЭМ
Внизу — конструкция этого кокошника

плодных царских жен, заточаемых в монастыри. Но и крестьянская или посадская молодуха могла стать в будущем «матерой», т.е. полноправной представительницей рода своего мужа, лишь родив и вырастив сыновей[14]. Сакральная, продуцирующая функция сохранения и умножения семейного хозяйства и достатка принадлежала хозяину, господарю (древнерусск.), т.е. мужчине в половозрелом возрасте (25—60 лет), способному передать свое плодородие полю, скоту, пчелам[15]. Считалось, что женщина с непокрытой головой может, напротив, вызвать неурожай, падеж скота, другие несчастья. Поэтому благопожелательный продуцирующий языческий орнамент головного убора молодухи — пришелицы из чужого рода, — возможно, выполнял и функцию защиты от этих ее потенциально негативных качеств.

Символика орнамента на тыльной стороне этого кокошника укоренена в языческом прошлом, а материалы, из которых изготовлены кокошники, стали доступны среднего достатка купечеству и крестьянству лишь во второй половине XVIII в. с развитием собственного, русского их производства. Навыки декоративного оформления (различные техники золотного шитья, шитья канителью, сажения жемчугом по бели и др.) накапливались в царицыных светлицах, княжеских, монастырских, помещичьих мастерских и оттуда могли распространяться в народной среде: в подмонастырных слободах крупных монастырей, в посадах и пригородах. Преемственность профессионально-технических приемов шитья способствовала развитию различных направлений этого вида народного искусства XVIII—XIX вв. При этом именно народное творчество сохраняло древние традиции русского декоративного искусства, в том числе и в его орнаментальном богатстве[16].

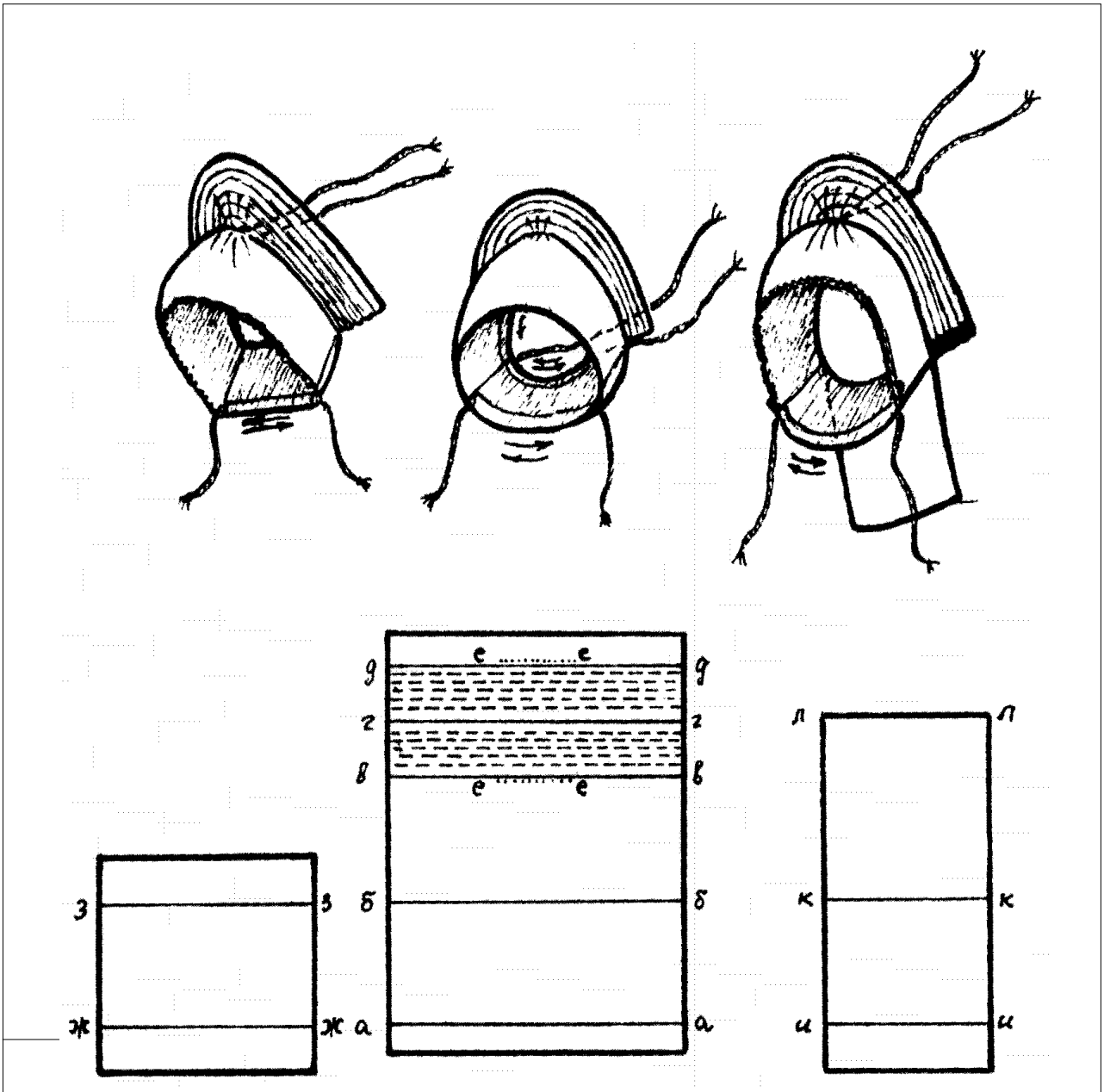
Кокошник владимиро-суздальского типа, в отличие от других, локальных типов, был распространен в XVIII—XIX вв. на очень большом пространстве от Подмосковья до Поволжья, Прикамья, Приуралья. Территории, где он был отмечен, совпадали с направлениями вторичной, т.е. владимиро-суздальской, а потом и московской колонизации XVI—XVII вв., и это говорит о достаточно раннем формировании его типических черт.

На женщине, сидящей справа от невесты («Празднество свадебного договора»), кокошник надет с меньшим наклоном, чем на стоящей позади невесты; он производит впечатление более высокого. Под ним явственно просматривается расшитое жемчугом и стеклами начелье с поднизью из мелкого речного жемчуга или заграничного

[14] *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI—XVII столетиях. Т.II. Домашний быт русских цариц. М., 2001. С. 73, 95—96.

[15] *Левкиевская Е.Е.* Магические функции хозяина в восточнославянской традиционной культуре // Мужской сборник. Вып.1: Мужчина в традиционной культуре. М., 2001. С. 106—114.

[16] *Уханова И.Н.* Народное декоративно-прикладное искусство северо-русских городов конца XVIII — середины XIX в.: Дисс. ... д-ра ист. наук. Л., 1985; *Якунина Л.И.* Русское шитье жемчугом. М., 1955.

Волосники Ковровского уезда Владимирской губернии. XIX в. РЭМ. Общий вид и конструкция

жемчужного бисера-«бургиньона»[17]. Это могла быть девичья повязка — случаи наслаивания женского головного убора на девичий отмечаются этнографами[18].

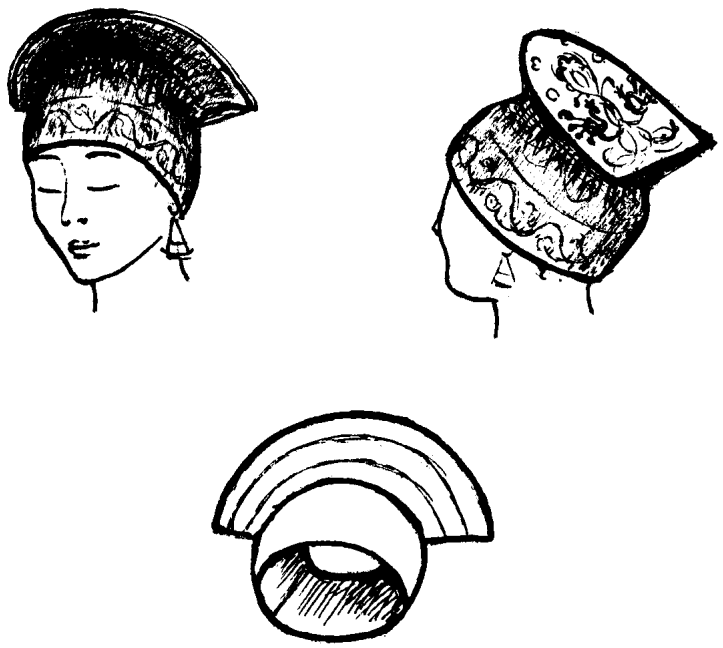
Обнаружение в фондах РЭМ трех слегка различающихся волосников[19], которые в середине XIX в. носились в бывшем Ковровском уезде Владимирской губернии под праздничными сороками[20], стало отправной точкой для следующих выводов.

[17] Способ изготовления искусственного жемчуга «perle bourguignon» был открыт в Париже в 1680 г.: полые стеклянные бусинки заполнялись особым составом, приготовлявшимся из рыбьей чешуи. Россия импортировала этот недорогой заменитель, он часто использовался в оформлении головных уборов (так называемые бусовые кокошники). (См.: *Якунина Л.И.* Указ. соч. С. 94).

[18] *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в.// Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 227.

[19] РЭМ. Колл.383, №21, №22; №2804.

[20] Кокошники к тому времени уже полностью ушли из быта, оставшись исключительно обрядовым головным убором.

Кика Нижегородской губернии. XVIII — первая половина XIX в. РЭМ

Реконструкция в материале, выполненная автором, подтвердила, что с помощью «рогов» волосника подобной конструкции кокошник владимиро-суздальского типа держится на голове очень удобно и надежно.

Пожалуй, только таким образом и можно представить себе ношение кокошника с вырезом очень малого размера: на «рогах» он закрепляется почти по касательной к темени, тыльная сторона при этом может быть достаточно плоской[21].

Кичкообразные головные уборы предшествовали кокошникам и затем частично вытеснялись последними. Этнографы считают, что основная и первоначальная территория, где сложились кичкообразные головные уборы, — это бассейн верхней и средней Оки, верхней Волги, Волхова, Великой, а позднее бассейн Онеги, Северной Двины[22].

Впервые публикуемые ковровские волосники-кички вместе с надетыми на них сороками и позатыльниками также представляют собой кичкообразные головные уборы замужних женщин. В XIX в. они сосуществуют с кокошниками владимиро-суздальского типа в северной половине Владимирской губернии. Плодотворным представляется сравнение этих волосников и кокошников с женскими головными уборами переходного типа.

Кика Нижегородской губернии из собрания Н.Л. Шабельской (РЭМ)[23] состоит из синей пестрядинной кички, родственной ковровским волосникам[24], и малинового бархатного чехла с золотным шитьем на тыльной стороне. Нижняя мягкая часть кички полностью перекрывается широким золотным позументом, пришитым к бархатному чехлу. Подобный же головной убор (названный кокошником) из собрания Государственного Исторического музея (ГИМ)[25] бытовал в XVIII — начале XIX в. в Павлове на Оке, рядом с Гороховским уездом. Этим двум головным уборам вполне соответствует описание парчевого «глухача» из Гаврилова Посада Суздальского уезда Владимирской губернии: «Спереди подобие повойника-чепчика, а сверху и сзади подобие заступа — заостренным концом вверх (на манер кокошника)»[26]. Следовательно, *кичкообразный кокошник-кика* бытовал на

[21] Иногда не соответствующий реальной, даже очень маленькой голове взрослой женщины, размер выреза на сохранившейся лицевой части кокошника при отсутствии тыльной стороны пытаются объяснить усадкой со временем, что неубедительно при знании технологии.

[22] *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Указ соч. С. 236.

[23] РЭМ. Колл. 5500. № 99 а/в.

[24] «Рога» нижегородской кички (полукруг диаметром 29 см) сделаны из многослойного проклеенного холста; «рога» ковровских волосников — из лозы, обложенной простеганным холстом.

[25] ГИМ. Инв. № 34048 Кр. Б — 178. *Ефимова Л.В.* Русский народный костюм: Государственный Исторический музей / Альбом. М., 1989. С. 97. Фото 87. С. 291. Описание в каталоге № 87. Поступил из частного собрания в 1896 г.

[26] Быт великорусских крестьян-землепашцев / Описание материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993. С. 218.

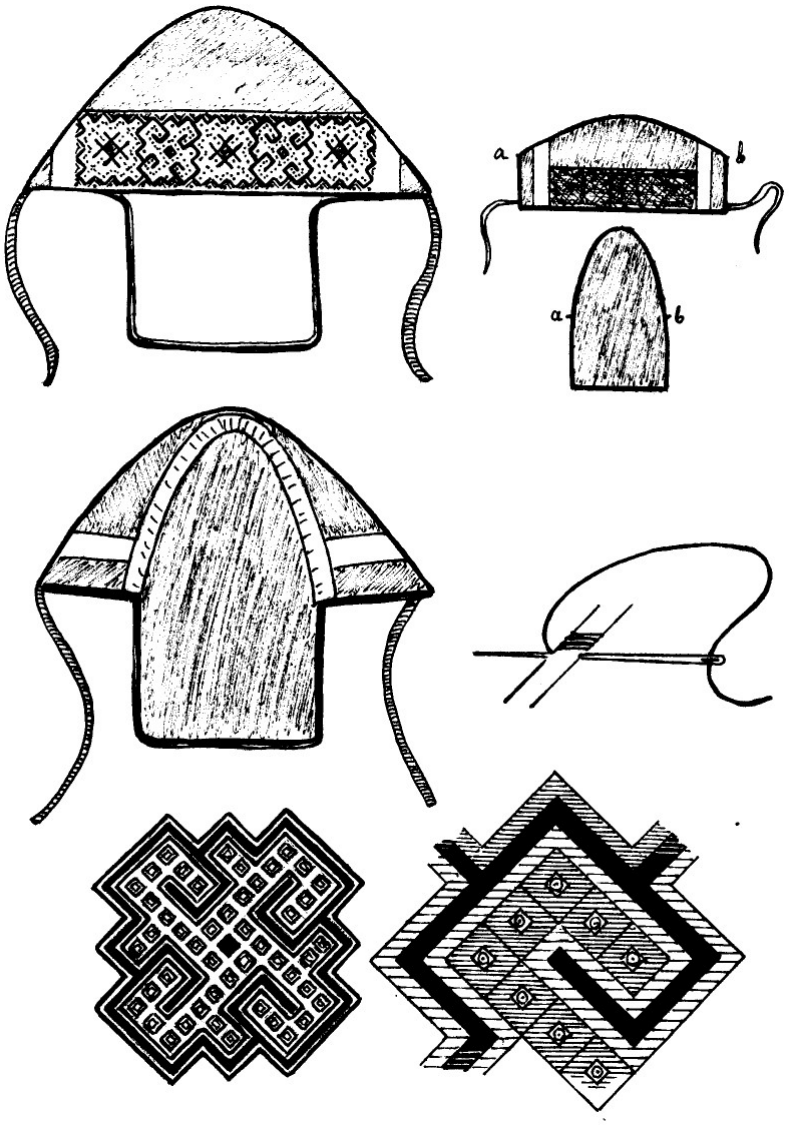
Женские головные уборы Костромского уезда и г. Костромы (по рукописи 1776 г.)

территории северной части Владимирской губернии. Если у ковровского волосника с надетым на него кокошником закрыть позументом охватывающую голову мягкую тканевую часть, получится очень похожий на кику составной головной убор, но только рога (направленные назад и вниз) у него будут больше и острее. Считаем правомерным предположение, что и сам кокошник владимиро-суздальского типа мог в свое время развиться на базе волосника (кички), подобного ковровскому, при постепенном наращивании величины «рогов»[27]. При всем своеобразии, конструкция волосника в принципе традиционна: как и у других архаических кичек, здесь остается открытым темя (высотная доминанта тела человека, соединяющая его с духовным миром)[28]. Этнограф Н.П.Гринкова[29] считала такое устройство нижнего слоя головного убора замужней женщины, когда макушка остается *обязательно открытой*, рудиментом родового строя, когда половозрелые девушки и

[27] На одной из выставок во временно закрытом Музее народного искусства в Москве был показан кокошник владимиро-суздальского типа, но в виде мягкого чехла, изначально предполагающего натягивание на жесткую внутреннюю конструкцию.

[28] Сибирские староверы вплоть до конца XX в. сознавали символику волосника. Крой волосника якобы обсуждали на Вселенском соборе и «утвердили» именно в таком виде. (См.: *Багдасаров Р.В.* Свастика: священный символ / Этнорелигиоведческие очерки. М. 2001 С. 217—218; *Сагнаева С.К.* Материальная культура уральского казачества конца XIX — начала XX в. / Развитие этнических традиций. М., 1999. С. 161—162, 165, 170—171).

[29] *Гринкова Н.П.* Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту / По материалам русской одежды // Советская этнография. 1936. № 2. С. 24—25.

Сорока бывш. Ковровского уезда. Конец XIX в. РЭМ. Общий вид, конструкция и фрагмент свастического декора очелья

еще не родившие женщины представляли собой однотипную группу, противопоставляемую группам матерей, старух и девочек[30]. Обращение к третьему синхронному источнику сведений — рукописи 1776 г. секунд-майора Н.Суморокова — дает еще один аргумент в пользу нашей гипотезы развития кокошника, «*спереди круглого — назади с двумя рогами*» на основе крестьянской кички. *Круглый кокошник* («кокошку»), аналогичный по форме зафиксированному М. Шибановым, и № 5500 — 10 *носили* именно *крестьянские бабы* Костромского уезда.

«*Посацкие бабы* города Костромы», т.е. *горожанки,* носили в то время *островерхие кокошники*-кики, «косые кокошники». Это соответствует второй части фразы о кокошниках из §17 в «Атласе Владимирской губернии»: «*...напереди с одним большим рогом...*»

Авторы обзора[31] пишут, что высота таких кокошников была от 30 до 60 см и носили их только молодые женщины, пожилые надевали низкие головные уборы (следовательно, языческий «рог» значительно уменьшался или исчезал совсем). Они также предполагают, что «в более ранний период, вероятно, *высокие островерхие уборы являлись привилегией знати*», в киках знатные галичанки «...ездили в старину на поклон к московским царицам». Отмечается, что островерхие кокошники дольше сохранялись в быту жительниц г. Галича, а также в Ярославской губернии.

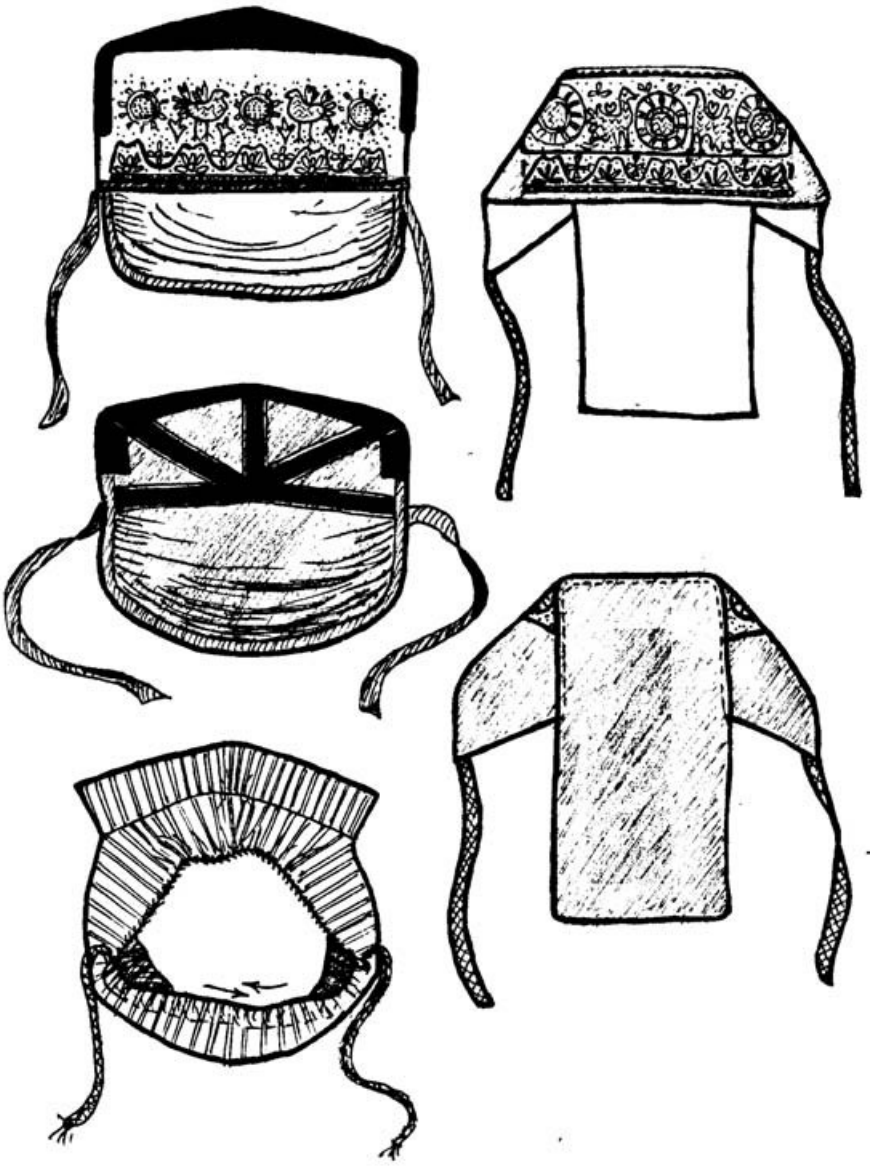
Можно предположить, что многочисленные варианты очень высоких стрельчатых, но широких по сторонам лица кокошников сложились как синтез круглого и островерхого, тем более что бытование таких кокошников было отмечено в купеческой сре-

[30] Бытование различных вариаций одежды в одной и той же деревне Н.П.Гринкова рассматривала как пережиточное сохранение когда-то бытовавших нескольких типов одежды, которыми отмечались различные возрастные группы. (См.: *Гринкова Н.П.* Указ. соч. С. 52).

[31] *Бабаянц Г.Н., Комлева Г.Н.* Женские и девичьи головные уборы Костромской губернии // Сообщения Государственного Русского музея. Вып. XI. М., 1976. С. 163—168.

де Ярославской губернии[32].

Итак, крестьянки Гороховского уезда (за исключением южной части) в XVIII—XIX вв. носили определенное время после свадьбы преимущественно круглые в верхней части кокошники, надетые с наклоном вперед так, что более или менее заостренные нижние части превращались в направленные назад «рога». При переходе женщины в категорию жен-матерей эти кокошники постепенно сменялись маленькими кокошниками или сороками[33], подобными тем, что носили на волосниках ковровского типа.

Сороки и волосник бывш. Муромского уезда. Конец XIX в. РЭМ

С переходом женщины в категорию старух головные уборы-сороки становились совсем низкими, из декора очелья исчезали яркие краски и металлические блестки, густо покрывавшие очелье сравнительно молодых матерей.

В южной части Гороховского уезда молодые замужние женщины могли носить высокие сороки, подобные сорокам-«кикам» Муромского уезда[34]. Под них одевались волосники-кички с вшитой пластиной-«рогами», направленными вверх[35]. Бытование в той же местности плоской сверху сороки с длинным неподобранным хвостом[36] можно объяснить, следуя Н.П.Гринковой, ее принадлежностью более старшей категории за-

---

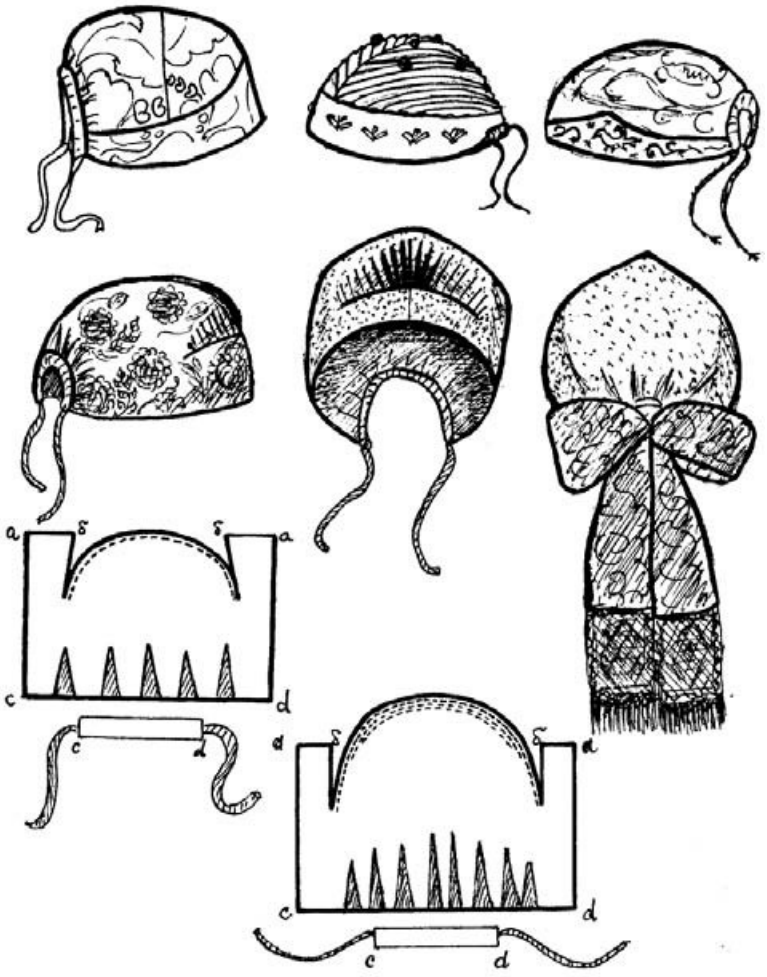
[32] *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX века // Восточнославянский этнографический сборник: Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т.XXXI. М., 1956. С.681. Рис. 72 (1).

[33] РЭМ. Колл. 383. № 2 э.

[34] РЭМ. Колл. 782. № 36. Муромский землемер-краевед Николай Гаврилович Добрынкин (1835—1902) оставил записки, в которых сорока аналогичной конструкции названа «кикой» (М — 13534 / 18). Отмечено, что такой головной убор носили в начале XIX в.

[35] РЭМ. Колл. 782. № 35.

[36] РЭМ. Колл. 782. № 41.

Повойники

мужних женщин (жен-матерей или старух-бабок). Соответственно, волосник, на который надевалась эта сорока, превратился в безрогий чепчик.

К середине последней трети XIX в. сороки заменились повойниками и сборниками. Праздничные сборники шили из шелка, полубумажной мишурной парчи, часто сшивая мелкие обрезки ткани. Праздничные повойники нередко шили из спорков тыльных сторон кокошников XVIII в. с золотым шитьем. Конструкция повойника восходит к волоснику знатной женщины XVI—XVII вв. И повойник, и сборник имели сзади кулиску для стягивания по размеру головы, выполненную из менее нарядной ткани. Поэтому они обязательно покрывались сверху нарядными платками — это также подтверждает родственную связь с волосником. Закрыть кулиску большим бантом могла молодая купчиха. К рубежу XIX—XX вв. перестали носить и праздничные повойники со сборниками. Они остались лишь у старух как домашние головные уборы и были сшиты из ситца.

И кокошники, и сороки традиционно покрывались сверху фатами-покрывалами, развившимися из древних покровов-убрусов. Художник Михаил Шибанов отразил и традиционные черты, и только что появившиеся новации в праздничных костюмах замужних владимирских крестьянок. Прежде всего, это пять разных покрывал на участниках празднования свадебного договора. Шестое — на молодой матери в «Крестьянском обеде». Тонкий полупрозрачный шелк рудожелтого, или жаркого, цвета[37] делается более упругим от затканных полосами золотных нитей. Между ними серебряный изломанный клинообразный узор.

Это покрывало — так называемая «канаватная» фата, ставшая популярной в купеческой, мещанской и крестьянской среде во второй половине XVIII в. Как мы помним, привозимые с Востока шелковые ткани в XVII в. были редкостны и дороги, а потому доступны только самому богатому купечеству. Выпуск покрывал, похожих на восточные, освоили сначала в Астрахани, потом в Москве. Их еще было немного в сравнении с растущим спросом широких слоев потребителей. В 70-х годах откроются первые шелковые мануфактуры Левиных в Коломенском уезде Московской губернии, где также будут ткать канава-

[37] *Бахилина Н.Б.* Цветообразование в русском языке. М., 1979. С. 235.

ты. «Крестьянский обед» написан в 1774 г. Весьма вероятно, что этот канават был соткан в Ярославле, где в 1769 г. была основана шелковая мануфактура Ивана Федотовича Кочурова, которая потом досталась по наследству Афанасию Андреевичу Морозову[38].

Канаваты мануфактуры Левиных имели гораздо более сложный рисунок: середина покрывала была заткана четким геометрическим орнаментом из кругов или квадратов с изысканными золото-серебряными розетками в них. Канават — вещь дорогая, от 7 до 45 рублей. Характерна пословица того времени: «Голь перекатна, а фата канаватна»[39]. Орнамент покрывал на полотнах М.Шибанова более прост: полосы, клетка и так называемый «абровый» расплывчато-клиновидный узор, возникающий при предварительном дробном окрашивании основы.

Ярославские канаваты можно было приобрести на двухдневной июльской годовой ярмарке в Вязниках или на многодневной июньской в Муроме, куда, в свою очередь, привозили товар купцы с Макарьевской и Ростовской ярмарок. В Гороховце в конце XVIII в. своих ежегодных ярмарок не было, да и торговых лавок было всего 20 (в Вязниках 89, в Суздале 138), но гороховецкие купцы сами торговали на ярмарках в Вязниках и также привозили туда товары из Москвы и с Макарьевской и Ростовской ярмарок. Зато летом шумели большие ежегодные ярмарки в Гороховском уезде, в селах Пистяки и Верхний Ландех, где всегда можно было купить шелк и китайку, кумач и разнообразнейшие набойки[40].

Михаил Шибанов тонко подмечает особенности ношения покрывал в зависимости от семейного положения и возраста владелицы. На девичьей повязке *невесты* фата[41] заложена складкой по длинной стороне и закреплена почти своей серединой, оставляя чуть приоткрытыми волосы надо лбом за повязкой. В соответствии с обрядом, покрывало может быть спущено спереди, закрывая лицо невесты до венчания, т.е. выполняя роль оберега. У стоящей молодой женщины в круглом кокошнике с большим наклоном канават закрыл весь кокошник и слегка спущен спереди, демонстрируя специально пришитое золото-серебряное кружево, сплетенное на коклюшках. Кружево тоже продавалось на ярмарках. Среди музейных образцов также можно видеть головные покрывала с пришитой в области очелья полоской кружева или позумента — примерно в 30—40 см длины. У сидящей молодой женщины в чуть более высоком кокошнике покрывало приколото к тыльной стороне кокошника немного выше макушки. Поэтому его можно носить двумя способами: окутывая фигуру, как делает это большеокая красавица, или в виде висящего сзади фалдистого хвоста[42]. Сидящая старушка в центре группы связала концы небольшого покрывала под подбородком и оставила их висеть спереди, по сторонам эмоционально сомкнутых рук. Стоящая позади у занавески пожилая женщина предпочла выбрать тонкое белое покрывало, которое почти прикрывает сороку. Концы его стянуты под подбородком, отведены назад, обернули шею и спустились свободно на грудь. В заключение заметим, что в качестве покрывала крестьянки могли в то время использовать и два неразрезанных шелковых платка, это также давало отношение ширины к длине 1 : 2, характерное для покрывал.

---

[38] *Арсеньева Е.В.* Указ соч. С.125—126, 128.

[39] Там же. С. 31 — 32. *Арсеньева Е.В.* Русские платки и шали: Сокровища Государственного Исторического музея. М., Внешторгиздат. Без даты. С. 3, 7.

[40] Топографическое описание Владимирской губернии... Владимир, 1906. С.54—55; 6—63; 97—102. Церковное облачение, сшитое из дублированного синей крашениной канаватного покрывала с орнаментом, аналогичным канаватам мануфактур Левиных конца XVIII — начала XIX в., демонстрируется в «крестовой палате» в Гороховецком историко-архитектурном музее.

[41] Девичьи головные уборы до просватанья не покрывались фатой-покрывалом.

[42] Последний из способов ношения — более поздний, он мог появиться под влиянием города или даже под влиянием «русского» придворного костюма.

Девичьи головные уборы.

Головной убор невесты украшался полосой золотного позумента шириной примерно в 2 вершка с вытканным узором («*...лоб перевязывают золотыми и шелковыми разных цветов нарочно для сего тканными лентами...*»). Сам головной убор — совершенно традиционной формы. Ранним прототипом его было полотенце, сложенное несколько раз вдоль и повязанное вокруг головы венчиком так, чтобы было открыто темя, а его украшенные вышитым или тканым орнаментом концы свободно висели сзади, оставляя открытой косу. Очелье могло быть украшено домашней вышивкой и дополнительно уплотнено полосой бересты или проклеенного холста. Позже богатая девичья лента-перевязка могла иметь очелье, украшенное жемчугом, драгоценными камнями и цветными стеклами.

Широкий узорного тканья позумент, каким он изображен у М.Шибанова, сравнительно недавно смог попасть в праздничный обиход русского крестьянства. Для его изготовления требуется очень тонкая проволочка или полученная при ее расплющивании так называемая «бить», или плющёнка, плащёнка, как говорили русские мастера.

Девичьи повязки-ленты (внизу — Вязниковский музей, вверху — Ковровский музей)

В XVII в. сначала в царских мастерских, а потом и «на стороне» было начато производство тянутого и волоченого серебра и золота, канители и других металлических материалов для украшений, но дело это оказалось дорогим и мало прибыльным, вследствие чего развивалось крайне медленно. Поэтому пользовались преимущественно привозными материалами, среди которых были и золотые и серебряные галуны, и золотная бахрома. Естественно, что до крестьянского рынка эти изделия почти не доходили. В 1735 г. компании из 10 купцов была дана привилегия для открытия в Москве единственной в России (кроме Петербурга) фабрики плющильного и волочильного золота и серебра (перерабатывалось около 100 пудов серебра в год). В 1754 г. для поощрения русского производства был запрещен ввоз из-за границы не только пряденого, плющильного и волочильного зо-

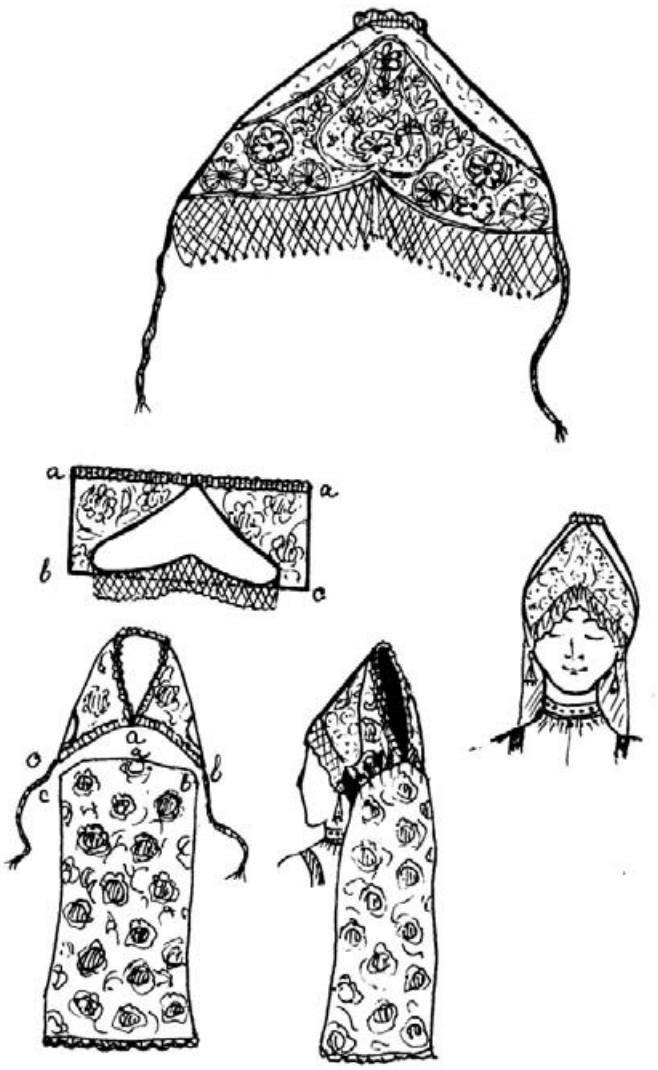

Девичьи головные уборы Костромского уезда и г. Костромы (по рукописи 1776 г.)

лота и серебра, но и мишуры, парчи и позумента. Частичные запреты ввоза практиковались и раньше, еще при Петре I. Протекционистская политика правительства возымела действие: стало быстро развиваться не только золото-серебряное, но и мишурное производство. Например, только на мишурной фабрике Е.Солодовникова с товарищами в Москве за 5 лет с 1755 по 1759 г. производство выросло в 4 раза и достигло почти 3 т в год[43]. Золотые и серебряные позументы ткались преимущественно в Санкт-Петербурге и в Москве. Центром кустарного производства мишурных позументов стал г. Дмитров (основан в 1154 г. и назван в честь Димитрия-Всеволода) и его окрестности[44]. Этому в немалой степени способствовало само расположение Дмитрова на возродившейся с открытием в 1710 г. тракта Петербург — Москва прежней «большой» торговой дороге на Новгород. Удобны

[43] Канительная промышленность.... Указ. соч. С.3, 11. По-видимому, именно в Лионе был освоен способ серебрить и золотить медные стержни, из которых потом волочением и плющением получались тончайшие проволочки и ленточки, сохраняющие на поверхности серебрение и золочение. За этой более дешевой продукцией, доступной и средним сословиям, закрепилось название «лионской» канители, иногда даже независимо от места ее производства. Другое равнозначное название проволоки из серебрёной и золочёной меди — «мишура».

[44] Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М., 1787. С.207—217. В самом Дмитрове отмечено 5 мишурных фабрик, а в Дмитровском уезде — 100 мишурных и позументных заведений.

Девичий головной убор-«перевязка». Владимирская губерния. Первая половина XIX в. Общий вид и конструкция

были и водные пути. Крестьяне-ткачи, державшие дома по несколько станов каждый, не испытывали затруднений ни в приобретении сырья, ни в сбыте своей продукции.

Девичья повязка невесты на картине Михаила Шибанова украшена широким мишурным позументом работы дмитровских ткачей-крестьян. Более узкие мишурные позументы декорируют лицевые стороны всех изображенных художником кокошников молодых женщин и очелья головных уборов старух[45].

Увлечение популярной отечественной новинкой привело к определенной стандартизации декора традиционных праздничных головных уборов во второй половине XVIII в., и особенно в первой половине XIX в.: нередко вся лицевая сторона кокошников стала покрываться характерно расположенным позументом и только тыльная сторона оставляла простор для творчества[46].

Скромная девичья повязка-лента[47], очень похожая на изображенную М.Шибановым, была приобретена в деревне Медведево (где был большой процент старообрядческого населения) на западной границе бывшего Гороховецкого уезда антропологической экспедицией 1927 г.[48] и ныне хранится в Вязниковском историко-художественном музее.

Серебряный позумент размером 9 х 28 см нашит на красную крашенину, дублированную холстом. Вся «лента» по длине чуть меньше объема головы и завязывается сзади узкими тесемками. Ленты-«привязки», которые могли бы служить украшением головного убора сзади, отсутствуют.

---

[45] Возможно, что изображенные М.Шибановым головные уборы старух — это варианты «сорок», но требуются уточнения, и это — одна из задач продолжающегося автором исследования.

[46] РЭМ. Колл. 5500. № 10.

[47] ВРКМ №629

[48] Какие-либо сведения об антропологической экспедиции 1927 г. (кроме записей в учетных карточках собранных предметов) в музее отсутствуют. По-видимому, она проводилась параллельно или последовательно с этнографической экспедицией по Муромскому и Меленковскому уездам. (См.: *Уколова М.Г.* Этнографическая экспедиция Г.С. Масловой 1927 г.: К вопросу о традиционном костюме Муромского уезда // Рождественские чтения. Вып. II. Ковров, 1995. С. 109—112).

Девичья повязка из фондов Ковровского историко-мемориального музея[49] представляет собой более богатый вариант такого же головного убора. Пышный куст-древо заполняет собой всю верхнюю часть золотошвейного очелья, не оставляя открытым тканевый фон (мельчайшие его участки прикрыты петельками золотной нити). В нижней части более дорогое золотное шитье имитирует более дешевый, но «модный», как мы теперь скажем, золотный позумент. В целом эта лента шире (3 вершка = 13,5 см), т. е. головной убор выше. К золотному очелью пришиты две полосы малинового шелкового штофа. В завязанном виде головной убор *лишь слегка суживается* вверху, над темечком.

Девичий головной убор-«перевязка». Владимирская губерния. XVIII в. Гаврилово-Посадский краеведческий музей

На одном из рисунков 1776 г. секунд-майора Н.Суморокова[50] изображена «*крестьянская девка Костромского уезда в ленте*», аналогичной головному убору невесты у М.Шибанова. Авторы названного выше обзора считают, что такие ленты были наиболее характерны для крестьянского населения не только Костромского уезда, но и всей Костромской губернии.

Городские девушки («*посацкие девки*») в это время носили иной головной убор («*перевиску*»), напоминающий лицевую часть «косого», т.е. высокого однорогого кокошника городских замужних женщин.

Очелье «перевиски» имело, по словам Н. Суморокова, твердый каркас и было вышито перламутром, цветными стеклами или жемчугом. Очень похожие девичьи головные уборы зафиксированы и во Владимирской губернии. Нам известны по крайней мере три почти полных убора и одно очелье[51] .

Сходство выявляется только при определенной манере ношения владимирского головного убора, которая вызвала некоторые конструктивные изменения. Впрочем, они взаимно обусловлены. Выполненное отдельно треугольное с нижней небольшой выем-

---

[49] КМ № 3175.

[50] *Бабаянц Г.Н., Комлева Г.Н.* Указ. соч.

[51] 1) ЮПМ № 632.
2) РЭМ № 657-1.
3) М № 6041.
4) Очелье из рубленого перламутра в витрине экспозиции «Былина» Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

кой очелье наложено на прямоугольную полосу шелка. Эта полоса примерно на вершок выше, чем очелье ковровской ленты, но принципиальное отличие в том, что *соединяются вместе лишь верхние углы полосы*. Если у ковровской ленты верх лишь слегка суживался над теменем, то в рассматриваемом головном уборе *сверху остается только узкая открытая щель*. Более того, у экземпляра из фондов Юрьев-Польского историко-архитектурного и художественного музея полоса резко заломлена по сторнам треугольника (и головной убор, по легенде, носит малопочтенное для праздничного название «кулёк»). Но эти заломы усиливают сходство с костромским посадским вариантом Н. Суморокова. Полоса укрепляется на голове с помощью завязок, пропущенных в кулиски «в — а — с». Сзади пришиваются уже не две шелковые полосы-ленты, а только одна широкая (немного выше кулисок). Снизу к треугольному очелью прикрепляется жемчужная или бисерная поднизь. Ее отсутствие в юрьев-польском варианте открывает надо лбом некрасивую «плешину», что говорит об изначальной предусмотренности поднизи. Все четыре пока известных нам очелья декорированы так называемым «китайским жемчугом» XVIII—XIX вв., т. е. рубленым и отшлифованным до шарообразной формы перламутром. Центры розеток и некоторые пустоты орнамента заполнены трунцалом или гранью[52]. В плотном цветочном орнаменте с трудом вычленяется центральный куст, или древо. Каждая владелица могла дополнительно украсить очелье купленными на торгу или у офени цветными стеклами в металлических оправах-кастах, что и сделано в муромском варианте. Пока не удалось найти местных сведений, интерпретирующих наличие одной широкой полосы ткани позади девичьего головного убора. Эта полоса ткани полностью скрывает косу, спускающуюся вдоль спины. Например, в Архангельской губернии девушка до просватания носила головной убор с двумя или даже несколькими лентами, не скрывающими при движении косу, а после — с подобной одной широкой полосой ткани, обычно богато украшенной. На севере России традиционный костюм и связанные с ним обычаи сохранились до начала XX в. и достаточно детально изучены этнографами, в отличие от центрального региона. Возможно, и во Владимирской губернии жемчужная или перламутровая перевязка была в XVIII в. предсвадебным головным убором посадской девушки.

Интересно, что подобная конструкция и манера ношения были перенесены и на шитую золотом по малиновому бархату ленту, подобную ковровской. Такой головной убор хранится в фондах Гаврилово-Посадского краеведческого музея бывшей

---

[52] В определениях понятия «трунцал» в разные века наблюдаются несоответствия или путаница:

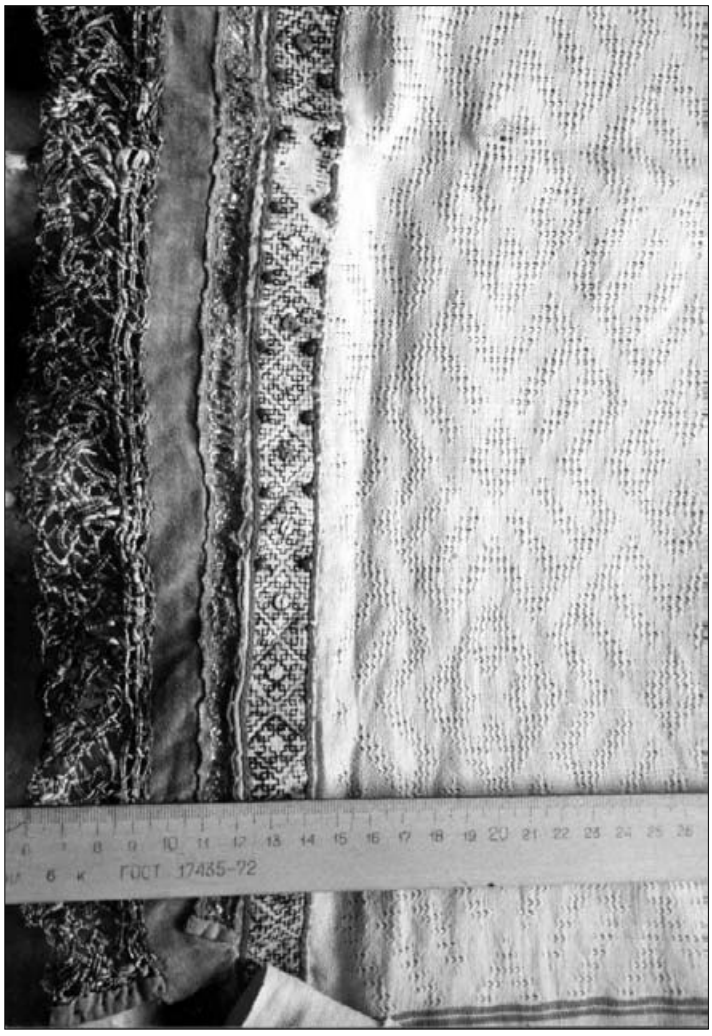
XVI—XVII вв. «...В золотное дело употреблялись волоченое золото и серебро немецкое и, отчасти, турское, сканое и пряденое с шелком, а также золотая и серебряная *бить* разновидного изготовления, а именно *канитель, трунцал или струнцал*, картулин или картулен, бгань, гбань, разные роды блесток, звездки, пелепелы, плащики, чепочки и т.п.». Больше всего была в употреблении немецкая канитель тонкая, толстая и *грань* разных цветов и оттенков. (См.: *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа... М., 1869).

Конец XIX в. В номенклатуре канительных товаров трунцал рассматривался как вариант *прядева*, когда бумажная или шелковая нить обвивалась не плющенкой, а тонкой волоченой проволокой. Особый сорт канители, т.е. спиральной пружинки, имевшей не обычное круглое, а шестиугольное сечение, назывался *фасонной канителью, или гранью*. (См.: Канительная промышленность в России... С.15).

Рубеж XX—XXI вв. Импортная фасонная канитель, или грань, появилась в продаже в церковных лавках под названием «струнцал».

Владимирской губернии, теперь Ивановской области[53]. Об этом говорят кулиски завязок (в них должен быть пропущен один шнурок или тряпичная завязка: снизу вверх с одной стороны и далее сверху вниз — с другой) и характерные заломы по косой. Тем самым лента-повязка была превращена в перевязку.

Нижняя часть прямоугольника, заполненного виртуозно вышитым цветущим кустом-древом, украшена на этот раз пришитым узорным тканым золотным позументом, а не его вышитой имитацией. В правильности реконструкции (см. в нижней части рисунка) убеждает наличие одной широкой полосы, пришитой аналогичным образом сзади у похожего головного убора из фондов Ивановского государственного историко-краеведческого музея имени Д.Г. Бурылина[54]. Однако здесь позумент вновь оказался заменен вышитой золотной имитацией. Во всех трех перламутровых перевязках и в последнем ивановском варианте использована полушелковая мишурная парча синего цвета, из такой парчи разных цветов обычно шились праздничные сарафаны зажиточных крестьян и мещан.

Головное полотенце-убрус. XIX в. д. Медведево бывш. Гороховского уезда. Вязниковский историко-художественный музей

Можно сделать вывод, что в Гороховце также носились повязки и перевязки посадского типа, а в селах и деревнях уезда — ленты, подобные изображенной Михаилом Шибановым и сохранившейся в бывшей гороховской деревне Медведево. Там же антропологической экспедицией 1927 г. были обнаружены два редкостных для Владимирской губернии полотенчатых головных убора — убрусы ажурного ткачества[55]. Особенно интересен первый из них со скромно украшенными красными полосами концами и нарядным очельем.

Ромбический с внутренними крестами орнамент ажурного ткачества (символика плодородия) дает основание предположить, что такой убрус мог использоваться в свадебной или послесвадебной обрядности вместо покрывала. При этом его короткие украшенные концы, возможно, висели свободно по плечам.

---

[53] 86. ГПКМ № 498.

[54] ИОКМ № 10021.

[55] 1) ВРКМ № 651.
2) ВРКМ № 653.
3) В коллекции также имеется заготовка убруса ВРКМ № 622 (1—2).

Женские рубахи и сарафаны

Праздничные женские рубахи XVIII в. мы можем рассмотреть на картинах М.Шибанова. Они имеют широкие вверху и узкие к запястью «*предлиннейшие*» рукава. Так же как в XVII в., они уложены частыми поперечными складками от низа до самого локтя. Горловина имеет нешироку обтачку, застегивающуюся на металлическую или стеклянную бесцветную или красную запонку. Под обтачкой рубаха равномерно пышно сосборена (вспомним, под одеждами XVII в. этого нельзя было увидеть). Все рубахи белые, сшиты из тонкого льна и не имеют никаких украшений. Рубахи совершенно одинаковы — как у невесты, так и у пожилой женщины. У невесты рукава удерживаются накладными, украшенными золотным шитьем, запястьями.

Сарафан старухи в «Крестьянском обеде» идеально подтверждает свое происхождение от телогреи XVII в.[56]. Оловянные пуговицы-шарики с большими ушками нанизаны на шнур, который пришит в край правой полы сарафана. Петли из такого же шнура застегиваются слева направо, т.е. по-мужски. Такая организация застежки сарафана сохранялась до 20-х годов XX в. Сарафан подпоясан не очень узким пояском, вероятно, плетеным «на вилочке» (полутканье) или тканым «на нить». Сарафан вырезан под горло и лишь слегка сужен в плечах. Сшит он предположительно из домашней крашенины: буровато-черный цвет мог быть получен с применением дубителей и железной протравы (например, ржавые гвозди или железная окалина из кузницы настаивались на перекисшем квасе). На старухе в «Празднестве...» (тот же типаж) видны плечо и часть спинки сарафана такого же типа.

Сарафаны молодых женщин в кокошниках, опирающихся на жемчужные поднизи (на той и другой картинах), сшиты из покупной синей ткани. Это «*сарафаны китаешные*» из описания в «Атласе Владимирской губернии...» Прочный синий краситель (крутик) уже в середине XVII в. продавался в лавке на посаде в Шуе[57]. Ко второй половине XVIII в. кубовое крашение[58] уже было в достаточной мере освоено. Вырез сарафана, превратившись из округлого в квадратный, расширился и глубоко опустился, по сторонам остались лишь нешироки лямки. Вдоль застежки пришита покупная лента золотистого цвета с розово-красным цветочным орнаментом. Пуговицы медные.

---

[56] См. рис. на с. 319.

[57] Украденные из торговой лавки 10 фунтов кубовой краски «крутика» стоили в 1644 г. 7 руб, т.е. очень дорого.

См.: ВГВ. 1859. № 9. С.36.

[58] «Крутик» — это одна из форм индиго — природного красителя, получаемого из южных растений. Индиго нерастворим в воде, поэтому в виде, не преобразованном химически, он не может окрасить ткань. Чтобы крашение стало возможным, «синее» индиго нужно сначала перевести в так называемое «белое» индиго, т. е. растворимое в воде соединение. Этот раствор и называется «кубом», а способ крашения с его использованием — «кубовым». Пропитавшуюся холодным кубовым раствором ткань вынимают из чана, и в процессе выдержки на воздухе она на глазах синеет, так как краситель вновь окисляется уже внутри волокон ткани до нерастворимой в воде формы. 6—7 длительных погружений и выдержки на воздухе достаточно для равномерного прочного окрашивания хлопчатобумажных и льняных тканей. Сложность этого способа крашения заключается в умении составить куб и сохранить его для максимально длительного использования дорогого красителя.

Сарафан невесты сшит из серебристой парчи или из плотного атласа, затканного мишурным серебром. Дорогая новинка не требует дополнительных украшений, пришиты только функционально необходимые плетеный шелковый шнур темно-розового цвета и медные посеребренные или серебряные пуговицы. Хорошо видно, что пышность сарафана усилена сзади, начиная от бока. Это уже типичная конструкция косоклинного распашного сарафана, сохранившегося до начала XX в.

К середине XVIII в. шелковая промышленность в России достигла достаточно высокого уровня. Знаток шелкового дела француз М. Одар, чиновник Мануфактур-коллегии, осмотрел шелковые мануфактуры Москвы и нашел, что некоторые из них (производства Лазарева, Евреиновых, Колосова и др.) выпускали штофы, бархаты, парчу, атласы на уровне европейских фабрик, а другие были «весьма худы». Указы 1769—1772 гг., разрешившие свободное ткачество, дали толчок к развитию крестьянского шелкоткачества в Богородском уезде Московской губернии (села Щелково, Зуево, Павлово). Некоторые из этих крестьянских заведений выпускали даже дорогие ткани с золотными узорами. Для удешевления тканей применялись мишурные металлические нити и добавлялся хлопок. Самым дешевым из привозных готовых нитей был персидский шелк желтого цвета, дороже — итальянский и французский. На высшие сорта тканей шел белый китайский шелк «син». Было уже освоено и собственное производство нитей из «шамаханского» шелка-сырца — они шли на изготовление дешевых шелковых и полушелковых тканей. Узоры шелковых тканей составлялись преимущественно из реалистически изображенных цветов и листьев в сочетании с орнаментальными мотивами из кружев, вазонов. В отличие от дворянок, предпочитавших европейское платье, требовавшего легких шелковых материй, купчихи и крестьянки сохранили привязанность к плотным, хорошо держащим форму тканям: парче и атласу, крупнорубчатому каннеле, затканным металлическими нитями, штофу[59].

Праздничный костюм по-прежнему остается многослойным. Роль верхней одежды выполняет шелковая душегрея, совпадающая в принципах кроя с косоклинным сарафаном. Она не имеет застежки во всю длину, лишь скреплена вверху. Полы ее, верхний срез и лямки обшиты узким золотным позументом, сдерживающим и организующим буйство цветочного узора. Душегрея относится к типу «холодных» верхних одежд, т.е. сшита на одной подкладке.

Башмачки невесты на высоких каблуках, они сделаны из красной кожи.

Плотно охватывающее шею, шитое по полоске ткани ожерелье невесты дополнено нитками бус. Возможно, это искусственный французский жемчуг — «бургиньон». Наряду с бусами используются и широкие металлические цепочки, составленные из отдельных бляшек. Производство недорогих украшений из металла было налажено в селе Красном и ряде других под Костромой, их также можно было купить на торгу или у офеней.

В левой руке невеста держит украшенный платок-ширинку[60]. За правую руку ее взял женатый родственник (возможно, старший брат) или крестный отец, но руки жениха она должна касаться лишь через платок.

---

[59] *Арсеньева Е.В.* Указ. соч. С. 23—32.

[60] «Ширинка» — квадратный отрезок ткани по всей ее ширине.

Мужская одежда

Мужская одежда также сохранила свою традиционность. У родственника невесты на картине М. Шибанова — розовая праздничная рубаха-голошейка с небольшой вышивкой и правосторонним разрезом, застегнутым на металлическую пуговку. Правая пола нижнего кафтана-зипуна по-прежнему заходит на левую. Застежка шнуровая, пуговицы металлические. Зипун опоясан нешироким красным кушаком. Верхний кафтан застегивается по центру, но принцип устроения застежки тот же. Оба кафтана сшиты из сукна, подкладка — из светлой синей и розово-красной крашенины.

Мужчины со стороны жениха одеты в праздничные кафтаны из цветных сукон. Сидящий к нам спиной мужчина одет в красный кафтан «чекменем» — неотрезной в спинке, приталенный «с пережимом». Расширяющие нижнюю часть кафтана острые клинья вставлены снизу до талии между центральным полотнищем спинки и передними полочками. Рубахи-голошейки у всех мужчин на обеих картинах М. Шибанова имеют правосторонний разрез. Обувь — высокие сапоги без каблуков или опорки без голенища с суконными онучами.

На играющем босоногом ребенке в нижнем углу («Празднество...») — мужская шляпа, точно совпадающая с описанием в «Атласе...»[61]: *«...шапки высокие, наверху коих четвероугольная площадка с небольшими рожками... внизу опушенная... черною овчиною»*. Похоже только, что эта шапка крыта не сукном, а кожей.

Отметим преемственность крестьянской одежды XVIII в. относительно общерусской одежды XVII в. «*Кафтаны до колена, назади с борами*» — все те же «русские» кафтаны с отрезной спинкой и широкими клиньями-вставками. «*Понитки*» — это «холодные», т.е. сшитые на одной подкладке или даже без нее, кафтаны. Современных читателей смущает, что овчинные шубы надевали зимой *под кафтаны*. Но вспомним, с одной стороны, зипун на меху, а с другой — обычай крыть нагольную шубу тканью: кафтан здесь выступает в роли такого тканевого покрытия.

Параллельный анализ всех трех источников сведений о традиционном русском костюме последней трети XVIII в. в сопоставлении с отдельными головными уборами из музейных фондов позволил достаточно полно описать крестьянский костюм Гороховецкой земли как характерной части севера Владимирской губернии. Почти одновременное появление этих трех источников объясняется зародившейся в русском обществе потребностью познания собственного народа — крестьянства.

В 1770—1774 гг. составляет первый сборник простонародных песен[62] Михаил Чулков (1743—1792), будущий создатель многотомной истории российской коммерции. Организуются экспедиции. Выходит первая сводная этнографическая работа И.Г. Георги[63].

---

[61] Топографическое описание Владимирской губернии... С.9—10.

[62] *Чулков М.Д.* Собрание разных песен. Т. I—IV. 1770—1774.

[63] *Георги И.Г.* Описание всех в российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. Ч. I—III. СПб., 1776—1777.

* * *

Первый импульс к серьезному собирательству народного костюма с целью просветительского экспонирования дала подготовка Всероссийской этнографической выставки в Москве в 1867 г. На выставке, длившейся два месяца, читались популярные лекции, ее посетило 90 тыс. зрителей. Из огромного числа экспонатов Владимирскую губернию представляли только три костюма: мужчины-офени, крестьянок Судогодского и Переславль-Залесского уездов (и те были подарены не местными жителями, а столичными собирателями).

Несколько предметов народной одежды Гороховецкого уезда хранятся в Российском этнографическом музее (РЭМ) в Санкт-Петербурге[1]. Этим мы обязаны А.П. Черному (1871—19 ?), ученому-агроному, почвоведу, метеорологу[2]. Во время трехлетней политической ссылки в Архангельск в 1902—1905 гг. он работал в музее и увлекся этнографией. По возвращении во Владимир Александр Прохорович бывал в уездах по делам губернской земской управы, проводил исследования. Параллельно по поручению Этнографического отдела Русского музея в Санкт-Петербурге он собирал интересные предметы одежды, быта, орудия труда в дальних селах и деревнях Владимирской губернии. На север Гороховецкого уезда его привела в 1905 г. несчастливая случайность: уже готовые материалы почвенных исследований 1900 г. погибли во время пожара в лаборатории в 1902 г. При повторной экспедиции Александр Прохорович приобрел для музея столешник «самобраный», резные «денца» с гребнями, несколько очень интересных предметов женской одежды и головной убор в деревнях Луполово и Иваново[3].

Пожалуй, самыми интересными оказались короткие зимние верхние одежды — «голайки»[4]. Обе они сшиты из заячьего меха, спинки из белой овчины, крыты малиново-красным штофом и опушены по передним полам, нижнему краю и на запястьях беличьим мехом. У второй «голайки» сохранился также большой округлый съемный беличий воротник на подкладке из мелкоузорного красного ситца. Передние полы цельные. Верх штофного покрытия спинки — с подкройными бочками. Талия завышена. Нижняя часть спинки очень широкая, заложена глубокими сборками. По «талии» изнутри только на спинке пришита льняная тесемка-поясок, при ее завязывании спинка плотно прилегает к фигуре. Спереди «голайка» застегивается на крючки и лежит свободно. (*Фото 10 на вклейке.*)

Возможно, в XIX в. голайки выполняли функцию обрядовой одежды невесты и праздничной одежды молодухи. Они сохранили черты традиционной одежды XVI—XVII вв., когда меховую шубу крыли шелковой тканью. Отрезная спинка с сосборенным низом восходит к «русскому» кафтану с «борами». Положение талии определялось господствующим стилем в одежде аристократии и с некоторым опозданием влияло на народную одежду, в первую очередь купеческую.

---

[1] Российский этнографический музей был создан 10 января 1902 г. сначала как Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III. Первыми фондообразователями его стали Николай II и члены императорской семьи.

[2] *Титова В.И.* Черный А.П. // Владимирская энциклопедия: Биобиблиографический словарь. Владимир, 2002. С. 474—475.

[3] Теперь эти деревни находятся на территории Ивановской области. Через них проходила дорога от Флорищевой пустыни к большому торговому селу Пестяки.

[4] РЭМ. Колл. № 948. №5, № 6 а), б).

Очень похожим на «голайки» оказался «холодник»[5]. И в этом случае название одежды отсылает нас к XVI–XVII вв.: легкая верхняя одежда, сшитая на одной подкладке. Правда, это не относится к нижней части спинки. От «голайки» холодник унаследовал «боры», но он лишился меха, придававшего «борам» стройность и плотность.

Технология закладывания «боров» потребовала проложить нижнюю часть спинки ватой или льняными очесами и прочно прошить-нанизать заложенные валики толстой нитью от бока до бока. Это повторяют 2—3 раза, опускаясь ниже и распределяя закрепы по большей дуге. Если у «голайки» рукава были вшивными с головками, заложенными складками, то у холодника рукава сзади были цельнокроенными. Большой круглый воротник также съемный (и это тоже глубокая традиция), обшит мишурной бахромой. Полы и низ рукавов украшены золотным позументом. Застежка на крючках. Подкладка — серый коленкор и отбеленный холст. (*Фото 11 на вклейке.*)

В той же деревне Луполово А.П.Черный приобрел и две душегрейки. Если длинная душегрея невесты на картине М.Шибанова по крою совпадала с распашным косоклинным сарафаном, то эти душегрейки[6] своей конструкцией повторяли нижнюю часть голайки и холодника. Фактически это «боры» сзади и низ прямых полочек спереди.

Первая душегрейка сшита из затканной мишурной нитью полушелковой крупнорубчатой ткани каннеле с очень любимым в народной среде строго симметричным орнаментом, составленным из цветов, гирлянд. В центральной части композиции на месте вазона или перевязывающей букет ленты с бантом появилась геральдическая птица с симметрично распростертыми крыльями. Иногда бывали явственно видны и расставленные лапы птицы[7]. В нашем случае крылья птицы можно принять за часть гирлянды (см. узор на полочках). (*Фото 12 на вклейке.*)

Низ душегрейки был украшен шелковой густо-розовой ленточкой, заложенной в частые складки. Лента прикреплена посередине золотным шнуром. Душегрейка удерживается в положении над грудью с помощью узких лямок, украшенных мишурной ленточкой. Такая же ленточка проложена по верхнему краю спинки. Лямки сзади сходятся вместе, здесь под них подложен кусочек трапециевидной формы из той же шелковой ткани, имитирующий маленькую выкройную спинку, как у косоклинного сарафана XVIII—XIX вв. Душегрейка застегивается вверху на крючки. Вторая душегрейка аналогичной конструкции. Она крыта черным бархатом, передние полы и верхний край на спинке украшены золотным позументом, лямки оторочены розовой шелковой лентой.

Душегрейка — традиционное название такого типа верхней женской одежды. Из городской среды пришло и во многих местностях укоренилось другое название этой безрукавной одежды — «епанечка». В Нижегородской, Костромской губерниях бытовало название «перо», «перышки».

Трансформация телогреи в узколямочный распашной косоклинный сарафан завершилась в XVIII в. От телогреи унаследовал сарафан и подкладку, помогающую держать форму с применением новых, менее тяжелых и жестких материалов.

Более пластичные, хорошо драпирующиеся шелковые ткани — штофы, в которых не использовались металлические нити, вызвали появление нового типа сарафана — «круг-

---

[5] РЭМ. Колл. 948. № 4 а), б).

[6] РЭМ. Колл. 948. № 2, №3.

[7] *Арсеньева Е.В.* Указ. соч. С. 29.

лого», так называемого «московского» (ведь и изобилие шелковых тканей шло теперь из Москвы). Этот крой исключал необходимость вытягивающегося со временем бокового шва по косой: сшитые друг с другом кромками 5—7 цельных полотнищ закладывались мелкими складочками «щипком» (сзади гуще), фиксировались подложенной полоской холста и вместе с ней обшивались в край обтачкой. Сарафан шился без подкладки. Узкие лямки пришивались по образцу косоклинного сарафана, т.е. сзади соединялись вместе. Верх круглого сарафана прикрывался душегрейкой. Украшался лишь подол сарафана, уплотненный подбоем из простой ткани шириной в 2—3 вершка. Отступя от края, нашивали позумент, золотную или мишурную бахрому. Такой штофный сарафан густого малинового цвета экспонируется в Гаврилово-Посадском краеведческом музее[8].

В XIX в., когда ситец постепенно сделался доступен по цене крестьянам Владимирской губернии, появился праздничный ситцевый кубовый с мелкими красными цветочками круглый сарафан. Еще более ценился «двукубовый» ситец; его узор был многоцветным: голубой, желтый, зеленый, красный. Гороховецкие крестьянки до сих пор с гордостью подчеркивают, что у матери, бабушки или свекрови был именно двукубовый сарафан. Он шился аналогично круглому штофному сарафану. Вместо золотного позумента или бахромы в качестве самой распространенной отделки молодые женщины нашивали по подолу полоски кумача, но чаще такие сарафаны шились без украшений.

Малиново-красные голайки и холодник в Луполове в свое время могли носить с круглыми сарафанами из таких же малиновых штофов или в контрастном сочетании с косоклинными сарафанами из каннеле или полубумажной мишурной парчи. Такие сарафаны к моменту приезда А.П. Черного, видимо, не сохранились. В соседнем Иванове он купил для музея синий распашной косоклинный сарафан-китайку[9] на подкладке из грубого светло-синего холста. Он почти не отличается от сарафанов темного синего цвета на героинях полотен Михаила Шибанова. Круглые металлические пуговицы застегиваются на петли из хлопчатобумажного шнура ручного плетения: недалеко были шуйско-ивановские хлопкообрабатывающие заведения, видимо, несложно было приобрести нитки. По сторонам застежки нашиты шелковые ленты с цветочным орнаментом[10].

В коллекциях РЭМ можно увидеть косоклинные сарафаны, на которых часть шелковых лент была заменена хлопчатобумажными полосками. На этих полосках в технике ручной многоцветной набойки был отпечатан орнамент, имитировавший узор, вытканный на шелковых лентах. И это говорит не о бедности, заставлявшей прибегать к более дешевой замене, а об особом пристрастии именно к такому орнаменту, воссоздаваемому даже и в набойке.

При разной плотности прибивания утка в процессе тканья жаккардовой ленты орнамент мог сжиматься или вытягиваться по длине ленты[11]. Рассмотрим раппорт орнамента при оптимальной плотности прибивки утка.

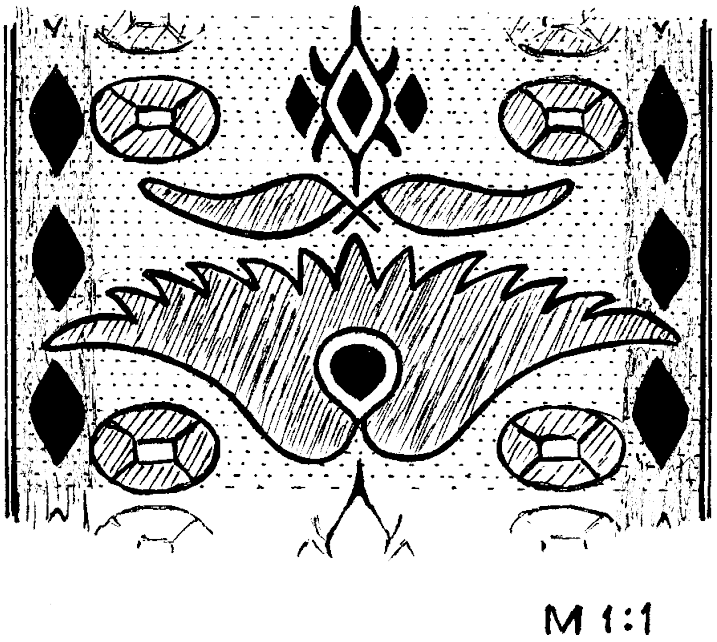
---

[8] ГПКМ. № 550.

[9] РЭМ. Колл. 948. № 7.

[10] *Федорова Г. А.* Сарафан косоклинный, распашной: оформление застежки // Народное творчество: Студия. 1998. № 1. С. 18—21.

[11] Анализ показал, что ленты с таким орнаментом не имеют кромок, т.е. они ткались на многолентном станке, снабженном *набором* индивидуальных *комплектов* управляющих устройств по числу одновременно изготовляемых лент. Каждый комплект — это перфорированные картоны, соединенные в непрерывную цепочку, они позволяют управлять подъемом каждой отдельной

Раппорт орнамента сарафанной ленты. XIX в.

Крупный цветок вместе с расположенной над ним ромбовидной «головкой» и парой листьев-«ручек» составляет фигуру, напоминающую «рожаницу» на тыльной стороне кокошника молодухи XVIII в. Вероятно, такому орнаменту на лентах могли придавать тот же благопожелательный и стимулирующий плодородие смысл, что и вышивке на кокошнике. Именно поэтому из всего многообразия лент с цветочным орнаментом была выделена группа лент с вариантами этого, счастливо придуманного кем-то узора, который мог восприниматься и как просто цветочный, и как имеющий глубокие корни в народной традиции. Спрос, в свою очередь, вызывал расширенное производство лент именно с таким полюбившимся орнаментом. Поэтому сарафаны XIX — начала XX в. с подобными лентами можно встретить во многих музеях бывших центральных губерний России.

Косоклинный распашной сарафан черного или другого темного цвета стал обрядовой одеждой старообрядок: в сарафанах молились, ходили на поминки[12]. Даже молодухам-нестарообрядкам в начале XX в. шили черный «русский» сарафан для поминок в семьях, где родители мужа были старообрядцами. Во многих современных семьях Гороховецкого и Вязниковского районов еще хранятся обрядовые сарафаны матерей, теток; у старух есть собственные сарафаны, сшитые в молодости.

В начале XX в. далеко не все умели правильно скроить косоклинный распашной сарафан. На несколько деревень была одна мастерица, только кроившая или шившая сарафаны молодым женщинам. Так, в д. Медведево в 1925 г. для Евдокии Лукояновны Голубевой (1900 г. р.) шила сарафан-китайку Мария Федоровна Пескова

нити основы, механизируя переборный станок. Этот изобретенный Ж.М. Жаккаром «жаккардовый» станок (1808) в России впервые появился на подмосковной Купавинской мануфактуре князя Н.Б. Юсупова, что значительно удешевило производство покрывал и шалей, «унизив» их во мнении представителей высшего общества. Ленты, сотканные на многолентном жаккардовом станке, представляют собой единое полотнище, в котором орнаментированные полосы с основой из шелковых нитей чередуются с неширокими гладкими полосками с хлопчатобумажной основой, обычно золотистого или бежевого цвета. Уток хлопчатобумажный того же цвета. В коллекционных описях РЭМ есть описание подобной ткани, приобретенной в Нерехтском уезде Костромской губернии в 1903 г. (РЭМ. Колл. 346. № 8/3). Собиратель Е.А. Ляцкий указал, что «материя... уже покупателями разрезывалась на полосы». Хлопчатобумажные края полученных лент при пришивании к сарафану могли полностью скрываться в подгибе или частично оставаться видными на лицевой стороне, создавая дополнительный декоративный эффект.

[12] Хоронили старообрядок в белой рубахе, белом сарафане на широких лямках. В лаптях. Белом платке и со специально сшитой лестовкой. Все это покрывалось саваном. Информатор: Кочеткова Зинаида Степановна (1922 г. р.), д. Крутово, январь 2001 г.

Набор по спинке косоклинного сарафана. Гороховецкий уезд, д. Курбатиха. 1928 г.

(1880 г. р.)[13]. Старинный косоклинный распашной сарафан практически не имел вверху сборок по бокам и спинке. Прекрасно скроенный сарафан с малым количеством сборок сзади удалось встретить и во время экспедиции в д. Митино в декабре 2001 г. у Антонины Алексеевны Дмитриевой (1928 г.р.). Сарафан принадлежал ее матери, Анисье Ивановне Андреевой (1899—1992), а до нее — бабушке Арине. Они жили в д. Тарханово, были старообрядками. Отец, «церковный», пришел в дом к матери и взял ее фамилию.

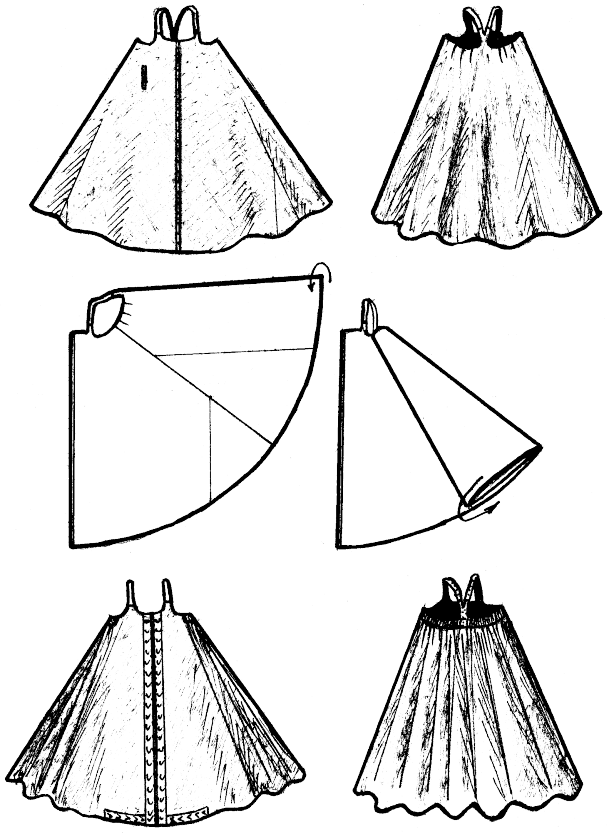
В конце XIX — начале XX в. стали популярны густые плотные сборки сбоку и сзади у верхнего среза сарафана. Таков сшитый из кумача сарафан из д. Рытово, сбор антропологической экспедиции 1927 г.[14] (*Фото 13 на вклейке*.)

> Декорирован он рябенько-полосатым ситцем. Издали это немного похоже на мишурный позумент. Такая же полоска ситца пришита по верхнему краю сарафана сзади, и все вместе собрано в плотную полосу сборок.

Могли появляться отделочные полосы в сборках сзади и на сарафанах старообрядок. Прасковья Никитична Фураева (1909 г. р.), старообрядка из д. Курбатиха на самой границе бывших Гороховецкого и Вязниковского уездов, в августе 1996 г. рассказала, что она сшила этот сарафан сама в 1928 г. перед свадьбой, чтобы ходить в нем на поминки. Кроить ее учила примерно 70-летняя в то время Христинья Синёва, родившаяся в д. Рытово. Как выполнить набор на спинке, показала мать, Екатерина Афанась-

[13] 7 августа 1996 г. Информатор — Анна Михайловна Голубева (1921 г.р.), дочь Евдокии Лукояновны; она вышла замуж за однофамильца.

[14] ВРКМ. № 644.

Распашной косоклинный сарафан

евна Штанова, в девичестве Рябинкина (1875—1955). Она была взята замуж в Курбатиху из д. Медведево.

На рисунке в верхнем ряду представлен сарафан, принадлежащий А.А. Дмитриевой, д. Митино[15]. В среднем ряду показана его конструкция. В нижнем ряду изображен гипотетический распашной косоклинный сарафан, перед которого скроен аналогично первому, а широкая спинка заложена вверху в тугие частые сборки.

На следующем рисунке (с. 351) предложена авторская схема, позволяющая сконструировать такой гипотетический сарафан. В круге меньшего диаметра размещен чертеж реального сарафана А.А. Дмитриевой. Как правило, хорошо сшитые традиционные сарафаны легко вписываются в круг[16]. Деревенские портнихи могли планировать кривизну (дугу) выкраивания подола и верха сарафана в зависимости от имеющегося метража материала и желаемой ширины сарафана в подоле.

Наиболее типичная ширина сарафана по подолу — 3,5—4,5 м, но встречались экземпляры, имевшие ширину до 5,5 м и даже 7 м. Чтобы рассчитать параметры сарафана, имеющего ту же ширину, что и у сарафана А.А. Дмитриевой (4,6 м), и позволяющие выполнить красивый набор наверху по бокам и на спинке, нужно так увеличить диаметр круга на схеме, чтобы ширина сарафана вверху (минус остающаяся неизменной ширина грудки) возросла в 3 раза.

При желании увеличить ширину сарафана в подоле это можно сделать за счет увеличения угла между крайними радиусами на чертеже спинки при одновременном не-

---

[15] Сарафан из черного сатина-ластика скроен по всем правилам косоклинного распашного: два полотнища спереди, одно сзади, между ними подклинки — но был изначально зашит спереди. Шов декорирован черным шелковым сутажом и мелкими черными пуговками. Многие распашные сарафаны зашивались спереди уже наследницами прежних владелиц.

О классификации сарафанов по типам их конструкции см.: *Тазихина Л.В.* Русский сарафан: По коллекции сарафанов Государственного музея этнографии народов СССР // Институт этнографии им. Н.И. Миклухо-Маклая АН СССР: Краткие сообщения. Вып. XXII. М., 1955. С.21—35.

[16] Делается понятным, почему лямки косоклинного распашного сарафана пришиваются спереди не непосредственно к грудке, а несколько выше, к выкройным основаниям лямок. Соответственно, сзади — к основаниям лямок над маленькой выкройной спинкой. Это не требует дополнительного расхода материала и получается автоматически при выкраивании дугообразной проймы — «наследницы» проймы в прародительнице — телогрее.

На сведенные вместе сзади лямки приходится большая часть тяжести сарафана. Как показывают исследования, это оказалось физиологически самым щадящим вариантом, недаром лямки рюкзака сконструированы аналогичным образом.

большом уменьшении диаметра круга.

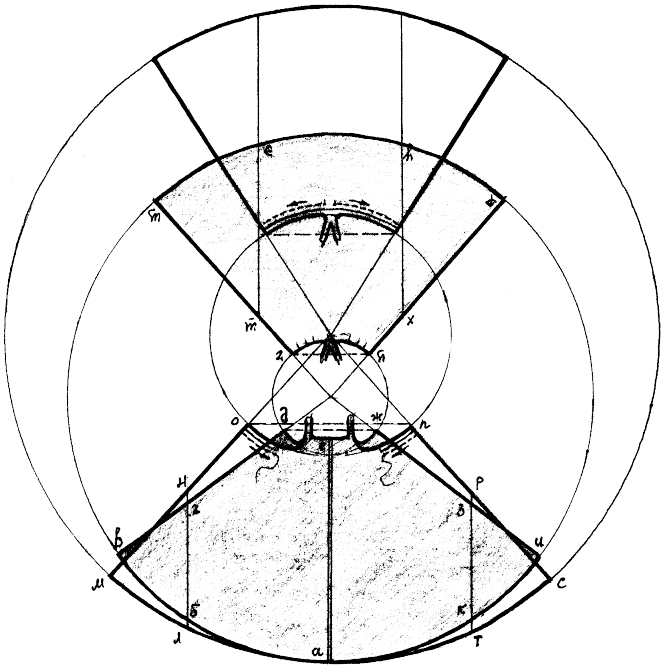

Схема кроя сарафана

Чтобы получить красивые тугие сборки, ткань сарафана в спинке и сбоку нужно значительно уплотнить: сверху накладывается отделочная лента или ткань, снизу — полоска холста. Все это плотно сметывается вместе с подкладкой сарафана. Набор выполняется очень прочной (и дополнительно навощенной) нитью, так как нельзя допустить, чтобы хоть одна из нитей лопнула при стягивании: тогда всю кропотливую работу придется повторить заново. Строго одинаковые стежки длиной 4—5 мм прокладываются от выкройной спиночки вправо и влево до бока, немного не доходя до грудки. Непосредственно под спиночкой сборки не делаются. Отступя 3—5 мм вниз, прокладывают, строго стежок под стежком, следующие две нити вправо и влево. Всего друг под другом с теми же интервалами прокладываются 5 или 7 нитей (всегда нечетное число). Затем все четные нити нужно потянуть в одну сторону (закрепив, разумеется, узлом противоположный конец), а нечетные — в другую. Многослойная ткань уложится в стройные плотные вертикальные столбики сборок. Аналогично стягивается и другой бок. Сарафан должен плотно сидеть на фигуре, иначе боковые швы будут провисать. После стяжки закрепляются свободные концы нитей. Под стянутые сборки подкладывается еще одна закрепляющая полоска холста. И вся эта очень толстая конструкция обшивается в край обтачкой, такой же, какой обшиваются лямки и грудка. Крестьянки использовали для обтачки прямую полоску ткани, а не косую бейку. Обтачка могла быть из той же ткани, что и сарафан (как у П.Н. Фураевой и других старообрядок). На праздничных сарафанах обтачка бывала красного, голубого цветов. Наиболее часто встречавшийся цвет обтачки — песочный.

Сарафан А.А. Дмитриевой имеет прорезной карман справа под грудью. Аналогичные сквозные прорези, обработанные вместе с подкладкой по типу прорезной петли и лишенные собственно кармана, неоднократно встречались на сарафанах в фондах музеев. По рубахе под сарафаном привязывался узким пояском-«гашником», или «гашенькой», специально сшитый подвесной карман. В него можно было положить платок-утиральник, ключи, деньги и достать их в нужный момент через прорезь. Вот и объяснение выражения «положить в загашник». Такой же, но по возможности красиво украшенный карманчик носили на поясе справа поверх сарафана, называя его «сластником», «лакомником». В фондах Вязниковского музея хранится карман-лакомник из д. Медведево сбора антропологической экспедиции 1927 г.[17]

Поясок, пришитый к этому лакомнику, соткан на четырех дощечках из толстых суровых и окрашенных льняных ниток с льняным утком. В средние дощечки симметрично продеты нити четырех разных цветов, поэтому по середине пояска проходит

[17] ВРКМ № 627.

Подвесной карман-«лакомник». Гороховецкий уезд, д. Медведево. Вязниковский историко-художественный музей

полоска пестрых «галочек». Обычно с тканья таких несложных веселых поясков начинали обучение детей. Невысокое качество тканья также выдает неумелую ткачиху.

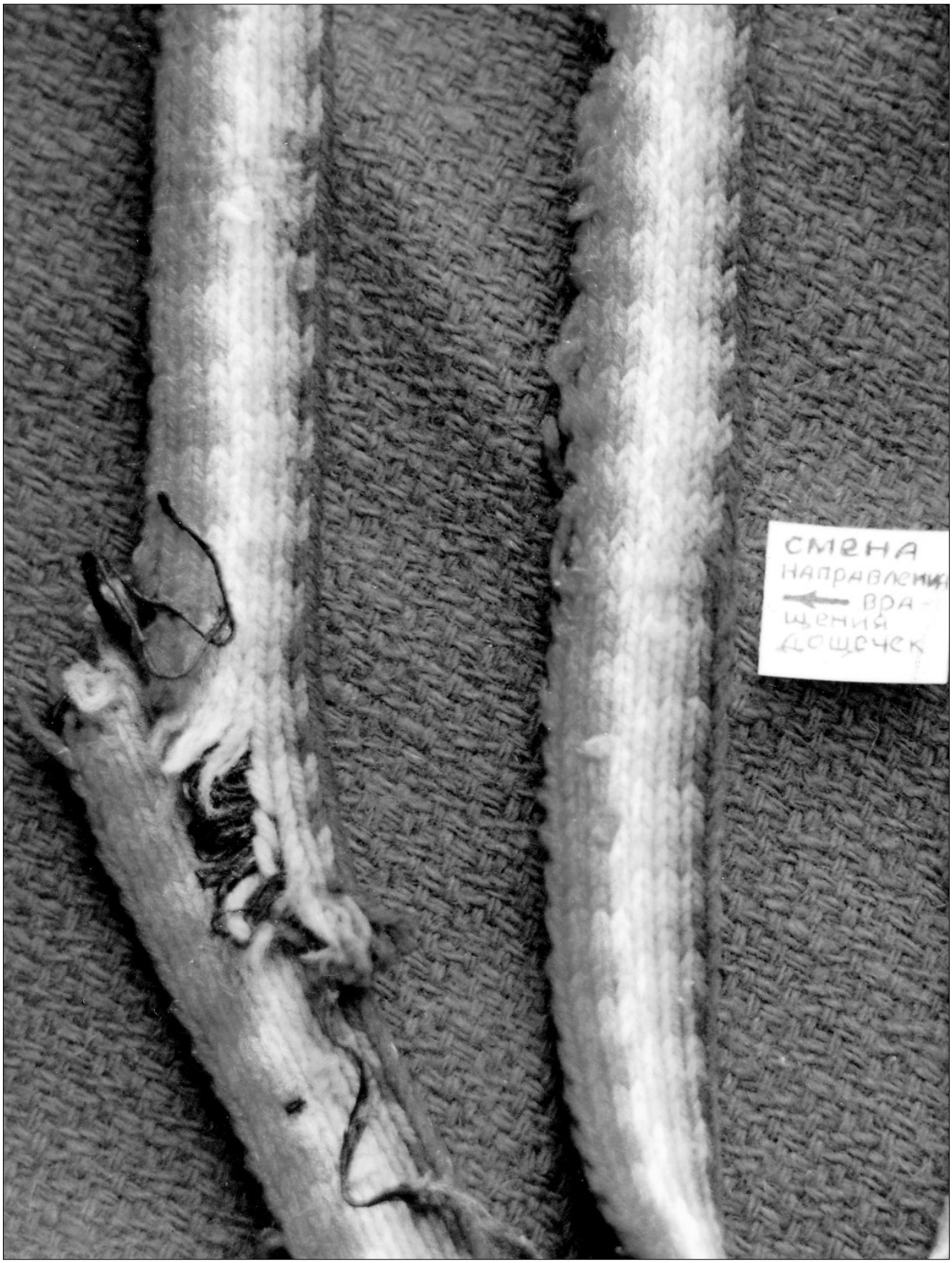
Во время экспедиций по деревням бывшего Вязниковского уезда в 1995—1996 гг. мы также встречали карманы-лакомники. В д. Алешково Татьяна Ивановна Вожжанникова (1917 г. р.) показала карман-лакомник, сшитый из ситцевых клинышков, который ее свекровь носила на шерстяном поясе вишневого цвета (соткан на семи дощечках) с круглым сарафаном из кубового ситца в красный цветочек и с белой рубахой. Одетая так, она ходила до 1925 г. с мужем пешком на богомолье в Муром — поклониться своим святым Петру и Февронии[18].

Старейшая в то время (август 1996 г.) жительница д. Рытово бывшего Гороховецкого уезда Ксения Васильевна Шабанова (1902 г. р.) сообщила, что мать ее, Анна Ивановна Платонова (в девичестве Угодина; 1872—1968), носила разные моленные сарафаны на разные праздники. Отец ее был старообрядческим учителем пения по крюкам. В будни мать носила гладкие сарафаны «на мышках» (узких лямках), на поясе — «сластник», в котором она держала ключи. Лакомник был выложен клинышками на льняной основе.

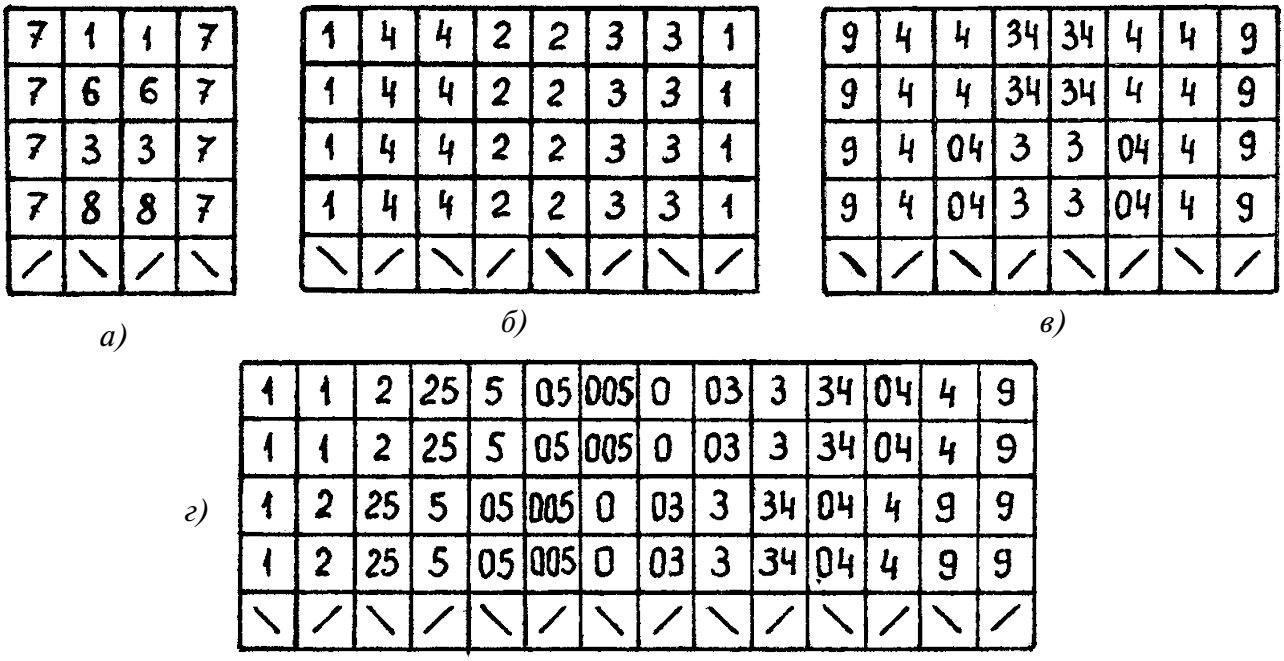
Моленные сарафаны старообрядок обязательно подпоясывались. Поэтому в старообрядческих семьях до сих пор хранятся традиционные женские пояса.

---

[18] *Федорова Г.А.* Карман-«лакомник» // Народное творчество: Студия. 1997. № 5. С. 20—22.

Пояс А.С. Кострюковой, д. Новцо

а) *б)* *в)* *г)*

Схематическая запись снования дощечек для тканья поясов

Условные обозначения:

0 — белый цвет;	5 — розовый;	25 — малиново-розовый;	04 — светлый зеленый;
1 — красный;	6 — синий;	05 — светлый розовый;	\ — наклон дощечки влево;
2 — малиновый;	7 — песочный;	005 — бело-розовый;	
3 — желтый;	8 — серый;	03 — светлый желтый;	/ — наклон дощечки вправо.
4 — зеленый;	9 — темный зеленый;	34 — желто-зеленый;	

При нашем посещении Ксения Васильевна была одета в темные юбку и кофту и опоясана уже сильно истершимся шерстяным пояском, сотканным на восьми дощечках. Полусохранившееся завершение одного из концов пояса дает возможность реконструировать характер бывшего декора. Концы нитей, из которых ткался пояс, туго обвиты малиновой шерстяной ниткой — получился короткий жесткий столбик. На его конце — пестрая кисть. Выше столбика, несколько отступя, были сделаны петлеобразные махры из желтых, красных, зеленых ниток последовательными рядами. Все те же цвета, включая малиновый, — в самом поясе. Они идут продольными полосами. Это самый примитивный расклад цветов по дощечкам. Уток — толстая льняная нить. (*Фото 14 на вклейке.*)

Более интересно соткан пояс Прасковьи Никитичны Фураевой, чей сарафан с набором по спинке мы уже рассматривали. Еще в детстве (1916 г.) подарила ей этот пояс бабушка, которая была родом из д. Медведево. Длина пояса вместе с кистями — около 3 м. (*Фото 15 на вклейке.*)

Еще более сложный расклад цвета — на поясе, подаренном в 1993 г. для освоения технологии ткачества на дощечках Анастасией Степановной Кострюковой (д. Новцо), участницей фольклорно-этнографического ансамбля при Центре традиционной культуры в селе Фоминки. Утком в этом случае служила плотная конопляная нить кубового крашения, т.е. темного синего цвета.

Схематическая запись снования дощечек строится следующим образом: вертикальный столбик из четырех квадратиков — это четыре отверстия в дощечке, в каждое из которых

продевается нить определенного цвета. Число таких столбиков по горизонтали соответствует числу используемых для тканья дощечек. Снизу добавляется еще одна горизонтальная полоса клеточек, в которых наклонные черточки показывают, с какой стороны нити входят в дощечку, в результате чего она наклоняется, соответственно, вправо или влево, когда дощечки собраны в «пакет», а все нити туго натянуты между какой-либо точкой фиксации (забором, деревом, ножкой стола) и талией ткачихи.

Все встреченные в экспедициях пояса представляют собой довольно примитивные варианты крестьянского ткачества, не идущие ни в какое сравнение с виртуозной работой ткачей Конюшенного приказа XVI—XVII вв. Однако поразительным разнообразием орнаментов отличались на рубеже XIX—XX вв. узкие (не более 1,5 см) пояски из тончайших жестких шерстяных нитей, которые ткались на нескольких десятках дощечек в Костромской губернии по соседству с Гороховецким уездом[19]. Большая коллекция таких поясков имеется в фондах Костромского музея-заповедника «Ипатьевский монастырь». Не исключено, что именно монахини и сохраняли на протяжении веков это высокоразвитое ремесло. На некоторых поясах вытканы слова молитв. Крестьянки могли заказывать для себя такие пояса в монастырях.

Продукцией каких-то еще не выявленных промыслов были и довольно широкие (более 3 см) плотные женские пояса из шелка-сырца, выполненные в технике «сложного полутканья». Пояса эти могли быть очень длинными (до 5 м), т. е. обертывались вокруг талии несколько раз: так обычно поступали с праздничными поясами. Их концы украшались обмотанными шелком конструкциями наподобие еловых шишек или золотными кистями, прикрепленными к плоским, хитро сплетенным узлам из золотных шнуров. Такие пояса хранятся во многих музеях России и, в частности, Владимирской области. Удалось встретить пояс из шелка-сырца и во время экспедиции в январе 2001 г. в д. Крутово у Зинаиды Степановны Кочетковой (1922 г.р.). *(Фото 16 на вклейке.)*

Пояс принадлежал ее матери, Клавдии Ивановне Петровой (1899—1995), старообрядке, родившейся в д. Хотиловке и вышедшей замуж в д. Коровкино. До войны в Коровкине был молельный дом. Дед Зинаиды Степановны, Василий Алексеевич Клевцов из Чернышева, пришел в дом и принял фамилию жены. Он пел по крюкам, руководил старообрядческой службой, умер в 1946 г. Бабушка, Матрена Ивановна Клевцова (1860—1941), всегда ходила в сарафанах, на голове носила волосник-«кокуй» на вздержке и ситцевый «крестовый» платок «на покров», скалывая одну из сторон квадрата под подбородком так, что черный крест приходился на уровне шеи и спины.

Еще более характерный «крестовый» платок хранится у Раисы Васильевны Волосовой (1924 г. р.) в д. Борзаково. Ее мать, Анна Васильевна Минеева (1902—1988), бабушка Саломея и прабабушка Наталья были староверами из д. Просье, молиться ходили в д. Гришино. Платок особенно интересен тем, что имеет у кромки печатное клеймо «Тов. Мануф. Ст. Посылина в Шуе».

«Мануфактура Ст. И. Посылина», принадлежавшая четырем сыновьям Ивана Максимовича Посылина —Алексею, Степану, Никанору и Ивану, — была образована в Шуе в 1820 г. После разделов имущества фирма Михаила Степановича Посылина была преобразована в паевое «Товарищество мануфактуры Ст. Посылина» в 1883 г.[20] Следовательно, платок Р.В. Волосовой был произведен после 1883 г.

---

[19] *Смирнов В.И.* Русское узорное тканьё: Костромские пояски // Советская этнография. 1940. №3. С. 92—106.

[20] Русские ситцевые платки XIX — начала XX в. в собрании Сергиево-Посадского Государственного историко-художественного музея-заповедника: Каталог. М., 1994. С. 53—55.

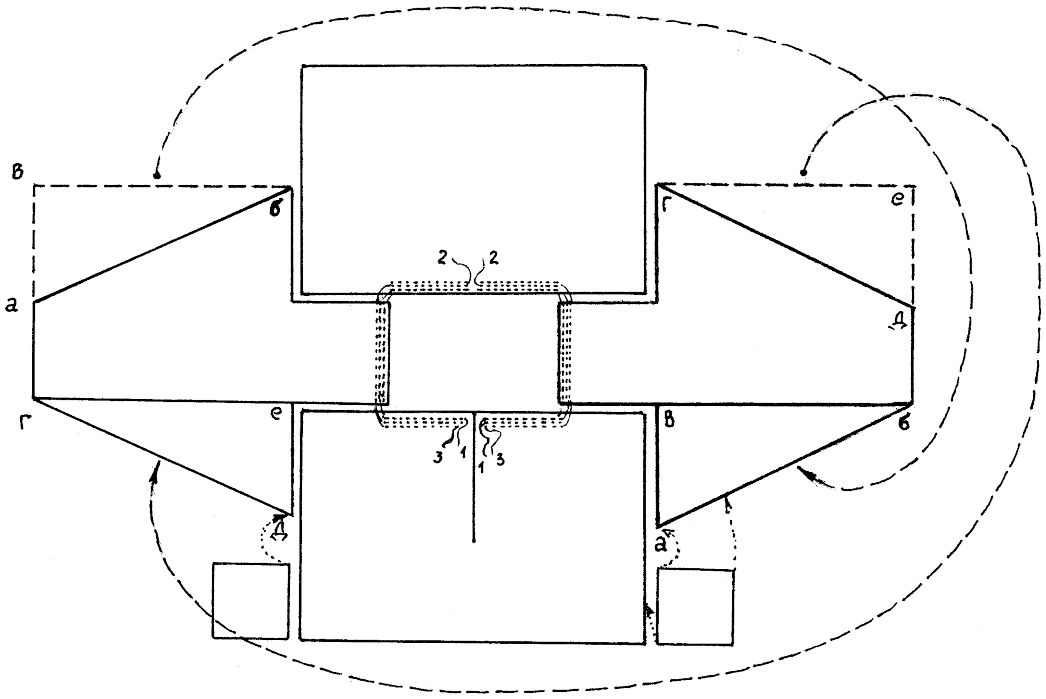

Схема кроя составной рубахи со слитными поликами и узкими к запястью рукавами

Уже упоминавшаяся А.А. Дмитриева (д. Митино) уточнила: в Великий пост носили платки черные с белым скромным узором, а на Пасху — «срядные», т.е. светлые («дымовые», «глинистые») с цветным орнаментом. В «простой» день молились в темных платках с цветочным узором по всему среднику платка. А.А. Дмитриева показала нам платок для «простого» дня. На нем оказалось клеймо «Фабрика Алексея Посылина» в Шуе. Черный платок с белым точечным орнаментом «для поста» мы фотографировали в июне 1996 г. в д. Олтушево на границе бывшего Гороховецкого и Вязниковского уездов. На нем было клеймо «Тов. Мануф. Ст. Посылина в Шуе». «Срядные», т. е. нарядные платки производились в Москве. Платок с клеймом «Тов. Прохоров. Трехгор. Мануф.»[21] мы видели у Ольги Степановны Логиновой (1922 г. р.) в д. Митино. Он принадлежал матери, Елене Васильевне Сосниной (1905 г. р.), взятой замуж в Митино из д. Рудильницы.

Старообрядческая традиция ношения ситцевого платка «на покров», «в роспуск», «по-Богородицыному» подчеркивает его преемственную связь с головным покрывалом XVI—XVIII вв., «покровом»: покрывало если и складывалось, то параллельно стороне (как у невесты на картине М. Шибанова), а не по диагонали.

Преемственность традиций можно обнаружить и в женских рубахах. С другой стороны, для изготовления рубах традиционного кроя с успехом использовались и проникавшие в крестьянский обиход новые материалы. Как и у рубахи-долгорукавки, рукава женских рубах Гороховецкого и Вязниковского уездов XIX в. резко сужены к запястью. При использовании узкого домотканного холста к средней продольной полосе слитнополикового рукава спереди и сзади пришивалось два длинных клина, полученных из разрезанного по диагонали отрезка холста. Основа клина пришивалась к основе рукава, уток — к основе стана. Острый угол доходил почти до запястья. При необходимости дополнительно вставлялась прямоугольная ластовица.

[21] Русские ситцевые платки XIX — начала XX в. ... С. 53—55.

Рукава, украшенные вышивкой «строкою» у запястья и сборкой «куколками» по горловине

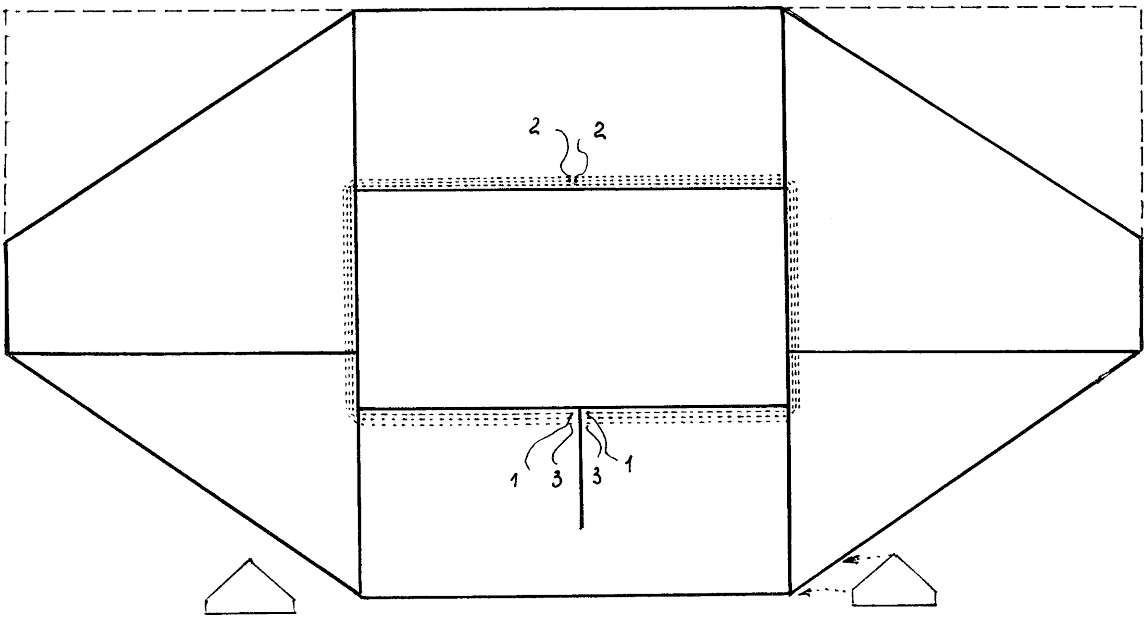

Схема кроя рукавов, суженных к запястью

С появлением доступных по цене покупных материалов (миткаль, мелкоузорный ситец) из них стали делать верхнюю пришивную часть праздничной рубахи — «рукава». Большая ширина ткани позволяла избегать продольного шва сзади на рукаве. Срезанный сзади клин с левого рукава пришивался спереди к правому рукаву. И наоборот. Та же большая ширина ткани давала возможность пышно сосборивать широкие основания поликов. Рукава стали очень широкими вверху, оставаясь узкими у запястья. Пришивная нижняя часть рубахи делалась из грубого холста, по мере надобности отпарывалась, стиралась и пришивалась вновь. Рукава украшались ручной «строчкой» назад иголку цветными шелками по обтачке горловины, запястью, иногда по шву между спинкой и рукавом сзади.

Свадебные рубахи по-прежнему старались шить из холста неотрезными. В понятие «целошная» рубаха вкладывался и ритуальный смысл. Иногда стан таких рубах шили из четырех полотнищ — по одному спереди и сзади; рукава с ластовицами вшиваются в разрезы боковых полотнищ. При наличии более широкого домотканого холста рубахи шили из трех вертикальных полотнищ. Один из швов (правый) попадал в бок, в него вшивали клин и ластовицу. Два других вертикальных шва шли по груди и лопатке. Клин и ластовицу вшивали в разрез третьего полотнища. Свадебные рубахи очень скромно украшались: в качестве обтачки горловины использовали узкую полоску холста с вышитым в технике набора красными нитками традиционным геометрическим орнаментом. Горловина застегивалась на пуговку или завязывалась тесемкой, продетой в две обметанные прорезные петли.

Рукава будничных рубах во второй половине XIX — XX в. шили из домашней пестряди, но для ее изготовления стали использовать уже не лен домашнего крашения, а покупные прочно окрашенные хлопчатобумажные нитки красного, желтого, черного цветов.

Для Гороховецкого уезда конца XIX — первой половины XX в. характерны отдельно сшитые рукава из тонкой белой хлопчатобумажной ткани, украшенные на уровне запястий белой строчевой вышивкой по предварительно разреженной ткани, иногда дополненной коклюшечным или машинным кружевом.

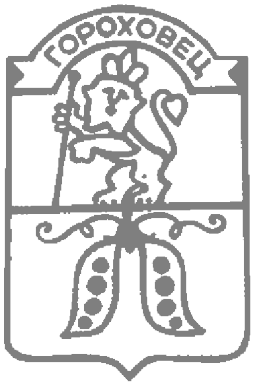
Таковы рукава из фондов Гороховецкого историко-архитектурного музея[22], место бытования которых неизвестно. Очень похожие рукава хранятся в фондах Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге[23]. Они были приобретены во время научной командировки сотрудников РЭМ в 1957 г. в деревне Морозовка. Эти рукава шились без слитно-выкройных поликов. Уток рукава пришивался непосредственно к основе ткани грудки и спинки. В остальном широкие вверху и узкие к запястью рукава кроились так же, как и описанные выше. Оба экземпляра имеют очень широкие горловины (57—61 см), собранные «куколками». Если обычная сборка горловины рубахи делается способом, аналогичным описанному для косоклинного сарафана с тугими сборками на спине (размер стежков 2—3 мм, а расстояние между рядами собирающих нитей — 1—2 мм), то для образования «куколок» собирающие нити должны прокладываться зигзагами. Обтачка в этом случае не используется, «куколки» закрепляются тесемкой или узкой подвернутой полоской ткани, подшитой под сборки с изнанки.

Рассмотрены те немногочисленные предметы одежды, входящие в сарафанный комплекс конца XIX — начала XX в., которые были выявлены в 1905 г. в Гороховецком уезде попутно с почвенными исследованиями А.П. Черным, на границе бывших Вязниковского и Гороховецкого уездов — антропологической экспедицией 1927 г. по Вязниковскому району. Почти три четверти века спустя поиски были продолжены нашими скромными экспедициями. Хочется надеяться, что в далеких от больших дорог деревеньках, еще не ставших полностью дачными, ждут своих исследователей необыкновенные находки.

[22] ГМ № Т — 16.

[23] РЭМ. Колл. 6991. № 5.

УКАЗАТЕЛЬ

Указатель имен собирателей, исполнителей и мастеров

СОБИРАТЕЛИ

1. Алехина Н.Н.
2. Богина Е.Г.
3. Добровольская В.Е.
4. Исковяк А.И. и Исковяк В.Н.
5. Котельникова Н.Е.
6. Крылова Н.Д.
7. Смолицкий В.Г.
8. Фадеева Л.В.

ИСПОЛНИТЕЛИ

1. Абрамушкина Екатерина Алексеевна, 1928 г.р., уроженка д. Малые Голонищи Нижегородской обл., с 1940 г. — с. Шубино.

2. Агуреева Нина Ивановна, 1919 г.р., с. Фоминки.

3. Артеменко Любовь Петровна, 1934 г.р., уроженка г. Тимошевск Краснодарского края, в наст. время проживает в с. Арефино.

4. Бачурина Клавдия Михайловна, 1922 г.р., д. Мстера Вязниковского р-на, с 1948 г. — д. Куприяново.

5. Блюденова Надежда Александровна, 1914 г.р., уроженка г. Баку, с 1921 г. — д. Погост, с 1933 г. — с. Шубино.

6. Бобкова Людмила Борисовна, 1955 г.р., г. Нижний Новгород.

7. Бобкова Таисья Федоровна, 1930 г.р., уроженка д. Березово Ивановской обл., в наст. время проживает в д. Юрово.

8. Боголева Анна Михайловна, 1928 г.р., д. Новые Поташи.

9. Борисова Варвара Ивановна, 1909 г.р., с. Тараново.

10. Буйлова Валентина Николаевна, 1940 г.р., уроженка д. Верхний Ландех, с 1945 г. — станция Гороховец, с 1950 г. — г. Гороховец.

11. Волганова Антонина Борисовна, 1919 г.р., уроженка с. Тихие горы Вандюшского р-на Татарстана, затем проживала в д. Новцо, с 1960 г. — с. Фоминки.

12. Володя, дачник — д. Шубино

13. Воробьева Валентина Петровна, 1926 г.р., д. Полесково.

14. Вуколова Раиса Васильевна, 74 года, д. Выезд.

15. Галкин Геннадий Николаевич (протоиерей), 1939 г.р., г. Гороховец.

16. Галкина Лидия Александровна, 1945 г.р., г. Гороховец.

17. Гоголева Анна Михайловна, 1928 г.р., д. Новые Паташи.

18. Гогулова Прасковья Семеновна, 1917 г.р., д. Баландино.

19. Гомбарова Надежда Борисовна, 1968 г.р., с. Быкасово.

20. Гонявин Дима, 1993 г.р., с. Фоминки.

21. Горшкова Ирина Андреевна, 1929 г.р., уроженка с. Красное (в наст. время часть г. Гороховца).

22. Горькова Ольга Яковлевна, 1911 г.р., с. Фоминки.

23. Горячева Елизавета Григорьевна, 1928 г.р., д. Быкасово.

24. Гребнева Валентина Алексеевна, 1928 г.р., д. Реброво.

25. Губина Анна Васильевна, 1936 г.р., уроженка Починковского с/с Горьковской обл., сейчас проживает в д. Арефино.

26. Гудкова Капитолина Дмитриевна, 1931 г.р., д. Новые Паташи.

27. Данилевич (Чеснокова) Александра Акимовна, 1930 г.р., с 1955 г. проживала в г. Нижнем Новгороде, в наст. время д. Выезд.

28. Демина Анна Филипповна,1928 г.р., с. Фоминки.

29. Дунцева Клавдия Михайловна, 1913 г.р., д. Гришино.

30. Дымза Дарья, 1990 г.р., д. Темирязевка.

31. Егунова Аграфена Степановна, 1918 г.р., уроженка д. Пахотный Усад Нижегородской обл., с 1963 г. — д. Куприяново.

32. Елизаров Алеша, 1988 г.р., с. Фоминки.

33. Ермаков Юра, 1994 г.р., с. Фоминки.

34. Ерохина Лидия Михайловна, 1934 г.р., д. Морозовка.

35. Жильцова Любовь Ивановна, 1907 г.р., уроженка д. Полесково, в наст. время проживает в с. Фоминки.

36. Забегалов Константин Иванович, 1925 г.р., уроженец д. Большая Муромка Верхнеландеховского р-на, с 1946 г. — д. Чулково.

37. Забелин Борис Васильевич, 1930 г.р., д. Быкасово.

38. Забелина Лидия Васильевна, 1935 г.р., уроженка д. Петраково Муромского р-на, с 1957 г. — с. Быкасово.

39. Игнатова Анна Ивановна, 1928 г.р., д. Реброво.

40. Илюшина Мария Ефимовна, 1918 г.р., д. Княжичи.

41. Исакова Александра Ивановна, 1922 г.р., уроженка д. Заозерье, в наст. время проживает в с. Фоминки.

42. Исковяк Александр Иванович, 1958 г.р., с. Фоминки.

43. Исковяк Вера Николаевна, 1960 г.р., с. Фоминки.

44. Казина Мария Ивановна, 1920 г.р., уроженка с. Арефина, в наст. время проживает в д. Морозовка.

45. Караванова Вера Степановна, 1928 г.р., уроженка д. Алешунино Муромского р-на, в наст. время проживает в с. Фоминки.

46. Киселев Юра, 1988 г.р., с. Фоминки.

47. Киселева Анна, 1991 г.р., с. Фоминки.

48. Киселева Татьяна Анатольевна, 1972 г.р., д. Выезд.

49. Климов Дима, 1993 г.р., с. Фоминки.

50. Козлова Анна Анатольевна, 1966 г.р., уроженка с. Быкасово, в наст. время проживает в г. Гороховец.

51. Козлова Анна Григорьевна (прозвище Ракета), 1915 г.р., с. Быкасово.

52. Козлова Галина Семеновна, 1929 г.р., д. Реброво.

53. Колесова Любовь Васильевна, 1933 г.р., уроженка д. Воробьево Нижегородской обл., с 1967 г. — д. Крутово.

54. Копейкина Алевтина Александровна, 1949 г.р., уроженка д. Серково Ивановской обл., с 1952 г. — д. Першино Нижегородской обл., с 1954 г. — г. Гороховец.

55. Корнилова Екатерина Ивановна, 1927 г.р., д. Золотово.

56. Коротков Александр Васильевич, 1946 г.р., с. Фоминки.

57. Кострюкова Анастасия Степановна, 1923 г.р., с. Фоминки.

58. Краснова Зинаида Васильевна, 1935 г.р., д. Полесково.

59. Краснова Клавдия Алексеевна, 1913 г.р., уроженка д. Полесково, с 1969 г. — с. Фоминки.

59А. Круглова Тамара Алексеевна, 1931 г.р., с. Денисово.

60. Кулагина Мария Ивановна, 1929 г.р., уроженка д. Котлово Кадыйского р-на Костромской обл., сейчас проживает в г. Гороховец.

61. Куликов Ефим Ильич, 1910 г.р., д. Баландино.

62. Кулясова Наталья Николаевна, 1932 г.р., уроженка д. Серково Ивановской обл., с 1952 г. — д. Першино Нижегородской обл., с 1954 г. — г. Гороховец.

63. Кухарцева Антонина Ивановна, 1919 г.р., с. Фоминки.

64. Ландехова Прасковья Васильевна, 1918 г.р., д. Зыково.

65. Лаушкина Светлана Владимировна, 1964 г.р., с. Фоминки.

66. Ляшенко Тамара Павловна, 1931 г.р., г. Гороховец.

67. Майкина Алена, 1995 г.р., с. Фоминки.

68. Майкина Лидия Павловна, 1932 г.р., с. Фоминки.

69. Майорова Раиса Ивановна, 1936 г.р., д. Реброво.

69А. Макарычев, 1918 г.р., с. Великово.

69Б. Макарычева Анна, 1916 г.р., с. Великово.

70. Малышева Анастасия Александровна, 1910 г.р., д. Горловка, в наст. время проживает в д. Быкасово.

71. Маркелов Витя, 1993 г.р., с. Фоминки.

72. Мартемьянова Анастасия Васильевна, 1936 г.р., уроженка Починковского р-на Нижегородской обл., в наст. время проживает в д. Выезд.

73. Мартынов Валентин Васильевич, г.р. неизвестен, д. Гончары.

74. Мартынова Нина Ивановна, 1923 г.р., д. Гончары.

75. Маслова Галина Алексеевна, 1942 г.р., г. Гороховец.

76. Материкова Валентина Константиновна, 1935 г.р., уроженка д. Олтушево Вязниковского р-на, с 1940 г. — с. Быкасово.

77. Материкова Валентина Степановна, 1929 г.р., уроженка с. Боровицы, в наст. время проживает в с. Быкасово.

78. Метелкина Надежда Валентиновна, 1957 г.р., д. Чулково.

79. Морозова Валентина Федоровна, 1929 г.р., д. Гончары.

80. Морозова Зинаида Андреевна, 1915 г.р., г. Гороховец.

81. Москатов Сергей Иванович, 1958 г.р., уроженец г. Нижний Новгород, с 1978 г. — с. Быкасово.

82. Мякишева Мария Павловна, 1910 г.р., с. Быкасово.

83. Назарова Людмила Михайловна, 1939 г.р., уроженка д. Солуново, в наст. время проживает в д. Морозовка.

84. Николаева Нина Павловна, 1929 г.р., уроженка д. Липовка, в наст. время проживает в с. Фоминки.

85. Новикова Евгения Ивановна, 1926 г.р., уроженка д. Выезд, с 1949 г. — д. Куприяново.

86. Новикова Людмила Александровна, 1942 г.р., д. Куприяново.

87. Осетров Сережа, 1991 г.р., с. Фоминки.

88. Парамонова Евдокия Григорьевна, 1918 г.р., д. Реброво.

89. Парфенова Елена Сергеевна, 1930 г.р., уроженка д. Ломовка, в наст. время проживает в с. Фоминки

90. Петрова Прасковья Андреевна. 1919 г.р., уроженка с. Азрапино Починского р-на Горьковской обл, с. 1930-х гг. — г. Гороховец.

91. Петушков Коля, 1989 г.р., с. Фоминки.

92. Попик Антонина Максимовна, 1926 г.р., уроженка д. Семеновка Святского с/с Фоминского р-на, в наст. время проживает в д. Михайловское.

93. Прохорова Вера Сергеевна, 1915 г.р., д. Чичерово.

94. Пящина Степанида Георгиевна, 1908 г.р., уроженка д. Новцо Святского с/с Фоминского р-на, в наст. время проживает в д. Реброво.

95. Распругина Екатерина Петровна, 1915 г.р., д. Баландино.

96. Резниченко Таисья Федоровна, г.р. неизвестен, д. Выезд.

97. Рогожина Нина Сергеевна, 1936 г.р., уроженка д. Горловка, в наст. время проживает в д. Чулково.

98. Рухлина Антонина Анисьевна, 1926 г.р., уроженка д. Липовка, в наст. время проживает в с. Фоминки.

99. Садилова Нина Петровна, 1928 г.р., уроженка с. Чуфарово Лукояновского р-на Горьковской обл., с 1953 г. — д. Юрово.

100. Сазонова Ольга Львовна, 1975 г.р., д. Крутово.

101. Сверчкова Александра Карповна, 1924 г.р., уроженка Вязниковского р-на, с 1940 г. — д. Выезд.

102. Сидорова Валентина Ивановна, 1945 г.р., д. Гришино.

103. Сизова Зинаида Ивановна, 1928 г.р., с. Фоминки.

104. Слепнева Вера Матвеевна, 1930 г.р., д. Юрово.

105. Сокова Мария Степановна, 1926 г.р., д. Зименки, в наст. время проживает в с. Фоминки.

106. Соколова Светлана Филипповна, 1964 г.р., с. Фоминки.

107. Стародубцева Татьяна Петровна, 1921 г.р., уроженка с. Тараново, в наст. время проживает в д. Парамоново.

108. Субботин Владимир Васильевич, с. Фоминки.

109. Субботина Альбина Васильевна, с. Фоминки.

110. Суркова Вера Федоровна, 1920 г.р., уроженка д. Княжичи, в наст. время проживает в с. Фоминки.

111. Тарасенкова Татьяна Михайловна, 1921 г.р., уроженка д. Княжичи, в наст. время проживает в с. Фоминки.

112. Тихонов Владимир Викторович, 1960 г.р., уроженец д. Васильчиково, в наст. время проживает в д. Чулково.

113. Усов Иван Тихонович, 1926 г.р., д. Выезд., местный.

114. Устинова Клавдия Михайловна, 1927 г.р., уроженка г. Москвы, в наст. время проживает в с. Шубино.

115. Фомичева Анна Ильинична, 1921 г.р., уроженка д. Вамна, с 1950 г. — д. Чудское.

115А. Форман Александр Николаевич, 1957 г.р., г. Гороховец.

116. Харитонов Геннадий Васильевич, 1934 г.р., д. Юрово.

117. Хлопкина Антонина Александровна, 1922 г.р., уроженка д. Погост, с 1933 г. — с. Шубино.

118. Цветкова Лидия Ивановна, 1939 г.р., уроженка д. Зыково, в наст. время проживает в д. Чулково.

119. Чайкина Анна Васильевна, 1929 г.р., д. Новцо.

120. Чаусова Софья Николаевна, 1931 г.р., д. Юрово.

121. Чеснокова Нина Сергеевна, 1932 г.р., д. Ключово.

122. Чичнева Нина Прокофьевна, 1927 г.р., уроженка д. Кошелиха, в наст. время проживает в д. Юрово.

123. Чугунова Зинаида Александровна, 1930 г.р., уроженка с. Урень Нижегородской обл., с 1950-х гг. — г. Гороховец.

124. Шевчук Ксения, 1991 г.р., с. Фоминки.

125. Шорина Нина Андреевна, 1931 г.р., д. Реброво.

МАСТЕРА

1. Будина Зоя Павловна, с. Фоминки.

2. Ганн Анна Ивановна, д. Чулково.

3. Денижкина Анна Фоминична, с. Фоминки.

4. Евдокимов Михаил Алексеевич, с. Фоминки.

5. Лисенко Евгений, д. Крутово.

6. Мухина Елена Геннадьевна, г. Гороховец.

Подготовка фольклорных текстов по аудиозаписям выполнена Табаковой Н.Е., Добровольской В.Е., Котельниковой Н.Е., Посохой И.Е., Фадеевой Л.В.

Уважаемые читатели!

Готовится к изданию второй том книги
«ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ГОРОХОВЕЦКОГО КРАЯ».
Вашему вниманию предлагается собрание фольклорных текстов, включающее обрядовые, календарные, семейные и необрядовые традиции Гороховецкого района. Разнообразная картина жанров, запечатленная в нотных и словесных текстах, отражает современную ситуацию в фольклоре, сложившуюся на этой территории.
В основу издания положены записи фольклора, сделанные в 2000 — 2002 годах в разных населенных пунктах района.
Записи новейшего времени дополнены историческим материалом середины XIX — начала XX в., собранным в Гороховецком уезде.
Содержательный анализ текстов, предпринятый в первом томе, имеет свое продолжение и во втором томе, обеспечивая единое по замыслу и исполнению издание, которое дает возможность в полной мере оценить подлинное богатство народных традиций.
На конкретном материале раскрываются самобытные черты фольклорного наследия, сохранившегося в центральных областях России, а также динамические процессы и тенденции, связанные с современными изменениями в традиционной культуре в целом.
Выход в свет второго тома издания несомненно имеет практическое значение и рассчитан на всех, кто занимается вопросами поддержания и сохранения фольклорных традиций.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ГОРОХОВЕЦКОГО КРАЯ

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ, АРХИВНЫЕ,
АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Научное издание

Том 1

С о с т а в и т е л и
Варвара Евгеньевна Добровольская,
Анатолий Степанович Каргин

Заведующая редакционно-издательским отделом ***Э.Р. Жукова***
Редактор ***Л.П. Платонова***
Корректор ***Н.И. Кузьменко***
Макет и компьютерная верстка ***И.К. Дергунова, Т.В. Бурцева***
Обработка иллюстраций ***Д.И. Минеев***
Фотографии на обложке ***А.Г. Кулешов***

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 010132 от 29.01.97.

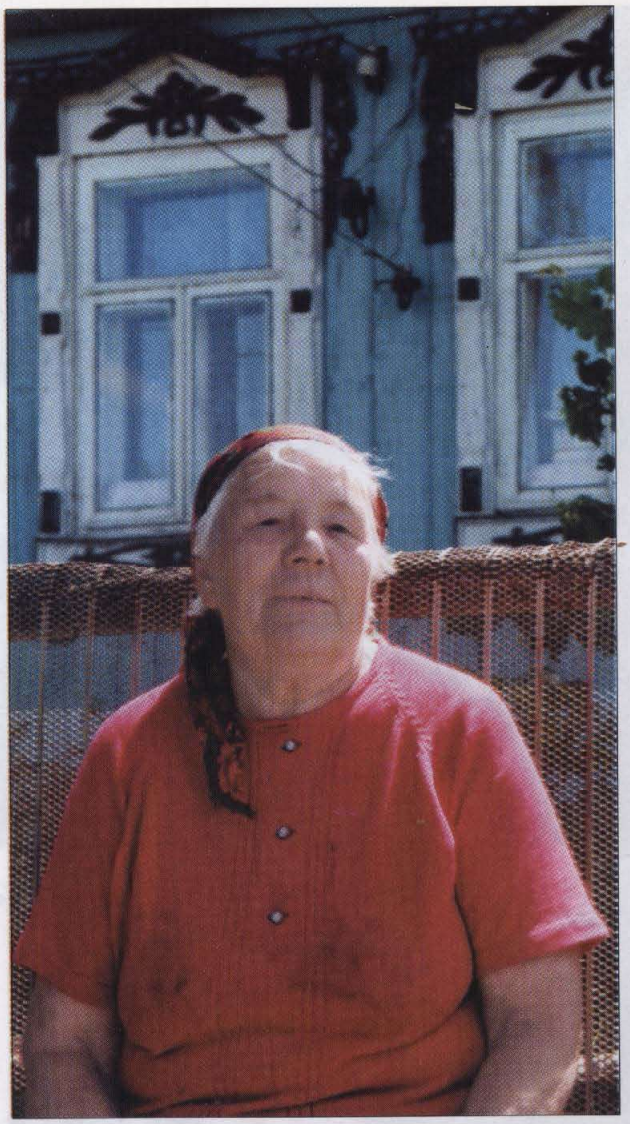
Подписано в печать 15.01.2004 г. Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура НьютонСТТ. Печать офсетная. Объем 24,5 уч.-изд. л.; 23,5 а.л.; 23 п.л. + 1,5 п.л. вклейка Тираж 1500 экз. Заказ

Забегалов Константин Иванович, д. Чулково

Ганн Анна Ивановна, д. Чулково

Абрамушкина Екатерина Алексеевна, с. Шубино

Краснова Клавдия Алексеевна, с. Фоминки

Макарычевы Федор Афанасьевич и Анна Ивановна, с. Великово

Денижкина Анна Фоминична, с. Фоминки

Будина Зоя Павловна, с. Фоминки

Козлов Анатолий Александрович,
с. Быкасово

Гогулова Прасковья Семеновна и собиратели В.Н. Исковяк, В.Е. Добровольская, д. Баландино

Новикова Людмила Александровна, Новикова Евгения Ивановна и Егунова Аграфена Степановна (слева направо), д. Куприяново

Лисенко Евгений, д. Крутово

Евдокимов Михаил Алексеевич,
с. Фоминки

Блюденова Надежда Александровна,
Хлопкина Антонина Александровна,
с. Шубино

Мухина Елена Геннадиевна,
г. Гороховец

Фото 1. Полотенце К.Г. Седуниной, д. Перово

Фото 2. Полотенце Л.С. Львовой, д. Сельцовы деревеньки

Фото 3. Полотенце Н.И. Ледневой, д. Перово

Фото 4. Полотенце М.Я. Старостиной (перешитое в передник), д. Ильина Гора

Фото 5. Полотенце из фондов Вязниковского историко-художественного музея (ВРКМ № 3999)
Сочетание традиционного красного браного ткачества и браного ткачества на верхнем цепу

Фото 6. Полотенце из фондов Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (В № 13140), д. Боровицы

Фото 7. Полотенце из фондов Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (В № 16435/29), д. Чертково

Фото 8. М. Шибанов. Крестьянский обед. 1774 г. ГТГ

Фото 9. М. Шибанов. Празднество свадебного договора. 1777 г. ГТГ

Фото 9 а. М. Шибанов. Празднество свадебного договора. Фрагмент. 1777 г.

Фото 10. Голайка на меху (а — вид спереди; б — вид сзади). Гороховецкий уезд, д. Луполово. Конец XIX в. РЭМ

Фото 11. Легкая верхняя одежда – холодник (а — вид спереди; б — вид сзади). Гороховецкий уезд, д. Луполово. Конец XIX в. РЭМ

Фото 12. Душегрейка. Гороховецкий уезд, д. Луполово. Конец XIX в. РЭМ

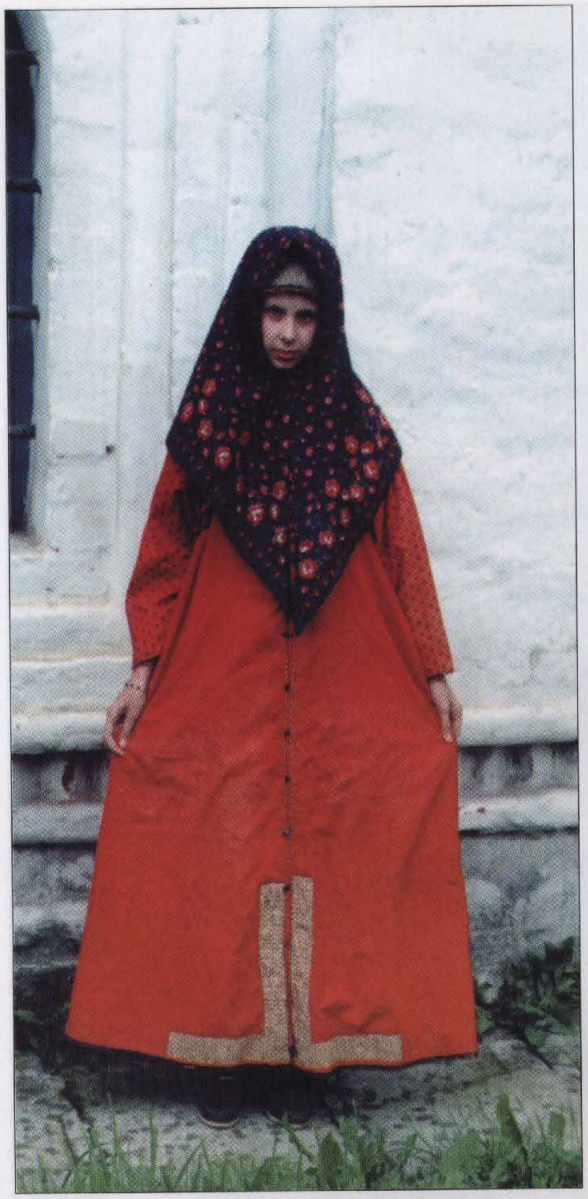

Фото 13. Косоклинный сарафан из кумача (вид спереди и сзади). Гороховецкий уезд, д. Рытово. Рубеж XIX—XX вв. Вязниковский историко-художественный музей

Фото 14. Пояс К.В. Шабановой. Гороховецкий уезд, д. Рытово

Фото 15. Пояс П.Н. Фураевой. Гороховецкий уезд, д. Курбатиха

Фото 16. Пояс З.С. Кочетковой. Владимирская область, д. Крутово